

МАСТЕР ФЭНТЕЗИ №1
НИК
ПЕРУМОВ
ИМЯ ЗВЕРЯ
НОВЫЙ РОМАН В ДВУХ ТОМАХ!

На правах рекламы www.eksmo.ru

**СПРАШИВАЙТЕ В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ: ТОМ 1 - В КОНЦЕ
МАРТА, ТОМ 2 - В КОНЦЕ АПРЕЛЯ!**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:

Юрий ЗАВЬЯЛОВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).
ИД «Любимая книга»,
тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ: «Наша пресса»,
«Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс», «Метропресс» (С.-
Петербург), ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс», «Роспечать»,
«Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак. 603.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных
объявлений.

©«ЕСЛИ», 2011

ФАНТАСТИКА № 4 (216)
ISSN 1680-645X
ЕСЛИ

39 Мария ГАЛИНА

СОЛНЦЕВОРОТ

В убогом городишке у бедной девушки - никакого будущего. Разве что стать принцессой...

177 Марина и Сергей ДЯЧЕНКО

ВКУС СЛОВА

Лесть сладка, утрата горька, иные шутки солоны... Но обитатели этого мира не признают метафор и пробуют все слова на вкус.

3 Елена ВОРОН

ЧУЖАК И РОКОТ

Безвинно пострадать... Здесь это не христианская добродетель, а средство выживания.

95 Наталья РЕЗАНОВА

ВИКТИМАРИЙ

Как утверждает сам автор, в процессе написания рассказа ни одно животное не пострадало.

125 Святослав ЛОГИНОВ

РОДНИЦА

Ни девичий смех, ни морок искусительный не собьют с пути стойкого инока. На то и имя ему - Пётр.

153 Дмитрий КАЗАКОВ

ПРАВИЛЬНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Желания, как известно, тем и опасны, что имеют обыкновение сбываться.

245 Александр ГРИГОРОВ

ЗАБИРАТЕЛЬ

Не путать с мусорщиком - предупреждает автор. Хотя рыться в словесных отходах - занятие на любителя.

138 Ольга НИКИФОРОВА

«У НАС НЕТ ПЕРВОГО СРЕДИ РАВНЫХ»

Иногда сценаристы бывают даже чересчур откровенны.

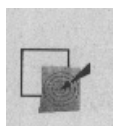
144 Аркадий ШУШПАНОВ

МАГИЯ ЛЮБВИ

И жизнь, и слезы, и... мировая кинофантастика.

141 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Гениальность писателя проверяется временем. И если автора активно экранизируют спустя век - это о чем-то говорит!

263 Николай КАЛИНИЧЕНКО

МИР ИЗРЕЧЁННЫЙ

Уж кто-кто, а фантасты никогда не забывали, что в начале было, есть и будет Слово. А лингвистика - важнейший научный инструмент при создании новых миров.

268 Сергей ШИКАРЕВ

ИСТОРИЯ С ДРАКОНАМИ

Все-таки до чего же ловко и гармонично этот автор умудряется совмещать в одном произведении НФ, фэнтези, фольклорную сказку, философскую глубину и легкость повествования!

271 РЕЦЕНЗИИ

Выбор на все вкусы: классики и современники, известные и начинающие, фэнтези и слипстрим, НФ и фантазмагория.

282 КУРСОР

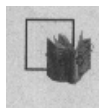
На западном «Оскаре» без перемен.

277 Юрий БУРНОСОВ

ВПЕРЁД В ПРОШЛОЕ!

Писатель поговорил с читателями о наболевшем, а заодно примерил на себя пиджак критика.

284 ПЕРСОНАЛИИ

Удивительно: проводя столько времени в нездешних мирах, они каким-то чудом умудряются оставаться очень земными, в чем-то даже прагматичными людьми.

ЕЛЕНА ВОРОН

ЧУЖАК И РОКОТ

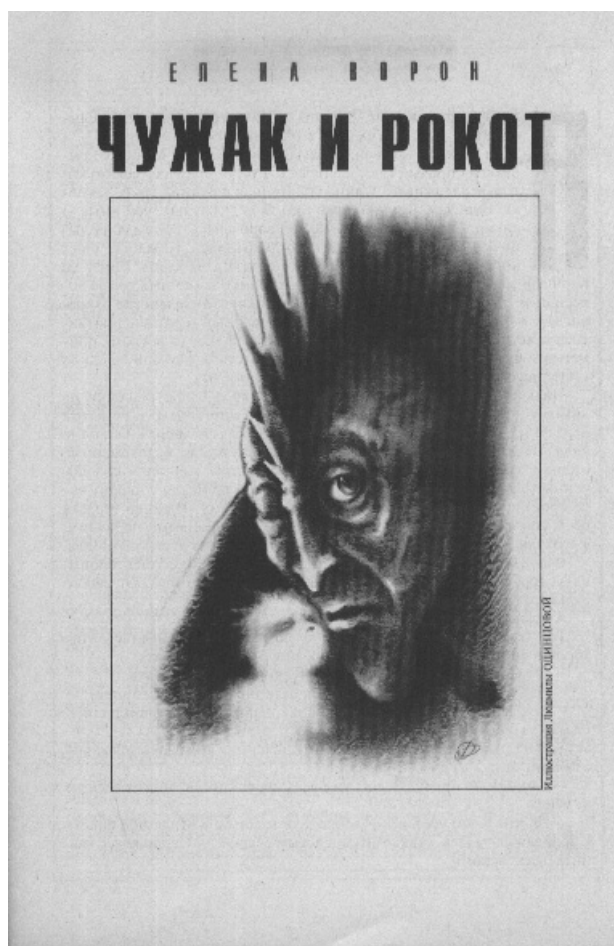

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Плохо быть чужаком. Видишь то же, что и остальные, слышишь не хуже других - да в толк ничего не возьмешь.

Мил потрянул головой. Тяжелая прядь черных волос, закрывающая правый глаз, качнулась. Густая, плотная завеса, которую удерживала у лица спрятанная в буйной гриве заколка. Впрочем, Мил и одним глазом видел лучше, чем иные - двумя. Стоящая рядом толстуха ворочалась,

вставала на цыпочки, тянула пухлую шею, оглядывалась. Казалось, ищет кого-то в толпе, собравшейся поглазеть на казнь. Внизу на площади толклось простонародье, а балкончики каменных домов ломились от нарядно одетых дам и господ. Вокруг Мила многие озирались, словно именно здесь, среди взволнованных горожан, притаилось самое интересное. Ищущие взгляды натыкались на рослого, приметного чужака в богатом плаще, с любопытством изучали его либо убегали в сторону, продолжая кого-то высматривать.

Низкое солнце золотило городские шпили и белые башенки на крышах домов побогаче, тусклым пламенем вспыхивало в немых чердачных оконцах домов победнее. Королевский дворец на холме сиял высокими окнами, словно внутри бушевал пожар; белокаменные стены в закатных лучах горели красным золотом, блистали позолоченные скульптуры на галереях. От городской площади к дворцу вела лестница из светлого камня с тремя террасами. Нижняя терраса была совсем простая, следующая за ней - с затейливыми перилами, а верхняя уставлена по краям огромными чашами из цветного стекла.

Вдали золотились снежные вершины горной цепи. С той стороны, из-за гор, пришел сюда Мил. Убежал от несправедливого. От своего горького горя. А здесь - казнь.

Толпа ждала, волновалась; люди негромко переговаривались. Мил хорошо понимал слова, только не мог разобрать, о чем речь:

- Неваляев-то никого нет! Не хотят, поди, своих казнить.

- Что брешешь? Вон их тетка, под балконом Выш-Стрелицев.

- Ну, сказанул! Это ж Глажеля бабка. Притащилась глаза пялить. Старая, а еще не казнили.

- Э, больно Глажелям надо казниться! От них всего двое и были - старший самый да дочь-горбачка.

- Синики не придут. У них уже всех переказнили, ходить больше незачем.

- Да что ж это дееется?! - вскричала толстуха у Мила под боком. Снова заворочалась, толкая его мясистым бедром. - Скоро вовсе казнить будет некого!

Мил отодвинулся от беспокойной тетки, проверил тощий кошель на поясе: висит себе, как висел, и обережка в нем спит. Ни один воришка еще не польстился. Чуют, видать, что кошель только с виду хорош, расшит золотыми нитями, - а внутри пустей порожнего. Впрочем, десяток тяжелых монет были зашиты у Мила в подкладку плаща.

Толпа вдруг разом охнула, колыхнулась - и стихла. Казалось, весь Велич-город примолк, затаив дыхание.

С холма спускалась процессия: десяток солдат в красно-зеленых мундирах, с алебардами; офицер в красном, с серебряным позументом, при шпаге; за ним - осужденный на казнь, следом - еще пяток солдат. Мил пригляделся. Одет осужденный добротнo, шагает

спокойно, без понуканий. Ни цепей, ни ремней на ногах и руках. И палача не видно. И ни виселицы, ни плахи, ни сложенного костра.

Как же они тут казнят, в столице короля Доброяра?

И за что?

Мил поборол желание отвести от лица прядь волос и глянуть на мир обоими глазами. Не стоит этого делать без особой нужды.

Процессия спустилась на нижнюю террасу. Здесь офицер остановился, с ним рядом стал осужденный. Солдаты построились у них за спиной полукругом.

- Именем короля Доброяра Великодушного, - негромким, скучным голосом начал офицер, - Живомир Бродень из рода Рыболюбов будет предан смерти за жестокое надругательство над принцессой Вернией, совершенное в первый день Ленивого месяца тысячу триста двадцать шесть дней назад. Его вина бесспорно доказана и сомнению не подлежит. Последняя милость была оказана.

Офицер смолк с таким видом, словно выполнил нудную, набившую оскмину обязанность. Осужденный Живомир Бродень цепким взглядом осматривал горожан. Он тоже кого-то искал в толпе, как прежде - они. Благородный старик с окладистой бородой, со сбрызнутыми сединой волосами. Умное лицо, руки явно привыкли к тонкой работе. Похож на часовых дел мастера. Что такое он учудил тысячу триста двадцать шесть дней назад? Надо же, какой у них тут ведется учет... Что здесь считается «жестоким надругательством над принцессой», хотелось бы знать. Наверняка какая-нибудь чепуха, за которую именем Доброяра Великодушного у старика готовятся отнять жизнь.

Не удержавшись, Мил отвел от лица волосы и глянул особым зрением Разноглазых. Светлое Небо! Живомир Бродень ни в чем не повинен. Ни действием, ни помыслом он не оскорбил ни принцессу, ни прачку, ни последнюю нищенку. Мил решительно двинулся вперед, прокладывая путь сквозь толпу. Сейчас он наведет порядок. Остановит казнь, добьется аудиенции у самого короля. То есть у принца, потому что король тяжело болен. Мил - Разноглазый, он имеет право. И не позволит казнить невиновного...

Взгляд Живомира впился Милу в лицо, затем брови изумленно вздернулись, старик заморгал.

Прежним негромким, скучным голосом офицер проговорил:

- Есть ли здесь человек, готовый взять на себя вину Живомира Броденя из рода Рыболюбов и ждать казни до следующего заката?

Мил остановился, не пробившись к лестнице. Лезть вперед расхотелось. Сочтут, что он берет на себя вину осужденного, да бросят в подземелье. А там чего доброго казнят за надругательство...

Молчаливая толпа ожила, задышала, задвигалась. Люди ворочались, тянули шеи - опять кого-то высматривали.

Офицер с утомленным видом ждал; бесстрастно стояли застывшие полукругом солдаты. Тревожный взгляд Живомира метался по лицам сограждан, возвращался к Милу. Дескать, что стал? Иди же, иди!

Мил не двигался. Разноглазые умеют не только видеть особым зрением, но и слышать особым слухом. Сейчас Мил различил чей-то плач - затаенный, безнадежный. А еще -- мольбу о свободе. Или о смерти, потому что смерть означала свободу.

Кто это плачет и молит? Как ни вслушивался, Мил не сумел понять.

- Грохот, - пробежал вдруг по площади говорок, - младший Грохот идет!

Сквозь толпу пробирался некто малорослый. Милу была видна одна лишь макушка, повязанная белым платком. Люди теснились, давая дорогу тому, кто шел взять на себя вину и ждать казни.

Младший Грохот наконец показался весь. Худосочный, кривоногий невеличка, от силы четырнадцати лет. Светлое Небо, ну что за нелепица! Мальчишка, которому 1326 дней назад было лет десять, берет на себя вину за «жестокое надругательство над принцессой». Ох, и порядки в этом королевстве...

Грохотенок прошагал по ступеням, остановился на нижней террасе, перед офицером, Живомиром и недвижимым полукругом солдат. Обернулся.

- Я, - начал он, - Маслен Быстран из рода Грохотов, беру на себя вину Живомира Броденя из рода Рыболобов и буду ждать казни как возмездия за содеянное до следующего заката!

Горожане шумно радовались, дамы на балконах хлопали в ладоши, кто-то свистел. Офицер передал Живомиру полотняный мешочек, завязанный шелковой тесьмой. Своим особым зрением Мил увидел: в мешочке гораздо меньше монет, чем должно быть, причем офицеру отлично ведомо, каким образом горсть серебра усохла по дороге от королевской казни до нижней террасы.

Старик направился вниз, а худосочного мальчишку взяли под стражу и повели наверх. Мила вдруг озарило.

- Они это каждый день проделывают? - осведомился он у соседа - чумазого мастерового.

- Ага, изо дня в день на закате. Уже тыща триста... Чего там? Двадцать шесть раз. Народ у нас добрый, своих в обиду не даст. Вину на себя берут, до казни дело никак не дойдет. А и ладно, - мастеровой усмехнулся. - Опять же, каждого покормят перед казнью. С королевского стола, не иначе! А потом денег отсыплют.

- Мешок, - скрывая насмешку, отозвался Мил. - Только украдут половину.

- Ну, уж без этого не бывает.

Солдаты скрылись на верхней террасе, лучи закатного солнца тускнели, и «пожар» в высоких окнах дворца утихал.

Площадь быстро пустела, на балконах уже никого не осталось. Мил прислушался особым слухом. Снова различил горестный плач: неизвестный тосковал о свободе, молил небо о смерти.

«Кто ты? - мысленно спросил узника Мил. - Где ты?»

Плач тут же стих, мольбы смолкли. Узник не отозвался.

Да уж, верно говорили Милу: королевство Доброяра с причудами. Само королевство крошечное, а причуды в нем велики.

Вздыхнул незванный вечерний ветер и неожиданно принес запах сгоревшего дома.

Не жаркий дух звенящих, подмигивающих малиновыми глазками угольев. Не душноватый запах остывшей золы. Не вонь паленого мяса и костей. Этот запах был чужой, ни на что не похожий. Ни дурной, ни приятный. Так пахло от злым чудом сгоревшего родного гнезда. От дома, где погибли отец и мать Мила.

* * *

Страшная весть докатилась не сразу. Когда Мил примчался из Богатгорода, где учился, в свои Верхние Катинцы, в доме давно уже выгорело все, что умело гореть. Лишь обугленные стены сочлились серым дымком, тут и там их лизали быстрые язычки зеленого пламени. Огонь жил на камне четвертые сутки.

Мил ходил вокруг дома, заглядывал в окна. В то, что раньше было родными окнами - с нарядными ставенками, цветными стеклышками наверху. От этих стеклышек в солнечный день ложились на пол веселые разноцветные пятна... Мил не чувствовал жара от раскаленного камня, не замечал, как серый дым выедаёт сохнувшие глаза. Он переходил от проема к проему, заглядывал в черную пустоту. Все искал: не осталось ли в доме чего? Вдруг да найдется рушник, вышитый матерью, или отцовская кружка с росписью по эмали, или часы с чудесным боем... По стенам перебежали язычки неумеренного пламени - короткие вспышки зеленого. А так - все черно. Ни рушника, ни часов, ни старой любимой игрушки... За Милом ходила тетка Желанка:

- Пойдем, Милушек. Ничего там нет. Пойдем отсюда, голубчик. Умоешься с дороги. Молоком напою... или бражкой... Идем же! Нельзя тут смотреть - глаза сожжешь.

Она тянула Мила за ремень, на котором висели меч и кинжал, без слез плакала. Он тетку почти не слышал. Все смотрел: должно же хоть что-то в доме остаться? Ведь не может быть, чтобы совсем ничего...

Потом он сидел в светлой горнице в теткинском доме, где стены отделаны белой березой, в цвет хозяйкиных рук. Желанка, с короной пшеничных волос, и в сорок лет оставалась красавицей. А мать Мила,

хоть была на два года моложе сестры, казалась ветхой старушкой. Все силы свои отдала сыну; собственную жизнь перелила в ребенка. Родила знатного крепыша, а сама едва не улетела на Светлое Небо. Отец незнамо как удержал - верно, любовью своей, заботой да нежностью. Отец ведь был Разноглазый. Он говорил, с Разноглазыми всегда так: рождаются крупные, сильные мальчики, а матери родами умирают. Редко какая счастливица выживет. Да и то, если вдуматься: что за радость к тридцати годам сделаться никчемной старушонкой?

Мать была счастлива. Она улыбалась сыну, мужу, каждой травинке и ясному дню. В ее глазах - обычных, одинаковых, серых - лучилось солнце. Не в силах делать работу по дому, мать сидела у окошка и вечно шила, вышивала, плела кружева...

Милу ясно представились ее усталые желто-серые руки, седые косицы вокруг головы, тонкая жалкая шея, улыбка на увядших губах. Он едва не взвыл; сдержался, хлебнул браги. Дядя Мирек плеснул еще из кувшина:

- Пей, легче будет.

Он пил, но легче не становилось. Чудилось: в груди засел невидимый нож, и сердце умерло, не бьется, но болит. А вслед за сердцем умирает остальное - слепнут глаза, отнимаются ноги, немеют пальцы рук. Мил глотал брагу и на минуту-другую чуть оживал. Онемевшие пальцы отходили, начинали дрожать. Тогда Мирек подливал из кувшина и уговаривал:

- Пей. Еще пей. Вот так. Хорошо.

- Хорошо, - вторила мужу Желанка, а у самой голос ломался, звенел слезой.

Дети - немалый выводок, пятеро - таились по комнатам на втором этаже. Не вышла к Милу старшая из сестер, не показался старший из братьев. Схоронились друзья детства, словно нет их. Поленились взглянуть на чужое горе, побоялись часть его взять на себя. Мил скрипнул зубами. Он обойдется. Он взрослый и сильный. Он выдержит.

- Дядя Мирек, кто поджег дом?

Желанка с мужем переглянулись, разом отвели глаза.

Мил сжал кулаки. Кулаки у него тяжелые не по возрасту; да и сам рослый, широкоплечий. Не скажешь, что ему каких-то семнадцать лет.

- Кто? - повторил он глухо.

- Никто не знает, - вздохнула Желанка. - Ночью случилось. Все спали. И вдруг - как полыхнет! Зарево выше деревьев, зеленое. Народ сбегался, да толку что? Этот огонь водой не зальешь.

- Они... - Мил запнулся, сглотнул. - Мать с отцом были дома?

Глупо вышло, уж лучше б молчал. Только вдруг пронзила надежда: мало ли, к отцовой родне подались, проведать да пожить денька три. Желанке с Миреком не сказались, тайком отбыли. Дом сгорел, а родители-то и не знают. Вернутся на пепелище... Мил застонал,

опустил низко голову. Не вернутся.

Теткина рука легла на затылок. Желанка горестно повздыхала, затем предложила:

- Идем, постелю тебе. Может, уснешь.
- Спасибо. - У Мила не было сил подняться.

А дядя Мирек кашлянул, словно простуженный, и с натугой проговорил:

- Уходи. Сегодня же. До заката.
- Сдурел?! - поразилась Желанка. - Зачем ты его прогоняешь?!

Дядя Мирек поднялся, навис над столом - кряжистый, грузноватый, с опаленным лицом. Видать, не стоял в стороне, наблюдая пожар в безопасности, слушая крики горящих заживо.

- Мил, послушай меня без обиды. Я не знаю, чем твой отец прогневал поджигателя... не ведаю, кому он не угодил. Но накануне он вернулся из дальней поездки. Сам не свой возвратился - расстроенный, обозленный... И в ту же ночь дом сожгли. Вместе с хозяином и хозяйкой. Остался ты - его сын. Пойми: я не хочу, чтобы и мой дом запылал этой ночью. Беги, прячься. За рекой, за горами, за морем. Уходи, говорю тебе! Поскорее.

Мил ушел. Под жалостные всхлипы Желанки, под виноватое бормотание Мирека, который силился еще раз объяснить все сначала.

Однако он не думал прятаться, как советовал дядька. И не замышлял отомстить, как можно было подумать. Нет: он отправился странствовать с совсем иной целью.

Ведь должны быть на свете, рассудил он, Разноглазые женщины. Такие, чтобы рожали от Разноглазых мужчин здоровых детей и сами не умирали прежде времени. Надо их отыскать. И если получится, взять одну из них в жены.

* * *

Хозяйка гостиницы все сразу заметила: и богатый наряд, и благородную статью чужака, и пустоту в его кошельке. Любезно осведомилась:

- У господина найдется, чем заплатить?
- Да, если в городе есть честный меняла.
- Не пришлось бы вам ночевать на улице. - Хозяйка оценила шутку.

Кликнула: - Разбегай! Поди сюда, шельмец! Проводи господина в девятый номер.

Явился расторопный парнишка в красной блузе и чистых штанах без единой заплаты, повел гостя на второй этаж. Здесь было тихо: постояльцы не буянили, не дрались.

У двери с номером 9 Разбегай склонился над торчащим в замочной

скважине ключом, пошептал, обращаясь к стражу порога, - попросил свободно пускать гостя; затем повернул ключ, открыл дверь:

- Добро пожаловать, господин.

Мил вошел. Разбегай шагнул следом, споткнулся на пороге, едва не упал - спасибо, Мил подхватил, не дал хлопнуться. Парнишка вручил ему ключ:

- Не потеряйте, а то придется платить за новый.

Малец зажег масляный светильник на столе.

Мил огляделся. Чисто, опрятно. Над постелью - некогда роскошный ковер, кровать застлана шелковым покрывалом, в углу комод с ящиками, на нем - кружевная салфетка. Даже зеркало есть на стене, возле умывальника.

- Сюда можете вещи прятать, - указал на комод Разбегай. - Хотя сторожей нет. Делдунь, старый дурак, совсем из ума выжил. Не той им еды положил - сторожа-то и расползлись. А новых прикупить мамка жметя.

Вещей у Мила - заплечный мешок да что на себя надето. Он положил мешок на комод, снял плащ. Меч с пояса отстегивать не стал. Парнишка топтался у двери, не уходил.

- Что тебе? Чаевые потом дам, когда деньги разменяю.

Малец смутился.

- Да я не то. Я спросить хотел. Вы когда-нибудь рокота видели? - произнес он, понизив голос.

- Кого? - не понял Мил.

- Рокота. Настоящего.

- Не довелось.

- У нас есть один, - с гордостью сообщил Разбегай. - Во дворце живет.

- И что он там делает, этот рокот?

- Живет. Ему кроликов дают есть и кур. А когда человека сожрет, тогда улетит.

Не надо было убирать от лица прядь волос, чтобы видеть: парень говорит правду. По крайней мере, верит в то, что говорит. Мил заинтересовался:

- Кто ж ему даст сожрать человека?

- Король, - убежденно заявил Разбегай. - В смысле, принц. Король-то, Добройр наш, давно болен, так принц Властимир за него правит.

О таинственной хвори короля и о том, что страной правит юный наследник, Мил уже слышал. Его задело другое:

- Зачем человека отдавать на сожрание?

- А казнь же. Когда все друг с дружки вину переймут, следующему передать будет некому. Тогда последнего и казнят. Скормят рокоту.

Мил прикинул: в Велич-городе около десяти тысяч жителей, со времени «надругательства над принцессой» отсчитано тысяча триста двадцать шесть дней. Допустим, не все готовы «казниться» - но как ни

посмотри, до настоящей казни остается лет двадцать. За это время любой рокот помрет, не дождавшись обеда. Мил усмехнулся:

- А ну как горожане на второй круг пойдут? Начнут заново на себя вину брать?

- Э-э, то нельзя, - помотал головой парнишка. - Во дворце учет ведут, каждого записывают. Вину берут только раз. А во второй если - так и казнят тут же. Ой, мамка зовет! - спохватился он.

Откуда-то доносилось:

- Разбегай! Шельмец, куда запропал?! А ну поди сюда, мигом!

- Иду! - Он кинулся в дверь. Опять запнулся на пороге, взмахнул руками, вывалился в коридор. Вскочил и поковылял на зов, приговаривая: - Вот же зараза старый Делдунь! Стражиков вовремя не покормит - они и злятся...

Понятное дело: разозлишься, если тебя едой обделят. У Мила тоже давным-давно живот подвело. Он достал из мешка - сухую лепешку и сгрыз ее, не забыв насыпать горсть крошек у двери - стражу порога. Вообще-то их кормят замешанным на пиве хлебом с пряностями; но, может, голодный страж не побрезгует? Обережка в кошеле завозилась, напоминая о себе. Тоже голодная.

Мил положил плащ на колени, кинжалом распорол стежки на подкладке - мелкие, аккуратные, еще мать деньги туда зашивала, - вынул тяжелую монету, в два крупных стежка приметал подкладку обратно. Вроде на место приметал, но получилось криво. Мил любую работу мог делать, а вот шить не приспособился.

Он развязал кошель, сунул туда монету. Почуввав деньгу, обережка успокоилась. Полизет монету - и уснет ненадолго. А Мил ее вскоре покормит, как должно.

Прежде чем выйти из номера, он поглядел в зеркало. Не ради пустого любования самим собой, а для порядку, как отец учил. Из старенького, с осыпающейся амальгамой зеркала глянуло не по годам суровое лицо - загорелое, битое дождем и ветром. Черную гриву не мешало бы причесать, заколка надо лбом скосбочилась и не держала волосы, как надо. Из-под прямых черных бровей глядели два разных глаза: один - темно-синий, как вечернее небо, другой - ярко-зеленый, прозрачный, будто горное озеро. Зеленый глаз Мил прикрывал, чтобы люди не пялились. Не всякий же сведущ, что на свете есть Разноглазые. Тем более не каждый сведущий рад Разноглазого встретить.

Спросив, где найти поблизости менялу, Мил отправился, куда указали. На улицах горели фонари, былолюдно. В трактирах пили-ели, в богатых особняках веселились по-своему: играла музыка, в садах взлетали фейерверки.

Лишь королевский дворец был тих и невесел. Смутно белел на холме под огромным небом с желтыми теплыми звездами; светилось всего несколько окон. Мил принюхался, но запаха сожженного жилья не

почуял.

Дверь в дом менялы распахнулась, едва Мил взошел на крыльцо. Он отшатнулся, и навстречу вывалились трое солдат, кляня прощелыгу на чем свет стоит. Лысый меняла провожал их, благодушно улыбаясь. Видать, знатно обобрал служивых.

- Здравствуйте, господин Жароволь, - учтиво поздоровался Мил, когда солдаты в грохоте подков ссыпались по ступеням на мостовую.

- И вы будьте здоровы, чужестранец, - отозвался меняла, разглядывая его в свете фонаря над дверью. - Желаете войти, господин... э-э?..

- Мил Дружен.

Меняла провел его в крошечную комнатенку под лестницей, где не было окон и чадил вонючий светильник, заправленный самым дешевым маслом. Еще в комнатенке пахло солдатами: потом и табаком.

Жароволь уселся за широкий дубовый стол, указал Милу на шаткий стул для посетителей.

Мил выложил на стол свою монету:

- Сколько дадите?

Меняла скользнул по ней взглядом и принял скучный вид.

- Такие деньги у нас не в ходу, господин Мил... э-э... Дружен. У нас другие по рукам ходят: тири, илары, даже тенгеции. А это...

Мил потрянул головой; тяжелая прядь волос качнулась, и на менялу глянули оба глаза: зеленый и синий. В скверном свете чадного светильника Жароволь мог и не разглядеть их толком, однако тон сменил сразу.

- Оно, конечно, во дворце такую монету примут с охотой, - изрек он глубокомысленно. - И все же...

- Сколько иларов за нее дадите? - перебил Мил невежливо.

- Двадцать, - не задумываясь ответил меняла. - Ну, двадцать пять, - поправился он, когда черная прядь у лица посетителя снова качнулась.

- Двадцать девять... Больше тридцати не могу, хоть режьте!

- Это настоящая золотая дайлана. Она стоит пятьдесят пять иларов, - выговорил Мил негромко, склонив голову набок и открыто глядя на обиралу двумя глазами. - Я столько не прошу.

- Пятьдесят, - неожиданно охрипнув, выдавил Жароволь.

- Хорошо. И еще, будьте любезны, медный грош.

- А он-то зачем?

Мил не стал объяснять, а меняла поостерегся настаивать. Нажав потайную пружину, он выдвинул верхний ящик, выудил оттуда пятьдесят серебряных иларов, пересчитал их, выкладывая кучками по десять монет. Затем пошарил по другим ящикам и отыскал завалявшийся грош - гнутый, позеленевший. С сомнением посмотрел на него, на Мила.

- Вы уверены, господин Дружен?..

- Уверен, - Мил смел в кошель илары, бросил туда же грош - обережке на радость. Ей ни золота, ни серебра не надо - дай медный грош пожевать. Дня за три сгрызет без остатка. - Просветите меня, господин Жароволь, - он поднялся на ноги, показывая, что дела окончены, остался лишь праздный разговор. - Я слышал, будто в королевском дворце живет некий рокот. Что это за зверь?

- Не рокот, господин Дружен, а роккон. О рокконах вы слышали?

- Да, - отозвался Мил, роясь в памяти. - Слыхал какие-то сказки.

- Вот и я, кроме сказок, ничего не слыхал, - буркнул меняла, начиная запоздало раздражаться. Как ловко наглый юнец его облапошил! Заставил отдать пятьдесят иларов за дайлану! Да в придачу грош выклянчил, будь он неладен... - Позвольте, я вас провожу.

На улице Мил с удовольствием вдохнул ночной воздух, огляделся, прислушался слухом Разноглазых.

Холм с королевским дворцом высился черной массой - глухая чернота на фоне звездного неба.

Тот же узник по-прежнему тосковал, надеялся, что смерть не за горами.

«Где ты? - опять спросил его Мил. - Тебе можно помочь?»

На сей раз незнакомец не замкнулся в молчании, отозвался собственным вопросом: «Кто ты такой?».

«Мил Дружен из рода Дальнеречных, сын судьи Любомира Радушня, - сообщил Мил с гордостью. И, подумав, добавил: - Разноглазый». Кому надо, тот поймет.

«Сын судьи?» - переспросил узник - как показалось Милу, с подозрением. ,

«Отец был хорошо известен. Неподкупен и справедлив. Его приглашали решать споры и в соседние села, и в Богат-город, и даже...»

Узник недослушал: «Был?».

«Он погиб».

«Когда и как?»

«Тебе-то что за дело?» - Мил потерял терпение. Сиди лично он в заточении, не стал бы так допрашивать того, кто вызвался помочь.

Узник смолчал. Он молчал так долго, что Мил устал ждать и двинулся в гостиницу. И уже на ступенях крыльца его нагнало неожиданное: «Беги отсюда, сын судьи. Уходи на рассвете».

Мил, конечно, спросил почему. Однако узник больше ни слова не молвил.

* * *

Низкое солнце снова сияло в окнах дворца, золотило городские шпили

и башенки.

Мил явился на площадь загодя, встал у лестницы, ведущей ко дворцу. Он не послушал совета и не скрылся из города, а провел день, пытаясь найти человека, который представил бы его принцу Властимиру. Увы, хотя Мил добился приема у нескольких вельмож, ни один не согласился выполнить просьбу. Станный чужак с полускрытым лицом пугал их. А если смотрел двумя глазами, то пугал еще больше.

Однако Мил твердо вознамерился побеседовать с принцем. Любой ценой.

На верхней террасе показалась знакомая процессия: солдаты в красно-зеленых мундирах, офицер в красном с серебром, осужденный Маслен Быстран. Худосочный мальчишка шагал бодро, радостно. Его отменно покормили с королевского стола, да и положенный мешочек серебряных монет грел душу.

Прошли среднюю террасу, остановились на нижней. Солдаты выстроились полукругом; Маслен Быстран тянул шею, вертел головой, высматривая кого-то в толпе на площади.

- Именем короля Доброяра Великодушного, - скучным голосом заговорил офицер, - Маслен Быстран из рода Грохотов будет предан смерти за жестокое надругательство над принцессой Вернией... - Он слово в слово повторил то, что произносил уже без малого полторы тысячи раз.

Мальчишка забеспокоился. Казнь объявлена. А ну как на смену никто не пришел и его не отпустят? Офицер утомленно продолжал:

- Есть ли здесь человек, готовый взять на себя вину Маслена Быстрана из рода Грохотов и ждать казни до следующего заката?

Толпа у Мила за спиной затаила дыхание. Вот он, незабываемый миг. Вот ради чего люди здесь: увидеть, кто именно пойдет взять вину, кто рискнет.

Мил шагнул на ступень из светлого камня. Ноги легко понесли его вверх.

- Мама, стой! - заверещал вдруг мальчишка, замахал руками.

Мил оглянулся. Позади на лестницу всползла старушка - ветхая, худенькая, не поймешь, в чем душа держится. Она с растерянным видом взбиралась вслед за чужаком - взять на себя «вину» сына.

Сердце Милу резанула боль: до чего похожа на его собственную мать... Он ускорил шаги, как на крыльях взлетел на террасу, стал рядом со скучающим офицером.

- Я, - заговорил он отчетливо, чтобы слова донеслись до каждого, кто готов слушать, - Мил Дружен из рода Дальнеречных, беру на себя вину Маслена Быстрана из рода Грохотов и буду ждать казни до следующего заката. - Он нарочно упустил слова насчет «возмездия за содеянное», потому что ни мальчишка, ни сам он, ни кто другой из присутствующих горожан не содеяли ничего худого против принцессы.

Уж за это сын судьи, Разноглазый, мог поручиться головой.

Получив свой мешочек с серебром - опять украли половину монет! - Маслен Быстран скатился с лестницы, схватил за руку старушку-мать и с ней вместе юркнул в толпу. Мил прислушался. Не сказать, чтобы горожане ликовали. Пришлый выскочка изрядно подпортил ежевечернюю забаву. Это их, горожан, привилегия: брать на себя давно выветрившуюся вину, ждать казни, которой никогда не случится, лакомиться королевским угощением и обретать заветную горсть монет. С какой стати чужак вмешался?

А таинственного узника вовсе не было слышно.

Во дворце с осужденными обращались уважительно; это Мил заранее выяснил. Его привели в караулку у главных ворот и вежливо обыскали, но отбирать было нечего: меч, кинжал и кошель с иларами он оставил в гостинице, а зашитые в подкладку дайланы офицер не нашел.

- О какой последней милости вы просите? - осведомился он. - Можете выбирать: час в королевской купальне, прогулка по саду, два часа в библиотеке или урок фехтования у знаменитого мастера Гаэльяно.

- Я выбираю встречу с принцем. Беседа с ним тоже входит в список последних милостей.

- Для вас - не входит. Вы - человек нездешний.

- Тем более. Мне есть о чем поговорить с его высочеством.

- Не положено, - буркнул офицер. - Вы чужак и не знаете, как строго у нас соблюдают традиции.

Мил уставился ему в лицо обоими глазами.

- Господин капитан, не сообразовали ли сообщить принцу, что я очень хотел бы с ним встретиться?

Офицер засмутился, заежился и вышел из караулки. Пока он отсутствовал, за Милом приглядывали солдаты, добродушно подшучивали, предлагали табак и крепкое местное пиво. Мил благодарил, но отказывался.

Спустя несколько минут офицер возвратился; вид у него был кислый.

- Его высочество согласен вас принять.

Он провел Мила по нескольким крутым лестницам, затем через внутренний двор, где в сиреневых сумерках ярко светили фонари - белые шары на цепях, в золоченой оплетке. Их свет ложился на бронзовые орудия, нацеленные на город у подножия холма. Похоже было, что пушки стоят для украшения, но в случае чего способны успешно расстрелять врага.

Офицер остановился у не приметной двери, вставил в замочную скважину внушительный ключ. Замок был украшен изображением какого-то доброго духа, и скважина служила духу ртом.

«Дурак! - ворвалось в мысли Мила. - Зачем ты сюда приперся?!»

«Мне надо».

Офицер трижды повернул ключ; хитроумный механизм замка запел,

почти как часы с боем у Мила в доме.

Вслед за капитаном взобравшись по винтовой лестнице, Мил оказался в комнате с тяжелыми драпировками по стенам. Над головой висел на цепи огромный светильник с сотней хрустальных плашек. Фитили горели только в шести, но и этого скудного света хватало, чтобы разглядеть стражей возле двустворчатой двери с наборным рисунком. Один был вооружен палашом, другой - пистолем. Из любопытства Мил глянул кругом особым зрением Разноглазых. И за драпировками обнаружил еще двух солдат, вооруженных до смешного маленькими луками. Милу пришло на ум сравнение с комнатными собачками; такие комнатные луки необычайно хороши против неугодных гостей... Сквозь замаскированные проемы в стене лучники наблюдали за соседней комнатой, куда вела двустворчатая дверь. Постучавшись, офицер распахнул ее:

- Ваше высочество, дозволите ввести осужденного?

- Пусть войдет. И оставьте нас, капитан.

В камине пылал огонь. За кованой решеткой гудело зеленое пламя, напомнившее Милу злые огоньки, лизавшие каменные стены родного дома. Его передернуло. Затем он сообразил: огонь самый обычный, но перед зевом камина поставлено цветное стекло. Напротив двери висело полотно, на котором был изображен горящий в ночи город. Дворцы и хижины простолюдинов были охвачены зеленым пламенем, и ночное небо зловеще отсвечивало зеленоватым. В небе носились рокконы - словно злобные демоны, взмывшие над обреченным миром. На кожистых крыльях играли золотисто-изумрудные переливы, длинные хвосты завивались в спирали, на почти человеческих лицах читалось свирепое торжество. Глаза их горели ярче огня внизу: один - желтый, другой - зеленый. Разноглазые!

- Здравствуйте, ваше высочество, - Мил с достоинством поклонился.

Принц Властимир поднялся из кресла, что стояло возле накрытого столика с закусками и вином.

- Добрый вечер, господин Дружен, - отозвался он приветливо, шагнув Милу навстречу. Принц заметно припадал на левую ногу. - Рад, что вы пожелали со мной встретиться. Нынче все норовят ринуться в купальни. По городу пронесся глупый слух, будто вода там целебная, избавляет от любых хворей. - Властимир улыбнулся.

Белокурый, сероглазый, одетый очень просто, чуть ли не в беленый холст.

Принцу недавно исполнилось девятнадцать. Однако он выглядел моложе своего рослого, широкоплечего гостя - пониже ростом, тоньше в кости, с худым, нервным лицом. Когда он умолк, левый уголок рта начал подрагивать. Властимир с явным усилием подавил произвольную дрожь и пригласил:

- Присаживайтесь к столу. Кубок доброго вина украсит любую беседу.

Скинув плащ, Мил перебросил его через спинку кресла и уселся. Властимир неловко опустился на свое место и долго не мог устроиться - видно, донимала больная нога.

- Извольте, - он поочередно коснулся трех пузатых графинов, - вино красное и белое, а это - настойка на горных травах. Отменно хороша, если не увлекаться... Слушаю вас, господин Дружен. Вы хотели о чем-то спросить?

Мил из вежливости налил себе вина, пригубил и похвалил, хотя не распробовал.

- Ваше высочество, на этой картине, - он указал на пылающий город, - рокконы изображены правдиво? Они на самом деле такие?

- Они гораздо гаже. Здесь, я бы сказал, нарисованы благородные демоны. А рокконы... во-первых, у них нет хвостов. Во-вторых, они куда тяжелее и плохо летают. В-третьих, лично я их на дух не переношу, - признался Властимир с подкупающей прямоотой. - Да вы угощайтесь. Берите закуски, сласти.

Мил сюда не ужинать явился. Однако, чтобы не обидеть хозяина, он положил в рот ломтик копченого мяса.

- Рокконы вправду могут сжечь целый город?

- В хрониках таких случаев не описано. Рокконы плюются зеленым огнем, это верно. Но у каждой твари хватает слюны на один дом, не больше. Летописец Химантий весьма достоверно повествует о гибели Белле-Дионе. Позвольте, я процитирую, - Властимир сощурил глаза и заговорил нараспев: - «Они прилетели маленькой стаей. Уцелевшие жители рассказывали про тучу ревущих, извергающих пламя рокконов, которые заполнили небо, однако у нас есть все основания больше доверять словам очевидцев из близлежащего села Рамотани. Его жители видели всего лишь семь или восемь тварей, летевших к городу. Сообразуясь с направлением ветра, рокконы подожгли каменный дворец графа Мильтенарао и деревянные склады в порту, с которых огонь перекинулся на соседние здания. Парализованные страхом жители ничего не сделали для спасения города, и поскольку деревянных строений было много, а ветер силен, Белле-Дионе наполовину сгорел. Вторая половина уцелела благодаря разделяющему город каналу; хоть вода в нем была вонюча и не годна для питья, она сыграла надлежащую роль без участия людей». - Принц закусил длинную цитату персиком и добавил: - Вообще-то рокконы уже давно ведут себя смирно и людям не досаждают. Скрываются в горных жилищах и молятся, чтобы люди о них не вспоминали. Против отряда арбалетчиков им не устоять, они это превосходно сознают.

Мил помолчал, размышляя. Допустим, его дом сожгли рокконы... Чем провинился перед ними отец, почему они рискнули отомстить так страшно? Понимая, что люди могут в наказание известить их подчистую.

Он задал следующий вопрос:

- Ваше высочество, зачем вы держите роккона во дворце?

- Такова воля отца. - Властимир коснулся рукой угла губ, успокоил вновь начавшуюся дрожь. - По правде сказать, мне жаль беднягу. Уж он-то ничем не провинился.

- Тогда почему?..

Принц беспомощно развел руками.

- Он свалился с неба. Ни вечером, ни ночью еще не было, а на рассвете - бац! - роккон на крыше, в саду принцессы. Верняя, его увидев, перепугалась до обморока. Визгу было! Мамки-няньки всей толпой прочь ринулись. Кто от чудища спасался, кто за помощью бежал...

- А роккон?

- Улететь порывался, да крылья не держали. Он поднимался над крышей - и падал. Зрелище было прежалостное. Моя воля - я бы его накормил да и отпустил в небо. Но отец объявил, что роккон нам послан неспроста и должен остаться во дворце. А потом случилось это несчастье с Вернией, и он отлично сгодился для казни злодея. Король так решил - и точка. Для роккона особую клетку смастерили. Она заморской сетью затянута. Он много раз пытался ее сжечь. Подкопит слюны - и плюнет. А сеть поиграет зелеными огоньками, потухнет - и хоть бы что ей. Надежная. - Властимир горько усмехнулся снова задержавшимся ртом. - Я иногда хожу к нему. Навестить. Прощения прошу...

- Отпустите, - Мил подался вперед, отвел от лица прядь волос, глянул на принца двумя глазами. - Ваш отец носит прозвище Великодушный. Заслужите и вы достойное прозвание - Милосердный.

Властимир покачал головой:

- Я не пойду против воли отца.

- Почему?! - вскричал Мил. - Мне говорили: король безнадежно болен, он не приходит в сознание. Но будь он здоров, разве бы он не помиловал пленника?

Чужак смотрел на принца так, как глядят Разноглазые: убеждая не только словами, но и силой собственной души. Однако Властимира убедить не удалось. Вид у принца сделался затравленный и несчастный.

- Я ничего не в силах предпринять, поверьте.

- Ну, хорошо, - вздохнул Мил, отступаясь, - но зачем же казнь? В городе болтают, будто вы дадите роккону сожрать человека.

- Рокконы человечину не едят - только дичь и домашнюю птицу. У нашего, представьте, и нож имеется: он им разделявает кроликов и кур. Целыми не ест, культурный... Отец повелел, чтобы именно роккон казнил злодея.

- Ваше высочество! Полторы тысячи невинных уже прошли через это... и еще будет тысяч шесть-семь. Для чего?!

- Не знаю, - потупился Властимир. - Так велел отец.

Разволновавшись, он налил себе вина, глотнул. Отставил серебряный кубок:

- Лекарь мне запрещает вино. - Плеснув в другой кубок из отдельного кувшинчика, принц сделал неохотный глоток. - Вам я этого не предлагаю, извините.

Густой запах напитка показался смутно знакомым. Впрочем, сейчас Мила занимало другое. Он попросил:

- Расскажите мне о злодеянии.

- Зачем?

- Я попытаюсь понять, что произошло и кто виновен.

Принц улыбнулся - снисходительно, мягко, словно разговаривал с несмышлеником.

- Господин Дружен, виновного и тогда отыскать не смогли. Неужели вы полагаете, что теперь...

- Полагаю, - прервал Мил и даже не извинился. - Мой отец был судьей. Он был наделен даром видеть суть вещей и понимать, что справедливо, а что - нет. А у меня дар дознавателя. Я вижу, кто и в чем виноват. И могу по памяти других людей восстановить картину происшедшего.

- Докажите. В чем провинились двое стражей там, за дверью?

- Четверо, - поправил Мил.

- Их двое. - Принц нахмурился.

- Позовите капитана, который меня привел. Спросите у него.

Властимир тронул рычажок, вделанный в край столешницы; за дверью звякнул колокольчик. Офицер мгновенно явился.

- Капитан Погребец, сколько стражей у двери?

- Двое, ваше высочество.

- А сколько лучников держат меня на прицеле и шпионят за принцем?
- осведомился Мил.

Капитан метнул тревожный взгляд на стену, за которой под драпировками таились солдаты. Отверстия в стене были прикрыты зеркалами, прозрачными с обратной стороны.

- Сколько их? - с нажимом спросил Властимир.

- Тоже двое, ваше высочество, - пробормотал обескураженный офицер.

Принц встал.

- Кто распорядился?

- Начальник дворцовой стражи, ваше висо...

- Убрать! - обрубил принц. Капитан

вышел.

Властимир опустился в кресло, тяжело дыша, как после бега. Уголок рта дергался.

- Шпионить вздумали! А я-то полагал, будто нас не подслушивают.

Он поднял свой кубок с напитком. Внезапно Мил вспомнил, в какой связи он чуял этот крепкий дух: когда отец отдал его в ученики знахарю. Мил много у кого перебивал в учениках - у кузнеца, каменщика, плотника, печника; повсюду он мгновенно схватывал основы мастерства, и отец отсылал его к следующему умельцу.

- Не пейте!

- Что такое? - принц удивленно поднял бровь.

- Ваше высочество, простите, если невзначай обижу. Человеку некрепкого здоровья «отвар воздержания» пагубен.

Властимир залился краской. Поставил кубок. С достоинством проговорил:

- Вы заблуждаетесь. Этот бесценный отвар поддерживает мужскую силу, и его надо принимать каждый день. Мне нужен наследник...

- Не видать вам наследника, если хлебать что ни попадя! - вскричал Мил в запале. - Ваш лекарь - бессовестный враль. Или, скорее, наймит соседнего королевства, которое враждебно вашей фамилии. Хотите знать, каким сбором вас потчуют? Две части сонного корня, три части слабинки и целых пять частей повисухи. А повисуху дают солдатам, когда желают оградить захваченный город от их непотребных забав.

Властимир побледнел. Пальцы сжались в кулак.

- Ты... ты не лжешь?

- На кой ляд мне лгать тебе?

Принц откинулся на спинку кресла.

- Еще ни один подданный не говорил мне «ты».

- Я чужак и не твой подданный. К тому же никакой принц до сих пор мне не «тыкал».

Властимир вдруг захохотал, причем так заразительно, что Мил тоже не выдержал и рассмеялся. Затем принц спросил:

- Как назвала тебя мать?

- Милом. А Друженом назвал отец.

- Чтоб ты был мил женщинам и дружен с мужчинами?

- Именно так.

- А меня мать назвала Снегом. Властимир - чепуха. До власти ли над миром? Свои бы границы удержать; соседи зарятся на наши земли. А снег, говорила она, холодный и чистый, и когда по весне тает, становится водой, дающей жизнь.

Мил подумал. Принц - белокурый, светлоглазый, белокожий. И одет в белое, как будто для того, чтобы полностью оправдать данное матерью имя. Но он не холодный, а теплый.

- Какой из тебя Снег? Ты - Снежик.

- Ты снова прав. Кормилица рассказывала, что умирая, мать просила: «Принеси Снежика, дай взглянуть...»

- Отчего она умерла?

- Родами. Она была заморская принцесса. Красотой славилась

необычайной... и глаза разного цвета, как у тебя.

Мил встрепенулся. Стало быть, Разноглазых женщин надо искать за морем? Вот не пошел бы на казнь - и не узнал бы. А что же сам принц? Потребовалось зрение Разноглазых, чтобы определить: светло-серые глаза принца и впрямь разных оттенков. Один отдает в чуть приметную зелень, в другом - намек на синеву. Однако даже этим зрением Мил не разглядел в принце дара, которым благословенны Разноглазые. От матери не передается, лишь от отца? Или же... Дар в нем убит? Отварами да настояями, которыми потчует его придворный лекарь? А чем тот же лекарь пользуется короля? Какая отравка превратила Доброяра Великодушного в живой труп?

Мил выложил свои догадки Властимиру Снежику. Принц задумался, прижав пальцами подрагивающий уголок рта.

- Вызови лекаря, - предложил ему Мил. - Я в два счета заставлю его сознаться.

«Тогда ты не выйдешь живым из дворца, дознаватель!» - ворвалось в его мысли. Одновременно принц покачал головой:

- Я не хочу, чтобы тебя убили. За лекарем стоят влиятельные люди...

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату вбежала прелестная девушка, закутанная в отрез лиловой ткани, подпоясанная куском черных кружев. Ее темные волосы были заплетены в две косы, стянутые в узел под подбородком; девушка была босая, плечи и тонкие руки обнажены.

- Верния! - Властимир Снежник вскочил. - Опять удрала от нянек?

Мил был настолько изумлен, что не сообразил встать. Покачиваясь и поводя руками, точно в танце, принцесса подошла к брату, прижалась щекой к его груди.

- Это ты... - выдохнула она, отстраняясь.

На пороге возник сконфуженный капитан Погребец.

- Оставьте, - махнул рукой принц.

Капитан прикрыл дверь.

Верния засмеялась негромким шелестящим смехом. И уселась прямо на пол возле Мила. У нее были черные раскосые глаза, подрисованные углем.

- Моя сестра безумна, - с горечью пояснил принц. - Она не вынесла того, что случилось. Ей было тринадцать лет.

Верния потянулась к Милу, обняла за колени. Пропела:

- Это ты-ы...

На нежных плечах он заметил давние, едва различимые шрамы от царапин и ссадин.

- Ты-ы сла-авный...

Милу рассказывали: Верния - дочь короля от второго брака. После рождения ребенка королева Развея растолстела до безобразия и остаток века коротает затворницей, не уделяя внимания ни безумной

дочери, ни больному супругу.

«Зато она тайно правит королевством, на пару с советником Ильменем», - пришла неожиданная мысль, несомненно, подсказанная извне.

- До-обрый... - Верния положила голову Милу на колени; подрисованные глаза мечтательно глядели в стену.

В сильном замешательстве Мил взглядом спросил у принца: «Что делать?».

- Не прогоняй ее. Обычно Верния боится чужих, но ты ей понравился.

Она повозилась, устраиваясь поудобнее. На мгновение Мил рассердился. Принцесса ведет себя, точно продажная девка в кабаке. Уж не наиграно ли ее помешательство? Не водит ли она всех за нос? В здешнем дворце куда ни плюнь - сплошной обман!

Уверенный, что так оно и есть, Мил глянул на девушку зрением Разноглазых, прислушался; иначе бы не посмел. Однако принцесса и впрямь оказалась безумна. У Вернии не было мыслей - лишь смутные желания, ощущения, обрывки воспоминаний. Ей было хорошо рядом с Милом, и это чувство спокойного довольства вызвало образ другого мужчины. С ним ей тоже однажды было хорошо. С ним она испытала восторг, блаженство, исступление страсти. Одурманенная порошком из чуд-корня, потерявшая власть над собой, позабывшая прошлое и настоящее, Верния билась и каталась на постели, кричала: «Еще, еще!», а тот человек, в таком же дурмане безумства, утолял свою похоть, кусал ее нежное тело, рвал кожу ногтями...

Сельский парень Мил задохнулся от омерзения, Разноглазый дознаватель Дружен запомнил лицо негодяя.

Вынырнув из воспоминаний принцессы, он уставился в лицо Властимиру.

- Снежик, если злодей жив, я его найду.

Принц с сомнением покачал головой, прикусил начавшую подрагивать нижнюю губу. Затем вызвал Погребца, приказал увести Вернию.

- Мил, - начал он неловко, глядя в сторону, - я вот подумал... Во дворце не осталось не бравших вину, а приказывать горожанам я не могу. Боюсь, они не вступятся за чужака.

- Эка важность! Купи любого. Утром отправь человека с деньгами; половину - сразу, остальное - потом.

- Я не могу, - тихо повторил принц.

- У тебя что, денег нет? Я дам.

- Не могу... - у Властимира дрогнул голос. - Прости.

«Не уговаривай. Без толку это», - услышал Мил. И не стал тратить слов.

Закатное солнце утонуло в мутных тучах, ползущих на Велич-город с далекого моря. Чаши цветного стекла на верхней террасе были темные, скучные; белые стены дворца стали серыми, золоченые статуи на галереях потускнели.

- Есть ли здесь человек, готовый взять на себя вину Мила Дружена из рода Дальнеречных и ждать казни до следующего заката?

Мил всматривался в толпу на площади. Казнь объявлена. Кто на сей раз пойдет за мешочком серебра?

Шляпки с цветами и перьями, чепцы с оборками, мужские шапки замерли неподвижно. Ни один человек не шелохнется, не оглянется по сторонам. Стоят, как деревянные истуканы. Не торопятся горожане брать чужую вину.

Капитан Погребец откашлялся.

- Если нет человека, готового взять на себя вину Мила Дружена из рода Дальнеречных, объявленная казнь состоится сегодня до полуночи.

Внизу не двигались. Капитан возвысил голос:

- Поскольку не нашлось человека, готового...

- Мама, стой! - завизжали внизу. - Стой, дура старая!

Заволновались шляпки и чепцы, заколыхались мужские шапки.

У подножия лестницы толкались, дергались, боролись. Из толпы выбралась старушка, мать худосочного Маслена Быстрана из рода Грохотов.

- Куда тебя несет?! - заголосил мальчишка, цепляясь за ее одежду. - Стой, говорю!

- Пусти! - она вырывалась. Не старая - просто больная, измученная. - Не дам... Он взял твою вину... Не дам убить!

В висках у Мила застучали болезненные молоточки. Чудовищная нелепица. Он отчетливо видел лицо негодяя, терзавшего одурманенную чуд-корнем девочку. А в темницу рвется безвинная хворая женщина...

- Дура несусветная! - заходился мальчишка, удерживая мать. - Холодно там... спину застудишь, балда!

- Поскольку не нашлось человека, готового взять на себя вину Мила Дружена из рода Дальнеречных, объявленная казнь состоится сегодня до полуночи, - прокатилось над площадью.

Вой Маслена утих. Мил отчетливо слышал, как гулко стучит в груди сердце.

- Идем! - капитан подтолкнул его, разворачивая ко дворцу.

Видно, приказано было никого не принимать чужаку на замену.

Шагая наверх, Мил оглянулся. Внизу переминалась молчаливая толпа, провожала осужденного взглядами. На нижней террасе стояла на коленях та женщина. Маслен, ухватив мать под мышки, тщился ее

поднять; силенок в худосочном теле не хватало. А она, глядя Милу вслед, обеими руками торопливо делала знаки, оберегающие от дурных людей и дорожных напастей.

- Спасибо, мать, - прошептал он.

Обидно, что она не услышит.

* * *

- Последняя милость будет оказана позже, - сообщил в караулке капитан Погребец, оглядывая осужденного.

Изъять было нечего. Поколебавшись, капитан забрал ремень.

- Не положено, - буркнул он, хотя Мил не спрашивал объяснений. И без того ясно: польстился жадюга на искусно кованную пряжку. И вид кислый, словно ему вместо пива уксусу поднесли.

- Что вы такой смурной, господин капитан? - любопытствовал Мил, усаживаясь на лавку, до блеска натертую солдатскими задами.

Погребец мрачно засопел, свертывая изъятый ремень. Караульные солдаты наострили уши. Мил усмехнулся:

- Я вижу, мешочек с серебром для меня вам не выдали. Неоткуда свою долю отсыпать?

- Прекратить разговоры! - вспылил капитан. - Ждать тут! Михель, отвечаешь за подлеца головой!

Означенный Михель подтянулся, оголил палаш. Того и гляди рубанет без приказа. Мил привалился к стене, затих.

За окнами караулки стемнело. Тучи с моря затянули полнеба, но в окно на Мила колко глядели несколько первых звезд.

Возвратившийся капитан привел с собой двух огромного роста гвардейцев. Милу сковали руки за спиной, как настоящему преступнику, и повели куда-то закоулками, узкими коридорами и темными лестницами. Погребец шагал с фонарем впереди, гвардейцы тяжело топали за спиной.

Наконец прибыли.

- Ваше величество, осужденный Мил Дружен, - доложил Погребец, толкнув дверь в комнату, откуда хлынула густая волна благовоний.

- Благодарю вас, капитан, - прозвучал вялый женский голос.

Мила ввели в роскошный будуар. На стенах - малиновый бархат, на потолке - лепнина и роспись, пол застлан шкурой белого тигра. Светильник в виде золотого дерева; листья усыпаны изумрудами, цветы - рубинами. Рядом с ним восседала усыпанная бриллиантами дама.. Она сверкала и переливалась, как гора драгоценностей. Воистину гора - таких толстых женщин Мил отродясь не встречал. Королева Развезя походила на отлично поднявшееся тесто, замешанное ко всемирному пиру - мягкая, рыхлая, словно выпирающая

из огромной квашни.

- Здравствуйте, ваше величество, - Мил коротко кивнул.

Утонувшие в пухлых складках глаза неторопливо его изучали.

- Воистину, - изрекла королева, - такое лицо может быть только у отпетого негодяя и законченного подлеца. Я искренне рада, что его постигнет заслуженная кара. Моя бедная девочка!.. - она всхлипнула, затрясшись телесами.

Во внезапном холодном бешенстве Мил глянул на королеву зрением Разноглазых, услышал ее особым слухом. Узнал такое, что виски повлажнели от пота.

Развея правила страной в свое удовольствие. Правда, помехой был больной муж, который так удачно - не без помощи супруги - захворал, но после упрямо цеплялся за жизнь и никак не помирал сам собой; а проклятый лекарь наотрез отказался готовить настой, который положил бы конец королевским мучениям. Да еще намекал на закон, по которому в случае подозрительной смерти венценосца его вдова и дети отправляются в изгнание. Беззаконие, а не закон. Ни в одном королевстве нет подобной нелепости... А принц чего стоит! Вбил себе в голову, что если закон ему предписывает решать вопросы государственной важности, то решать их в самом деле должен он, принц. Одно Светлое Небо ведает, сколько ловкости и хитроумия надобно, чтобы заставить Властимира подчиниться советнику Ильмену. И как сладко подарить советнику эту страну. Глупую, беспечную страну, которая прямо-таки напрашивается, чтобы ее распродали да расхитили...

Задыхаясь в гнилом болоте чужой памяти, Мил глянул на советника Ильменя. Черноусый красавец, мужчина в самом соку. С глазами разного цвета, что приводит королеву в восторг. Левый глаз - серый, холодный, как грозное небо, а правый - золотисто-коричневый, теплый и ласковый. Мил сглотнул подступивший комок. Уж такой ласковый наш советник! От его ласк это тесто растекается по своей необъятной постели, пузырится, сладко стонет и охает. А ребенок, которого Развея сдуру зачала, неизбежно убьет ее, похотливую жабу, преступницу. Ильмень еще не знает. Ей загодя не сказал; видно, не ожидал от своей горы такой глупости. А плод гнать без толку: Разноглазого не выдворишь из чрева прежде срока, он за мать крепко держится.

- Уведите осужденного, - королева повела сверкающей рукой. - Пусть казнят.

- Последняя милость была оказана, - объявил капитан Погребец за дверь. И добавил совсем по-домашнему: - С казнью надо успеть до полуночи.

- Управитесь, - прозвучал голос Властимира Снежика, и принц выступил из темной ниши окна. - Отведите осужденного ко мне.

Капитан не посмел перечить. Снова пошли закоулками: впереди - принц, за ним - Погребец, Мил и двое гвардейцев. Властимир двигался ходко, припадал на ногу куда меньше, чем две ночи назад.

Добрались до знакомой комнаты с драпировками и светильником с сотней плашек. Сегодня фитили горели только в двух. У двери стояли вооруженные стражи, но за драпировками никто не таился. Проверив, Властимир обернулся к капитану:

- Снимите с осужденного кандалы.

Погребец опустил на пол фонарь и вытянулся во фронт:

- Никак невозможно, ваше высочество.

- Снять! - лязгнул окрик, и капитан подчинился. - Проходи, - принц открыл перед Милом дверь в комнату с полотном, изображающим подожженный рокконами город.

Огонь в камине на сей раз не горел, и королевское угощение осужденному не предлагалось. словно в насмешку на стол была брошена скомканная салфетка с вышитыми королевскими вензелями.

- Прошу, - указал принц на кресло. Поведал, усаживаясь: - Нога болит гораздо меньше. Я второй день пью только воду из колодца для слуг, - он смущенно улыбнулся, - и ем на кухне. Хорошо помогает.

- Я рад. Ты отменишь казнь?

- Я могу тебя помиловать, если Верния возьмет в мужа. Ты ей понравился. Женись.

- Ты спятил.

- Мил, подумай.

- Нет! - Мил вскочил на ноги. - Твоя сестра безумна - это раз. Она умрет, если родит мне ребенка, - это два. И вообще... иди ты к рокконам! Не хватало мне жениться на принцессе.

- Знаешь, многие лишь о том и мечтают. - Властимир был уязвлен, однако постарался скрыть это за шутливым тоном.

Мил решительно помотал головой.

- Отмени казнь. Король болен, и по закону ты имеешь право.

- Я не могу. - У принца задергался уголок рта.

- Меньше надо было пить всякой дряни. - Мил наклонился над ним, взял за плечи. - Снежик, опомнись. Ну что сделать, чтоб ты окончательно стал человеком?

- А кто я сейчас?

- Безвольный слизень.

Мил тут же пожалел о том, что ляпнул, но сказанное из чужих ушей не вынешь. Принц побледнел так, что лицо сделалось пепельным.

- Не упрекай. - Он мучительным усилием пытался подавить дрожь в лице. - Мне было *шептано*: роккона можно отпустить, лишь когда казнь состоится. Я не могу нарушить... никто не может.

Вот оно как. *Шептано*. Мил слышал о таком: человека поят особым зельем, а после с особыми приговорками нашептывают нужные слова.

Так можно девку к немилому присушить, любящую жену от мужа увести, душевную боль излечить или честного работягу послать на дурное дело.

Он прошелся по комнате. С невеселой усмешкой предложил:

- Давай я тебе обратное нашепчу. Я умею. Вот послушай:

*Снежик, Снежик, мой дружок,
отпусти роккона в небо,
осужденных - за порог...*

- Не смейся, - попросил Властимир. - Мил, у меня был учитель... я любил его больше родного отца. Когда это случилось с Вернией, преступника сначала искали во дворце. Это потом уже вину начали брать горожане, а поначалу перебирали своих. Гвардейцев, слуг, камердинеров... всех. И их тогда отправляли не в темницу, а сажали прямо в клетку к роккону. Клетка разгорожена решеткой, так вот, за этой решеткой и сидел человек. Ну, чтобы роккон ненароком его не порвал бы когтями, но мог плюнуть жгучей слюной.

- Светлое Небо, зачем?!

- Отец сказал: мудрый роккон узнает, кто преступник, и накажет его. Капля слюны убьет не хуже стрелы, пущенной из арбалета. Она прожигает тело насквозь.

- И что же?

- Роккон так и не выбрал злодея. Хотя мы все у него перебивали.

- И ты?

- Я тоже. Так вот, я про учителя начал. Когда до него дошла очередь, отец уже лежал без памяти, и королевством правил я. Господин Вольфганг умолял не сажать его в клетку... валялся у меня в ногах, плакал. Любую кару готов был принять, лишь бы не в клетку. Роккона он боялся до судорог - с самого начала, едва тот у нас объявился. Не поверишь: я бы за Вольфганга жизнь отдал. Но отменить казнь... изменить ее ход не смог. Ночью у него сердце схватило, он от боли криком кричал. Я был рядом. У меня были ключи! И я не мог отпереть замки и выпустить его... и роккона. Видать, в наказание меня хромота поразила и это, - принц коснулся подрагивающего рта. - На следующий вечер я взял на себя вину Вольфганга. Это не помогло, конечно. Через два дня он умер. А казнь продолжается до сих пор. И пока она не состоялась окончательно, я не...

- Снежик, - прервал Мил, - учитель Вольфганг был голубоглазый, светловолосый, черные брови «домиком», курчавая борода. И мизинец на правой руке без первой фаланги.

- Верно, - подтвердил удивленный принц. - Откуда ты знаешь?

- Я увидел его в твоей памяти. И в памяти Вернии - тоже. Это он одурманил ее порошком из чуд-корня и надругался. И сдох от страха перед возмездием.

- Сущий вздор. Вольфганг был честнейший, тишайший... Человека

порядочнее его не сыскать.

- Ты не веришь Разноглазому дознавателю?

- Но ведь роккон его не казнил.

- Мало ли, отчего не тронул. Может, как раз потому, что Вольфганг сам помирал, от сердца.

- И чуд-корень ему взять было негде, - стоял на своем принц, защищая учителя. - Да Вольфганг вообще не посмел бы подступить к принцессе!

Мил развел руками, сдаваясь.

- Значит, чуд-корень был у Вернии. Она сама соблазнила учителя.

- Не смей оскорблять мою сестру! - Властимир хватил кулаком по столу; на нем что-то брякнуло, за дверью отозвался колокольчик.

Капитан Погребец немедленно явился на пороге:

- Увести осужденного, ваше высочество?

Принц сдернул со столика мятую салфетку. Под ней оказались ручные кандалы - тяжелее и страшнее тех, в которых Мила привели сюда. Цепь отливала синевой вороненой стали, два широких кольца были украшены гравировкой.

- Наденьте на осужденного королевские кандалы, - приказал Властимир.

Сохранив бесстрастное выражение лица, капитан ухитрился всем своим телом задать немой вопрос: «ЗАЧЕМ?!».

Принц снизошел до объяснений:

- В свое время я сам провел в них ночь. Пусть и он... тоже.

Капитан покосился на кандалы, на Мила.

- Не больно ли много чести, ваше...

- Выполнять! - рявкнул принц.

- Как будет угодно вашему...

- Молчать!

Погребец завел Милу руки за спину, замкнул кандалы.

- Ведите.

Отправились: капитан с фонарем, Мил, два гвардейца. Принц на казнь не пошел.

Спустились по винтовой лестнице, вышли во двор с белыми шарами фонарей и нацеленными на город орудиями. Обогнули здание, пересекли сад, где под ногами похрустывал песок на аллеях, а деревья раскинули над головой непроницаемо-черный полог. Свет фонаря, который нес Погребец, позволял увидеть скульптуры из белого мрамора.

Клетку с рокконом от сада отделяла каменная стена с окованной железом дверью. Капитан отворил дверь, петли взвизгнули, словно объявляя о визите. Судя по напряженной спине, Погребцу было изрядно не по себе. Роккону ничего не стоит плюнуть в любого, кто приблизится к клетке. Капля слюны прожжет тело насквозь...

Где-то начали бить часы. Мил считал удары: четыре... восемь... одиннадцать. Казнь должна состояться до полуночи. Времени навалом.

Из темноты блеснула сеть, натянутая на клетке: множество острых белых огоньков. В клетке шевельнулось что-то большое и жесткое.

- Осужденный доставлен, господин роккон, - пробормотал капитан Погребец. - Его величество просит вас привести в исполнение приговор. - Он отомкнул висячий замок, отворил низкую дверцу. - Входите, господин Дружен. - Капитан подтолкнул Мила, желая поскорее закончить дело и избавиться от опасного соседства.

Нагнув голову, Мил вошел. Дверца лязгнула, закрывшись; в замке дважды повернулся ключ.

- Всего хорошего, господин Дружен. Будьте здоровы. - Капитан с гвардейцами устремились прочь.

Из темноты на Мила смотрел желтый глаз. Спустя минуту раздался тяжкий вздох.

«Допрыгался», - мысленно сказал роккон.

«И не жалею», - отозвался Мил, напрягая скованные за спиной руки. Два слабых звеньшка легко разошлись, цепь отвалилась от колец на запястьях. Спасибо Снежику за «королевские» кандалы.

Мил шагнул к разделяющей их с рокконом решетке, взялся за холодные прутья. Посмотрел на пленника зрением Разноглазых.

Коричневый с бронзовым отливом, с поперечными пластинами на груди, точно латник. Роккон сидел на полу, как человек, обхватив колени когтистыми лапами, и опущенные крылья прикрывали его, словно плащ. Морда... нет, пожалуй, лицо - лицо не было ни человеческим, ни звериным. Узкое, вытянутое вперед, от носа вверх через лоб шел частый гребень костяных шипов. У роккона в самом деле оказался только один глаз, светящийся желтым. Левая пустая глазница была прикрыта жесткой чешуйчатой кожей.

«Как тебя зовут?»

«На твоём языке мое имя значит «шум, грохот».

«Рокот, - обрадовался Мил. - Правду говорят, будто рокконы и Разноглазые - дальние родственники?»

«Они дети одной матери, Дурынды, - ответил недовольный Рокот. - Умники рокконы народились от отца Дурмалая, а Разноглазые олухи - от отца Обалдуя. Вот и встретились братья в клетке».

«А правда, что рокконы могут раз в десять лет обращаться людьми?» - не отставал Мил.

«Рокконы превращаются в дураков. А после затевают лететь над королевским дворцом, спяну цепляются за шпиль, падают на крышу и ломают себе крыло».

Мил не сдержал усмешки.

«Смейся вволю! - вскипел Рокот. - Обхохочешься, когда посидишь

тут...» - он запнулся, тяжело вздохнул.

«Прости, - сказал Мил покаянно. - Как нам отсюда уйти? Ты придумал?»

«Чуть только состоится казнь, принц освободится от *нашепта*. Сможет открыть клетку».

«А без казни не обойтись?»

«Я четыре зимы пытался».

«Почему же ты не казнил учителя Вольфганга?»

«Он и без меня помирал. Хрипел, держась за грудь, звал лекаря».

«Однако Вольфганг терзал принцессу».

«Знаю. Но это случилось с моей помощью. Виновен я».

«Ты шутишь?!»

Роккон засмеялся. Слухом Разноглазых Мил услышал горький, на всхлипе смех, обычным слухом - громкое шипение.

«Поняв, что сам освободиться не в силах, я договорился с принцессой. Рассказал ей, на какой клумбе садовник выращивает чуд-корень для королевы; без чуд-корня этой туше ничего не надо, она без него даже есть не может. Я объяснил, как высушить корень и стереть в порошок; рассказал, какую малую щепотку взять... Мы условились: когда она всласть натешится с человеком, который ей нравится, но на нее взглянуть не смеет, тогда она выкрадет у Властимира ключ и отопрет клетку. Юная дурочка все поняла, все запомнила. И вдвоем с Вольфгангом нанюхалась чуд-корня до безумия. Дальше ты знаешь, что было».

Мил выпустил прутья, развернулся, привалился к решетке спиной. Кругом было темным-темно, ни единого проблеска,

«Рокот, - снова начал он, - если ты сумел договориться с принцессой, почему не объяснил все принцу?»

«Я могу общаться с Разноглазыми. С тобой, с советником Ильменем... только он не желает иметь дело с рокконом. А принц меня просто не слышит. Его дар спит».

«А Верния?»

«Она - женщина. К тому же юная, почти ребенок. Очень постаравшись, я сумел до нее докричаться».

«Лучше б докричался до меня», - печально заметил Мил, жалея принцессу, Вольфганга, роккона.

«Ты был далеко. - Рокот шевельнулся, скрипнул жесткими крыльями. Предложил: - Хочешь вина? Принц носит угощения. Фазанов, сласти, вина. Будешь?»

Мил ничего не хотел, но согласился на вино, чтобы не обидеть хозяина. В темноте о металл звякнуло стекло. Он нащупал поданную рокконом бутылку, выдернул пробку, принялся.

«Настойка на горных травах?»

«Она самая».

Мил отпил из горлышка. Властимир не солгал: настойка была отменно хороша. Помня совет не увлекаться, Мил сделал второй глоток и поставил бутылку на пол.

«Принц меня каждый день навещает, - сообщил Рокот. - Слуги боятся, а он - нет. В клетке я сам прибираюсь, а он поганое ведро уносит, старое сено. Воду таскает через весь дворец, из какого-то Серебряного фонтана. Уверяет, будто целебная... Новости дворцовые рассказывает. Без него я бы совсем пропал. Он мне даже дружку свою подарил. Хочешь взглянуть?»

«Покажи».

Зрением Разноглазых Мил увидел прозрачное, светящееся голубоватым существо, похожее на бесхвостого, безухого зверька. Дружка с интересом смотрела на Мила синими огонечками глаз.

«Она поначалу тосковала без принца, - продолжал Рокот. - Он у нее прощения просил, уговаривал: дескать, роккону ты нужнее, он совсем один в клетке... Привыкла. Хочешь потрогать?» - Он подцепил дружку когтистой лапой и поднес к решетке. Дружка забеспокоилась, голубоватое свечение затрепетало. «Не бойся, он - свой», - сказал роккон, и она притихла, лишь синие огоньки глаз вспыхнули ярче, когда Мил осторожно ее коснулся. От дружки исходило уютное тепло, чувство покоя и защищенности.

«Рокот, это не простая дружка. Снежик тебе хранителя жизни отдал. Зверь редкостный и стоит сундук денег. Такой не у каждого короля бывает».

«Хранитель жизни? То-то я смотрю: никак не сдохну, - огорчился роккон. - Мил, у меня есть просьба. Выполнишь?»

«Нет!» - Мил почуял неладное.

Рокот притворился, будто не слышал.

«Я устал так жить. И принца жалко: он с этой казнью и нашептом на человека не похож... Мил, роккона можно убить стрелой из арбалета либо ударив ножом в глаз. Я дам тебе нож. Убей».

«Твоя дружка-хранитель мне глотку перегрызет», - ответил Мил. Это было совсем не то, что он хотел сказать.

«Я ей велю не мешать. Подержу ее, а ты ударь. Только быстро. Я сам уже пробовал - без глаза остался. Ножом ткнул - а глубоко, чтобы в мозг вошло, не сумел. Больно слишком... Или дружка помешала».

«Нет, брат. Не проси».

Рокот сунул дружку себе под крыло, и ее голубоватое свечение потухло.

«Мил, ну подумай сам! Если казнь наконец состоится, ты будешь свободен, я - свободен, принц - свободен. А иначе тебя здесь убьют, Разноглазого. Ты успел слишком многое разоблачить, дознаватель».

«Нет», - отрезал Мил. И ничего не стал объяснять, погасил особое зрение.

Остался гореть единственный желтый глаз. Не видимые в темноте длинные когти легли на плечо, укололи даже сквозь толстый плащ.

«Я сжег твой дом. Погубил мать и отца».

Мил невольно отшатнулся; когти сжались, захватив ткань плаща.

«Что ты брешешь?!»

«Я беру на себя вину своих братьев, - ответил роккон. - Когда моя семья решила, что я уже наказан сверх меры, они обратились к твоему отцу. С просьбой прибыть сюда и уговорить Принца выпустить меня на свободу. Посулили щедрую плату. Но твой отец, когда узнал все обстоятельства... он...»

«Отказался?»

«К несчастью. Сказал, что не рискнет иметь дело с безумной королевской семьей и рокконами одновременно. И уехал. Мать с отцом были неутешны, братья - в бешенстве. Полетели за ним. По нашим законам, пока ты не разорил гнездо врага, твой враг жив. Они спалили гнездо. Мил, отныне их вина - моя вина. Убей». - Когти другой лапы вложили Милу в руку нож. Простой кухонный нож с деревянной ручкой.

Желтый глаз горел в темноте совсем близко. Когти отпустили плащ, чтобы Милу было удобно замахнуться.

«Ударь!» - приказал роккон. Голову пронзила страшная боль. «Ударь - и тебе станет легче!»

От боли зашлось сердце. Мил попятился, отбросил нож. Наткнулся спиной на сетку, сполз на пол, скорчился, ладонями сжал виски.

Роккон закричал - тонко, пронзительно. Крик, вой и свист смешались, ввинтились в разламывающуюся голову. Мил чуть не умер от боли.

- Рокот, - он сам себя не слышал, - мой отец... судья... раз в жизни рассудил неверно. Я не... не повторю его ошибки.

Крик смолк, боль в голове погасла. Милу казалось, что он ослеп и оглох, - так было темно и тихо. Желтый глаз не светился.

- Рокот? - цепляясь за сеть, Мил встал. Закричал мысленно: - «Рокот!»

Вернувшись особым зрением увидел: роккон лежит на полу, уткнувшись лицом в сено, жесткие крылья нелепо топорщатся, дружка-хранитель беспомощно тычется мордочкой в голову с гребнем шипов. Умер? Не может быть! Мил просунул руки сквозь прутья решетки, дотянулся до откинутой в сторону лапы.

«Рокот! Что ты, дружище? Очнись, брат...»

Он звал роккона - мысленно и вслух, тормошил безвольную лапу. Умер. Как же так? Почему?! Дружка оставила хозяина, подобралась к Милу, ткнулась мордочкой в шею. От ее теплого касания у него вдруг иссякли силы. Мил уронил руки, остался сидеть, прижимаясь лицом к холодным прутьям решетки.

Внезапно дружка подскочила, зашипела - и юркнула под крыло роккону. Мил заозирался, чутко вслушиваясь.

Неподалеку мягко спрыгнул наземь человек. Зрением Разноглазых

Мил отчетливо видел все вокруг - стену, калитку в ней, какие-то чахлые кустики. А пришельца разглядеть не мог. И услышать его намерения - тоже.

Это - Разноглазый, который не желает, чтобы Мил его видел и слышал. Сам Мил такого не умел; отец не успел научить.

Он огляделся. Под ногами - бутылка с настойкой да кухонный нож. Жалкое оружие, когда не видишь противника, а сам в клетке как на ладони.

Крадущиеся шаги приблизились: Мил видел, как под ногами пришельца сминается невысокая трава.

- Напрасно таитесь, господин Ильмень. Я знаю, где вы.

- Вижу, казнь у вас уже состоялась, - раздался холодно-насмешливый голос. - Вы победили роккона, уважаемый?

- Победил, - солгал Мил с достоинством вельможи.

- Ну, тогда мне работы осталось немного.

Мил бросился на пол, откатился к стене; подумать ни о чем не успел, просто бросился. Да что толку метаться в таком курятнике?..

Он ожидал услышать, как свистнет стрела, запоет, вонзившись во что-нибудь. Вторая стрела уже вопьется в тело.

Вместо этого советник Ильмень хрюкнул, закричал.

- Что за... Пошел вон!

В воздухе дергалась светящаяся дружка. Мил не видел Ильменя, но дружка явно сидела у советника на руке и не давала стрелять. Хранитель жизни, которому про Мила сказали: «свой».

Кухонный нож не годился в метательные клинки. Мил подхватился с бутылкой в руке, просунул ее сквозь крупную ячейку сетки. Примерился. До чего неловко - не размахнешься толком... Он со всей силы швырнул бутылку туда, где, по расчетам, находилась голова советника. Там хрустнуло. Надо же - попал.

Ставшее видимым тело Ильменя грузно осело наземь, руки выпустили маленький, как будто игрушечный арбалет. Оружие для комнатного боя с пяти шагов прошьет насквозь и человека, и роккона. Дружка метнулась назад, в клетку, затаилась под крылом у хозяина.

Мил рассмотрел врага. Советник дышал, но кость над виском вмялась внутрь. Не жилец.

На мгновение Мил пожалел, что разделался с ним бутылкой, а не ножом. Нож сейчас ни к чему, а вот настойки бы хватить не помешало.

«Вина у нас хоть залейся, - сообщил вдруг роккон, поднимаясь и хрустя крыльями. - Отлично получилось. Дружка, умница, не растерялась, да и ты не сплеховал. Я б ему плюнул в рожу - да недавно сетку жег, плевать пока нечем». Рокот был очень доволен исходом дела.

У Мила подогнулись ноги, зрение Разноглазых погасло; вокруг снова настала непроглядная тьма. «Я решил: ты умер».

Роккон зашипел - засмеялся. «Если б я мог так легко умереть, давно бы уже летал в Небесах Вечной Радости. - Он просунул сквозь решетку новую бутылку: - Хлебни-ка, чтоб не расклеиться».

Однако Мил уже расклеился. Он сидел, не в силах шевельнуться, не в силах даже мысленно разговаривать. Роккон оставил его в покое и тоже затих.

Начали бить знакомые часы. Мил считал удары: два... пять... девять... двенадцать.

«Сейчас принц явится», - оповестил роккон.

И впрямь взвизгнули дверные петли, на траву упала полоса яркого света.

Властимир Снежик осветил по очереди Мила, роккона, лежащего на земле советника Ильменя и его маленький арбалет.

- Казнь состоялась, - объявил он.

Поставив фонарь, принц отомкнул замки на клетке, распахнул дверцу Мила:

- Выходи.

С натугой сдвинул в сторону прижавевшую дверь со стороны роккона:

- Выходи скорее. Улетай.

Роккон неловко полез наружу. Крылья мешали, за что-то цеплялись. Вокруг ходили огромные тени. Подхватив роккона снизу под грудь, принц выволок его наружу.

- Улетай! - повторил он севшим голосом.

Роккон выпрямился - и оказался на две головы выше рослого Мила. Он стоял на крепких кривоватых лапах, с хрустом и щелканьем расправляя крылья; желтый глаз быстро моргал. Затем Рокот повернулся к принцу, навис над ним, зашипел.

Властимир Снежик коснулся его пластинчатой, будто закованной в броню груди, провел ладонью по шипастому плечу.

- Знаю, что виноват. Прости... если можешь.

Роккон повернул голову к Милу: «Прощай».

«Прощай, брат. Будь осторожен - ты отвык летать».

Роккон засмеялся: «Вот уж нет!». Затем стремительно взмыл в небо - лишь порыв ветра хлестнул от мощных крыльев, и пропал в темноте.

* * *

В окно били лучи утреннего солнца. Вчерашние тучи унесло, небо очистилось и ярко синело над крышами и башенками Велич-города.

- Оставайся, - сказал принц, когда Мил позавтракал. Сам он к еде не притронулся, лишь выпил простой воды. - Мне нужен хороший советник. Жалованьем не обижу.

- Нет, Снежик. Я за эти дни вот так, - Мил провел ладонью у горла, - насытился дворцом и вашими тайнами. Хочу на волю.

Принц вскинул расстроенные глаза.

- Понимаю. Все равно... оставайся. Скоро осень - время штормов. А весной снарядим судно, поплывем за море. Посватаемся к Разноглазым принцессам... Ну, ты - не к принцессе, к кому захочешь.

- Мне проще наняться на любое судно матросом. И уплыть прямо сейчас.

Властимир Снежик взял запотевший кубок с водой. Уголок рта чуть заметно подрагивал.

- Мил... Дружен... - Он не договорил, глотнул воды. Поставил кубок, приняв какое-то решение. Поднялся на ноги. - Да пребудет с тобой Светлое Небо. Пойдем, провожу до ворот.

Они вышли из здания.

На утреннем солнце было тепло, и легко дышалось. Дворец был тих, словно его обитатели вымерли. Прислушиваться особым слухом Мил не желал. И без того известно: советник Ильмень при смерти, королева убивается. Он не хотел этого слышать, а просто смотрел вокруг, наслаждаясь тем, что жив.

На парадной лестнице принц дважды оступился.

- Снежик, смотри под ноги!

- Смотрю, - тихо сказал тот. Остановился, и Милу тоже пришлось стать. - Знаешь, я очень виноват перед рокконом. Если б я в самом деле хотел его отпустить, думаю, я справился бы с нашептом.

- Разве ты не хотел?

- Нет. Он был... был мне почти другом. После смерти Вольфганга - единственным.

- Ты мог не отдавать ему свою дружку.

- Мог, - согласился принц. - Но без нее он бы умер.

- Лучше б ты отпустил его в небо!

Властимир кивнул с убитым видом. Сказал, безнадежно пытаюсь оправдаться:

- Ты не представляешь, каково это: жить во дворце. В нашем дворце - одному. С больным отцом, безумной сестрой и сворой убийц вокруг. Думаешь, Ильмень один такой резвый?

- Ничего я не думаю. Идем! - Мил зашагал дальше.

И вдруг почудилось: что-то не так. Что-то неладно - то ли вокруг, то ли в его собственной душе. Он прислушался особым слухом. И не хотел - а само собой вышло.

Тосковала дружка, сидящая у принца на плече. Старый хозяин от нее отказался, и она смирилась, привыкла. А новый - новый ее тоже бросил! Тот, чью жизнь она берегла, чью тоску, как могла, утоляла. Как теперь без него? Без него дружке - смерть. Двух хозяев нельзя потерять...

Горевал Властимир Снежик. Один друг улетел - счастье, что дожил; горе, что улетел; стыд нестерпимый, что не отпустил его раньше. Второй не желает стать другом, спешит уйти, хотя его имя - Дружен. И бедная дружка умрет, потому что ее нельзя предать дважды. Зачем роккон ее бросил? И как теперь быть - совсем одному?..

Предавалась скорби королева Развея. Умирает советник. Где найдешь другого Разноглазого, чтоб не пугался ее безобразного тела? Чтобы в охотку, без повеления, готов был эту раздутую плоть усладить? Знать бы, что так повернется, - не стала б отправлять на казнь мальчишку. Ильмень цел бы остался, да и пригожего мальчика со временем бы приручила...

Укладывал вещи уволенный капитан Погребец. Монета к монете, брошь к броши, пряжка к пряжке. Хоть и малое назначено ему содержание, но на первых порах капитан не пропадет...

«Подними глаза, брат!»

Мил задрал голову. Высоко в синеве плавала темная точка.

«Рокот! Ты без клетки соскучился?! Принц готов тебя взять обратно».

Роккон засмеялся - не шутке Мила, а просто от счастья. «Да видишь: я, как дурак, принцу дружку оставил. Думал: пусть она ему одиночество скрасит, от вельмож да дурных слуг уберезет. А потом спохватился. Дружку ведь дважды не отдают, верно?»

«Ты прав, мудрый брат».

- Снежик, - Мил указал в небо, - Рокот за дружкой вернулся.

- Надо отдать. - У принца дрогнул уголок рта.

Мил поглядел на несчастную дружку, на побледневшего принца, который стоял ссутулясь, глядя под ноги. Его осенило:

- Снежик, а ты ведь не доживешь до весны, чтобы свататься за морем. Даже до осени не дотянешь - один, без хранителя жизни. Где себе новую дружку возьмешь?

- Эту все равно нужно отдать, - обреченно возразил принц.

«Не доживет, - окончательно уверился Мил. - Как пить дать стрелу сердцем поймает... либо яд поднесут. А нет - так от тоски зачахнет; по зимним холодам заболит да помрет». Принца было жаль.

- Ладно, не горюй, - Мил хлопнул его по плечу. - Вместо дружки у тебя будет новый начальник дворцовой стражи. Дельный малый. Разноглазый; с таким не пропадешь. - Ему пришло в голову, что он нахваливает себя, точно лошадь на рынке, и стало смешно.

Высоко в синем небе ликовал роккон. Он мерно взмахивал стосковавшимися по простору крыльями - и хохотал, хохотал...

СОЛНЦЕВОРОТ

Иллюстрация Сергея Шехова

За волноломами шевелились темные волны, приподнимая на себе ледяную крошку. Три рыболовных бота стояли на приколе у мола, вмерзнув в зеленоватый припай; причальные канаты провисли, и на них narосли маленькие колючие сосульки. Элька отломила одну и лизнула, сосулька оказалась пресной и отдавала мазутом.

По ночам в небе ходили, переливаясь, зеленые занавески, крупные зимние звезды просвечивали сквозь них, и можно было расслышать тихий шорох, непонятно откуда идущий. Это было почему-то страшно, словно что-то очень большое пыталось поговорить с тобой на своем языке, но язык этот не предназначался для человеческого уха, и потому большое злилось и кусало за нос и в глаза.

Но комбинат работал; в безветренные дни его окружал тошнотворный запах рыбьего жира, перемешанный не с таким противным, но въевшимся во все запахом коптилен.

Рыжеволосые близняшки Анхен и Гретхен, как обычно отиравшиеся в крохотной гостиничной кафешке, в отсутствие клиентов часами сидели напротив дальнови́зора, разглядывая городские моды и отпуская веселые комментарии. Солидные господа и дамы тарасили глаза в увеличительной линзе, напоминая при этом рыб в круглом аквариуме.

Буфетчица близняшек не гнала, они покупали кофе и присыпанные сахарной пудрой булочки - а больше никто. Иногда она и сама выходила из-за стойки, подсаживалась к близняшкам и, подперев голову рукой, смотрела какую-нибудь фильму про утеранных наследников и разбитые сердца. Хотя летом она близняшек гоняла, говорила, что здесь приличная гостиница, а не дом свиданий.

Элька заходила в кафе со шваброй и ведром, тоже пристраивалась в углу и таращилась в дальновизор, пока мать не спохватывалась и, утирая ладонью слезы после особенно душещипательного эпизода, не начинала кричать: «А ты что тут делаешь, горе мое?». Тогда Элька хватала швабру и торопливо шаркала ею по полу, оставляя мокрые разводы. От холодной воды руки у нее сделались красные, как гусиные лапы, и покрылись цыпками. Приплачивали за уборку матери, но не могла же она одновременно быть в двух местах, а работа за стойкой требовала ответственности и внимания. Они и жили при гостинице, в пристройке рядом с кухней и котельной, и Эльке казалось, что все вокруг пропиталось запахом угля и супа, угля и супа, угля и супа...

Суп Элька носила деду, он работал сторожем при купальнях, сейчас, на зиму, закрытых. Купальни постепенно приходили в упадок; цветную плитку, украшавшую стенки бассейна, изъела зеленая плесень, по мраморным ступеням вились трещины, но Эльке тут нравилось. Она воображала себе нарядных кавалеров и дам, прогуливающихся вдоль балюстрад и толпящихся у веселых фонтанчиков. Дамы и господа брезговали гостиницей и останавливались в летних павильонах, сейчас тоже закрытых на зиму. Вообще купальни были отдельным миром, загадочным и праздничным, а то, что они на зиму были закрыты, придавало им очарования. Не может праздник длиться вечно - иначе какой он тогда праздник?

Но прошлым летом небольшой катер, фыркая трубой, высадил с десяток старух - и все. Старухи, хоть и из столицы, только корчили важных шишек, они пили сернистую воду и говорили, что в былые годы вода была вкуснее и гораздо, гораздо целебнее. Мать и Элька носили им еду из гостиничной кухни, потому что летнюю кухню ради нескольких старых кляч пан Йожеф, управляющий, решил не ставить. Еда старухам не нравилась. Потом старухи уехали, и пан Йожеф велел заколотить павильоны, чтобы туда не шастали парочки. А сейчас, в холод, туда и парочки не сунулись бы: над купальнями висел пар и пахло тухлыми яйцами.

Пока Элька дотащила судок, суп успел остыть, но дед не жаловался, а скреб оловянной ложкой по дну, выбирая разваренную крупу. Дед вообще ворчал редко и больше для порядка.

Вот и сейчас, доскребывая остатки, он сердито сказал:

- Чего ходишь, дева?

Элька бродила вдоль стен, рассматривая мозаику: рыбы, голубые и

желтые, играли в синих волнах, а на самых больших рыбах сидели морские девы с длинными желтыми волосами и трубили в завитые раковины.

- Скучно, - честно ответила Элька.

Море и летом было серое, свинцовое, где художник и видал-то такое? И таких рыб?

- Скучно ей, - сказал старик беззлобно. - Это, дева, тебе не лето. Летом пани с белыми парасольками, кавалеры...

- Дед, - сказала Элька, - какие еще кавалеры? Старухи одни. Слышал, чего пан Йожеф сказал? Он сказал, если и наступным летом не приедут, будем лазни закрывать. Невыгодно.

- Невыгодно им, - горько сказал дед. - Если каждый будет думать о своей выгоде, куда мы придем, дева?

- Куда? - спросила Элька, чтобы поддержать разговор. Она старалась оттянуть неизбежное, поскольку знала, что, как только вернется с пустым судком, мать, во-первых, заставит ее мыть судок в холодной жирной воде, а во-вторых, проветривать постели в гостинице. Никто не живет, но постели раз в неделю все равно надо проветривать. Есть приятные работы (например, таскать дрова и подкладывать полешки в плиту), а есть неприятные. Почему, интересно, - ведь и то и другое работа?

- Так и до конца света недалеко, - сказал дед. - Под конец света всегда портятся нравы.

Дед говорил так, словно лично наблюдал несколько концов света и успел сделать выводы.

- Накоптят за зиму рыбы вонючей, весной торгашам сплавят... А раньше тут золотые реки текли, приедут господа, слуги, в павильонах - ковры, на террасах - ковры, кое-кто со своими поварами, портными, конюхами, матросы с яхт, всем есть-пить надо... Сам герцог приезжал... Яхта с вымпелом, белая как лебедь, матросы все в белом, капитан в кителе, пуговицы на солнце так и блестят, герцог по трапу сходит, а тут уже флажки развешены, и девушки букеты подносят...

Эльке странно было, что дед, вот такой, в тулупе и валенках, видел самого герцога, а она, Элька, нет. Впрочем, дед про герцога рассказывал часто и все время путался, может, привирал для важности.

- А какой он из себя, дед? - спросила она на всякий случай.

- Высокий. Стройный. Капитан яхты уж как пыжился, сверкал своими пуговицами, а ему до герцога далеко. Господин герцог посмотрит вот так, рукой поведет, и все... и все исполнять кидаются. Сразу видно, порода. И вежливый. Никогда голоса не повышал. Пан Йожеф наладил самых красивых девок, чтобы в павильонах прислуживать. Хм... - дед задумался, уставив бесцветные глаза в стену, на которой застыли в своей бесконечной игре цветные рыбки. - Лариска, мамка твоя, совсем

еще девчонка пустоголовая, тоже там убиралась. Так она возьми и вазу разбей... Дорогущую, фарфоровую. И пан Йозеф ее выгнать хотел. А господин герцог заступился - видно же, что нечаянно.

Мама прислуживала герцогу?

Это было что-то новое. Обычно дед иссякал на пуговицах и капитане.

- У него была такая специальная кружка, из которой он пил целебную воду, - продолжал дед, - серебряная, в виде головы оленя. Он ее на цепочке носил, у пояса... Тонкая работа, чеканка. А так одевался скромно. В черное сукно, никаких шелков-бархатов...

Про скромность герцога Элька уже слышала. Назад в гостиницу она брела, так углубившись в себя, что два раза сошла с тропы, зачерпнув полные валенки снегу. Элька считать умела. Первый и последний раз герцог приезжал без одного пятнадцать лет назад. Она родилась весной, в марте, а значит... Элька давно подозревала, что она не на своем месте. Она, правда, полагала, что ее похитили цыгане, а потом подбросили семье рыбака. Или вообще... были обстоятельства. Бывают же обстоятельства? Иногда даже не крадут, просто отдают в бедную семью, потому что предсказание такое или рок... Обычно в таких случаях должно быть что-то - родимое пятно (у Эльки его вроде не имелось) или батистовые пеленки с вышитой короной (тоже не обнаружили, но ведь их могли спрятать или уничтожить). Но быть незаконной дочерью герцога, в конце концов, тоже неплохо.

Мама за шитьем любила петь жалобную песню: муж-угольщик рассказывает своей женке, что ихнего молодого короля в лесу растерзал дикий вепрь, а потом уходит в ночь жечь свой уголь, а женка его бросается к детской кровати, будит дочку и глядит в ее серые глазки. Может, это она не просто так? Спросить, что ли? Ну, не то чтобы спросить, еще даст по уху, а так, намекнуть?

Убираясь в гостиничном номере, Элька теперь внимательно рассматривала себя в мутное зеркало. Глаза не серые, а желтые в крапинку, но ведь и у герцога неизвестно какие глаза. Может, желтые?

Дальновизорная линза иногда показывала герцога, перерезающего ленточку у заново отстроенного оперного театра (старый сгорел прошлой зимой) или разбивающего бутылку шампанского о борт нового парохода. Но как разглядишь, какого цвета глаза? К тому же, если честно, герцог не производил впечатления бабника. Его почти всегда сопровождали моложавая симпатичная жена и двое детишек: сын лет семи и дочка чуток постарше. Ну, он и не должен быть бабником, говорила себе Элька. У них с мамой было серьезно. У них была любовь. Но их разлучили злые советники. Понятное дело, так всегда бывает.

Эльку немножко смущали красные в цыпках руки и тощие, совсем неаристократические коленки, но по дальновизору как раз шла фильма про девушку, которая, как там говорилось, «в одночасье расцвела», и

Элька вполне могла надеяться, что тоже расцветет в одночасье. Аристократы созревают поздно.

В осознании своего аристократического происхождения Элька стала задирать голову и говорить слегка в нос, пока в конце концов мать не спросила, чего это она так гнусавит, не простыла ли.

- Не-а, - Элька помотала головой, а потом осторожно спросила: - Ма, а чего ты никогда не рассказывала, что убиралась в лазнях, когда господин герцог приезжал?

- Да я ж рассказывала, - удивилась мать, - сколько раз. И чем ты слушала? Они все свое привезли - и ковры, и скатерти, и белье постельное... сгрузили с яхты... Скатерти белые, расшитые. И повара своего привезли, и даже котлы и сковородки. Он ходил, нос задирал, колпак белый... Вы тут, говорит, даже рыбу нормально приготовить не можете, а господин герцог любит, чтобы тонкий вкус...

Повара она, похоже, помнила гораздо лучше, чем герцога. Это несколько настораживало, но Элька отмела возможные подозрения.

- А какой он был, герцог?

- Бледный вроде, - неуверенно сказала мать, - желудком маялся. Повар так и сказал, чтобы ничего острого и на хорошем масле. И сюда приехал желудок лечить. Воду серную пил... У него была такая кружка серебряная, будто бы голова оленя...

Больше ничего Элька добиться не могла, зато у нее оставался простор для воображения. Герцог приедет летом пить целебную воду и увидит, как она, Элька, поливает вазоны на галерее, вся такая задумчивая. «Кто эта прекрасная девушка, расцветшая в одночасье?» - спросит тогда герцог, и когда ему скажут, что, мол, дочь такой-то, побледнеет и велит: «Подойди сюда, девочка». А потом возьмет ее твердой рукой за подбородок и посмотрит ей в глаза. «У нее мои глаза!» - скажет он. Дальше Элька еще не решила, заберет ли он ее с собой - и ее будет травить и мучить злая мачеха, или оставит здесь и даст ей тайный знак, какую-нибудь брошь или, скажем, кружку в виде головы оленя, чтобы она обратилась к нему, буде окажется в крайней нужде. И когда настанет крайняя нужда...

- Что с ней делается, не пойму, - говорила мать близняшкам, которых в сезон и за людей не считала, - ползает как сонная муха, на все натывается, под нос бормочет.

Тайна поселилась внутри Эльки и приятно грела. Даже насмешки других учеников и язвительные замечания пани Ониклеи она переносила спокойно, потому что они не знали, а она знала. Она даже начала ходить в поселковую библиотеку и читать подшивку журнала «Модная женщина», чтобы знать, как себя вести если что. И тренировалась держать вилку в левой руке, а ножик - в правой; иногда, правда, роняла куски на скатерть, но потом наловчилась. Мама несколько раз украдкой щупала ей лоб и тяжело вздыхала, однако

Элька смотрела высокомерно и загадочно. Точь-в-точь как пани с картинок в «Модной женщине».

А темным зимним вечером услышала плач в море.

Элька как раз выносила помои, их выплескивали на задах гостиницы, где уже образовалось пестрое застывшее ледяное озеро. Помои выплескивала не только она, и каждая новая ледяная лужа была ближе предыдущей. В общем, Элька ступала осторожно, на цыпочках, чтобы не загромоздить вместе с ведром. И услышала плач.

Он шел со стороны моря. Тихий-тихий.

Если бы она шла быстро, то, наверное, и не заметила бы.

Было похоже, что плакал ребенок; в деревне любили петь жалобные песни о выброшенных после крушения на берег младенчиках, к которым никто не пришел, потому что бедные рыбацкие вдовы принимали их плач за вопли чаек или вскрики ветра. Элька, слушая эти песни, очень переживала и уж точно не хотела такого камня на совести: она поставила ведро и, оскальзываясь, заспешила к берегу. Каменная насыпь, над которой высилась гостиница, обледенела, и Элька пару раз приложилась задом к холодным булыжникам. Под насыпью лежала полоса темного песка и ближе к морю - такого же темного льда, разве что в нем отражались крупные страшные звезды, висящие в зеленоватом небе. В этом искрящемся льду было черное пятно. Слишком большое, чтобы обернуться младенчиком.

Она все же подошла, сдерживая дыхание. В кухонном окне кто-то раздернул занавеску, и на лед упал квадрат света.

Тюлень лежал на льду и сопел, выкатив круглые карие глаза, в каждом - по крохотному освещенному окошку. Элька подумала, что он нечаянно выбросился на берег и не может уползти обратно в море. То, что тюлени по суше худо-бедно способны передвигаться, от неожиданности не пришло ей в голову.

Секунду она колебалась, потом решила поступить, как подобает благородной пани. Она подошла к тюленю и пнула его ногой. Нога была обута в валенок, а пнула тюленя Элька, чтобы откатить к воде, тюленю было не больно, но обидно, он раскрыл рот с мелкими зубами и гавкнул, точно собака. Однако не двинулся с места; Элька разглядела, что тюлень как бы погрузился в лед, и теперь со всех сторон был прихвачен черной коркой. Корка была черная, потому что на боках тюленя виднелись глубокие порезы.

Тюлень сопел и смотрел на нее круглыми глазами.

- Ох, ты, горе ты мое, - сказала Элька по-взрослому. - И что мне с тобой делать?

Она вытерла нос рукавом и задумалась.

Один раз она видела, как рыбаки убивали выброшенного на берег тюленя, и это зрелище ей не понравилось. Элька вообще тяжело переживала чужую боль, пускай даже и всякой животины.

- Сичас, - сказала Элька и, загребая валенками, чтобы не поскользнуться, побежала обратно на пригорок, к оставленному ведру.

Ведро с теплыми помоями стояло и дымилось на морозе. Элька взялась за остывшую ручку, зашипела, но осторожно подняла ведро и снесла его вниз, к воде. Здесь, широко размахнувшись, она выплеснула его под тюленью круглую тушу. Еще раз подтолкнула тюленя ногой, а потом, нагнувшись, обхватила руками и, когда подтаявший лед подался, потащила к воде. Тюлень упирался. По льду тянулся кровавый след, далеко же он уполз. Ума нет, что возьмешь с твари.

До волнолома было далеко, идти по льду страшно, и Элька надеялась, что тюлень сообразит и дальше поползет сам.

- Идиотка, - сказал тюлень.

- Сам дурак, - огрызнулась Элька пыхтя. - Опять примерзнешь же!

- На смерть ведь тащишь, - тюлень упирался, помогая себе лапами. - Там косатки. Я еле ушел.

Элька вздрогнула и выпустила тюленя, отчего он тяжело плюхнулся на лед. Ей почудились снующие подо льдом темные тени - косатки способны проломить лед ударами головы, это всем известно.

- И чего делать? - спросила она тоненько.

- Тащи обратно, - велел тюлень.

- Убьют же, - честно сказала Элька. - Наши мужики и убьют.

- А ты меня спрячь. - Тюлень посмотрел на нее большими карими глазами, и Эльке, несмотря на всю наглость зверя, сделалось его жалко.

- Найдут, - Элька тем не менее наклонилась, подхватила тюленя под лапы и потащила обратно, каждый миг ожидая, что лед под ногами треснет и в проломе появится гладкая черная голова с острющими зубами.

- Это ненадолго, - успокоил ее тюлень. - Не сегодня-завтра косатки на юг уйдут. Рыба уходит и косатки с ней.

Что рыба уходит, Элька знала. После осеннего солнцестояния рыбаки выходили в море все реже, и к декабрю ставили суденышки на прикол, даже если море не замерзало.

Наконец она добрела до песка, чуть присыпанного снегом, и устало распрямила спину. Тюлень лежал на боку и тяжело дышал. Вот же наказание!

В отблесках сверкающих небесных занавесок Элька осмотрелась. Лед на берегу громоздился торосами.

- Лезь сюда, - велела Элька.

- Идиотка, - повторил тюлень. - Дура! Как я тут спрячусь, у меня хвост наружу торчать будет! Чайки утром увидят, соберутся, начнут орать...

- Погоди тут, - сказала Элька. - Я скоро.

Купальни смутно белели в сосновой роще. Одно окошко светилось.

Самое маленькое, самое подслеповатое - в сторожке у входа.

- Ты чего, дева? - спросил дед. Он был в очках, значит, читал «Уездный вестник» - аэроплан раз в неделю сбрасывал газеты и другую почту и, покружившись, улетал в другие поселки, рассыпанные вдоль побережья. А пан Йожеф, человек культурный, выписывал газеты и потом, прочитанные, отдавал деду.

- Дед, а дед! - Элька искательно заглянула ему в глаза. - Возьми мешок старый, одевайся и пошли, а?

- Куда, коза? - ворчал дед. - Куда ты меня тащишь на ночь глядя?

Эльке сегодня на ладони было написано всех куда-то тащить.

- Тюлень там, - сказала она шепотом, - раненый.

- Надо же, - равнодушно удивился дед, - давно я их не видел!

- Идем, деда, идем. - Элька подпрыгивала на месте отчасти от нетерпения, отчасти от холода, она ведь выскочила во двор в валенках на босу ногу, и теперь мороз больно щипал ее за колени. - А то найдут его.

- В бассейн его, конечно, можно, - согласился дед. - Воду напустить, и пусть сидит. Вода целебная там. А зимой кто сюда ходит? Никто сюда не ходит.

Говоря так, он натягивал тулуп и оборачивал ноги толстыми портянками. Элька знала: дед, хотя и ворчал, что мир катится в пропасть, а молодежь стала и вовсе безмозглая и неуважительная к старшим, на деле был добрым.

Тут ей, Эльке, повезло - случилось, то одна, то другая из ее подруг, ну не подруг, так, приходила в класс с опухшей, как бы заспанной щекой и синяком под глазом. А Эльку бить было некому - отец (если это, конечно, ее настоящий отец, говорила себе Элька) утонул в море, когда ей только исполнилось пять, а дед, хотя и ворчал, никогда ее пальцем не тронул. Мать могла приложить, конечно, но это же не считается.

Тюлень по-прежнему лежал в ледяной пещерке, он свернулся клубком и подтянул под себя хвост, и Элька еле разглядела его в темноте. Так, еще одна тень, и все.

Когда его начали перетаскивать на мешковину, он жалобно тьякнул.

- Терпи, зверюга, - проворчал дед.

Почти волоком они потащили тюленя по снегу к купальням. В небе колыхались алые и зеленые занавески, а в домах на гребне холма постепенно гасли огоньки. Лишь купальни, сложенные из белого кружевного камня, чуть заметно светились во мраке зеленым и алым, ловя и отбрасывая небесные огни. В темноте не было видно ни трещин, ни зеленой плесени - купальни казались волшебным дворцом, не удивительно, что герцог...

- Куда ступаешь, дева, ошалела совсем? - прикрикнул дед.

В бассейне, куда дед напустил теплую, тухлыми яйцами пахнущую воду, тюленю полегчало. Он распластался на мозаичном дне, среди

нарисованных водорослей и рыбок, и положил круглую голову на ступеньку. Раны на боках чуть дымились темной кровью.

- Рыбы тебе завтра с комбината принесу, - сказал дед, - мороженой. Тюлень моргнул и закрыл глаза.

- За что убивают их, деда? - спросила Элька уже на крыльце.

- За рыбу и убивают, дева. Когда-то морской народ с нами дружил, помогал загонять рыбу в сети. Это, дева, называется взаимовыгодное сотрудничество. Только оно плохо кончилось. Такие сотрудничества вообще плохо кончаются.

- Почему?

- Тебя что, в школе не учили? Вот я скажу пани Ониклее... Похолодание наступило, вот почему. Снег до солнцестояния не сошел, что на нынешний момент есть зарегистрированный повторяющийся феномен. Посевы вымерзли. Рыбы стали вдесятеро против прежнего выбирать, есть-то хочется. И не в сезон. Молодь ловить стали. Понятно, что противозаконно, но ведь с голоду помирать хуже. Тюлени сначала отказались помогать, прислали петицию. Потом ультиматум. А потом потопили несколько лодок: у них ведь тоже голод начался, когда рыбу переловили всю. И люди с лодок начали бить тюленей острогами. А раньше дружили, - повторил дед задумчиво. - Они жили на красных скалах, вон там... Семьями жили, большими. В поселок заглядывали. Сидит в кавярне «Под синей лампой» господин, пьет каву, а как начнет расплачиваться, понятно, что тюлень.

- Почему понятно?

- Потому что старым золотом, - пояснил дед, - со дна поднятым.

- И что?

- Ничего, золото же. Раньше, говорят, тут вообще народу полным-полно было. Даже зимой. И купальни не простаивали. И дороги были открыты. Сюда, дева, кто только не приезжал. Кто только в кавярне «Под синей лампой» не сидел! Кто только у вас в гостинице не жил!

- А господин герцог? - спросила Элька с замиранием сердца.

- А что господин герцог? Ты, дева, помешалась на этом герцоге.

Он оглядел Эльку подслеповатыми глазами и спохватился:

- С ума сошла! Ты ж босиком, считай!

- Да я на минуту выскочила, - оправдывалась Элька, - помои только вылить. А тут этот.

- Беги домой, дура, - велел дед. - Замерзнешь ведь.

И Элька побежала домой. Коленки щипал мороз, а уши, хотя она и накинула капюшон парки, ничего не чувствовали.

Мать уже стояла на крыльце: она накинула на плечи тулуп и, похоже, собиралась бежать, искать ее, Эльку, только не знала куда.

Она с ходу отвесила Эльке оплеуху, потом схватила за плечи и втащила в дом.

- Горе ты мое, - причитала она, растирая Эльке уши, - отморозишь

ведь! Кому нужна безухая девка, вот скажи на милость? Ты куда это бегала? Совсем из ума выжила. Чем это ты парку так заляпала?

Элька, пока бежала, напряженно думала, что бы такое соврать, но мать не давала ей вставить слова, а продолжала жаловаться сырым грязноватым стенам, как трудно одной воспитывать взрослую девку, и если бы был отец, то он бы врезал, а она, мать, конечно, тоже врежет, да что толку...

- Заболеешь ведь, - сказала она укоризненно.

- Не заболею, - мотнула головой Элька.

И заболела.

Приходил пан доктор, щупал Элькин лоб, прописал горькой настойки, Элька лежала горячая, металась по постели, руки-ноги ныли, словно после тяжелой работы, сухой кашель раздирал грудь, мать меняла ей на лбу мокрое холодное полотенце, которое тут же становилось сухим и горячим, Элька проваливалась в плывущий тяжелый сон. Во сне ей мерещилось, что она тащит тюленя, а он тяжелый, и она никак не может дотащить его до воды. И что господин герцог сидит у кровати и смотрит на нее печально и сочувственно.

- Папка! - сказала Элька, но господин герцог улыбнулся и отодвинулся к черным теням, толпящимся в углах комнаты. Доктор чем-то звякал, задирает Эльке рубаху, что-то холодное касалось спины между лопатками, горячий чай отдавал малиной, и однажды утром Элька открыла глаза и увидела серое заиндевевшее окно с проплешиной посередине. В проплешину лился холодный утренний свет.

Она откинула шершавое одеяло и спустила ноги на пол. Голова была пустой и легкой, ноги слабыми, а тапочки, которые она нащупала под кроватью, - чуть теснее, чем раньше. Все было немножко не так, словно за время ее болезни кто-то незаметно переставил все в доме... Даже пуховый платок, который она накинула на плечи, кололся, раньше он вроде был помягче.

Придерживая платок на груди бледными пальцами, Элька побрела по коридору.

Мама, дед и близняшки Анхен и Гретхен сидели в кафе, пили чай с печеньем и смотрели дальнозор. Солидный ведущий, который всем давно уже стал чуть ли не родственником, рассказывал последние новости.

- О! - сказали хором близняшки. - А вот и Элечка.

Они вообще-то были не вредные. Когда в настроении, они щипали Эльку за щеку и говорили, что вообще-то она миленькая, только ей надо бы накручивать волосы горячими щипцами...

- Ты чего встала? - сердито спросила мать. - А ну марш в постель, горе ты мое!

- Ну, мам, - поныла на всякий случай Элька, - я хорошо себя чувствую. Правда.

- ...Опровергли панические слухи о том, что канатную грузовую дорогу, соединяющую столицу и угольную шахту «Заветная», разрушили ледяные великаны, - говорил тем временем ведущий. - Инженер-инспектор с бригадой, обследовав места разрушений; установил, что опоры повреждены вследствие схода лавин. Ученый совет Национального музеума направил в Отдел связей с общественностью официальное письмо, в котором утверждается, что ледяные великаны - существа сугубо мифические, а все случаи их наблюдений связаны с так называемым «белым безумием», поражающим...

Элька впиалась в линзу в надежде хоть мельком увидеть господина герцога, но на экране замерцала панорама черного зимнего леса на белом горном хребте, а ведущий пан Велиранд тем временем, невидимый, продолжал:

- Однако обстановка остается тревожной, и те предположения, согласно которым причиной исчезновения всего населения поселка Слава Труду стало нападение тюленей, так и не были опровергнуты. В связи с этим его высочество выделил отряд элитной морской пехоты, которому дано распоряжение отыскивать и уничтожать тюленьи патрули. Поголовное истребление мирных жителей свидетельствует о том, что соглашение о приостановлении военного конфликта между подданными его высочества и морским народом окончательно...

У Эльки запершило в горле, и она сглотнула. Тот тюлень, подумала она, получил свои раны вовсе не от зубов косатки. Уж слишком эти раны казались ровными, будто ножом резаны.

Она покосилась на деда. Он невозмутимо пил чай из блюдечка, при этом противно хлюпая. Эльке никогда не нравилось, как он хлюпает.

- Чаю будешь, дева? - спросил дед.

- Ага, - сказала Элька, но мать прикрикнула:

- Чего скачешь, точно коза. Иди в постель.

Пана Велиранда сменила заставка фильма, привычная Эльке, потому что фильма эта шла, с перерывами, с начала осени. Элька эту фильму не любила, там ничего не было про потерянных наследников и великую любовь, а было про какого-то рыбака, как он приехал в столицу, и решил стать важным господином, и связался с одной девушкой... а у девушки был богатый покровитель, так вот он...

Близняшки ахали, прижимали ладони к щекам и иногда плакали, а Эльке было не очень интересно. Хотя на столичные улицы и дома в четыре этажа посмотреть, конечно, хотелось. Но деду, видно, тоже не нравилась фильма: он встал, со стуком поставив пустую чашку на пустое блюдечко.

- Я сейчас, - пообещала Элька, - сейчас лягу. Деда только провожу.

В гостиничных сенях дед долго и старательно обматывал ноги портянками, кряхтя натягивал тулуп.

- Деда, - спросила Элька шепотом, при этом изо рта у нее вырвались

клубочки пара, словно у маленького дракончика, - а с тюленем чего?

- Каким еще тюленем? - дед повернул к ней лицо, малиново-красное, поскольку долго сидел, опустив голову.

- Ну, деда-а, - проныла Элька.

- Вечно тебе, дева, что-то мерещится. Заблуждения, называемые иллюзиями, конечно, присущи твоему нежному возрасту, но мыслящий человек способен...

- Деда, я ж все понимаю, - зашептала Элька, и пар закружился вокруг ее бледного лица, - я ж как могила. Только скажи.

- Ничего, - сказал дед, пожав плечами. - Оклемался, перекинулся и ушел.

- Спасибо хоть сказал?

- Спасибо ей, - проворчал дед и более ничего не сказал. Из-за двери несло холодом, и Элька беспокойно переступала с ноги на ногу.

- Как ты думаешь? Это они? Это их... тот поселок, про который пан Велиранд...

- В море, дева, есть всякие твари пострашнее тюленей, - сказал дед. - А ну, марш в постель.

Ночью Эльке снились кошмары - огромные твари выходили из моря: по улицам поселка в странном четком и в то же время призрачном свете двигались густые черные тени, и не было от них спасения.

Утром пришел пан доктор, выпил в кафешке чаю с булочками, вежливо пошутил с близняшками, приложил к Элькиным лопаткам холодную трубу и сказал, что она, пожалуй, здорова, но мыть полы в гостинице ей пока нельзя, потому что холодная вода вредна неокрепшему организму. Так что мать теперь мыла полы сама, а Элька только проветривала комнаты и вытряхивала постели, которые поначалу казались очень тяжелыми, а потом ничего. Зато цыпки на руках сошли, и пальцы сделались почти как у настоящей пани, тонкие, чистые и белые. Матери было обидно: теперь руки покрылись цыпками у нее, и пан управляющий, зайдя выпить кофе, намекнул ей, что с такими руками стоять за буфетной стойкой и неприлично даже.

Еще доктор сказал, что Элька выздоровела достаточно, чтобы ходить в школу. Элька выслушала это с двойственным чувством.

С одной стороны, дома было скучно. С другой - в школе Эльку дразнили. Она могла замечтаться посреди урока, уставясь в одну точку, и пани Ониклея уже однажды одернула ее, что, мол, не такая уж ты принцесса, чтобы не слушать, когда все слушают. С тех пор Эльку прозвали «прынцесса», и это, учитывая Элькины обстоятельства, было особенно обидно.

Эльку встретили равнодушно, словно за то время, что она болела, остальные ученики перешли какую-то невидимую черту и оказались по одну сторону, а она - по другую.

Только Аника, сын пана директора комбината, парень глупый и

важный, сказал:

- О! Принцесса явилась.

- Дурак, - равнодушно сказала Элька, усаживаясь за парту. Парты тоже показались какой-то не такой. Тесной. И как будто чужой.

Аника хотел сказать еще что-то, но тут в класс вошла пани Ониклея, учительница.

- А, Эля, - кивнула она, - выздоровела?

Эля понимала, что пани Ониклея ее не очень-то любит и спрашивает просто из вежливости, поэтому она только кивнула и устала в парту. На крышке кто-то вырезал ножиком: «Элька-сарделька».

- Она никогда не выздоровеет, - сказал Аника, - это не лечится.

Ученики захихикали, словно Аника сказал что-то умное. Анику боялись, потому что родители учеников - не все, но многие - работали у его папы. К тому же у Аники в кармане всегда имелись деньги, на которые он водил тех, кто ему нравился, в кондитерию. Говорили, что летом с первым парходом папа отправит Анику учиться в столицу, в специальную школу для управляющих, где учат экономике, и Элька ждала этого с нетерпением. Она понимала: Аника - нечто вроде ржавчины, которая, стоит ей только попасть на что-то, способна даже неплохое сделать никуда не годным. Бывают такие люди.

Она втайне надеялась, что в столице господские дети будут смеяться над ним и обзывать деревенщиной.

- Встань, Аника, и расскажи о Тресковых войнах.

Элька подумала, что пани Ониклея не такая уж и плохая. Лучший способ заткнуть Анику - это спросить у него урок. Урока Аника никогда не знал.

- Тресковые войны, - сказал Аника, возвышаясь над партой, - это когда... Графство Меленбургское подписало договор с союзными тюленями и...

- В каком году?

- Что?

- Не подсказывай, Михась. В каком году?

- При этом... его светлости... как его... А почему вы Эльку не спрашиваете?

- Эля много пропустила, - сказала пани Ониклея. - Я дам ей темы, чтобы она нагнала, и буду спрашивать отдельно.

Пани Ониклея сказала это больше для порядка. Элька училась спустя рукава и постоянно витала в облаках, и пани Ониклея на самом деле давно махнула на нее рукой. Мама и так хотела на следующий год забрать Эльку из школы. Читать, писать и считать умеет, а что еще надо?

Аника еще немного потоптался, глядя в потолок, словно надеялся увидеть там большие черные буквы, сложившиеся в историю о Тресковых войнах.

- Садись Аника, - сказала пани Ониклея неодобрительно, - и скажи господину директору, что я зайду вечером.

Похоже, подумала Элька, даже у пани Ониклеи терпение лопнуло. Хотя перед паном директором она заискивала - он этим летом выделил деньги на ремонт класса.

Аника сжал губы и сел. Он никогда этого не говорил, но господин директор был тяжел на руку, это все знали.

После уроков Элька специально задержалась: нарочито искала что-то в сумке, потом долго натягивала парку и валенки, пока пани Ониклее, которая стояла с ключами, не надоело ждать и она не сказала:

- Эля, сколько можно возиться? Если ты себя еще плохо чувствуешь, сиди дома. Я напишу записку твоей маме.

- Не надо маме, - сказала Элька и шмыгнула носом. На улице она первым делом огляделась, и, убедившись, что никого нет, по протоптанной в середке улицы тропке поспешила домой. Вечера, пока она валялась в постели, стали чуть светлее, и сугробы на обочинах, почти в Элькин рост, отливали розовым и сиреневым. Красиво...

- Элька-поломойка. Полоумная поломойка.

Они выскочили из-за угла - Аника, Михась и Гутка, некрасивая, вертлявая девка, которая липла к Анике и старалась ему угодить.

- Я вас что, трогала? - сказала Элька в надежде, что удастся разойтись миром, и боком попробовала обойти Аникину компанию.

- Трогала, - сказал Аника, кривляясь, - ты тронула мое сердце.

Он ткнул кулаком в бок Гутку, и та послушно захихикала.

Элька уже почти просочилась, но Михась сунул ей за шиворот пригоршню снега.

- Психическая, - сказал он. - Во, трясется как психическая.

- С психическими мы вот что делаем, - и Аника со всего размаху пихнул ее в сугроб, - это лечит!

Элька, опрокинувшись в снег, дрыгала ногами, снег забился в рот, а за воротом было холодно и щекотно. Она попыталась выбраться, но ее снова опрокинули, она не видела кто.

- Пусти, - Элька попыталась освободиться, - пусти, дурак. Вот папе твоему скажу!

- Ох, напугала, - сказал Аника, - пускай твоя мама скажет моему папе. Пускай запишется к нему на прием!

- Мой папка твоего папу посадит в тюрьму, - крикнула Элька, и Аника так удивился, что ослабил хватку, и она выбралась из сугроба.

- Вот приедет и вам всем покажет!

- Твоего папу рыбы съели, - сказала Гутка.

- Не-а, - Элька красной рукой стерла с лица снег и сопли. - Мой папка - герцог! Я ему напишу, и он...

- Тю, - сказал Аника.

- Герцогская дочка, мерзостная квочка, - пропел Михась.

- Дети, что здесь происходит? Почему вы втроем бьете одну девочку?
Элька подняла глаза: перед ней уходили вверх две большие черные ноги. Когда она отряхнула снег с ресниц, то, задрав голову, увидела поблескивающие стекла очков.

- Здравсьте, господин Матиаш, - пробормотала она.

Библиотекарь возвращался с почты, куда раз в неделю, ровно в один и тот же день и час, ходил отправлять телеграммы живущим в столице родственникам. Мало у кого были родственники в столице, и библиотекаря уважали. Тем более телеграммы, где он нудно и в подробностях, хотя и без знаков препинания и предлогов, рассказывал о том, что случилось с ним за неделю, стоили недешево.

- Она врет, что дочка господина герцога, хи-хи, - Аника подпрыгивал, под ним в снегу образовалась хорошо утоптанная ямка, - дочка господина герцога. Ведро и швабра, ведро и швабра!

- Это правда, - сказала Элька и в эту минуту сама себе верила. - Моя мама... когда господин герцог приезжал...

- Твоя мамка шлюха, - припечатал Аника, - как Анхен и Гретхен. Они втроем дальновизию смотрят, три шлюхи, я знаю.

- Ах ты! - Элька вскочила и кинулась на него, отчаянно молотя кулаками и раз за разом попадая во что-то мягкое. Михась пытался оттащить ее, намотав косу на кулак.

Пан Матиаш, человек крупный, не без натуги развел дерущихся в разные стороны. С неба начал валить мягкий и тихий снег, присыпая выбоины в сугробах.

- У них была любовь, - плакала Элька, размазывая по лицу капающую из носа кровь, - у них была любовь.

- Пойдем, девочка! - пан Матиаш положил ей руку на плечо. - Оставьте ее в покое, вы, маленькие звери. А то я и правда запишусь на прием к твоему отцу, Аника.

Элька покорно пошла рядом с библиотекарем, время от времени судорожно всхлипывая.

- На, - сказал библиотекарь, суя ей в руку аккуратно сложенный носовой платок.

Элька покорно высморкалась, оставив на полотне кровавые разводы.

- Я платок испачкала, - сказала она тоскливо.

- Ничего, - успокоил библиотекарь.

- Я возьму домой, постираю.

- Оставь себе, - сказал библиотекарь, - пригодится. Пойдем, умоешься.

Он отпер дверь библиотеки и кивнул на стоявший у входа веник, чтобы Элька смахнула снег с валенок.

Она и не думала, что пан Матиаш такой хороший. Когда она брала подшивки «Модной женщины», он смотрел на нее косо, потому что полагал: нечего в таком возрасте забивать себе голову нарядами и

всякими тому подобными глупостями. Он жил уединенно и, по слухам, женщин вообще не одобрял. Поговаривали, что в молодости у него случилась несчастная любовь с какой-то замужней пани из столицы, приехавшей сюда на воды, и сердце его с тех пор было разбито.

Пахло плесенью, мышами, старой кожей и пылью, но все вместе складывалось почему-то в приятный запах библиотеки. Снаружи на раму намело толстую косую полосу лилового снега, окна напротив светились теплыми огоньками, отчего Эльке в комнате с книжными полками показалось особенно уютно.

- Чаю хочешь? - спросил пан Матиаш.

Элька кивнула.

- Ага.

- Ты умойся пока, - библиотекарь кивнул на каморку, где умещались покрытый клеенкой маленький стол с чайными чашками, сахарницей и вазочкой с сухим печеньем, умывальник и пышущая жаром плита.

Пока он наливал чай из стоящего на плите чайника, Элька ополоснулась под умывальником и утерлась платком пана Матиаша - раз уж он его отдал насовсем.

- Дети в этом возрасте обычно злые, - говорил тем временем пан Матиаш. - Они уже не маленькие, но еще и не взрослые. Вот и ищут себе место, утверждают.

- Ага, - снова сказала Элька. Она подумала, что мама опять начнет сердиться. Мама последнее время часто сердилась.

- Ты тоже никак себя найти не можешь. Мечтаешь о красивой жизни.

- Я - нет, - сказала Элька и хлюпнула чаем.

- Как же нет? Все время «Модную женщину» читаешь.

- Я не потому, - оправдывалась Элька, - просто... там написано, как себя вести и вообще.

- Я вот смотрю на тебя, Эля, и удивляюсь... Ты бы лучше что-нибудь из истории почитала. Или классику. Если и правда хочешь стать образованной. Будешь читать серьезные книги, сама собой начнешь понимать, как себя вести.

- Ага, - сказала Элька, - я почитаю.

Пан Матиаш был образованным человеком, он учился в столице. Пани Ониклея как-то говорила госпоже почтмейстерше, что зря он похоронил себя в этой дыре... Все от разбитого сердца, сказала почтмейстерша. А ведь пани Ониклея, кажется, влюблена в пана Матиаша, подумала Элька.

- А ты что, правда дочка господина герцога? Или так придумала, чтобы от тебя отстали? Если придумала - это ты зря, они еще больше будут тебя обижать.

- Ничего я не придумала, - убежденно сказала Элька. - Мамка, когда господин герцог на воды приезжал, прислуживала ему. Она вазу разбила, и управляющий хотел ее уволить, а герцог защитил. Он ею...

пленился, вот. А через девять месяцев родилась я, все как положено.

- Эля, - сказал библиотекарь, - по-моему, ты все-таки выдумываешь. Это случается в твоём возрасте. Дети придумывают себе романтическое происхождение, потому что недовольны настоящим... Когда взрослеешь, родители кажутся чужими людьми, они ничего не понимают, а вот если бы были настоящими, родными, они бы сразу все поняли... примерно такой механизм.

- Не-а, - помотала головой Элька, - я правда дочка господина герцога! Не верите? У мамки есть такая штука... он ей подарил, когда они расставались... серебряная кружка для вод, на цепочке, в виде головы оленя. Они когда прощались, он ее от пояса отцепил, он всегда ее на поясе носил, и говорит, бери, Лариса, советники не дают нам быть вместе, но ты пей из нее, где касались мои губы...

Элька в ужасе чувствовала, что слова вылетают из нее сами собой...:

- И она достает ее иногда, смотрит и плачет... А у меня родимое пятно есть, точь-в-точь на том месте, где и у него, мамка говорила.

- И, хм, где оно расположено? - вежливо поинтересовался пан Матиаш.

- Там, - сказала Элька, покраснела и потупила глаза.

- Даже и знать не хочу, - сказал пан Матиаш твердо. - Ладно, Эля, ты вот что, иди домой. Маму расстраивать не надо своими глупостями.

Элька мялась. Она разглядывала лужу, которую напустили на пол валенки, несмотря на то что она отряхнула их веником, и молчала.

- Ты что?

- А если... опять этот Аника со своей компанией?

Библиотекарь вздохнул.

- Пойдем, я тебя провожу.

Он вновь накинул толстую бобровую шубу (ни у кого в поселке больше не было такой), оттаявшие снежинки превратились в капельки воды и теперь сверкали на ней, точно бисер, взял Эльку за плечо, и они вышли в ночь. Северное сияние опять начало разворачивать над ними свои полотнища, но оно было гораздо бледнее, чем раньше, словно призрак самого себя.

- Вот и весна скоро, - сказал пан Матиаш, - во всяком случае, астрономическая...

- Мамка не шлюха, - сказала Элька невпопад. - У них любовь была.

- Да-да, - рассеянно согласился пан Матиаш, думая о чем-то своем.

Снег скрипел под его солидными ботинками.

Элька на всякий случай оглянула окрестности, но улицы были пусты. Лишь пани Эльжбета, запиравшая кондитерию, приветливо кивнула им и улыбнулась, хотя обычно Эльку и не замечала.

- Иди домой, Эля, - сказал пан Матиаш, - мама, наверное, волнуется.

Элька побежала по тропинке - гостиница над морем казалась темной и неприятной, лишь светилось молочным светом окно кафетерия, где,

наверное, мама смотрела все ту же печальную историю про приехавшего в столицу молодого рыбака, в последнем эпизоде он решил стать поэтом, но бедствовал, и его любимая, бросившая ради него богатого старика, пошла на панель, чтобы его прокормить. Этот эпизод особенно понравился Анхен и Гретхен, но и мама после него расстроено утирала слезы.

Так что маме было не до нее, но на всякий случай Элька все-таки побежала, топоча валенками по свежему снегу, а когда обернулась, увидела, что пан Матиаш не повернул назад, а направился дальше по улице, где ничего не было, кроме особняка пана директора. Элька сначала подумала, что он хочет пожаловаться пану директору на Анику, но потом решила, что вряд ли пан директор станет его слушать: все-таки пан Матиаш, хотя и человек уважаемый, но живет в каморке при библиотеке, а у пана директора целый особняк с прислугой и выездом... Он, наверное, решил просто прогуляться, чтобы аппетит был хороший: вечер выдался хотя и снежный, но тихий; бывают на переломе зимы такие уютные вечера.

На следующий день Элька гадала, не сказать ли больной, чтобы не ходить в класс, но после того как она почти месяц провалялась в лихорадке, мама то и дело щупала ей лоб и так беспокоилась, что Элька со вздохом собрала сумку и потащила в школу. Однако ее страхи оказались напрасными: Аника смотрел на нее пустыми глазами и не цеплялся больше, а когда вредная Гутка пискнула: «Прынцесса явилась!», дал ей по уху так, что она с размаху села на пол и захлопала глазами.

- Ты чего это? - спросила она удивленно.

- Ничего, - сквозь зубы сказал Аника. - Не трожь ее, поняла?

Так что Эльку никто и не тронул. Пришлось ей самой отвечать про Тресковые войны, после чего пани Ониклея, сокрушенно покачав головой, сказала:

- Не всем дано.

И посадила ее на место.

Маму она вызывать в школу не стала, потому что с девочек спрашивала меньше. Раньше, до последнего указа, девочек вообще учили только домоводству и грамоте, и пани Ониклея, женщина прогрессивная, радовалась уже тому, что они обучаются с мальчиками по одной программе.

Пока Элька валялась в сырой постели, одноклассники как-то нечувствительно повзрослели и образовали сложные альянсы. Девицы ходили под ручку, дружили парочками против других парочек, говорили в глаза приятное, а за глаза - гадости, сахарно улыбались парням, парни красовались перед ними и делали глупости, а кое-кто кое с кем уже украдкой целовался на заднем дворе. Элька оставалась сама по себе - ее больше не трогали, но и не принимали в свои компании.

Эльке было все равно.

Мать уже договорилась с пани Эльжбетой из кондитерии, что та следующей осенью возьмет Эльку к себе: убираться и, если получится, помогать на кухне и за прилавком. Кондитерия считалась чистым, завидным местом, там всегда сладко пахло, и ее посещали приличные люди, и мать надеялась, что, может, Элька, если поведет себя с умом, сумеет устроить свою жизнь.

Уходила из школы не только Элька. Все знали, что Аника собирается в столицу, но с ним отправляли еще и дочку пана Йожефа, управляющего лазнями: ее определили в пансион для благородных девиц (управляющий ради этого прошлым летом ездил в столицу и, говорят, сделал пансиону неплохое пожертвование). Еще два парня тоже решили уехать - работники везде нужны, а в столице всегда больше возможностей. Элька думала, а вдруг кто из них там встретит свою любовь, как тот рыбак из фильма, и даже немножко завидовала, хотя уже понимала: в фильмах одно сплошное вранье.

Весной, когда лоскуты снега остались лишь на газонах, а в небе плавали такие же грязно-белые, подтаявшие облака, пришли первые пароходы, и в гостинице поселились первые постояльцы, в основном приказчики, закупающие копченую рыбу и консервы. Работы Эльке прибавилось, и поселившегося в гостинице невысокого человека в черном и его широкоплечего секретаря она увидела, только когда Эльку вызвали к управляющему.

Человек в черном стоял у окна, и лица его Элька разглядеть не могла, зато хорошо видела секретаря, сидевшего у двери с папкой каких-то бумаг на коленях. У пана управляющего вид был растерянный, а мать, стоявшая тут же, кусала пальцы, и Элька решила, что она, Элька, натворила что-то такое, ради чего все собрались, и на всякий случай опустила голову и убрала руки под передник.

- Эля Яничкова? - спросил человек в черном скучным голосом.

- Ага, - сказала Элька осторожно.

- Нам доложили, ты утверждаешь, что являешься незаконной дочерью господина герцога.

- Я это... - прошептала Элька и еще ниже опустила голову.

- Что господин герцог вступил в связь с твоей матерью, Ларисой Яничковой, четырнадцать лет назад, во время первого и единственного посещения целебных источников в вашем населенном пункте.

Элька молчала и только шмыгала носом. Секретарь шуршал бумагами.

- Я не хотела, - сказала Элька так тихо, что едва слышала сама себя, - это я так...

- Ты отдаешь себе отчет, что распространение подобных слухов уголовно наказуемо, а самозванцев мы преследуем по закону? -

спросил черный человек.

- Что ж ты меня так позоришь, доча? - Мать тоже шмыгнула носом, точь-в-точь как Элька. - Что ж ты такое людям рассказываешь? Я, пока твой отец был жив, ни на кого и не взглянула.

- Мамка не виновата, - шепотом сказала Элька, - это все я.

- Господин герцог вынужден строго пресекать возможные казусы и карать авантюристов.

- Ага...

- Однако в данном случае господин герцог вынужден признать, - сказал он, а секретарь все шуршал бумагами, - что слухи, распространяемые молодой Яничковой, являются правдой. Его светлость действительно, будучи на водах, вступил в связь с ее будущей матерью, Ларисой Яничковой, вследствие чего и родилась упомянутая молодая панна, являющаяся плодом их любви.

- Оп-па! - отчетливо сказал господин управляющий.

- Да я ни в жизнь, - сказала мамка и тоже всхлипнула.

Пан управляющий гостиницей стоял, открыв рот, и вид у него был глупый.

- Никогда я не имела никаких дел с господином герцогом, - сказала мамка, - это какая-то ошибка, сударь, клянусь вам. Девка моя от Йонаса, рыбака, который был мне законным мужем и потонул десять лет назад, - это все знают.

- В присутствии пана управляющего, - сказал черный человек, - и с его разрешения мы осмотрели комнаты, где проживает упомянутая Лариса Яничкова, и среди ее вещей на дне платяного шкафа было обнаружено вот это.

Он кивнул секретарю, и тот, порывшись в портфеле, извлек серебряный кубок в виде головы оленя. Кубок холодно отсвечивал под падающими из окна холодными лучами солнца.

- Ох! - сказала Элька.

- Лариса Яничкова, вы узнаете этот кубок?

- Ну... да, - сказала Элькина мама, - это господина герцога была чашка. Он из нее воду пил.

- Поскольку он был найден среди ваших личных вещей, - сказал черный человек, - то есть две возможности. Первая: кубок был вами украден, в связи с чем немедленно возбуждается уголовное дело по хищению вами ценного имущества, а вас до окончания расследования препровождают в место заключения; вторая: кубок и впрямь презентован вам его светлостью в память о ночи любви, приведшей к появлению на свет присутствующей здесь девицы Яничковой.

- Нет, - мать опять стала кусать пальцы, - ох...

- Решать вам. Я понимаю, - черный человек наклонился, и голос его стал доверительным: - Вы благородно, как и подобает избраннице его светлости, хранили тайну, защищая имя его светлости от пересудов.

Однако больше вам нет нужды таиться, его светлость признал вашу связь и готов признать плод этой связи.

- Но... - сказала мать, красная до ушей, - я... да...

- Мамка! - воскликнула Элька, не веря своим ушам.

Но мать не смотрела на нее. Она смотрела в пол, и глаза ее переполнились слезами.

- Поскольку мы получили столь весомое подтверждение этой давней связи, то готовы исполнить приказ его светлости препроводить Яничкову-младшую в столицу.

Элька молчала, раскрыв рот. Значит, у мамки и правда была любовь с господином герцогом! Она, Элька, всегда это знала. И она едет в столицу... вместе с этим неприятным господином, ну ладно. И герцог признал ее своей дочерью! Старшей дочерью, потому как с мамкой он встретился еще до свадьбы с госпожой ее светлостью. Жизнь вдруг прекрасно изменилась, повернувшись к ней, Эльке, блистательной, прежде недоступной гранью.

- Собирайтесь, панна Яничкова, - сказал черный человек, - мы сегодня отбываем.

- Но я... - Элька задохнулась, - прямо так, сразу? Я хотела... с дедом попрощаться. Мамка, ты...

Мать стояла, отвернувшись, и молчала.

- Собирайтесь, - повторил черный человек, - нам еще надо уладить кое-какие формальности. - Он обернулся к Яничковой-старшей. - Господин герцог, его светлость, велел обсудить вопрос о месячном содержании.

Выходя, Элька оглянулась на мать. Та не пошевелилась.

Секретарь вышел следом. Он был широкий, как шкаф, с крепкой шеей и большими сильными руками - и почему такой крепкий парень пошел в секретари?

Она вывалила на кровать ворох вещей и задумалась. Самое нарядное платье - это черное, с сиреневой каймой. Оно, правда, кажется, стало немножко тесновато в груди, но, может, подпороть его под мышками и вставить ластовицу? Она представила себе, как господин герцог встречает ее у трапа, а ветер треплет флажки. Только надо подобрать для ластовицы лоскутки подходящего цвета, белый плохо, может, сиреневый? Надо же, она столько раз копалась в шкафу и ни разу не нашла этот самый олений кубок, хорошо же мамка его прятала!

Застенчиво оглядываясь на секретаря, заполнявшего собой дверной проем, она сложила стопку белья: панталоны с прошивкой и ленточками, ночную рубаху белого полотна. Рубаха была чуть надорвана по шву, но это ж ничего?

- Хватит одного платья, панна Яничкова, - равнодушно сказал секретарь, - в столице у вас будет новый гардероб.

- Ох! - сказала Элька.

- Впрочем, нет, это все равно нельзя. У вас тут ведь имеется конфекцион?

- Чего?

- Магазин готового платья. Дамского платья, белья, всяких таких штучек. Есть?

- Да, - задохнулась Элька, - есть, рядом с кондитерией. Только там... дорого все, и потом...

Секретарь вынул из кармана жилетки часы-луковицу, открыл ногтем крышку, мельком глянул и вновь убрал часы в карман.

- Пусть вас это не тревожит, барышня. Все купим. Пальто, платье, и что там молодые дамы под платьем носят... еще чулки приличные, шелковые. А это не надо.

И он снял с Эльки ее нарядный шелковый платок с бахромой. Платок скользнул на пол и остался лежать маленькой пестрой кучкой.

- Шляпку еще, - сказал он задумчиво, крепкой рукой выводя Эльку из комнаты, - соломенную шляпку. С лентой.

Новое платье было шикарным, господским, мягкого синего сукна, но Элька с непривычки чувствовала себя неловко. Вдобавок она все время обо что-то стучалась полями шляпки и в конце концов сняла ее и несла в руке, держа за завязочки, точно корзину. Перевязанный ленточкой пакет с нижним бельем, тончайшим, шелковым, она несла в другой руке, постеснявшись отдать секретарю.

Из окон на них смотрели.

Элке очень хотелось зайти в кондитерию пани Эльжбеты, попить там кофе и поесть пирожных, и обязательно самых дорогих, и чтобы все видели, но плечистый секретарь опять достал часы, щелкнул по ним ногтем и сказал, что они пообедают в гостинице. Мамки за стойкой не было, а прислуживал сам управляющий, неслыханное дело. В кафетерии было полно народу, и управляющий так запарился, что даже не гонял близняшек, напропалую кокетничавших с каким-то гостем. Тем не менее он тут же подбежал к секретарю, который заказал суп с пирожками - пирожки маме никогда не удавались, но секретарь этого не знал.

Элке он заказал кофе со сливками и пирожное, потому что она так попросила, но тут получился конфуз: непривыкшая к пышным новомодным рукавам, она задела кофейную чашку, и та опрокинулась на стол, залив свежую белую скатерку. Элька ждала, что пан управляющий даст ей подзатыльник, и уже втянула голову в плечи, но тот сделал вид, что не заметил - кто ж осмелится тронуть дочку господина герцога! Новое синее платье тоже было в бурых потеках, и они липли друг к другу, потому что Элька обычно накладывала сахар очень щедро.

- Я не нарочно, - сказала Элька испуганно.

- Вижу, - сухо сказал секретарь и с отвращением стал доедать

пирожок.

- Я сейчас, - Элька вскочила, чуть не опрокинув стул, - сейчас замою.

- Только недолго, - секретарь принялся и удивленно спросил: - А что, мне кажется, будто сливки воняют рыбой?

- Ну, так... - Элька пожала плечами, - наверное, это было молоко из-под Гонтихиной коровы. Гонтиха к весне, как сено кончается, ее мороженой селедкой кормит.

- Ясно, - сказал секретарь, - селедкой. И она, значит, ее ест?

- А что ей остается? - рассудительно сказала Элька.

В кухне под стружкой воды из умывальника она торопливо замывала кофейные пятна (ах, до чего ж красивое платье, ну, может, не останется следов) и одновременно рассматривала свое отражение в мутноватом зеркале, пытаясь повернуть голову так, чтобы была видна порода. И увидела, что за ее спиной стоит кто-то еще, большой и темный.

Элька обернулась: приезжий, которого обихаживали близняшки, вышел за ней и теперь смотрел, как она отряхивает капли воды с рукавов.

- Вы это чего? - спросила она на всякий случай.

Он был ладным, хотя и не таким широкоплечим, как секретарь, и, похоже, состоятельным - в дорожном костюме добротного черного сукна, с золотой часовой цепочкой, свисающей из жилетного кармана, в ботинках хорошей кожи. Не удивительно, что близняшки так вокруг него увивались.

- Эля, - сказал он, - тебе не надо в столицу.

- Это еще почему? - спросила она сердито.

- Хотя бы потому, что у господина герцога уже есть дочь. И он надыхаться на нее не может. Это всем известно, она родилась слабенькая, ее еле-еле выносили.

- Ну и что? - удивилась Элька. - Я ж не претендую. Но раз герцог теперь мой папка...

Может, она и подружится с этой слабенькой дочерью герцога. Как там ее зовут? Надо будет спросить у секретаря. У Эльки никогда не было братиков и сестричек. И друг, честно говоря, тоже. А той тоже, наверное, одиноко.

Незнакомец смотрел на нее непроницаемыми карими глазами, и ей стало неуютно. Откуда он знает, как ее зовут? Близняшки, наверное, сказали...

- Эля, ты уже в том возрасте, когда мечтают не об отце, а о возлюбленном. Оставайся здесь. Я вижу хорошего жениха. Он приедет на белом пароходе с красной трубой и увезет тебя отсюда. Здесь плохая жизнь, Эля. Скучная и злая.

- Так я ж... - беспомощно пролепетала Элька. Она подумала, что господин герцог, наверное, скоро озаботится тем, чтобы выдать ее

замуж за достойного человека. Раз уж он признал родство, то и все отцовские обязательства вместе с ним... А интересно, кого он ей подыщет - в столице много блестящих молодых людей, недаром все туда рвутся.

- Позвольте, - за спиной у незнакомца она увидела другую фигуру, коренастую и широкоплечую. Секретарю надоело нюхать селедочные сливки, и он пришел узнать, чего это Элька так долго возится.

- С кем имею честь? - спросил секретарь, невзначай отодвигая незнакомца плечом.

- Я так... - сказал тот, - случайный прохожий.

- Эта молодая пани находится под личной опекой господина герцога. К ней не допускаются посторонние. Собирайтесь, девица Яничкова. Через час мы отплываем.

И он вновь щелкнул ногтем по крышке часов. Словно блоху раздавил.

- Но я только с мамкой... и дедом, - беспомощно залепетала Элька, - попрощаться же надо.

- Перед вашим отбытием их к вам допустят, - изрек секретарь.

Все было так, как она мечтала, и в то же время не совсем так.

Почему ее собирает не мамка, а этот противный секретарь?

Почему у причала ее ждет не личная яхта господина герцога, которую показывали в линзе, а небольшой грязноватый пароходик с пышным названием «Звезда Севера», совершенно к нему не подходящим?

Мама стояла у трапа рядом с дедом, который почему-то казался маленьким и жалким. Больше на залитой весенним солнцем дощатой пристани никого не было: ни пани Ониклеи, ни пани Эльжбеты (а ведь Элька собиралась работать у нее в кондитерии!), ни господина Матиуша, библиотекаря, хотя не каждый день находятся дочери герцога. А ведь если бы отплывал Аника с друзьями, их бы пришли проводить...

Эльке вдруг стало грустно и пусто. Маму-то в столицу не взяли. Ей захотелось утешить ее, сказать что-нибудь хорошее на прощание, однако черный человек господин Гланц и его секретарь стали подталкивать ее и говорить, что пора отплывать и капитан ждать не будет. Но Элька сказала:

- Не извольте мешать мне попрощаться с матушкой!

Она слышала, так говорили в одной фильме. Правда, у нее получилось как-то не так. Тем не менее господин Гланц, поморщившись, будто съел кислое, сказал:

- Ладно. Только быстрее.

Мать судорожно и молча обняла Эльку, в глазах у нее стояли слезы.

- Ты прости меня, доча, - пробормотала она и заплакала уж окончательно.

- Да ладно, мам, - пробормотала Элька, - я ж не в обиде... ты молчала, потому как папка не велел...

Мать сжала губы и ничего не ответила. Она как-то сразу сжалась и

постарела, распухшие красные руки в цыпках судорожно мяли бахрому нарядной белой шали. Зато дед, когда Элька повисла у него на шее, с сомнением покачал головой.

- Не знаю, дева, - сказал он, - моему уму этого не постичь. Господин герцог, конечно, человек благородный и за мамку твою тогда заступился, но пан управляющий все равно содрал за ту вазу, причем в двойном размере - если его светлость так уж Лариской увлекся, мог бы ему уши накрутить...

- Поторопитесь, девица Яничкова, - сказал господин Гланц, и Элька, оторвавшись от матери, побрела по трапу, подбирая широкие юбки. Это господское платье оказалось совсем неудобным, а ведь в фильмах эти юбки так красиво развевались на ветру.

* * *

Порт тоже разочаровал Эльку. Между бортом парохода и причалом плескалась, неся на себе мусор, мутноватая вода; грузовые стрелы, в пять раз выше, чем в поселковой гавани, клевали ящики, и тюки, озабоченные люди, заляпанные чешуей и мазутом, бродили меж грузов, поминутно заглядывая в истрепанные бухгалтерские книги. Пахло фруктовой гнилью и застоявшейся бочковой водой.

Садясь на пароход, Элька воображала себе, как она красиво сбежит по трапу среди разноцветных флажков и белых цветов, которыми осыпают ее горожанки. Но когда она, бледная после болтанки, на подгибающихся ногах, спустилась на серый шершавый настил, обнаружилось, что их никто не встречает.

А она-то думала, что господин герцог будет ждать ее на пристани, чтобы заключить в объятия. В глубине души она была рада этому: в море Эльку с непривычки укачало, и сейчас она выглядела не лучшим образом. Да и синее платье, такое красивое поначалу, после того как она в нем почти все путешествие провалялась на диванчике в каюте, помялось и обвисло.

Держа в руке шляпку и узелок с бельем, она растерянно озиралась, пока господин Гланц не сказал: «Сюда!», а секретарь, взяв ее твердой рукой за локоть, не подтолкнул к закрытому экипажу, черному, без всяких украшений. У господина Йожефа, управляющего лазнями, и то выезд был шикарнее.

В закрытом тесном пространстве экипажа, за окном которого мелькали чужие большие дома и многолюдные улицы, Эльке, затиснутой между господином Гланцем и секретарем, вдруг стало страшно. Может, господин Гланц ее обманывал, и на самом деле ее везут в тюрьму, как самозванку?

- А куда мы едем? - спросила она тревожно.

- В резиденцию его светлости, - ответил господин Гланц.

Элька облегченно выдохнула. Значит, все-таки не в тюрьму. С другой стороны, она вдруг испугалась и встречи с герцогом. Что он ей скажет? Что она ему скажет? Они ведь совсем чужие друг другу.

- А как зовут его дочку? Ну, законную.

- Зачем тебе? - равнодушно спросил господин Гланц.

- Ну ведь, раз я буду с ними жить...

- Ты вряд ли будешь с ними жить, - сказал господин Гланц, - скорее всего, тебя определят в пансион. Нужно же как-то привить тебе соответствующие навыки.

- Но у меня уже есть навыки. Я читала «Как вести себя в высшем свете». В «Модной женщине».

- Полагаю, - улыбаясь, сказал господин Гланц, - этого недостаточно.

Эльке стало стыдно - она почувствовала себя неуклюжей и глупой. Может, подумала она, увижусь с папкой, и все будет по-другому. Все-таки папка же.

При мысли о том, что она вот-вот увидит господина герцога, у нее замирало где-то под ложечкой.

Экипаж, прошуршав колесами по гравию, въехал в ворота и остановился перед крыльцом широкого серого дома. Выбраться наружу Эльке никто не помог, пришлось ей самой выпрыгивать на землю, подхватив юбки.

Ступеньки, ведущие в дом, тоже были низкие и широкие, и окна в коридоре были низкие и широкие, а коридор вел в небольшой кабинет с приемной.

В приемной еще один крепкий, широкоплечий человек с необычайной ловкостью ударял широкими пальцами по клавишам печатной машины, а в полукруглом кабинете с окнами, выходящими в голый сейчас сад, за письменным столом красного дерева сидел герцог.

Элька так растерялась, что неуклюже присела, запутавшись в юбках.

- Спасибо, Гланц, - сказал герцог, - можешь идти.

Он отодвинул стул и выбрался из-за стола.

В резком дневном свете господин герцог казался совсем не таким красивым, как в линзе дальновизора. Лицо у него было желтоватое, под глазами мешки, а под черным сюртуком вырисовывалось заметное брюшко. Элька пожирала его глазами, в надежде увидеть хотя бы какое-то сходство со своим собственным лицом, но сходства было не больше, чем у любого случайного человека.

- Значит, ты - Эля, - задумчиво сказал он.

- Да, пап... - она запнулась и поправилась, - сударь.

- Ну что ж, - сказал он неопределенно. Голос у него был высокий и не то чтобы неприятный, но тоже совершенно чужой. - В данных обстоятельствах... Послушай, что это ты держишь?

Спохватившись, Элька поняла, что до сих пор сжимает узелок с

бельем. Наверное, из-за него ей и было неловко делать книксен, ведь надо подхватывать юбки...

- Это... так, - она густо покраснела.

- Сколько тебе лет?

- Так ведь... - робко сказала Элька, но, встретив взгляд бледных глаз, добавила: - Месяц назад исполнилось четырнадцать, сударь.

- Ах, ну да, - пробормотал он, - конечно.

- Сударь, - Элька посмотрела на него полными отчаяния глазами, - если я вам в тягость... или... ну, не к месту здесь, так я не в обиде, мамка уже договорилась с пани Эльжбетой из кондитерии, и я...

- Какой еще Эльжбетой? - герцог покривился, точно от зубной боли. - При чем тут Эльжбета? Ах, ну да... - он вздохнул и покрутил в пальцах автоматическое перо, - послушай, Эля... принадлежность к державной семье налагает...

Он снова поморщился, уколотившись пером, и бросил его на зеленое сукно стола. Элька, чтобы больше не смотреть на него, разглядывала письменный прибор красного мрамора. Прибор был украшен гладким мраморным тюленем с круглыми темными глазами. Красиво.

- Я думал отправить тебя в пансион. Но, похоже, это бессмысленно.

Он заложил руки за спину и прошелся по комнате.

- Пиши, Калев. Мы, наша светлость и глава государства, всенародно объявляем и официально признаем, что девица... как твое полное имя?

- Электра, - прошептала Элька;

- Электра Яничкова, дочь, - он, проходя мимо стола, кинул мимолетный взгляд в бумаги, - Ларисы Яничковой, проживающей в поселке Курортное, является также нашей дочерью, зачатой пятнадцать лет назад во время нашего посещения упомянутого поселка Курортное. Точка. Далее. В связи с чем упомянутая Электра Яничкова препровождена в столицу, чтобы получить соответствующее воспитание и образование. Точка. Что еще... Мы, наша светлость и глава государства, готовы обеспечить девице Яничковой будущее, отвечающее ее происхождению. Все. Подпись, печать. Телефонировать в «Вечернюю столицу» и «Столичные новости», пускай завтра пришлют своих писак и светописцев. Только сначала пусть парикмахер и стилист с ней поработают, чтобы она не так... - он опять чуть скривился, - и проинструктируй ее, как себя держать. Все. Отведи девицу в ее комнаты. Ты что-то хочешь сказать, Эля?

- А можно «Модную женщину»? - замирая, спросила Элька.

- Что? Какую модную женщину? Ты о чем?

- Ну, чтобы из журнала... из «Модной женщины». Тоже. Светописцев.

- Можно. Светописцев. Телефонировать туда, Калев, номер хоть знаешь?

- Найду, - сказал Калев, не переставая стучать на машине.

Элька воображала себе всякую роскошь: ковры, фарфоровые вазы в человеческий рост, полосатые гнутые диванчики (они, Элька знала,

называются козетками). А тут, ну, правда, две комнаты, но ничего особенного. Как будто у них в гостинице, только паркет блестит и в гостиной целых два стола - письменный и обеденный, правда оба маленькие. А вот дальновизора не было, он, наверное, стоит в общей зале, подумала Элька. Или в столовой.

Окно, забранное причудливой решеткой, выходило в сад, там сквозь голые ветки просачивались косые солнечные лучи, на клумбах лежали клочья подтаявшего снега, сквозь них пробивались упрямые фонарики крокусов... Она положила свой узелок с бельем и шляпку на кожаный диван, заглянула в платяной шкаф (он был пуст) и от скуки в книжный - там стояли книги в строгих коричневых переплетах, все одинаковые: когда Элька наугад вытащила одну, то оказалось, что она на непонятном языке и даже без картинок. Она еще немножко послонялась по комнатам, но делать было решительно нечего, а спать не хотелось. В саду солнце, и птицы охорашиваются на ветках, а она сидит тут как дура.

Она натянула жакетку и направилась к двери. Однако дверь оказалась заперта снаружи.

Элька шмыгнула носом и растерянно огляделась.

Потом нахлобучила шляпку, повязала ленты под подбородком, уселась на диван, сложила руки на коленях и стала ждать.

Тени успели передвинуться по вощеному паркету и заполнить почти всю комнату, а медовый свет за окном погас, но Элька по-прежнему сидела неподвижно, уставившись в одну точку. Сами собой зажглись на стенах электрические рожки, из-за чего за окном сразу потемнело, и Элька видела свое отражение в оконном стекле, оно плавало поверх черных веток. До чего ж у нее глупый вид в этой шляпке!

Наконец за дверью послышались скрип колесиков и звон посуды, потом ключ повернулся, и Калев вкатил в комнаты столик с блестящими серебряными судками, из-под крышечек шел пар, а булки, развалившись на салфетках, пахли так, что Элька опять шмыгнула носом.

- Кушайте на здоровье, барышня, - сказал Калев и стал у дверей.

- Ваше высочество, - сказала Элька.

- Что?

- Если герцог мой папка, то я ваше высочество, нет?

- Нет, - честно сказал Калев, - вы просто побочный отпрыск. Но, полагаю, его светлость присвоит вам какой-либо титул.

- Ага. - Да если бы Элька знала, что тут с ней так будут обходиться, ни в жизнь бы не согласилась плыть в столицу. - Побочный отпрыск. Но ты, Калев, меня на ключ не запирай. Небось не тюрьма.

- Это исключительно для вашей безопасности, барышня, - уверил Калев, и Эльке было видно, что он врет, - пока вы не освоились. Так что кушайте и не волнуйтесь. А как поешьте, извольте ознакомиться с

этими бумагами. Там написано, что вам завтра отвечать на вопросы прессы. Вам следует заучить это наизусть, чтобы не было затруднений. Вы читать умеете?

- Умею, - сказала Элька задумчиво, - только я могу и сказать, что ошибка вышла. Что никакая я не побочный отпрыск, а папка мой Йонас, утонул в море, когда я маленькая была.

- Послушайте, барышня... - неуверенно сказал Кaleb.

- Госпожа Электра, - Элька поправила шляпку.

- Госпожа Электра... у меня есть распоряжение...

- Если меня сейчас же не выпустят отсюда, я им завтра такого наговорю... Скажите папке, я отменяю аудиенцию.

Каждый раз, когда она говорила «папка», Кaleb чуть заметно морщился, и Эльке это было приятно.

- Вы что отменяете?

- Аудиенцию, - холодно сказала Элька, - когда из всяких газет приходят и спрашивают вопросы. И из «Модной женщины».

- Это называется пресс-конференция, - вздохнул Кaleb, - пресс-конференция, не аудиенция. Ну, зачем вам в сад? Там же холодно.

- Потому что я так хочу, - Элька туже затянула бант под подбородком. - Я привыкла гулять перед обедом, ясно вам?

- Остынет же, - безнадежно сопротивлялся Кaleb.

- Так подогрейте, - распорядилась Элька и, подняв голову, прошествовала мимо. Проклятая шляпка опять за что-то зацепилась полями и из-за этого съехала ей на одно ухо, но Элька сделала вид, что не заметила.

Солнце ушло, и крокусы погасли: в саду было решительно нечего делать. Элька нарочно загребала новенькими ботинками, чтобы гравий громче шуршал, а Кaleb шел позади, темной неприметной тенью. Ей теперь и гулять нельзя будет без сопровождения?

Мамка сейчас, наверное, с близняшками у дальновизора смотрит новости, подумала она, ждет, что покажут Эльку.

Может, хвастается перед близняшками, говорит, что вот-вот, боится отвести глаза хоть на миг. А Эльки в дальновизоре все нет и нет.

Она порывисто вздохнула. Ничего, завтра придут из всяких газет, везде будут ее портреты, и дальновидение, наверное, придет.

За размышлениями она не обратила внимания на шум подъезжающего экипажа и лязг открывающихся и закрывающихся ворот. Но когда на дальнем конце дорожки появилась высокая бледная женщина в меховой жакетке и шляпке, Элька сразу ее узнала, потому что она-то как раз в дальновизоре выглядела точно так же. Женщина вела за руку бледную девочку в меховой горжетке и шляпке.

И их никто не сопровождал.

Элька с минуту поколебалась, кусая губу, потом решительно вздернула голову и пошла к ним, но Кaleb, догнав ее, схватил за

плечо. У него была очень сильная хватка, Элька не могла вырваться и лишь пыхтела.

- Что тут происходит, Калевб?

- Прошу прощения, ваша светлость. Это призванная ко двору девица Яничкова.

Калебу было неловко, подумала Элька, потому что он не знал, как ее представить.

- Ну, так отпусти ее, - раздраженно сказала женщина, - зачем ты ее схватил?

- Она только сегодня прибыла, - пояснил Калевб, - еще не знает, как себя держать.

- Знаю я, как себя держать, - огрызнулась Элька и выдернула локоть из лапы Калеба, - я только...

Она бессознательно оправила растрепавшуюся косу; от женщины так пахло духами, она была такая шикарная, а рука в перчатке, обнимавшая девочку, такая тонкая, что Элька почувствовала себя грубой и неуклюжей. И девочка тоже бледненькая и худенькая, точно лесная дева. У них в столице плохой воздух, что ли?

- Я только хотела сказать, - она набрала воздуха, - вы не сердчайте, он же тогда еще холостой был, а потом и ни разу не виделся с моей мамкой, вот честное слово.

- Ты о чем? - Женщина смотрела мимо Эльки, и Эльке даже захотелось оглянуться, чтобы тоже поглядеть, что там такое. - Ах, да...

- Я ни на что не претендую, вы не подумайте.

- Да-да, - рассеянно сказала женщина, - я знаю.

- Я подумала, может... если вашей девочке не с кем играть, я с радостью. Я люблю маленьких. А у меня никогда не было сестрички.

- Ей некогда играть, - сказала женщина. На Эльку она по-прежнему не смотрела, и у нее возникло ощущение, что женщина, разговаривая с ней, была как бы не полностью здесь. - Она учится. В пансионе. У них большая нагрузка. Я забрала ее на вечер, завтра она опять уезжает в пансион. Извини, Эля. Тебя Эля зовут, да? Нам надо идти. И ты, Эля, ступай в дом. Холодно.

Она потянула за руку девочку и пошла прочь по дорожке. Шла быстро, чуть ссутулившись, и девочка, увлекаемая ею, даже один раз запнулась, потому что оглянулась на Эльку, которая осталась стоять на аллее, поправляя съехавшую на ухо шляпку.

- Шли бы вы и правда в дом, госпожа Яничкова, - повторил Калевб.

Утром Эльку вызвал к себе герцог.

Сперва пришли незнакомые люди, вертели Эльку в руках, стригли, причесывали, завивали горячими щипцами, сначала натянули на нее одно платье, потом сняли его и надели другое, в клеточку... Эльке было жарко, новые башмаки со слишком высокими каблуками натирали ноги, платье колелось, но она терпела. Сейчас она была рада, что господин

герцог видит ее такой приличной, а то, наверное, вчера он расстроился, что Элька так плохо выглядит. И правда, герцог отложил самопишущее перо, подошел к ней и приподнял твердой рукой ее подбородок, точно так, как она мечтала.

- Хорошо, - сказал он, пока она смотрела на него, стараясь не моргать, - садись, Эля.

Элька осторожно села в кресло. В приемной на печатной машине бойко стучала коротко стриженная красивая девушка. Может, Элька выучится и тоже будет вот так стучать на машине? Скучновато, конечно, зато работа чистая. Нетрудная.

- Тебя хорошо устроили?

- Да, сударь, - Элька ухитрилась сделать книксен, сидя в кресле, - благодарю. Только... скажите этому, чтобы меня не запирали.

- Да, - задумчиво сказал герцог, - Калед говорил, ты была недовольна.

Он, заложив руки за спину, прошелся по кабинету. Герцог заметно сутулился, наверное, потому что все время с бумагами...

- Понимаешь, Эля, - сказал он, глядя перед собой, - я не мог тебя оставить у матери. Какой-нибудь мерзавец, политический авантюрист... воспользуется этим родством, чтобы затеять смуту. А ты, как я понял, хорошая девочка, но очень наивная.

- Я не... - начала возражать Элька, однако он остановил ее движением ладони.

- Но пока ты тут не освоилась, я не могу тебе позволить бродить по резиденции. Ты не очень знакома с этикетом... мне не нужно, чтобы пошли слухи, что ты не воспитана или, хуже того, не очень умна.

Он заложил руки за спину и стал, чуть покачиваясь на носках. Наверное, у него появилась такая привычка, потому что он хотел казаться выше, подумала Элька.

- Ты выучила ответы на вопросы? Для пресс-конференции?

- Да. А откуда вы знаете, какие они будут вопросы задавать?

- Они будут задавать те вопросы, которые им разрешено задать. Пресс-служба распространила эти вопросы заранее. Так это обычно и делается. Если кто-то из них задаст вопрос, которого в твоем списке нет, не отвечай. Просто скажи - на этот вопрос я отвечать не буду. Не «не велено», а «не буду». Ясно?

Он прикрыл двери в приемную, придвинул еще одно кресло и сел напротив, наклонившись к Эльке. Он тоже пользовался какими-то духами, и запах их показался ей, скорее, неприятным.

- Эля, послушай... я знаю, мне докладывали, что ты любишь смотреть дальновизор. Но не нужно слишком верить тому, что там говорится. На самом деле страна в сложном положении, Эля. Ледники наступают. Сельское хозяйство подорвано. Мы держимся за счет рыболовства и промышленности... и кое-каких технических новшеств. Но рыбу уводят тюлени, а дороги к рудникам и шахтам завалены снегом. Ледяные

великаны...

- Их же не существует, - прошептала Элька, - ученые опровергли...

- Еще бы, - усмехнулся герцог, - Музеум на государственном содержании. Но я сам их видел. Во время контрольного облета. Они страшные, Эля. Глаза у них светят то красным, то зеленым. Словно небесные огни. Когда такой выпрямляется... А если они однажды сойдут с гор?

Элька в ужасе прижала пальцы к губам.

- Ну да, есть укрепленный вал... есть бронебойные снаряды. Но если они погонят перед собой лавины... Кто устоит, Эля?

- Что же делать? - спросила Элька шепотом.

- Не знаю, Эля... Пока что главное - не допускать паники.

- А поселок, который... его и правда тюлени истребили? - замирая, спросила Элька.

- Нет, - сказал герцог, - тюлени не убивают людей на суше. Это старое соглашение, оно не нарушается.

- А если с ними совсем замиришься?

- Как?

- Ну, я не знаю. Если бы они опять загоняли в сети рыбу. Я знаю, так раньше было, деда говорил.

Ей было лестно, что господин герцог говорит с ней, как со взрослой. Она начала было думать о нем плохо. Что он не рад ей. А он просто тревожится за свой народ.

- Не знаю, - устало сказал герцог, - конечно, это было бы очень кстати. Но рыбаки ненавидят тюленей. Я не могу гарантировать морскому народу безопасность, а это уже...

Он резко рубанул ладонью, словно отмахнулся.

У Эльки сжалось сердце. Это и значит быть герцогом, подумала она - знать то, чего не знает никто другой. Не перерезать ленточки, не именовать корабли, не красоваться в дальнови́зоре... С опасностью для жизни кружить на аэроплане над снежными пропастями, над страшными ледяными великанами. Принимать решения. Ждать катастрофы.

- Что мне надо делать? - спросила она тихо.

- А? - он смотрел в окно. Элька тоже посмотрела: по дорожке к стоящему у ворот экипажу шли женщина с девочкой. Лицо у господина герцога на миг стало беззащитным, каким-то очень домашним, но он тут же спохватился и вернул прежний сухой тон. - Ничего. Отвечать на вопросы. Иногда выезжать со мной в представительские поездки. Позировать светописцам. Улыбаться... Я понимаю, Калев немножко грубоват. Я пришлю тебе компаньонку. Чтобы научила тебя манерам и немножко... пообтесала. Ну и тебе будет не так скучно. Что еще?

- Не запирайте меня больше на ключ, - попросила она тихонько.

- Хорошо. Не буду. Иди, Эля. Скоро начнется пресс-конференция.

Тебе надо к ней подготовиться. Я тоже должен там присутствовать, но у меня еще много дел.

Она молча кивнула, встала, шурша платьем, и направилась к двери.

- У тебя красивое имя, - сказал он ей вслед, - откуда?

Она обернулась.

- Когда мамка меня рожала, как раз пустили электростанцию, - ответила она, - и в гостинице зажглись первые лампочки.

Вот мамка и...

Он больше ничего не спрашивал, и она закрыла за собой дверь.

Оказалось, позировать для светописцев не так уж приятно: сидишь под яркими лампами неподвижно, пока по шее стекают струйки пота. А перерезать ленточку по случаю открытия новой городской гошпитали тоже небольшое удовольствие: туфли натирают, а туго стянутая талия не дает вздохнуть. Неужели все эти нарядные дамы, что точно рыбки плавали в линзе дальнови́зора, чувствовали себя так же? В «Модной женщине» ничего про это не говорилось. Когда Элька спросила ласковую, прямо сахарную компаньонку, можно ли ей почитать новый выпуск «Модной женщины», та удивленно переспросила: «Что почитать, золотко?». Оказывается, она и не слышала о таком журнале.

Компаньонка учила Эльку, что надо отвечать на тот или иной вопрос и как держать себя за столом - оказывается, это гораздо сложнее, чем Элька думала. Но когда Элька попросила принести в комнаты печатную машину, опять удивилась: «Зачем тебе, деточка?». Элька, правда, настояла и теперь два часа в день лупила по клавишам под диктовку компаньонки, а потом исправляла ошибки, которых было так много, что Элька даже поинтересовалась, нельзя ли ей хотя бы сюда приводить учителей. Стыдно дочке герцога, пускай и незаконной, ходить неученой. Но компаньонка уклончиво ответила: «С осени, ласточка».

Элька была и ласточкой, и золотком, и лапушкой, но ей порой так хотелось услышать мамино «горе ты мое!». Утешало лишь то, что в далеком поселке мама с близняшками смотрят в дальнови́зоре на нее, Эльку, и думают, что ей тут хорошо живется.

Элька теперь понимала: господин герцог вовсе не рад тому, что она нашлась, скорее, наоборот, и держит ее при себе, чтобы она не наделала каких-то глупостей, а вовсе не из любви. По крайней мере, он с ней честен, думала Элька, и это уже хорошо.

Правда, он часто брал Эльку с собой, а значит, вовсе не стыдился ее. Например, только вчера она была с ним на большом приеме в Мусеуме. Элька думала, что ученые - это важные бородатые старики в очках, но ученые были молодыми, видными и смотрели заискивающе. Ничего про ледяных великанов против Элькиных ожиданий не было сказано, а говорилось про деньги на строительство нового корпуса Мусеума, на повышение окладов для тех, кто занимается важными для

народного хозяйства исследованиями, и о прочих скучных вещах. По окончании приема Элька все-таки спросила герцога, почему ни слова не было сказано о ледяных великанах. Господин герцог ответил, что такие вещи обсуждаются с глазу на глаз и что руководство Музеума потом нанесет ему отдельный, приватный визит. Элька хотела бы знать, что там будет говориться, во время этого приватного визита, но уже понимала: ей ничего не расскажут... Государственные дела, как любила говорить ласковая компаньонка, не твоя забота, лапушка.

Но сегодня, зашнуровывая на Эльке корсет (ох, и неловко в нем было поначалу!), компаньонка даже не сказала, ради кого ей пришлось выпрямлять спину и задерживать дыхание. Она только поспешно помогла ей причесаться и повела длинным коридором. Солнце, падающее из высоких окон, выстлало красноватые плашки паркета густыми охристыми квадратами.

В парадной зале, где по стенам висели морские карты и старые картины, темные портреты незнакомых людей, за длинным столом уже сидели несколько человек. Элька узнала господ министра рыболовства и рыбной промышленности, министра морского транспорта и министра иностранных дел (Элька не раз видела их светописные портреты в газетах), сидящих бок о бок на толстых бархатных стульях, Калеба с блокнотом за маленьким столиком в углу. Остальных она не знала, хотя их лица были ей смутно знакомы, тоже по газетным светописным рисункам. Господин герцог в официальной черной паре, с золотым медальном, который он надевал только в торжественных случаях, сидел во главе стола, но когда Элька, сопровождаемая компаньонкой, вошла, встал, подошел к ней и усадил рядом с собой. Такого не случалось еще ни разу: сидевшие за столом тоже удивлялись и перешептывались, склонив друг к другу головы и искоса поглядывая на Эльку.

- Не понимаю, - герцог нервно двигал туда-сюда стакан с водой, - первый раз за сто лет... Я предпочел бы решать этот вопрос без тебя. Но они требуют твоего присутствия...

- Кто? - шепотом спросила Элька, подбирая шуршащее платье. Однако господин герцог только вздохнул и ничего не ответил.

Со своего места во главе стола Эльке было видно, что несколько кресел стоят пустыми, а на столе перед ними - яркие синие флажки на палочках.

- Идут, идут, - сказал громко министр морского транспорта, и все как-то зашуршали, зашептались, хотя с виду оставались все такими же неподвижными и важными.

Элька вытянула шею - в широко распахнутые белые с золотом двери вошли высокие люди в черных и синих суконных камзолах, похожих на те, в которых красовались важные господа на темных портретах. Коротко склонив головы, они прошли к столу и расселись на местах,

обозначенных синими флажками. Один из них сел за пустой столик в углу, напротив Калеба, и достал папку, переплетенную в рыбью кожу.

- Кто это? - спросила Элька теперь уже у сидящего с ней рядом министра рыбной промышленности.

- Тюлени, - сказал тот тоже шепотом и нервно дернул шеей.

Элька вытаращила глаза.

На тюленей они не походили. То есть если бы она увидела их на улице... Нет, конечно, было что-то немного странное, как бы нечеловеческое в их спокойных, чуть навывкате карих глазах, но господин министр иностранных дел, например, вообще напоминал старую черепаху - и ничего.

Один из новоприбывших показался Эльке смутно знакомым.

Темноволосый и широкоплечий, с гладкими белыми руками, он сидел рядом со старым седым тюленем, грудь которого украшала тяжелая серебряная цепь с тускло светящейся, как бы розовой жемчужиной. Элька никогда не видела таких больших жемчужин, даже в коллекции Мусеума, куда их водил ректор. Заметив Элькин заинтересованный взгляд, седовласый снял с себя через голову украшение, встал и с поклоном подал его Эльке. Краем уха Элька услышала, как министр морского транспорта судорожно втянул в себя воздух.

- Что я должна делать? - растерянно спросила Элька герцога.

- Прими, - ответил тот сквозь зубы.

Элька встала и сделала книксен. На сей раз книксен получился без малейшей запинки.

- Я... благодарю вас, - сказала она вежливо, - но это... право, слишком роскошный подарок. Я могу... пожертвовать его Мусеуму?

- Нет, - отвечивал седовласый, улыбаясь и качая головой, - это личный дар, который вы не вправе передавать кому-либо. Добавлю: все, что говорили о вашей красоте и доброте, скорее преуменьшено, нежели преувеличено.

Говорил он в точности, как одевался - слегка старомодно, и это ему шло.

- У вас вырос прекрасный цветок, - он обернулся к герцогу и слегка поклонился. - И мы рады возможности напомнить вам о древнем договоре.

Раздался глухой звук: это министр морского транспорта уронил свой стакан с целебной водой, и тот, покотившись по столу и оставив за собой мокрую дорожку, упал на ковер, но не разбился, а встал, опрокинувшись кверху дном, точно детский куличик в песочнице.

Остальные молчали и не двигались. Министр морского транспорта, морщась и отряхиваясь, щелкнул пальцами Калебу, чтобы тот поднес салфетку.

Герцог откашлялся.

- Договор не возобновлялся несколько поколений, - наконец сказал он

непривычно тонким голосом.

- Тем больше резона возобновить его, - ответил седой, - для вас и для нас. Мы осведомлены о ваших проблемах.

- Вы и есть наша проблема, - парировал министр рыбной промышленности и рыболовства, - известно же...

- Помолчи, Хенрик, - сказал герцог сухо, - продолжайте, сударь...

- При условии соблюдения договора мы гарантируем сотрудничество в двухсотмильной зоне согласно квоте улова, распространяющееся на все плавсредства с государственной лицензией от малых рыболовных ботов до средних рыболовных траулеров включительно, а также безопасность личным индивидуальным плавсредствам размером, не превышающим...

- ... и ваша выгода здесь? - подсказал министр иностранных дел.

- Никакой, - покачал головой седовласый, вежливо улыбаясь, - но мы рассудили, что вражда между подданными вашей светлости и морским народом несколько затянулась и никому не идет на пользу. Быть может, дальнейшее сотрудничество...

- Это для нас большая честь, - герцог овладел собой и теперь говорил своим обычным голосом, - я был бы счастлив возобновить сотрудничество с морским народом.

- Еще бы, - пробормотал сквозь зубы министр рыбной промышленности.

- Мы отлично осведомлены, что уловы падают, - продолжал седой. - К тому же морские пути сейчас небезопасны, и вы об этом знаете не хуже нас.

Герцог сделал неопределенное движение ладонью.

- Мы могли бы обеспечить проводников для торговых судов и охрану прибрежных поселений. Как видите...

- С правом селиться на нашей земле, я полагаю? - кисло осведомился герцог.

- Мы бы рады, - покачал головой его собеседник, - но ваши подданные не слишком нас любят, и это не исправить монаршими указами. Поэтому сейчас я предпочел бы не выдвигать такого условия - это предотвратит дипломатические осложнения, не так ли?

- Древний договор, - произнес герцог и откашлялся, - древний договор... Это же отжившая, устаревшая традиция. В век пара и электричества нужны более прочные гарантии. Экономические. Этот вопрос можно было бы...

- Мы настаиваем на древнем договоре, - мягкость и улыбка седого были лишь маской, за которой скрывалась твердость камня, - в противном случае о сотрудничестве не может быть и речи. Это необходимое условие.

Он вновь обернулся к Эльке, и она поняла: непонятно почему, он все-таки ей симпатичен.

- Я должен пояснить, о чем идет речь, сударыня Электра, - сказал он мягко. - Древний договор предусматривает символический брак между нашими двумя народами. Как бы суша и море вступают в супружеские отношения ради мира и процветания своих подданных. Но символический брак должен подкрепляться браком отпрысков монарших семей. У его светлости две дочери, одна еще не вошла в возраст, к тому же, как мы знаем, хрупкого здоровья, другая же в расцвете сил и красоты.

И он встал и поклонился Эльке.

- В свою очередь, отпрыск нашего правящего клана...

Тюлень, который сидел рядом с седовласым, тоже встал и поклонился, и Элька поняла, где его видела. Вокруг стало очень тихо.

Даже Калевб перестал скрипеть своим самописцем.

- Я что, - сказала она, глядя в пол. - Это как отец. Как он скажет, так и будет.

- А я думал, это все сказки! - Кто-то из незнакомых Эльке персон хлопнул себя по колену. - Надо же...

На него зашикали.

- Речь идет о благополучии моей дочери, - герцог говорил медленно, подбирая слова, - но и о благополучии государства. Вы же понимаете, судари мои, что былые времена, когда все решалось единолично по монаршему слову, давно ушли в прошлое. Старые традиции и обряды тоже уходят...

- Разве? - спросил седой, холодно улыбаясь. Между ними было что-то, чего Элька не поняла - как бы электрическая дуга, которую ей показывали ученые Мусеума.

- Я должен думать... сразу о многом, - сказал герцог. В падающем беспощадном дневном свете Эльке были видны резкие сероватые морщины и красные прожилки на белках его глаз. - Поэтому...

- Мы только приветствуем новые веяния, - сказал седой. - Обычай принимать решения, посоветовавшись с первыми лицами государства, безусловно, достоин уважения. Ваши министры просто обязаны сказать свое слово, как же иначе. Мы же с нетерпением будем ждать решения.

Он встал, и все остальные тюлени встали, отодвигая стулья, и только ожидали его сигнала, чтобы направиться к выходу. Элькин тюлень смотрел на нее спокойно и печально, и все остальные тоже смотрели на нее. Элька вдруг почувствовала, что краснеет, а глаза от смущения наполняются слезами.

- Надеемся получить ответ завтра, - сказал седой. - Дольше трех дней нам не отпущено пребывать на земле.

- Я знаю, - сказал герцог.

- Не хотелось бы огорчать вашу светлость... - Он направился к выходу, и остальные тюлени двинулись за ним. Уже у двери он на миг

задержался и коротко поклонился на прощание: - ...но отказ мы воспримем как оскорбление.

Как только дверь за делегацией закрылась, все разом зашумели.

- Не может быть, чтобы никакой выгоды. Это... какая-то ловушка, ваша светлость. Я бы советовал... предпринять дополнительное расследование...

- Однако сотрудничество... если они и впрямь согласятся... не хочу лишней раз повторять, ваша светлость, но с уловами просто катастрофа. Учитывая, что постоянные неурожаи...

- Хенрик прав, нам грозят голодные бунты. Это, по крайней мере...

- И безопасность морских дорог...

- В конце концов, она же не прямая наследница. Это может быть удачным альянсом, ваша светлость. Если подумать, это можно представить, как...

Они вновь смолкли, и Элька поняла, что все смотрят на нее, а она так и стояла, теребя цепочку с камнем. Камень был теплым на ощупь, словно живым.

- Вы считаете, что я так легко ею пожертвую? - ответил герцог, и Элька почувствовала, как у нее перехватывает горло. - Господа, моя дочь не разменная фигура в политических играх.

- А зря, - тихонько сказал похожий на черепаху министр иностранных дел.

- Помолчите, друг мой, - сказал герцог сухо. - Ступай, Эля.

Растерянная Элька брела по коридору в сопровождении компаньонки. Отец не даст ее в обиду. А она, дурочка, думала, что он ни капельки ее не любит. Да, но... если это хорошо для страны... Разве не для этого ее, Эльку, взяли во дворец? Чтобы она принесла пользу? Этот тюлень... Он симпатичный. Или нет, наверное, он противный, от него пахнет рыбой, фу. Но они совсем как люди. Дед говорил, когда они оборачиваются, то и не отличишь.

Элька то краснела, то бледнела. «В твоём возрасте мечтают не об отце, а о возлюбленном», - сказал он ей, а она и не знает, мечтает ли она о возлюбленном. Вот об отце она мечтала, и лучше было бы этой мечте не сбываться. Но ведь ее все равно рано или поздно выдадут замуж, так почему бы...

Задумавшись, она свернула было в боковой коридор, но компаньонка, ласково взяв ее за плечо, сказала: «Пойдем, лапушка», - и Элька впервые осознала, какие мощные мышцы скрыты под пышными рукавами ее платья.

В комнатах, когда компаньонка помогала ей переодеться (цепочку с жемчужным кулоном Элька положила на столик рядом с печатной машиной), Элька спросила:

- Ты что-нибудь знаешь о тюленях? Расскажи.

Компаньонка пожала могучими плечами.

- Не больше, чем ты, лапушка. Морской народ. Нелюди.оборотни.
- А где они живут? Должны ведь они где-то жить?
- Они живут в море. Где же еще.
- А... откуда тогда... такие наряды и все остальное?
- С погибших кораблей, - заявила компаньонка авторитетно, - раздевают мертвецов, сушат и складывают все в пещеры. Сундуки со дна морского, сокровища. Видела, все наряды старые. Это потому что корабли утонули давно.

Элька поежилась.

Вот и деда говорил, тюлени расплачиваются золотом с затонувших кораблей.

- А говорят, они когда-то спасали утопающих. И еще рассказывают про одного рыбака - как он взял в жены тюленью деву. Спрятал ее шкурку, и она не могла перекинуться обратно. И она жила с ним и родила ему детей. А потом ветер хлопнул дверью и шкурка упала с притолоки. И она натянула ее - и все...

- Это сказки, золотко. Никто не знает, чего они на самом деле хотят.

Она как бы невзначай потянула к себе подарок седого тюленя, но Элька не позволила:

- Дай сюда. Это мне подарили.

- Как знаешь, лапушка, но я бы... я потом отдам господину герцогу.

- Это не твое, - сказала Элька и забрала украшение. Компаньонка решила не спорить. Она вообще была покладистая. Элька подумала, что начинает ее ненавидеть.

И эта цепь тоже с погибшего корабля? Она была тонкой работы, вся в цветах и листьях и сама по себе красивая, даже если не принимать во внимание жемчужину, а одно звено, самое крупное, явно служило замком, потому что его можно было развинтить на две половинки.

Непонятно, зачем замок, если цепь и так можно свободно надеть через голову. Замок был внутри полым, вроде самопишущего карандаша, и в нем, свернутая в трубочку, лежала узкая бумажка, такая тоненькая, что выведенные на ней буквы просвечивали насквозь.

Элька оглянулась на компаньонку. Та вешала Элькино платье в гардероб и потому не могла видеть девочку ни просто так, ни в зеркале.

Тогда Элька осторожно вытащила бумажку и зажала ее между указательным и средним пальцами, а потом быстро завинтила замок, надела цепь на шею и не торопясь отправилась в умывальню. Там, усевшись на край розовой, точно морская раковина, ванны и пустив тоненькую струйку воды, чтобы шумело, она при свете электрического рожка развернула записку.

- Тебе здесь угрожает опасность, - шевеля губами, прочла она, - в соседнем с замком звене снотворное. Брось его в питье охранницы, а когда она заснет, выходи вечером в сад. Никому не говори.

Элька недоуменно покачала головой, разорвала записку на мелкие клочки и бросила в отхожее место. Потом осторожно развинула соседнее с замком звено, там лежала круглая таблетка величиной с ноготь. Элька спрятала ее в карман, торопливо вышла из умывальни и задумалась.

Может, это заговор и ее, Эльку, хотят похитить? Чтобы, например, не дать ей выйти за тюленя и спасти страну. Но ведь эту цепь сам старый тюлень ей и передал. А он у них вроде главный. Значит, это какой-то важный секрет. Может, заговор против герцога? Но он как-то прознал об этом и хочет предупредить ее или самого герцога, однако не может сказать этого прямо, потому что кругом враги?

Или и правда опасность угрожает ей самой?

Компаньонка накрывала стол к ужину, Элька смотрела, как она расставляет чашки и подносы. До чего ж у нее могучая спина и сильные руки.

Если бы компаньонка хоть иногда оставляла ее одну, подумала Элька, все было бы проще. Но она же не охранница, она просто компаньонка...

И дождавшись, пока компаньонка отвернется, она бросила таблетку в носик красивого розового чайничка, расписанного цветами и птицами.

Она уже привыкла к тому, что резиденция по вечерам пустынна и даже электрические рожки горят вполнакала. Вот и сейчас ей по дороге никто не попался. Крокусы давно отцвели и сирень тоже, а фигурно подрезанные живые изгороди буйно разрослись и скрывали от глаз скамейки под увитыми розами шпалерами и белые мраморные бассейны, в которые смотрелись белые мраморные женщины. Сумерки сгустились, и мраморные женщины казались призраками, тоскующими каждая в своем одиночестве.

Теплый ветер дул с моря, и Элька подставила ему лицо, вдруг осознав, что впервые с тех пор как ее доставили ко двору господина герцога, она прогуливается по аллеям одна.

- Но если... если все так, как ты говоришь, Эрик, они могут потребовать отдать им Лидушку.

- Это было бы не худшим выходом. Она еще не вошла в возраст. Мы могли бы по крайней мере обещать. А потом, когда все наладится, расторгнуть договор. Тогда в их помощи уже не было бы нужды.

Элька затаила дыхание и остановилась. Они сидели по ту сторону живой изгороди, на скамье, скрытый в траве газовый рожок заставлял пылать белым огнем кромку светлого платья женщины.

- Я не отдам ее им, - сказала женщина тихо, - этим монстрам.

- Дорогая моя, они вовсе не монстры. Это все предрассудки суеверных рыбаков. Но они не согласятся на замену. Они пришли за другой. За этой.

- Но почему, Эрик, почему?

- Приморский поселок. Наверняка были какие-то контакты. В таких поселках это иногда случается. Несмотря на тотальную вражду. Я так и ждал чего-то подобного - уж больно гладко все шло. Просто как подарок судьбы. Кто ж знал, что они вспомнят о древнем договоре?

- Эрик, но... А если ты им откажешь?

- Они возьмут нас измором, дорогая. Отгонят рыбные стада прочь от берегов. Впрочем, им даже не придется этого делать. Мне выкрутят руки собственные министры. Эти жирные бюргеры.

- Эрик... что же нам делать?

- Я и так сделал все, что мог. Больше того, что мог. Сделаю еще. Еще одно невозможное.

Элька по его голосу поняла, что он поднимается со скамьи, и отступила в тень.

Отец и правда не хочет отдавать ее тюленям. Он мог говорить что угодно на людях (он называл это не ложью, а политической необходимостью), но вот наедине со своей супругой, когда он был уверен, что никто их не слышит...

Но... они вовсе не монстры. Или монстры?

Быть герцогом - это знать то, чего не знают другие, подумала Элька. Что она, собственно, знает о тюленях? Только то, что она когда-то спасла одного из них?

Говорят, раненые они теряют способность перекидываться. Вот он и не мог убежать. А теперь требует ее себе. Зачем она, Элька, ему нужна? У них что, своих девушек нет?

Говорят, тюленьи девы красивые...

Пустые скалистые острова, серые мокрые камни, заляпанные чайным пометом, сырые пещеры, где в кованых сундуках хранится одежда уопленников...

- Эля!

Она вздрогнула и отступила на шаг.

- Ты поверила мне. Хорошо.

- Не знаю, - сказала Элька, - просто... мне мало что говорят. А настоящая знать - это те, кто знает. Но как знать, кто говорит правду? Компаньонка говорит - вы монстры. И госпожа герцогиня тоже. А герцог говорит - нет... Просто я зачем-то вам понадобилась. Зачем?

- Ты изменилась, - сказал он.

- Я ведь дочь герцога. Я должна вести себя, как подобает.

- Ты выросла. Твоя краса расцвела в одночасье. Я этого не ожидал. Я думал, мы заберем отсюда несчастную смешную девочку. Я рад, что мне не придется кривить душой. Я введу тебя в дом с радостью и почетом.

- Зачем я вам нужна? - тихо спросила Элька.

Он пожал плечами. Темная фигура на фоне темных розовых кустов. Ветер качнул лепестками, и густой аромат роз окутал Эльку, как плащ.

- Знаешь, в чем самое главное отличие нашего народа от вашего?
- Вы оборотни, - сказала Элька, - и владеете магией.
- Мы никогда не забываем добра. Всегда воздаем за добро добром.
- Потому что я тебя спасла? Только поэтому? Вы готовы заключить мир между нашими народами?

- Да. Потому что это единственный способ спасти тебя.

Он наклонился к ней. Она на всякий случай осторожно потянула носом. Рыбой от него вовсе не пахло. Но от него тянуло жаром, словно от плиты в их гостиничной кухне, как будто она снова дома и мама вот-вот войдет и скажет: «Опять замечталась, горе ты мое!». Ей вдруг захотелось прислониться к нему и закрыть глаза.

- Эля, - сказал он, - послушай. Мой дядя, а он глава очень большого клана, ну такой седой, ты видела, полагает, что герцог не откажет. Ведь мы предлагаем вашему народу мир и процветание. Мир и процветание, Эля. Безопасные торговые пути. Богатые уловы. Мы сознательно пошли на открытые переговоры со всей вашей верхушкой: министры, Эля, очень практичные люди. И на самом деле, что бы ни твердили говорящие головы в дальновизорах, решения принимают они. Они, а вовсе не герцог. Он только представляет верховную власть, понимаешь?

- Но он - герцог? Самый главный?

- До какой-то степени. Эля, правитель его статуса - это тот, кто возлагает на себя вину за беды страны. Тот, кто готов на жертву. Не в этом дело. Дядя полагает, что герцогу ничего не останется, как только согласиться на наши условия, но я в это не верю. Герцог умеет думать быстро. И я не знаю, каким будет следующий удар. Бежим сейчас, Эля.

Элька оглянулась. Резиденцию поглотила тьма, только в кабинете герцога светилось окно. Он работал допоздна, как всегда.

- Если я убегу с вами сейчас, - сказала она тихо, - то кого он завтра выведет к вам в обмен на безопасные морские пути и рыболовные квоты? Ему будет нечем с вами меняться.

Он вздохнул. Теплый ветер с моря кружил рядом, точно пес.

- Ты ему веришь?

- Он мой отец.

- В самом деле? Скажи, Эля, ты часто пишешь матери?

- Каждую неделю.

- И получаешь от нее письма?

- Да. Мне приносит их Калеп, секретарь.

- Эля, там, где она сейчас, не пишут писем. Мы успели увезти твоего деда, но ее - нет. Наши шпионы, к сожалению... не так оперативны, как ваши. Гостиница сгорела почти сразу после твоего отъезда. Эля - подделать почерк и манеру письма не так трудно.

- Я... не верю, - тихо сказала Элька.

- Потому что я чужак?

- Потому что он - мой отец.

- Ты в этом уверена?

- Он сам сказал.

- Эля, он сказал тебе это потому, что любит свою дочь. Он воспользовался твоей выдумкой, чтобы...

Розовые кусты разом зашуршали, словно их ударили гигантской невидимой ладонью.

Далеко за черепичными крышами в темное небо поднялся столб пламени, потом опал, но низкие облака продолжали пульсировать красным.

В резиденции разом вспыхнули окна, и Элька услышала топот бегущих ног и крики.

- Это в порту, - в выпуклых глазах тюленя отразились багровые вспышки, - это... ох...

В порту надрывалась сирена, звук метался, отражаясь от поверхности воды и рассыпаясь о стены пакгаузов.

- Он успел раньше, Эля. Он успел раньше.

Он выпустил Эльку (а она и не заметила поначалу, что он схватил ее за плечи) и бросился к ограде.

- Барышня! - Калев бежал по дорожке, топая ногами, гравий рассыпался в разные стороны под его ботинками. - Барышня, стойте!

Тюлень оглянулся: она увидела, что Калев на ходу вытаскивает самострел и поднимает его двумя руками. Первый выстрел высек искры из ограды, второй ударил тюленя в плечо, но кровь была не видна на черном сюртуке. Он просто пошатнулся, потом бросился в сторону и исчез в кустах. Люди бегали вокруг, Эльку кто-то держал за руку, чужая рука была горячая и влажная, и девочке было неприятно, потом она вдруг оказалась в своих комнатах, компаньонка куда-то исчезла, а Калев сбросил ее печатную машину на пол и уселся за стол, закинув на него ноги.

- Что случилось?

Сирены по-прежнему выли, но уже тише, глуше, а беспорядочная суeta, судя по топоту ног, сменилась деловой.

- Понятия не имею, барышня. Что-то взорвалось в порту. - Калев достал из нагрудного кармана самописку и почесал ею ухо. - Его светлость сейчас туда поехали. А вы бы шли спать, а?

- Вон отсюда, - сказала Элька.

- Ну уж нет, - Калев ухмыльнулся, - терпите, барышня. Чем я хуже тюленя?

Элька отпрыгнула в дальний угол комнаты.

- Только тронь меня, урод!

- Папе пожалуетесь? - Калев зевнул. - Не волнуйтесь, барышня, не трону. Папа не велел.

Элька пожала плечами и прошла мимо него в спальню.

- Не закрывайте дверь, барышня, - бросил Калевб вслед.

Герцог вернулся утром (Элька видела, как подъехал экипаж), но ее больше никто не вызывал, и ни о каких тюленях разговора больше не было.

Элька какое-то время потыкала в клавиши печатной машины, но клавиши западали, Калевб сломал ее, когда сбрасывал на пол со стола. Тогда Элька из коробки, перевязанной красной ленточкой, достала мамины письма.

Мама писала про разные дела, про пани Эльжбету, про почтмейстера, про здоровье деда, про то, что Аника уехал в столицу одним из первых регулярных пароходов, и Элька не могла понять, что здесь не то. Ну вот, правда, она обычно любила рассказывать про какую-нибудь новую фильму, а в письмах про это ничего не было. И она так радовалась Элькиным письмам. Свои письма Элька запечатывала и отдавала компаньонке, а та отправляла через секретарей герцога... или говорила, что отправляет?

Незнакомый человек прикатил столик с едой, и Калевб взял себе отдельный поднос и сел в углу комнаты. Наверное, боялся, что у нее еще осталось снотворное.

Элька подумала, забралась с ногами в кресло и уставилась в окно.

- Что, аппетита нет, барышня?

- Калевб, - сказала Элька задумчиво, - а ведь если со мной что-нибудь случится, с тебя спросят.

- Я здесь и сижу для того, чтобы с вами ничего не случилось, - ответил Калевб.

- Я хочу видеть герцога.

- Его светлость занят, - сказал Калевб устало.

- Если он и правда мой отец, почему он не хочет меня навестить? Почему держит под замком? Передай ему, что я хочу с ним поговорить. Как дочь с отцом.

Калевб пожал плечами, но отставил поднос и вышел из комнаты. Элька слышала, как он тихо разговаривает с кем-то за дверью.

Герцог пришел, когда тени в саду передвинулись. Вид у него был усталый, красные прожилки в белках глаз обозначились ярче.

- Да, Эля? - Он сел в кресло и сгорбился. - Только быстрее, я всю ночь не спал.

- Пускай этот уйдет, - сказала Элька.

Герцог пожал плечами, но махнул ладонью Калевбу, чтобы тот вышел.

- Ну вот. Что дальше?

- Что случилось в порту, сударь?

- Взорвался корабль тюленьих посллов, - ответил герцог. - По давнему уложению им не разрешается селиться на земле, и они ночуют на своем корабле.

- Как... взорвался? Почему?

Герцог опять пожал плечами.

- Тюленей не любят. Кто-то из разорившихся рыбных промышленников... капитанов списанных судов... кто-то, у кого они отняли заработок... порт охраняется, но кто-то ухитрился пронести взрывное устройство.

- Они погибли? - шепотом спросила Элька. Она вспомнила седого тюленя, его мягкую улыбку и твердый взгляд карих глаз. Она вдруг подумала, что именно таким и рисовался ей когда-то господин герцог.

Герцог молча кивнул.

- И... что теперь будет? Война?

- Рано или поздно она все равно началась бы, - сказал герцог, скорее, сам себе, - правда, лучше бы позже. Еще лет пять, и мы спустили бы со стапелей первый подводный бронированный корабль. Тогда бы... Может, они потому и торопились, что как-то пронюхали...

- У них есть шпионы, - неожиданно для себя сказала Элька.

- У всех шпионы.

- А если бы вы согласились... ну, отдать меня?

- Это ничего бы не изменило. Рано или поздно все равно произошло бы столкновение интересов.

- Он сказал, что договор принес бы нам мир и процветание.

- Он врал или обманывался. Постой. Кто? С кем ты разговаривала, Эля?

Эля замолчала, уставившись в пол. Ковер был украшен повторяющимися узорами, и это почему-то раздражало.

Потом, не поднимая глаз, сказала:

- Я хочу видеть маму.

- Я не могу отпустить тебя, ты же знаешь, - сказал герцог.

- Тогда пусть приедет сюда.

Герцог на миг заколебался. Потом сказал:

- Тебе здесь одиноко. Это естественно. Сейчас я очень занят. Ближе к осени я смогу уделять тебе больше внимания.

- Я хочу видеть маму, - повторила Элька.

- Эля, сейчас это невозможно. Может быть, после.

- Когда - после?

- Эля, ты аристократка. Аристократы подчиняются не своим желаниям, а необходимости.

А Элька всегда думала, что наоборот.

- Почему меня держат взаперти?

- Потому что я не знаю намерений тюленей или террористов. Не хочу, чтобы тебя использовали. Кто с тобой разговаривал, Эля?

Элька продолжала молчать, уставившись в пол.

- Ладно, - сказал господин герцог, - это уже не важно.

Он кряхтя встал из кресла, помассировал поясницу и вышел, пропустив в дверь деловитого Калеба.

- Поговорили? - спросил Калеб, запер дверь изнутри и спрятал ключ в карман.

За несколько дней заключения Элька так привыкла к Калебу, что однажды вышла к завтраку в ночных панталонах и не заметила этого. Потом, правда, спохватилась. Аристократка не должна распускаться, особенно перед теми, кто ниже по рождению. Она попросила Калеба заменить сломанную печатную машину; он сказал, что попросит у господина герцога, но машину так и не заменили, она стояла в углу и покрывалась пылью. Тогда Элька попросила поставить дальноvizор - если бы она видела то, что видит в своей буфетной мамка, ей было бы не так одиноко. Они как бы смотрели дальноvizор вместе. Герцог обещал: они увидятся с мамой. Тюлень, наверное, ошибся.

Но Калеб бросил небрежно:

- Не велено.

Он, правда, принес несколько книжек в бумажных обложках. На обложках были в рамочке сердечком нарисованы красивые женщины в объятиях красивых мужчин, но когда Элька взялась за чтение, то оказалось, что все истории похожи одна на другую: точь-в-точь как эпизоды фильма. Вдобавок все истории словно бы писаны специально для Эльки с заведомым предположением, что она просто дура. Элька попросила Калеба принести что-нибудь про тюленей, и Калеб дал ей толстую книжку со скучными картинками. В книжке было много незнакомых научных слов. Но Элька потихоньку разбиралась.

Он спасся, думала Элька, а тюлени владеют магией, и рано или поздно он вернется за ней. Герцоговой дочкой она оказалась бестолковой, но здесь не опозорит себя.

Дни текли однообразные, тихие, и один раз, выглянув окно, Элька увидела, что в саду появились красные листья. В воздухе что-то изменилось, словно перед снегом, и правда, на горизонте скопились тяжелые бледные тучи, а перед воротами в резиденцию выстроилась целая вереница экипажей.

Калеб несколько раз выходил в коридор и с кем-то негромко беседовал, потом пришла незнакомая женщина, похожая на прежнюю Элькину компаньонку (ту Элька с тех пор так и не видела), и принесла на плечиках тяжелое белое платье.

- Я надену, - согласилась Элька, - но зачем?

- Сегодня спуск на воду нового броненосца, - сказала компаньонка, - и вы, как представитель правящей фамилии...

Наверное, герцог уже нашел преступников, подумала Элька, и больше не боится за нее. Жаль, что он ничего не рассказал ей об этом. Принадлежать к знати - это значит знать.

Платье было тяжелое, громоздкое, но Элька уже привыкла к тяжелым платьям. Она достала из шкатулки тяжелую цепь с жемчужиной и надела через голову. Одно звено зацепилось за прядку волос и больно

дернуло.

- Может, без нее лучше, госпожа Электра? - неуверенно предположила горничная.

- Не лучше, - сухо ответила Элька и вышла за горничной в коридор, чуть приподнимая щепотью длинную юбку.

Господин герцог ждал ее на крыльце. Он был в торжественном камзоле, похожем на те, что носили важные господа на портретах в парадном зале, с тяжелой золотой цепью, но Элька, которая уже понимала его настроение, видела, что он не спал ночь и время от времени чуть заметно морщился: наверное, болел желудок.

- Хорошо, что ты его надела, - сказал он вместо приветствия, - этот тюлений презент. У тебя есть чутье.

Он протянул ей руку, и, опираясь на нее, она пошла к экипажу: на этот раз не к глухому, черному, а золоченому, в завитушках, и не самодвижущемуся, а запряженному парой белых лошадей. Сиденья внутри были красные, бархатные, и она сидела напротив господина герцога, который смотрел на свои руки в тяжелых кольцах, переплетенные на коленях, и ничего не говорил.

- Сударь, - тихо начала Элька, потому что понимала: другого случая может и не быть, - Эрик.

Он дернулся, точно от удара.

- Откуда ты... впрочем, неважно.

- Я согласна выйти замуж за тюленя. Это же нужно для страны, правда?

- Это ничем не поможет стране. - Он вновь глядел на свои руки.

- Тогда... я выйду за него потому, что он нравится мне, - сказала Элька. - Он хороший. И добрый. И вашей светлости больше не будет нужды опасаться, что я достанусь какому-то политическому авантюристу.

- Это невозможно, Эля, - возразил он. - Ты не ребенок, не тешь себя иллюзиями. Из них никто не уцелел. Твой потенциальный жених погиб. К тому же между тюленями и народом суши скоро начнется война. И мы к ней готовы, Эля.

Экипаж мягко потряхивало на рессорах, наверное, они свернули к порту. Элька помнила, там мостовая выложена крупными, тяжелыми булыжниками.

- Ты хочешь помочь стране... Ты хорошая девочка, Эля. Мне жаль, что... иногда мне жаль, что... былые времена прошли. Времена геройства и самопожертвования. Я иногда думаю, Эля, не потому ли... не потому ли мы наказаны?

Сердце человеческое ничто против холода этого мира, но лишь оно и противостоит этому холоду.

- Правитель - это тот, кто возлагает на себя вину за беды страны, - шепотом сказала Элька. - Тот, кто готов на жертву.

- Да, - его лицо было неподвижно, шевелились лишь губы. - Ты послана судьбой, чтобы мне стало стыдно. Судьба вообще паршивая, хитрая баба. И мстительная. Но я не могу отменить сделанного, Эля. Пойдем.

Тут только она заметила, что коляска остановилась, и их больше не потряхивает на круглых спинках брусчатки.

Он выбрался из экипажа и подал Эльке руку.

И она ахнула.

Дорога к порту была устлана коврами, а по обеим ее сторонам стояли нарядные люди и бросали цветы, и когда она, рука об руку с отцом, прошла по этим коврам, цветы продолжали сыпаться, и густой, тяжелый аромат поздних роз перебил извечные портовые запахи тухлой воды и гнили.

Несколько пароходиков, стоящих в гавани, были убраны флажками, и эти флажки развевались на ветру, красные, синие, белые, и при появлении Эльки с герцогом пароходики издали торжественный гулкий рев, словно живые, и Элька слушала их, и сердце ее трепетало у горла.

Герцогская яхта стояла у причала, и перила трапа были в шелковых лентах и цветах, а на мачте дрогнул и развернулся государственный флаг.

И герцог, рука об руку с Элькой, поднялся по трапу.

Светописцы зажигали свои белые огни, и это напоминало праздничный фейерверк.

Матросы в белых блузах стояли шеренгой у борта яхты, и герцог за руку привел Эльку на носовую палубу, а двое матросов встали у нее по бокам, и мышцы под белыми робами у них были, как у Калеба.

Капитан (наверняка, капитан, потому что он был в фуражке) подал господину герцогу громкоговоритель, и тот поднесшего к губам.

- Сограждане, - начал он тонким и высоким голосом, как всегда говорил, когда волновался. - Я знаю, чего вы ожидали от меня, от своего правителя. И я знаю, что должен делать каждый правитель на переломе тысячелетней зимы. Я верю древним хроникам. Раз за разом тысячелетняя зима наступала и губила наши поля и цветущие сады. Раз за разом спускались с гор лавины, уничтожая шахты и рудники. И каждый раз лишь царская жертва заставляла ее отступить. Ибо зачем нужны правители, как не для того, чтобы заплатить самую высокую цену, когда это от них потребуется! И я отдаю в жертву лучшее, что у меня есть.

Элька ощутила, как оба матроса, справа и слева, взяли ее за локти. Она не могла бы пошевелиться, если бы захотела. Но она не хотела. Она просто стояла и смотрела на толпу, которая разом ахнула, но не удивленно, а восторженно. Толпа знала, что будет, подумала Элька. А она, Элька, - нет. Наверное, поэтому ей и не разрешали смотреть

дальновизор. И не давали газет.

Это плохо. Принадлежать к знати - это быть тем, кто знает.

- Мою старшую дочь, лучший цветок моей крови.

И он обернулся к Эльке. В его глазах она видела тревогу, он боялся, что она будет кричать и отбиваться, но она стояла, глядя ему в глаза и плотно сжав губы.

- Прости меня, Эля, - сказал он, - или нет... не прости. Хотя бы пойми. Политика - жестокая штука, а Лидушка - такая слабенькая.

Элька разлепила губы.

- Я понимаю, - сказала она.

- Тебе объяснят, что нужно делать.

- Хорошо, - согласилась Элька. - Скажи этому, пусть отпустит мне руку.

- Отпусти ее, - велел герцог.

И Элька, почувствовав, что чужая хватка больше не мнет ей предплечье, развернулась и ударила господина герцога по лицу. Он прижал руку к щеке, потом повернулся и, сгорбившись, стал спускаться по трапу, а Элька, больше не обращая на него внимания, обернула лицо к толпе и помахала рукой. И так она стояла на носу и махала, пока трап не убрали, паруса не подняли, и яхта не вышла из порта в открытое море, где ветер срывал барашки пены.

Капитан хотел увести ее в каюту, но Элька сказала:

- Нет. - И добавила: - Не бойтесь, я сделаю все, что надо. А что надо?

- Ну... - капитан, как подумала Элька, тоже был кем-то вроде Калеба, только рангом повыше, - вас доставят на некий остров. И оставят там. Это все, что я знаю.

- А потом? - спросила Элька.

- Никто не знает, что будет потом, - сказал капитан. - Нам дан приказ сразу отчалить.

- Поражена вашим мужеством, - сухо сказала Элька.

- Это приказ, - повторил капитан, - и все же позвольте проводить вас в каюту, госпожа Электра. Становится холодно.

- Это тоже приказ? - спросила Элька.

- Да.

Элька пожала плечами и, держась за поручень, спустилась в роскошную каюту, в точности такую, как она себе когда-то воображала, всю в бархате и красном дереве, с медным хронометром на стене. Она села на красный плюшевый диван и попробовала заплакать, но не сумела. Тогда она накрылась пледом и заснула, прямо в белом жестком платье. Ей снились гостиница и окно с наметенной синей полосой снега.

Островок торчал посреди рябой водной поверхности, точно обгорелые руины какого-нибудь старого замка, и лодка, отчалившая от корабля, скользила тихо, потому что матросам было страшно и они даже весла старались опускать в воду бесшумно. Элька сидела на носу, кутаясь в

плед. Господин герцог, снаряжая ее, не подумал, что ей может быть холодно, он вообще о ней не думал, но плед был теплый и ничем не хуже меховой горжетки госпожи герцогини. Потом лодка чуть ощутимо проскребла килем по дну, и рулевой обратился к ней:

- Вылезайте, барышня.
- Что, прямо в воду? - спросила Элька.
- До берега близко, - сказал рулевой.
- Боитесь? - спросила Элька равнодушно.
- Боимся, - согласился рулевой.

Элька подумала, они должны вернуться и отчитаться, что оставили ее тут, как положено, а иначе господин герцог с них спросит.

Она скатала плед, сунула его под мышку и переступила через борт, даже не пытаясь поднять повыше платье. Платье тут же намокло и стало серым. Элька сделала несколько шагов - здесь и правда было мелко - и выбралась на скалистый берег. Кроме обломка скалы, немного защищающего от ветра, тут ничего не было: белый помет чаек заляпал выступы и грани, и от этого очертания скалы казались чуть смазанными. Когда Элька повернулась к морю, лодка была уже далеко, а яхта дрожала от нетерпения, словно испуганное животное. Элька отвернулась и больше не смотрела в ту сторону.

Потом она стащила с себя платье, разложила его на относительно сухом клочке суши, придавила камушками, чтоб не улетело, завернулась в плед и стала ждать.

- Эля!

Она вздрогнула и обернулась. Солнце ушло, красная полоса над морем догорела, и в темном небе встали привычные бледные занавески. Скоро они станут ярче, подумала она, и надолго повиснут в зимнем небе.

- Так я и думала, - сказала она.

Тюлень стоял у кромки воды, что-то в его очертаниях было неправильным, и, приглядевшись, она поняла, что одной руки у него нет. По плечо.

- А как ты теперь плаваешь? - спросила она.

- Плохо плаваю, - согласился тюлень.

- Сейчас ты мне скажешь, что пришел меня спасти.

- Я не могу тебя спасти, - ответил тюлень. - Он не отдаст тебя. Он ходит на глубине вокруг острова. Он голоден. Я пришел умереть с тобой.

- Кто он такой?

- Древний, - сказал тюлень, - страшный.

Он подтянул под себя ноги и сел рядом с Элькой, зеленые и красные полотнища разворачивались в выпуклых карих глазах.

- Зачем меня ему отдали? Погоди, не говори. Это жертва.

- Да. Древняя жертва. Раз в тысячу лет, когда земля слабеет и

остывает, ему жертвуют девушку царской крови. И он отдает земле свою милость. И холод отступает. Зима слабеет, а земля просыпается в цвету. Это тоже брак моря и суши, Эля. Не двух народов - всего мира. Двух его стихий.

- Что он со мной сделает?

- Не знаю. Возможно, отпустит. То есть вероятности мало, но... Ведь ему подсунили подделку. Его надули, Эля. Раньше, давным-давно цари с радостью шли на жертву. И на жертву растили своих дочерей. А сейчас век политики. Век пара и электричества. И «герцог» на самом деле выборная должность. И Лидушка - слабенькая девочка. Когда политика выступает против древних сил, древние силы остаются в дураках, Эля.

- Я не дочь герцога, - спокойно сказала Эля.

- Нет.

- Но это не значит, что я не царской крови.

- С чего бы это? - удивился тюлень. - Я хорошо знал твою семью. Ты дочь буфетчицы Ларисы Яничковой и рыбака Ионаса. Ты хорошая девочка, но фантазерка.

- Аристократ - это тот, кто знает, - сказала Элька и подтянула плед к подбородку. - Тот, кто идет на жертву без радости, но с готовностью. Вот и все.

- Ты воистину царской крови, Эля, - сказал тюлень, - и я люблю тебя.

- Правда? - спросила Элька.

- Правда.

- Это хорошо. Потому что мне нужно тебе кое-что сказать. Господин герцог, он ведь очень умный человек, знаешь... но он проговорился. Он строит бронированные подводные корабли. И скоро спустит их на воду. Если этот... отдаст земле свое тепло, и климат изменится, и опять придет рыба... Ему не нужно будет ни с кем делиться, понимаешь? Ваши шпионы об этом знают?

- Нет, - признался он, - нет... Бронированные подводные корабли... вот старая лиса!

- Ты расскажешь своим? Он ведь выпустит тебя? Ему нужна я, не ты.

- Я не хочу, чтобы ты встретила его одна, Эля.

- Почему? Я должна. Может, это не так уж страшно. Давай действовать по правилам. Им несколько тысяч лет, этим правилам, они не могут ошибаться.

Она протянула из-под пледа руку и погладила его культу.

- Почему, - сказала она, - почему ты стал моей единственной сбывшейся мечтой? Я ведь так хотела, чтобы ты приплыл сюда и чтобы я тебе все это рассказала.

- У тюленей своя магия, - ответил он.

Она слабо улыбнулась.

- Это, конечно, объяснение. Все, ступай. А то я буду плакать, и у меня

нос покраснеет. Что Он подумает? Что ему подсунули какую-то уродину.

Она простилась с ним у кромки воды, потом, не стыдясь никого, скинула плед, подняла с камней подсохшее белое платье, натянула его на себя, поправила на груди тяжелое тюленье украшение, села на самый высокий камень и стала ждать.

НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА

ВИКТИМАРИЙ

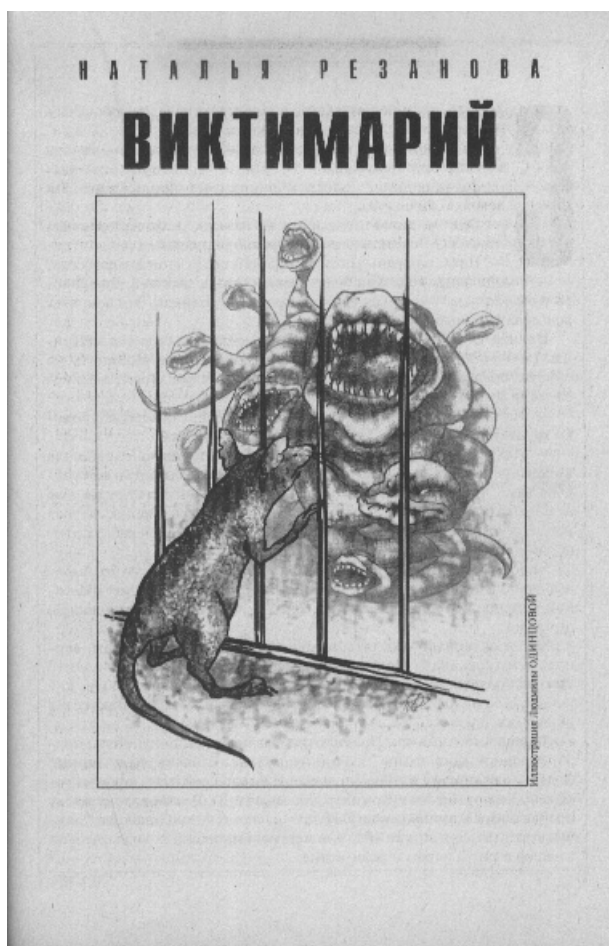

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Сверчки... - покупательница, склонив голову, залюбовалась обитателями вольера. - Они такие милые...

- Да, - пояснила Зоряна, - хотя обычно для размена и на выезд берут тараканов.

- Тараканов? - плохо выщипанные брови поползли вверх. - Почему?

- Они неприхотливы, легки в переноске и быстро размножаются. У нас

есть несколько разновидностей.

- Нет... тараканы мне как-то не очень... а что у вас еще есть?

- Для мобильных действий берут мышей, крыс, лягушек. Для работы в стационаре - морских свинок, кошек и кроликов. Это вон в тех вольерах: посмотрите, пожалуйста.

Покупательница шмыгнула к вольерам с правой стороны магазина. Дамочка явно из тех, кто пытается приобщиться к Искусству по самоучителю. Может быть, посещала краткосрочные курсы, где с нее слупили плату, но не потрудились объяснить азы.

- Но они такие милые... - дамочка смотрела, как черные кролики хрупают морковкой. - Пушистенские... Как же их?

- Исходя из необходимости, - Зоряна достаточно долго работала в магазине и приобрела некоторую выдержку, позволяющую не сообщать даме, что она дура. А также перенести следующее «а что у вас еще есть?», провести ее вдоль клеток с птицами, поясняя, в каких случаях используются петухи, а в каких - куры. И чем отличается работа с воронами от работы с попугаями.

Хорошо, что дама не потребовала собак. Независимо от породы, собаки попадали в реестр «крупные млекопитающие», каковой запрещал продажу частным лицам, тем более не имеющим диплома.

Как и следовало ожидать, дамочка, обойдя весь магазин, вернулась к тараканам. Похоже, дура не безнадежная. Хватило у нее ума сообразить, что с кем покрупнее она не справится. Хотя, конечно, в ее возрасте внукам надо попы вытирать, а не Искусству обучаться.

Зоряна выписала чек. Правила требовали, чтобы покупатель, приобретающий даже самое мелкое существо, оставлял свои данные (и даму, ежели кому интересно, звали Цветана Сташкова, проживающая по адресу: бульвар Божидар, 12, корпус Б). Запаковала коробку с тараканами и приняла плату. И довольная госпожа Сташкова покинула уютный магазинчик «Все для жертвоприношений» под вывеской с чашей и ритуальным ножом-атаме.

Зоряна уселась у прилавка с учебником по маркетингу. В ритуальный зоомагазин она пришла после школы, где старшие классы имели уклон в менеджмент. Разослала резюме в несколько фирм, но вакансия для сотрудницы без рабочего стажа нашлась только здесь. Работа ей в общем нравилась, но оставаться продавщицей до конца дней Зоряна не собиралась. Даром она не обладала и, будучи девушкой здравомыслящей, осознавала это. Сейчас она готовилась к экзаменам на заочное отделение экономического факультета. Шеф не возражал, тем более лето - мертвый сезон...

Звякнул колокольчик у двери, и Зоряна спрятала учебник под прилавок. Ну вот, накликала... хотя сетовать нечего, от покупателей зависит жалованье.

Если это, конечно, покупатель.

Могла нагряться проверка из санитарно-эпидемической службы или Коллегии волхвов. Могли, что хуже, заявиться защитники прав животных, много их развелось в последнее время. Ну что за люди? Ведь знают, что без жертвы ритуал вызова не происходит. Так нет, протестуют. Отчасти из-за таких, как они, чародеи и вынуждены использовать насекомых. Не то чтобы торговля из-за этого ухудшилась: тараканов брали бойко, особенно дилетанты, их не жалко, тараканов, в смысле. Хотя и дилетантов тоже.

Но борцы и в особенности борчихи, как увидят в вольерах кошечек и морских свинок, сразу в штыки. И то обстоятельство, что у нас есть лицензия, их не волнует. Пикеты устраивают, витрины бьют. Такое чувство, что они ради морских свинок сами кого угодно в жертву принесут.

Но это оказался не инспектор и не активист «Стражей природы». И не покупатель. Правда, иногда покупки здесь он делал. За время работы Зоряна успела с ним познакомиться.

- Добрый день, господин Кадоган, - сказала она и нажала кнопку селектора. - Шеф, это к вам.

Вук Милич, владелец магазина, появился из внутренней двери. В отличие от большинства своих клиентов, он дилетантом не был. Дипломированный стригой, выпускник высшей шоломонарии в Сармизегетузе, он предпочел карьере сравнительно спокойную жизнь хозяина жертвенного магазина.

Насколько знала Зоряна, господин Кадоган был приятелем шефа с давних лет. Он-то карьерой не пренебрегал и работал на Коллегию волхвов - или как это у них там в Альбионе называется. В Трансбалканию наезжал в командировки и во время визитов в Светоград заходил повидать старого друга.

Они и вправду были старыми, с точки зрения Зоряны, - наверняка за сорок! - и являли собой полную противоположность: плотный, даже несколько грузный владелец магазина с сидящими лохмами и отвислыми усами и сухощавый, подтянутый альбионец с бритой головой и ритуальной татуировкой на лице. Усы он тоже носил, но аккуратно подстриженные.

- Привет, старина. Как здоровье?

- Не жалуюсь. А твое?

- Могло быть и лучше. Ну что, зайдешь ко мне?

- Сварить кофе? - предложила Зоряна.

- Не надо, я сам.

* * *

Кадоган достал юкатанскую сигару, пока Милич в маленькой кухоньке

готовил кофе. Хозяин предпочитал курить трубку. А гость, признаться, предпочел бы чай, но, будучи за границей, с уважением относился к местным обычаям.

Они были знакомы со студенческих лет. Брайс Кадоган приехал в Сармизегетузу из Акве-Сулис по обмену. Вернувшись, поступил на службу и сейчас был чиновником при Большом круге друидов Альбиона. Вук Милич не сомневался, что сюда он прибыл по поручению своего руководства, и все же, разлив кофе по чашкам, спросил, соблюдая приличия:

- Ты в отпуске или по служебным делам?

- По служебным. И, возможно, мне понадобится твоя консультация.

- Вот как? По части вызова ты всегда был сильнее меня. Я, по правде говоря, давно забросил это дело...

- Да, но ты специалист по жертвам. И специфика может быть местная.

- Не понимаю, что специфического ты собираешься здесь найти. -

Милич отпил кофе. - Во всем Азиопском союзе действует один и тот же реестр жертв. Конечно, в других краях есть отличия... - Он полюбовался на тонкий ханьский фарфор чашки, особенно хрупкий в его сильных пальцах. - Но мы ведь не ханьцы, чтоб довольствоваться бумажными и соломенными подобиями жертв... - Тон был шуточный, хотя тема для человека его профессии болезненная. Пресловутые «Стражи природы» все громче требовали через прессу, чтоб маги, волхвы и заклинатели последовали в этом отношении примеру ханьцев. И убедить их, что тамошняя магия имеет принципиально иную основу, было совершенно невозможно.

- Рассказал бы я тебе, что мне известно о некоторых ханьских ритуалах... впрочем, к делу это отношения не имеет.

Далее Кадоган выждал, пока его собеседник выпьет кофе и раскурит трубку.

- Скажи, у тебя в последние месяцы не было необычных заказов?

- Что ты имеешь в виду под «необычным»? У меня совершенно стандартный ассортимент. Ничего экзотичнее попугаев не держу.

- Необычный - не значит «экзотичный». Например, жабы. Нетопыри. Большие партии кошек...

- Нет, ничего такого не было. Однако ведь далеко не все колдуны, особенно нелицензированные, приобретают объекты жертвоприношений официально. У нас говорят: «Знаешь, как определить, что в квартале поселился вражигор? В округе исчезли все кошки». И вообще, я бы предпочел, чтоб ты изложил суть дела.

- Ни за что не поверю, будто ты не слышал рассуждений о том, что магия в наши дни значительно ослабла.

- Конечно, слышал. Они не были новы в пору нашей юности и наверняка будут продолжаться после нашей смерти.

- Да. Но в последнее время в них наметилась опасная тенденция.

Утверждают, что это происходит не вследствие естественной истощенности магических источников энергии и перехода на технологии. Будто бы всему виной нарушение определяющих принципов в ритуале вызова.

- Как это? Ритуальная магия строится на незыблемости традиций.

Кадоган вздохнул.

- Тебе прекрасно известно, что абсолютно все культуры начинали с человеческих жертвоприношений. И у нас в Альбионе, и у вас. А уж что творилось в Старой империи после победы пунов в Трехсотлетней войне... Но постепенно нравы смягчились, и в большинстве стран пролитие человеческой крови стало считаться дикостью. Людей заменили животными. Хотя сам принцип: магическая сущность отвечает на призыв только в обмен на чью-то жизнь - безусловно, сохраняется. Однако опасные утверждения состоят в том, будто чем незначительнее существо, приносимое в жертву, тем слабее отвечающая сущность. В древности на жертву сотни быков отзывались духи такого порядка, что их признавали богами. А кто придет на жертву мышей и тараканов?

- Я бы не сказал, что это такая уж ересь. Разве случайно, что жертвоприношение крупных животных, в первую очередь быков и коней, закреплено исключительно за государственными магами?

- Да, но представь, что гекатомбу или ашвамедху попытались провести люди недостаточно компетентные?

- А что, были прецеденты?

- Полноценной гекатомбы не случилось. Сам понимаешь, сотню быков частному лицу принести в жертву трудно. До человеческих жертвоприношений тоже, к счастью, не дошло. Хотя - сугубо между нами - попытки выйти за рамки дозволенного законом имели место.

- Они всегда были.

- Но не с летальным исходом. А их случилось несколько. Остальных сторонников этой опасной теории удалось арестовать. Однако мое руководство считает, что у них имеются единомышленники на континенте, в частности здесь, в Светограде.

Милич выколотил трубку в пепельницу.

- Значит, говоришь, жабы, нетопыри и кошки в количествах. Этот, как его... тагайрм.

- Да. Ритуал, который, как считалось, вышел из употребления лет двести назад. Но его снова пытаются возродить.

- Я постараюсь узнать по своим каналам. Хотя, согласишься, у соответствующих органов для этого больше возможностей. Почему ты не обратился к ним?

- Потому что мое руководство не желает, чтоб дело получило огласку. А ваши трансбалканские службы деликатностью не отличаются. И если за это уцепятся СМИ, могут быть неприятные последствия.

- А понятнее нельзя?

- Видишь ли, сейчас нестабильная ситуация. Смятение умов. Близится дата, обозначенная в календарях жрецов Юкатанской империи...

- О Триглав! - Милич развел руками, чуть не уронив чашку. - А нас еще считают отсталой страной. Альбионцы, просвещенные мореплаватели - и верите в эту чушь о конце света? Или ты забыл, сколько шума было лет десять назад вокруг «Универсалий» Бен-Эфраима? В них тоже вычитывали пророчество о конце всего сущего, хотя что он мог напророчить, это сектант-единобожец? Но указанная дата прошла - и мы все живы.

- Мы это понимаем, а широкая публика - нет. Немало людей склонно к необдуманному действиям. И если они решат, что возрождение жертвенных кровопролитий может отодвинуть конец света...

- Пожалуй, ты прав, - после паузы произнес Милич. - В таком случае постараюсь навести справки на черном рынке. Я не слишком часто с ним контактирую - не потому что так уж законопослушен, а просто ленив. Мне хватает того, что у меня есть. Но эта публика похваляется, будто для церемониала может достать любое животное - от варанов до слонов, были бы деньги. Хотя сдается мне, что насчет слонов они преувеличивают.

- Согласен. Я, со своей стороны, поработаю с контактами в Коллегии волхвов. Там есть некоторые наши однокурсники, может, им что-нибудь известно. Что ж, спасибо за кофе. Извини, что затрудняю тебя.

- Будешь моим должником.

* * *

Везде, где существует легальная торговля, есть и нелегальная. Тем более в таком городе, как Светоград, где власти обычно глядели на это явление сквозь пальцы. Не то чтоб жители столицы были как-то особенно порочны. На рынок обращались большей частью по очень простой причине: ходовой товар здесь стоил значительно дешевле, чем аналогичный в магазине - сертифицированный, из питомника. Не гоняться же за теми, кто экономии ради разводит тараканов у себя в квартире или ловит бродячих котиков. Облавы случались только в случае очень уж наглых ограблений государственных питомников-виктимариев или уважаемых магов, когда похищенное могло найти сбыт на рынке. Но, разумеется, настоящие крупные сделки заключались вдали от развалин амфитеатра времен Пунийской империи, где обычно собирались торговцы. И суммы через черных дилеров проходили серьезные. В последний раз Вук слышал о скандале, связанном с теньвыми дельцами, когда секуристы конфисковали предназначенного к продаже детеныша яйцевого тигра (не слон, но по стоимости

сопоставимо).

Сам Милич обращался к услугам рынка по двум причинам - поставщики задерживали товар или заказчики требовали что-то действительно экзотическое, вроде гремучих змей. Обе ситуации возникали нечасто, но все же возникали. Поэтому деловые люди на рынке отличали хозяина магазина и от агентов-секуристов, и от волхвующих недоучек, которым лишь бы подешевле и плевать, что искомая гадюка в результате оказывается ужом, а у «черной кошки без единого светлого волоска», каковая требуется для некоторых церемоний, при ближайшем рассмотрении оказываются плохо покрашенная белая грудь и лапы.

Кстати о кошках. Количество заклинаний, проводимых с их участием, было чрезвычайно велико, и этот товар пользовался постоянным спросом. Правда, ритуалы плодородия, где, как правило, в жертву приносились кошки в большом числе, в последние десятилетия стали считаться варварскими и вышли из моды. Но церемонии, где требовалось не больше одного животного - от приворотных до противопожарных, - по-прежнему были популярны, и никакие борцы за права животных ничего не могли с этим поделать. Хорошо, что кошки так быстро плодились. Поэтому Вук решил начать с расспросов о них - это не вызовет подозрений.

Но результат оказался нулевой. Повышенного интереса на рынке к оптовым партиям кошек не наблюдалось. Летучих мышей не заказывали. Жаб брали, но в количествах, не превышающих обычное. Из этого следовало: либо те, кто желал вызвать опасных существ, действовали за пределами черного рынка, либо Круг друидов Альбиона просто решил перестраховаться и занимается швырянием камней по кустам, в надежде таким образом убить зайца. Или кота. В самом деле, Трансбалкания - страна с мощнейшими магическими традициями, и если искать на континенте магов-возрожденцев, то где-то здесь. Но ведь Брайс сам признался, что никаких конкретных оснований для поисков в этом регионе у него нет. Только подозрения. А на эти подозрения можно бы ответить так: традиции традициями, и тех, кто занимается магией, профессионально или любительски, здесь, вероятно, больше, чем где-либо в Азиопе, но... здесь слишком любят получать удовольствие от жизни, чтоб напрягаться по указанному поводу. Магия помогает решать разнообразные бытовые проблемы, вроде ухода за цветником или огородом, хранения скоропортящихся продуктов, и позволяет женщинам казаться привлекательными, а мужчинам наилучшим образом на эту привлекательность реагировать. С помощью магии можно навредить врагу или, наоборот, защититься. Как правило, подобные действия запрещены законодательно, но всегда можно найти возможность обойти закон. Однако изобретать или, скажем, возрождать способы вызова могущественного духа,

притом что этот дух способен тебя же и разорвать в клочья, как это случилось в темные века и, видимо, теперь происходит на родине Брайса? Увольте. На подобное способен только какой-нибудь сумрачный альбионский гений.

Зачем, когда можно курить в прохладе кабинета, глядя на лозы, оплетающие каменную ограду палисадника, на наливающиеся под ярким солнцем темно-лиловые кисти винограда? А потом, когда дневная жара спадет, прогуляться до ближайшей харчевни, где так славно готовят жареную баранину с баклажанами - и если хозяин использует для этого какую-то кухонную магию, честь ему и хвала. Это прекрасно, и те, кто упрекает Милича, что он не использует свой талант, хотя мог бы стать государственным магом либо достичь известных высот в Коллегии волхвов, лукавят и лицемерят. Соотечественники его всегда поймут. Даже Кадоган - и тот поймет. Он все-таки достаточно здесь пожил.

Однако это красивые слова, а итог один. Точнее, его нет. Он не смог помочь однокурснику.

Вернувшись, Милич застал помянутого однокурсника в магазине. Тот беседовал, точнее, в старомодном стиле любезничал с Зоряной. Магазин «Все для жертвоприношений» пустовал. Мертвый сезон, будь он неладен.

Милич, поздоровавшись, спросил у продавщицы, как дела. Скорее, для порядка. И так было ясно, что ничего особенного не произошло.

И верно: Зоряна ответила, что с утра заходило несколько человек, но брали по мелочи - мышей в основном.

В кабинете Вук сообщил Кадогану о своих наблюдениях и выводах из них.

- Одно из двух: или контакты происходили на том уровне, который мне недоступен, или у них другие источники. Если ты, конечно, не ошибаешься, и некондиционные жертвоприношения все же происходят. Но это узнавай в Коллегии волхвов. Надеюсь, там к тебе будут благосклонны. Из всех иностранцев у нас особо любят альбионцев, со времен публикации трудов достопочтенного Брайана Шонесси, которые сделали трансбалканской магии, как нынче говорят, грандиозный пиар.

Кадоган поморщился.

- Ну уж, кому как не тебе знать, что Шонесси с настоящей дакийской магией был знаком слабо, а зияющие пробелы в познаниях заполнял собственными домыслами. А поскольку он, к несчастью, обладал явным литературным талантом - в отличие от таланта магика, - эти вымыслы затмили скучные факты. Ему бы романы писать, а не труды по истории магии...

- Тем не менее «Книга теней» обеспечивает шоломонариям приток иностранных студентов, а стало быть, дотации и престиж.

- А вымыслы почтенного включаются в самоучители по Искусству и выкладываются на многочисленных сайтах в мировой сети.

- Он вздохнул. - Все наши беды - от недоучек. Те несчастные, что возрождали кровавые жертвы на островах, тоже нахватались правил из таких пособий. Ведь почему церемониальная магия вытеснила все иные разновидности Искусства? Она доступна практически всем. Работу исполняет мистическая сущность, приходящая на вызов, от дара вызывающего ничего не зависит, главное - правильно выполнить инструкции. Опытный, обученный маг и какая-нибудь домохозяйка оказываются в равном положении. А точнее, у домохозяйки есть преимущества. Потому что настоящий маг сознает свою ответственность и заведомо не совершит опасных действий, а вот домохозяйка способна натворить что угодно.

- Так ты за то, чтоб ограничить доступ к Искусству? Не замечал в тебе прежде подобного снобизма.

- Это не снобизм. Это закономерный вывод из того, чему я был свидетелем. Да, я считаю, что было бы лучше, если бы профанов не допускали к занятиям магией. Но об этом следовало подумать лет полтораста - двести назад, когда существовала реальная возможность оградить магию. А сейчас любые меры подобного рода будут бесполезны. «Информация должна быть свободной» и все такое прочее.

Милич воздержался от ответа. Возразить однокурснику было нечего... и все же он был не прав. Чародейство - как его ни называй - слишком пропитало повседневную жизнь, лишить людей доступа к нему - все равно что... ну, к примеру, зимой оставить без топлива. Но объяснить это Кадогану трудно. Он официальное лицо, а Милич даже не практикующий шоломонар.

Кадоган первым нарушил паузу.

- Ты не спрашиваешь, каковы были итоги моих изысканий. Ценю твою деликатность. Так вот: я виделся с Жиану.

Еще один соученик. Теперь занимает видный пост в Коллегии волхвов. Н-да, двадцать лет назад Вук Милич считался звездой курса, а Раду Жиану - середнячком... История, впрочем, обычная.

- Так вот, не далее как на этой неделе зафиксировано заметное колебание магической энергии, такой, какая проявляется при вызове сильной сущности. Незапланированное, заметим, колебание.

- А это не конфиденциальная информация?

- О, Коллегия не придавала этому значения, так как сведений о том, что кто-то пострадал, не поступало.

- Узнаю родную Коллегию, - проворчал Милич. - Пока гром не грянет, стригой не побеспокоится. Стало быть, по-твоему, это оно?

- С большой вероятностью. Как бы ты ни язвил насчет Коллегии волхвов, Круг не менее консервативен и также не склонен придавать

особого значения показаниям техномагических приборов. Но когда случилось... то, что случилось, проверка выявила - происходили подобные всплески. Стало быть, связь имеется. Тот, кого я ищу, уже действует. Просто, как ты и предположил, его контакты вне сферы обычных рыночников.

- Это предполагает закулисные сделки, а стало быть, наличие больших денег. И то, и другое вряд ли можно отнести к нелюбимым тобой домохозяйкам.

- Что ты прицепился к слову? Я ничего не имею против женщин, посвятивших свою жизнь домашнему хозяйству. Напротив, я их всячески одобряю. А это была лишь метафора для дилетантов, которые большими деньгами нередко обладают.

- Пожалуй, - согласился Милич. - Когда на рынке пытались продать тигра, это получило широкую огласку, а вот сколько тех тигров было продано без огласки, никто не знает.

- Это не тигр.

- В смысле?

- Понимаешь, можно скептически относиться к способностям Жиану, но опыта и добросовестности ему не занимать. Так вот, он озадачен. Утверждает, что по колебаниям энергии обычно способен определить, какое животное использовалось при вызове. А тут - нет. Не то что вид, даже размеры. Предполагает, что приборы в их техномагическом отделе дали сбой. Но могут быть и другие варианты. Либо это какое-то неизвестное Жиану животное. Либо церемония была проведена по ритуалу, на восприятие которого стандартные приборы не рассчитаны.

- Как тот же тагайрм?

- Верно. Нынешние магики не думали, что в наше время найдутся желающие трое суток варить кошек в котле с чтением соответственных заклинаний. Однако ж нашлись.

- Значит, ты склонен предпочесть этот вариант?

- Я склонен рассмотреть оба. И не говори мне, что Трансбалкания не славится экзотическими животными. Контрабанда легко решает эту проблему...

Милич не слишком прислушивался к его рассуждениям. Казалось, хозяина магазина осенила новая мысль.

- А что, если это была химера?

- Разведение и содержание химер в домашних условиях запрещено законами стран Азиопского союза, - отчеканил Кадоган.

- Ты меня удивляешь. По-моему, у нас речь идет о не самых законопослушных личностях. Нарушили один, нарушат и другой. Между тем именно жертвоприношение химеры может вызвать подобный эффект.

- ...с совершенно непредсказуемым результатом. Поэтому они и запрещены.

- Судя по твоим словам, как раз те результаты и сподвигли Круг на расследование.

- Тебе не кажется, что ты чрезмерно все усложняешь? Чтобы создать химеру, нужна определенная квалификация, которой чтением самоучителей и сайтов в Сети не достигнешь. Плюс профессиональное оборудование.

- Типично альбионское упрямство. Ты отвергаешь то, что не укладывается в рамки твоей теории. А ведь оно как раз укладывается. Смотри! Ты считаешь, что незаконный вызов совершил дилетант, располагающий деньгами. Или дилетанты, если их несколько. Деньги можно потратить на контрабандную доставку экзотической жертвы, верно. Но с тем же успехом на них можно Оборудовать лабораторию. А что до квалификации... в голове у дилетанта творится такая каша, и он может чисто случайно добиться того, что опытный маг получает путем сознательных усилий.

- Слишком много допущений! Неужели, если бы в Светограде кто-то занимался созданием нелицензионных химер, Коллегия могла быть не в курсе?

- А вот это была бы уже вполне конфиденциальная информация, которой старина Раду вряд ли бы с тобой поделился. Или мог не знать сам - это не в сфере интересов его отдела.

- Опять сплошные допущения... предположим, я приму твою версию. Но тогда тебе ее и проверять. А это, друг мой, куда как сложнее, чем отследить контрабанду. Компоненты для создания химер можно закупить вполне легально. В любом жертвенном магазине - хоть в твоём. Или на рынке. Или поймать на улице.

- Это да. Но вот оборудование для лаборатории частному лицу закупить сложнее. А это уж не по моей части... хотя да, ты ведь не хочешь связываться с секуристами.

- А вот тут ты прав - и про оборудование, и про секуристов. Так что придется снова обращаться к Жиану. Если опять произойдет что-то подобное, его приборы это зафиксируют.

- А я проверю по своим каналам.

Вук Милич никогда не думал, что в его воззрениях может найтись нечто общее со взглядами руководства Круга друидов - и вот нашлось. Он тоже не доверял магической технике и недолюбливал ее. Предпочитал пользоваться обычной, да и то самой простой. Мы без этого добра тысячи лет обходились, обойдемся и теперь.

Первые попытки объединить магию и технику, еще бессистемные, предпринимались при пунийском правлении представителями так называемой Александрийской школы магии. Семьсот лет назад они были приведены в систему иберийским магом Моше Леоном, сумевшим просчитать первый алгоритм для магических машин, хотя и чисто теоретически. А опытный образец такой машины создала в

позапрошлом веке альбионская чародейка Ада Гордин.

Но все это оставалось лишь игрушками для просвещенных умов, пока не было установлено общее угасание магической энергии. Устройства, сочетающие технологию и магию, разумеется, не доступны всем и каждому. Однако Милич придерживался мнения, что техника отдельно, а магия отдельно и лучше не усложнять процесс их сочетанием.

А Кадоган, выходит, думает по-другому. И так ли уж он не прав? Создание технических устройств, основанных на магических принципах, не более противоестественно, чем создание химер. Просто второе привычнее. Нельзя сказать, что это повседневная практика, ведь дело сложное и трудоемкое, но все же такая традиция существует веками.

В принципе, ее можно назвать, если уж пользоваться современными терминами, магической биоинженерией. Созданием одного живого существа из плоти нескольких других. Разумеется, оживить такое создание можно, лишь вселив в него призванную магическую сущность. В прежние века такие опыты, как правило, проводились по заказу правителей придворными магами исключительно в военных целях. Но с развитием технологий выяснилось, что дешевле и эффективнее создать поточную линию по производству стрелкового оружия, чем сотворить одну боевую химеру. К тому же бывали случаи, когда созданные сущности в сражении вели себя непредсказуемого, поражали не врагов, а союзников, а то и вовсе покидали оболочку.

Как традиционная магическая дисциплина создание химер изучалось в специализированных учебных заведениях, но не находило практического применения в современной жизни. И уж конечно, химеры в качестве жертвы для вызова не использовались. У мага, знающего, насколько это может быть опасно, сработали бы естественные ограничители, а дилетант («домохозяйка», если воспользоваться излюбленным выражением Кадогана) не обладает достаточными умениями.

И тем не менее Милича такая мысль посетила. Форменное магическое извращение, чтоб не сказать хуже. Не зря Брайс так среагировал.

Брайс рационален - как всякий нормальный маг. Но порой слишком рационален. И хотя Милич никогда не слышал о принесении химер в жертву, но, если таковой запрет, причем выраженный в законодательной форме, существует - значит, прецеденты случались.

Опять же если подумать («снова допущения», сказал бы Кадоган), откуда следует, что это была крупная и особо сложная в исполнении химера? Коли бы в жертву принесли такую, показатели приборов у Жиану просто зашкалили бы. Если же химера создавалась на уровне «морские свинки - кошки - кролики» (тараканы и мыши в этом случае никак не годятся), то Кадоган, к сожалению, прав. Здесь покупателя отследить невозможно.

Если только...

Если только не совершить вызов самому и не направить служебного духа на поиски. Но это сработает, когда химера будет создана вновь.

Брайсу это не понравится.

Совсем не понравится.

Но разве это не его расследование, не курат его побери?

Видимый мир окружен полем магической энергии. Частицы ее, соединяясь, способны создавать сущности, обладающие различной степенью могущества и псевдоразумом. Ранее наделенные даром люди черпали силу непосредственно из поля. Но этот способ был признан слишком опасным и энергозатратным. Все, прибегающие к Искусству, стали действовать через посредников.

Магические сущности. Духи, ангелы, гении, джинны, лилим, сикидзин, данзели, йелес, лоа - в разных культурах их называют по-разному. Способные в зависимости от своей силы хоть подогреть чайник, хоть разнести вражескую армию. Но неизменно требующие жертвы взамен своих услуг. Поэтому существуют система и индустрия жертвоприношений. И все ритуалы, способные призвать сущность из разряда «разнести армию», взяты под контроль высшими магами, состоящими на службе государства. Это, в общем, правильно, иначе мир погрузился бы в хаос, настали бы новые Темные века...

То есть это лишь в идеале считается, что они взяты под контроль. Но желающие всегда найдут лазейку. И если кто-то додумался принести в жертву химеру, это может плохо кончиться. Не только для незадачливого стригоя...

Милич давно уже оставил церемониальную магию, но старые привычки не умирают. Тем более все необходимое есть под рукой. Тараканами тут, конечно, не обойдешься. Но для духа того класса, что Милич собирался вызвать, нет нужды прибегать к услугам виктимариев или торговцев с рынка. Все можно найти в собственном магазине.

Милич вышел из кабинета в зал, обогнул прилавок, за которым Зоряна беседовала с покупателем, и под удивленным взглядом продавщицы направился к вольерам.

* * *

- Запомните, мадам, - жертвенные животные обязательно должны быть молодыми, чистыми и здоровыми, чтобы высвободилось максимальное количество энергии. Это совершенно необходимое условие. На рынке вам ничего подобного гарантировать не могут. Только в специализированных магазинах, с лицензией, да-да...

Так ведь ничего и не купила. Заладила одно: «А на рынке дешевле». Ну, если результат вызова будет некачественный - это не наши

проблемы. Так говорит господин Милич.

Звякнул колокольчик на двери. Может, наконец явился? Нет, не он.

- Извините, юная госпожа, - сказал Кадоган, - я бы не стал вас беспокоить, но никак не могу дозвониться до вашего хозяина.

Зоряна махнула рукой.

- Наверняка забыл зарядить телефон. Впрочем, господина Милича все равно нет на месте.

- Забыл? Вроде мой друг еще не так стар, чтобы страдать забывчивостью.

- Вы спросите, господин Кадоган, чего он в последнее время не забывает. Магазин совсем забросил. Накладные из виктимариев ему прислали - не подписывает, кассу не проверяет. Ну, я девушка честная, чужого не возьму, но с банком ему надо рассчитываться, не мне. И если магазин прогорит, не я буду в том виновата, ей-свантевит!

В Альбионе продавщица, сообщая посетителю, что ее работодатель проявляет профессиональную некомпетентность, долго бы на работе не продержалась. Да и не стала бы она в таком случае жаловаться - корпоративная солидарность помешала бы. Но в Трансбалкании нравы другие...

- И где мне тогда его искать?

В принципе, не найдя Милича на рабочем месте, Кадоган мог бы совершить вызов и отправить на его поиски какого-нибудь мелкого духа. Но этот способ он оставил на крайний случай.

- А что тут гадать? - фыркнула Зоряна. - Когда у господина Милича проблемы, он обычно сидит в «Пастуреле» - это подвальчик такой, на углу Тырговиштенской и Драгомира...

- Благодарю вас, юная дама. Попробую поискать его там.

Наблюдательность продавщицы оказалась ничем не хуже служебного духа. Милич сидел за столиком в углу, далеко от окна. Перед ним стояла бутылка ракии, початая, но далеко не пустая. Так что намеки Зорины на то, что начальник избавляется от проблем с помощью спиртного, не имели под собой оснований.

Кадоган уселся напротив него. Милич, похоже, не был удивлен.

- Коллегия все-таки прикрыла информацию, и Жиану больше не может снабжать тебя сведениями? - мрачно поинтересовался он.

- А твои изыскания, похоже, дали какой-то результат.

Милич знаком приказал толстому служителю принести еще одну рюмку.

- Брайс, я все-таки шоломонар, а не сыщик-любитель в духе ваших альбионских сочинителей...

- То есть ты решил тряхнуть стариной и провести розыск с помощью духа.

- Да. Только моего данзеля съели.

- Погоди, как это - съели?

- В прямом смысле слова. Я находился в прямом контакте с посланным мной служебным духом, но тот был поглощен другой магической сущностью. Я едва успел прервать контакт, иначе бы на всю жизнь остался идиотом.

Кадоган нахмурился.

- Я слышал о том, что подобное возможно. Но такого не случилось очень давно. По крайней мере, в Альбионе.

- В наших краях тоже. Мы слишком хорошо помним, что творилось во времена междоусобных войн, когда страна была буквально растащена на клочки жадными князьями и боярами, которые вели охоту на магические силы противников. Поэтому нынче ни один врагитор не натравит своего данзеля на чужого.

- Ты еще скажи, что это запрещено законом. - Служитель, не торопясь, принес рюмку - они в этой стране отродясь не торопились, Милич разлил ракию, Кадоган поморщился, но выпил. - И вот еще что скажи: ты все же искал химеру?

- Я дал духу задание искать, не создается ли некое существо путем использования жизненных сил других существ. Он вроде бы нашел. И тут его съели.

- Где это было?

- А вот этого он мне сообщить не успел.

- Но прошла всего неделя после прошлого возмущения, а создание химеры - дело длительное...

- Ага! Значит, было новое возмущение энергии.

- Было. И, как ты догадался, Коллегия все же решила заняться этим вопросом. Не уверен, что Жиану дал мне все сведения по данному делу - точнее, уверен, что не все. То есть точных координат, где произошло возмущение, он не сообщил. Возможно, и сам не засек. Сказал, что это было за городской чертой, где-то возле Истрицы. Что довольно странно, если принять во внимание версию о химере. Насколько я помню, там нет населенных пунктов, в которых можно спрятать лабораторию.

- Ну, несколько деревень там имеется... Однако, скорее всего, Коллегия знала бы о подобном. Но никто ведь не утверждает, что химера была изготовлена в том районе. Там, полагаю, ее принесли в жертву. А что? Загрузить в кузов, найти подходящий пустырь и совершить вызов.

- В том случае, если у нашего фигуранта изначально была изготовлена не одна химера, это предположение приобретает смысл. В принципе, исследуя место вызова, можно определить природу жертвы... а может быть, и мистической сущности... Не хочешь съездить и проверить, прав ты или нет?

- У меня нет машины.

Этот довод настолько озадачил альбионца, что он опрокинул в рот

стопку ракии. Машинально, надо полагать. Потом хмыкнул.

- Подозреваю, что у тебя и прав нет, и водить со студенческих времен ты не научился. Ничего, это не проблема. Разве только твоя юная сотрудница выразит протест, что ты свалил на нее всю работу в магазине.

- Ничего, ей по молодости полезно набираться опыта. Она меня в последние дни совершенно достала ворчанием про накладные, как старушка, право слово.

- Я так понимаю: ты согласен. Дело за малым - найти это самое место. Если это еще не сделал Жиану со своим счетчиком.

- Ты слишком хорошо думаешь о Коллегии волхвов. Они долго раскачиваются. А что касается счетчика... я за традиционные методы розыска.

- Если ты о вызове, то на сей раз я проведу его сам.

- Не боишься, что твой дух-проводник также будет съеден?

- Это вряд ли. Если бы магическая сущность, способная поглощать другие, по-прежнему находилась на месте вызова, ее обнаружили бы самые ленивые волхвы в Трансбалкании...

* * *

В машине работал кондиционер, но когда они вышли наружу, Милич вспомнил, почему не любит летом выезжать из города (зимой, впрочем, тоже). А Брайсу все нипочем, словно он родом не из туманного Альбиона, а из жаркого Андалуса.

Смотреть, как он работает, было чистое удовольствие. Или чистая тоска - в зависимости от того, каких воззрений придерживаться. Кадоган никогда не позволял себе даже в мелочах отступить от правил церемониала. Его движения, интонации с которыми он произносил заклинания, можно было представлять студентам шоломонарий в качестве учебного пособия. Для жертвоприношения он использовал крысу, взятую в магазине Милича (Зоряна взглянула косо, но ничего не сказала). Судя по тому, как старательно он соизмерялся со своим хронометром, Брайс собирался вызвать сущность, связанную со временем - и отправить ее на поиски. Действительно, традиционная практика. А вот дальше он сумел Милича удивить. Он вызвал гения не текущего часа или даже дня.

А ведь этого следовало ожидать. Конечно же, правильнее всего вызвать гения того времени, когда предположительно произошло возмущение энергии. Если пользоваться терминологией Кадогана. А если терминологией Милича - когда его посланника сожрали. Конечно, такой вызов требует мастерства на порядок большего, чем при вызове гения текущего времени, но при Круге друидов недоучек не держат.

Милич не вмешивался в ритуал - этого ни в коем случае нельзя было делать. Дождлся, когда сам Кадоган махнул рукой: мол, садись в машину, поехали. На висках альбионца выступил пот - не от жары, от напряжения. Несомненно, он истратил больше сил, чем намеревался.

А ведь верно... если он направил духа на поиски места, где был поглощен его собрат, это не могло не вызвать противодействия. Выражаясь человеческим языком, дух испугался и уперся. Но Кадоган сумел его заставить. Это и отличает настоящего чародея от дилетанта - не только доскональное знание заклинаний и ритуалов, но сила воли, подчиняющая магические сущности.

Они ехали по трассе № 6 - Милич при всей нелюбви к загородным поездкам достаточно хорошо знал окрестности, и ему не требовалось сверяться с картой. Дорога по трансбалканским меркам вполне приличная, но не самая оживленная. Справа поблескивала полувысохшая в это время года Истрица; впереди, казалось, упорно не желая приближаться, виднелись очертания гор, слишком мрачных, слишком суровых для этой разнеженной под ярким солнцем местности.

А ведь это странно, подумал Милич. Жертвоприношение химеры... да еще, похоже, и под открытым небом... по всем меркам это должно было произойти ночью. А случилось днем. Имеет ли это какое-нибудь значение - преднамеренное нарушение всех сложившихся канонов?

Не доезжая Ежевичного Холма - ближайшего поселка, о котором было известно Миличу, Кадоган внезапно свернул с трассы в сторону платановой рощи, лениво колыхавшей листвой рядом с рекой. Милич ни о чем не стал его спрашивать: ясно, что тот следовал за духом-проводником. Когда машина огибала рощу, Милич заметил то, для чего дух-проводник не был нужен. Рядом с шоссе земля была плотной, каменистой, следов на ней не было видно, а вот здесь на слегка пожухшей траве виднелась колея - несколько дней назад проехала машина, судя по всему, грузовая.

Итак, он не ошибся. Химера была создана где-то в городе, а привезена для жертвоприношения на машине. Но радости от сознания своей правоты Милич не испытывал. Что-то ему не нравилось, он и сам не понимал что, они ведь еще ничего не обнаружили...

За этим дело не стало. За деревьями возник прогал, и когда Кадоган остановился, еще до того как они вышли из машины, стало видно, что здесь устанавливали магический круг. Самый стандартный, ничего особенного. Такой способен сделать даже школьник, замышляющий какую-нибудь шкodu на занятиях. Откуда же это неприятное ощущение?

При ближайшем рассмотрении также не было заметно ничего экстраординарного. Тут разводили огонь - рутинная процедура, и на траве остались следы крови. Костей или других останков, по которым можно установить видовую принадлежность жертвы, не обнаружилось.

После ритуала, когда дух, ответивший на вызов, забирал кровь, прочее уничтожалось. Сжигалось, как правило. Но тут в кострище был только древесный пепел и угли. Похоже, неизвестный стригой воспользовался близостью реки и утопил останки там. Такое тоже допускалось. А река хоть и обмелела, но течение у нее по-прежнему быстрое. Здесь они ничего не найдут. Нужно снова воспользоваться услугами духа.

Кадоган был того же мнения, а гения и не думал отпускать с поводка.

Поскольку альбионец находился с духом в непосредственном контакте, на сей раз он не произносил вопроса вслух, но Милич догадывался, о чем тот вопрошает: какого рода жертва была принесена здесь на прошлой неделе и что за магическая сущность ее приняла.

Обычно спокойное лицо Кадогана вдруг исказилось - Миличу не приходилось видеть такого со студенческих времен. Он зашипел сквозь стиснутые зубы формулу подчинения.

Но власть над гением далась ему с большим трудом, тот изо всех сил рвался уйти. Ничего нельзя понять... такие вещи случаются, но чтоб у такого мастера, как Кадоган?

И ведь он все делал правильно.

Нет, Кадоган здесь ни при чем. И правила ритуала тоже. Неделю назад на этом месте была поглощена магическая сущность, гений часа чувствует это, и страх, испытанный им, сильнее законов подчинения магу.

Неизвестно, чем бы закончился этот безмолвный поединок, если бы Милич не услышал шум приближавшегося автомобиля. Это на миг отвлекло Кадогана, и мгновения оказалось достаточно, чтоб дух сумел разорвать ментальную хватку. Кадоган инстинктивно схватился за голову, едва устояв на ногах.

Кто-то шел сюда. Один человек. Но судя по тому, как уверенно он топал, в машине у него осталось прикрытие.

На поляну выбрался плотный, невысокий, лысеющий мужчина в светлом летнем костюме. В руках он держал мигающий приборчик, Милич не помнил в точности, как тот назывался, счетчик Лагарди или вроде того, но сразу опознал в нем творение техномагии. Владельца прибора он, впрочем, тоже узнал.

- Вы все-таки успели, - произнес он фальцетом. - А ведь я вас предупреждал, домнул Брайс, что Коллегия берет это дело под свой контроль...

- Неплохо бы поздороваться, Раду, - заметил Милич.

Тот фыркнул.

- Ну, раз уж ты выбрался из своей норы, значит, дело и впрямь серьезное.

Брайс полностью пришел в себя и повернулся к сотруднику Коллегии.

- По-моему, мы обсуждали то обстоятельство, что по договоренности

между Кругом друидов и Коллегией волхвов у меня есть полномочия проводить здесь расследование.

- Да-да, помнится, что-то такое было. Но вот старина Вук таких полномочий не имеет, он частное лицо - (прямо мои слова, с неприязнью отметил Милич), - а потому...

Раздался пронзительный сигнал, Жиану вздрогнул и чуть не выронил прибор, но это был не счетчик - всего лишь мобильник у него в кармане.

Помянув Святую неделю, он отошел в сторону, чтобы выслушать указания начальства, а заодно отчитаться. Воспользовавшись моментом, Кадоган сообщил:

- Гений испугался и удрал.

- Я понял.

- Он не сумел передать, что за прожорливая сущность здесь являлась - хотя прожорливость была основной характеристикой, - но в жертву была принесена тварь многосущностная... Так что ты, вероятно, был прав насчет химеры. Остальное должен показать анализ крови.

Последнюю фразу Раду Жиану услышал.

- Да-да, сейчас сотрудники нашего отдела этим займутся! А вас, домнул Милич, настоятельно прошу проехать в Коллегию волхвов и дать подписку о неразглашении.

Милич оглянулся на Кадогана. Тот кивнул.

- Едем. Ведь они все сейчас затопчут.

* * *

- Это была свинья, - сообщил Кадоган, поджидавший его в машине, когда Милич наконец освободился.

- Что-что?

- Мобильная лаборатория установила, что кровь на траве принадлежала обычной свинье.

- Быстро они... Погоди! А как же «тварь многосущностная»? Они не могли ошибиться?

- В таком вопросе - вряд ли. Ладно, едем.

Магазин оказался закрыт. Милич хотел было выругать Зоряну за нерадивость, потом вспомнил, что сам же велел ей разбираться с поставщиками. Впрочем, он не был сейчас настроен заниматься торговыми делами и оставил главную дверь запертой.

Они сразу прошли в кабинет.

- Погоди, - сказал Милич, - после всех этих приключений мне необходимо перекусить. А ты?

- Обойдусь.

В холодильнике имелся шмат приличной ветчины, но сейчас свинина

Милича почему-то не привлекала. Еще обнаружили помидоры и сыр, которые Милич построгол в миску и уснастил уксусом, соорудив подобие салата. С миской вошел в кабинет.

- Так на чем мы остановились?

- На свинье, - сказал непоколебимый Кадоган. - Я сам удивился, когда услышал, но не думаю, чтоб эксперты Коллегии тут что-то напутали.

- Не понимаю. Что за таинственную сущность могло привлечь жертвоприношение свиньи? Почему твой гений часа так испугался? И почему это жертвоприношение дало такой всплеск энергии, что его зафиксировали приборы Коллегии?

- Ты мне лучше ответь вот на какой вопрос: жертвоприношение свиней обычно для Трансбалкании?

- Нет, - Милич задумался, жуя сыр. - Странно. Ведь когда-то это была обычная практика - у александрийцев, в Старой империи. Но у нас отмерло как-то само собой. Морских свинок используют, так ведь к свиньям они никакого отношения не имеют... Не припомню, чтобы в бытовых жертвоприношениях использовались обычные. Может, кто-то из потребителей и заказывает, это не запрещено...

- А в Альбионе для частных лиц запрещено, - сухо информировал его Кадоган, - именно потому, что эта практика также принадлежит к нашей изначальной магии... еще с тех пор, как она считалась религией. Видишь ли, свинья в нашей исконной символике, помимо прочего, обозначает смерть. Поскольку и та, и другая всеядны. Всепожирающи.

- Пожирающи... Думаешь, сработал принцип симпатической магии? Подобное привлекается подобным? - Милич снова на мгновение умолк.

- Слушай, а эти твои возрожденцы в Альбионе. - Они этот аспект жертвоприношений обсуждали?

- То-то и оно, что обсуждали. И в печати, и в Сети. Да и у Шонесси жертва свиньи подробно описывается.

В принципе, можно допустить, что свинья была охарактеризована как тварь многосущностная из-за ее всеядности. Конечно, неприятно думать, что красивая теория с химерой вытеснена обыкновенной хрюшкой...

- Жертвоприношение свиней у нас под запретом еще и потому, что органы свиньи по всем показателям ближе всего к человеческим.

- Да. В Старой империи гадание сперва производилось на человеческих внутренностях, потом их заменили на свиньи, из-за сходства.

- Но возможна и обратная замена - все тот же принцип симпатической магии.

- Вот почему Коллегия зашевелилась... Не знаю, передали ли они уже дело секуристам, но... выяснить, кто наш врагитор, мы можем, узнав имя человека, купившего свинью. Еще раз напомню - это можно сделать легально.

- Мы вернулись туда же, откуда и начали. К сети магазинов и рынку.
- Э-э, тут дело обстоит сложнее. Свинину, мой друг, напомню, едят. Поэтому большое количество хрюшек привозят в город с обычных свиноферм. Для продуктовых магазинов, рынков, ресторанов.

- Да, но - поправь меня, если что не так, - там предпочитают получать свиные туши. Наш клиент покупал свинью живой.

- То есть либо на бойне, либо непосредственно где-то на ферме или в деревне. Слушай, это такая морока! наших сил проверить не хватит. Пусть секурисы этим занимаются, все равно им делать нечего.

Кадоган ответил не сразу. Врожденное чувство долга боролось с вполне понятным нежеланием проверять окрестные свинофермы - да еще в такую жару. Все-таки местная атмосфера разлагающе действует на людей. Он вздохнул.

- Вот что. Если тебя не затруднит, проверь все-таки городских торговцев. Я возьмусь за Жиану и узнаю, подключились ли к делу секурисы. Ну а дальше... посмотрим.

И как они могут при такой погоде пить черный кофе, да еще совмещать его с ракией? Холодное пиво - вот что совершенно необходимо. Только здесь хорошего днем с огнем не сыщешь.

* * *

Он честно отзвонился по нужным адресам. Еще задал животным корм и почистил вольеры. Зоряна так и не появилась. Что за безответственность? Или она считает, что раз хозяин постоянно отсутствует на работе, то и она может делать то же самое? А если у нее экзамены, она обязана заранее предупредить...

- Они действительно взялись за проверку свиноводческих хозяйств, - сообщил Кадоган, появляясь на пороге. - На бойне уже побывали. Результатов никаких.

- Ну, теперь они могут провозиться до Йоля, а то и дольше. Тут в деревнях едва ли не каждая семья выкармливает кабанчика. - В глубине души Милич был доволен, что это свинство выпало на долю секурисов. - У меня с результатами то же. Для очистки совести можно еще позвонить в виктимарии, может, к ним кто обращался...

- Да уж, будь любезен. - Эффективное и важное дело на глазах уходило в песок. И вот так всегда в этой Трансбалкании...

Милич взял за телефон. В Светограде было три виктимария - государственных питомника для жертвенных животных. Раньше было пять, но два закрылись из-за недостатка финансирования. Милич пользовался услугами всех трех, магазин у него был хоть и небольшой, но с хорошей репутацией, и он надеялся, что при расспросах не столкнется с какими-то трудностями. В первом старший лаборант

обстоятельно поведал ему, что да, раньше свиней для жертв разводили и содержали, но лет шесть уж как прекратили: спроса нет, а нет спроса, значит, и денег не выделяют. Нет, ты подумай, ведь это красивый старинный обычай, до чего народ обленился, им бы все тараканов да мышей...

Во втором виктимарии дежурная дама, с которой у владельца магазина когда-то было нечто вроде романа («Прелесть какая! Ты Милич, а я Мила - это неспроста!»), пощебетала о том о сем, высказалась, что свиньи - они такие противные, а на вопрос, где же их заказать, если клиент требует и обязательно с лицензией, посоветовала обратиться к соседям, в «Дудоле».

В «Дудоле» - именно такое звучное мифологическое имя, а не честный номер, носил последний виктимарии -- никто не отвечал. Ни сразу, ни после того как Кадоган выкурил сигару, а Милич сделал себе кофе.

- Наверное, все в отпусках, - предположил Милич. - Но кто-то же должен на работе остаться?

- Тут тебе не Альбион... должен, но не обязан... Зоряна тоже вот должна быть на работе... где-то у меня был телефон их директора...

Естественно, он настиг директора на отдыхе. Тот сердито сказал, что свиньи были, а за подробностями пусть обращается к лаборанту. На замечание, что того нет на месте, напористо было выдано, что, мол, человек в отпуске, взяли временного работника. Когда взяли? Недели две назад... или месяц... точно он не помнит.

- Вот и Зоряна говорила про какую-то путаницу с накладными из виктимария... тоже небось временный работник...

- А из какого именно виктимария, ты не помнишь?

- Не помню, но копии накладных должны быть в сейфе.

Пока он рылся в документах, Кадоган размышлял, и размышления эти заставляли его хмуриться.

- Они взяли временного работника месяц назад или немногим меньше... а потом начались эти аномалии с магической энергией. Постоянный персонал в отпусках, за действиями временного сотрудника никто не следит, а между тем он не только имеет свободный доступ к жертвенным животным. Там наверняка есть фургон для доставки заказов... вот почему никто не обратил внимания, даже если ритуал у Истрицы кто-то видел со стороны. Увидев машину с символикой государственного питомника, решили, что все официально...

- Вот, нашел, - Милич, щурясь, поднес бумагу к глазам. - Действительно, штамп «Дудоле», а подписывал... то есть подписывала какая-то Ц. Сташкова, и. о. лаборанта. Ты хочешь сказать, что наш стригой - женщина?

- Для дара нет разницы, как ни прискорбно.

- К тому же, согласно нашим традициям, самыми злобными стригоями были бабы... но! Послушай, Зоряна должна была туда поехать... а ее нет уже второй день... - он не договорил, страшась продолжить мысль.

- Пока что эта... как ее... Сташкова ограничивалась жертвами животных.

- Вот спасибо, вот утешил! А ты заметил, что с каждой новой жертвой колебания энергии увеличивались? Значит, магическая сущность набирает мощь, а жертвы становятся значительнее. Словом, надо звонить в полицию.

- И что мы им скажем? У нас нет ни единого доказательства, только гипотезы. Коллегия и секуристы тоже не скажут нам спасибо за то, что мы лезем в их дело.

- И что, оставить девочку на растерзание психопатке?

- Ни в коем случае. Мы поедем сами. Адрес там есть? Есть. Вряд ли наша чародейка потащила Зоряну к себе домой, в любом виктимарии есть подвалы, но на всякий случай возьми клетку с какой-нибудь мелочью. Если преступница не в виктимарии, проведем срочный ритуал поиска.

Уже стемнело. На небе выступили крупные звезды, и жители Светограда, взбодрившись по вечерней прохладе, направлялись в кофейни или ночные клубы.

- А еще говорят, что альбионцы от природы законопослушны, - пробормотал Милич, запихивая на заднее сиденье клетку с хомьями.

Конечно, оставалась возможность, что они ошиблись. Но когда машина подъехала к ограде виктимария - серой коробке в минималистском стиле, сердце Милича словно пронзила игла, а воздух загустел. Он чувствовал присутствие магии.

По идее, этого никак не должно быть. Человек не может обойтись без посредства жертвы, верно?

Кадоган притормозил, не доезжая до входа.

- Там наверняка должен быть охранник.

- Ну, охранник - это громко сказано, сторож... Давай сюда клетку, я, если что, наведу на него сонного духа.

Но этого не понадобилось. Когда Милич подобрался к светившемуся в сумраке окну пропускного пункта, выяснилось, что пара бутылок ракии, ныне опустевших, обеспечивает сторожу крепкий сон лучше всякой магии.

- Хомячка на тебя, уroda, жалко, - заметил Милич, пока его законопослушный друг с удивительной сноровкой отключал сигнализацию.

Он десятки, а может, сотни раз бывал в подобных заведениях. Триглав, да у него в магазине примерно то же самое! Вольеры вдоль стен рядами, настороженно шелестящее в них зверье... Но никогда ему при этом не бывало жутко, не думалось, что эти вот в клетках -

членистоногие, пушистые, пернатые - обречены на ритуальное заклятие. Может, потому что он всегда бывал в подобных помещениях при свете. И что значит «обречены»? Если бы обитатели клеток не были предназначены в жертву, их бы все равно так или иначе уничтожили - извели дихлофосом, отвезли на живодерню, просто съели, в конце концов!

При мысли о поедании жертв почему-то затошнило, как с похмелья. Надо собраться. Да и не так уж темно, у Кадогана обнаружился фонарик.

Виктимарии строились по типовому плану, поэтому вход в подвал можно было найти без труда. Обычное подсобное помещение, такое везде есть, приспособленное для нужд ритуалов, проводимых при контрольных проверках жертв, обязательных в каждом государственном питомнике.

Там и печь оборудована, и воздухоотвод.

Шаги гремят на железной лестнице. И давит, душит... проклятье, что за сущность такая приближается, что ее можно ощущать без посредника? Потому что, если сущность и не явила себя, то уже близко... окутывает виктимарий облаком, облепляет паутиной.

Дверь, на удачу, не была заперта. Они ворвались в подвал и услышали два женских голоса.

- Домнул Вук! Вы пришли... вы догадались...

Зоряна изо всех сил стучала по решетке запертой клетки. Вид у девушки был крайне встрепанный, она оказалась чем-то перемазана, но, хвала Свентовиту, невредима.

Вторая женщина стояла посередь зала, в центре магического круга. То есть магическим кругом это можно было назвать весьма условно. Пентальфа в двойном круге, в ней мандала, а между лучами разбросаны знаки разных магических систем, выписанные рунами, буквами ахейскими, халдейскими и еще какими-то, плюс алхимические и астрологические символы. Милич видел подобные картинки в популярных книгах по Искусству, вроде сочинений духовидицы мадам Всехсвятской и ее последователей. Все это никак не должно было работать... но работало.

На взгляд это было смешно, да и на слух тоже - упитанная дама в хламиде, какую чародеи носят только в кино, визгливым голосом произносящая стандартную формулу вызова... Но воздух дрожит, и пламя в светильниках, расставленных между лучами пентальфы, колеблется вовсе не от сквозняка.

И где жертва?

Милич и Кадоган кинулись, как по команде, в разные стороны. Милич - к клетке, а Кадоган - к самозванной стригойке, чтобы вытолкнуть ее из круга.

Клетка, увы, была заперта не только на засов, но и на замок. Милич

попытался его сбить, пока Зоряна, всхлипывая, рассказывала:

- Она меня, пока я накладные проверяла, хлороформом... а пришла в себя я здесь. Она эти два дня пыталась меня заставить съесть какую-то дрянь. Говорила, что я получу невиданную силу и стану едина с божеством.

- И ты съела?

- Нет, не смогла... я ужасно есть хочу, но уж очень оно противное было на вид... и воняло... месиво какое-то, вроде помоев, у меня бабушка в деревне ими свиней кормит.

- Свиней? - Милич вздрогнул.

- Ага... она сказала, что это от всех жертв, которые остались...

Милич оглянулся. Кадогану повезло еще меньше. Он не только не сумел вытащить стригойку, он вообще не смог войти в круг. Его вытолкнуло за невидимый барьер, и он стоял на коленях.

- Она говорила, что надо было есть, чтобы получить силу, и тогда оно... божество... тебя в себя примет... это принцип такой... а если я не хочу, оно все равно жертву найдет...

Проклятый замок упорно не хотел сбиваться. От грохота нормальный стригой давно бы потерял контакт, а эта как будто ничего не замечала. Женщина вскинула голову - Милич увидел, что это дама более чем средних лет, крашеная блондинка, - восторженно взирая на то, что спускалось, нисходило в магический круг.

Магическая сущность есть сгусток энергии, она принимает тот вид, какой желателен вызывающему. Прежде, когда люди не знали этого и считали их богами и демонами, они выглядели существами человеко-или звероподобными. Или чудовищами. Со временем антропоморфный или зооморфный облик перестал быть обязательным. Чародей видел духов как скопление светящихся или, наоборот, поглощающих свет частиц. Зачастую зримый облик и вовсе не был обязателен, достаточно ощутить присутствие.

Но это... это...

Оно состояло сплошь из размятых пастей.

Нет, между зевами еще просматривались щупальца, но каждое заканчивалось зубастой челюстью.

И все они - как чувствовал онемевший Милич - хотели жрать, жрать, жрать. Подпитываться и в тонком плане, и в материальном.

Чтобы наконец полностью перейти из магического поля в вещный мир.

- Кушай, кушай, родимый, - услышали собравшиеся в подвале. - Кушай, будешь сильным, маме благодарным...

Таким голосом разговаривают, когда бросают корм индюшатам. Или пытаются впихнуть капризному младенцу в рот ложку с манной кашей.

Но не манной кашей здесь пахло.

- Это голодный дух, - прохрипел Кадоган. - У ханьцев описывается...

Что там описывается в трудах ханьских мудрецов, он выговорить не

успел. Потому что стало ясно: если они не сбегут, их сожрут. Ибо бороться с магической сущностью подобной силы невозможно.

Цветана Сташкова взирала на свое творение с гордостью и благоговением. С обожанием - вот самое подходящее слово.

Бороться невозможно... но входить в контакт с духом без посредника тоже невозможно. И все же Милич ощущает его голод, его жадность, все желания псевдоразума. А это значит -- представления о том, что в наше время действует только церемониальная магия, неверны.

На всякий случай он прошептал формулу освобождения, открывающую замки и засовы. По всем правилам предварительно следовало вызвать духа и произнести формулу перед ним, тот бы задание и исполнил. Но замок с лязгом упал, и Зоряна с плачем выбралась из клетки.

Тут-то бы подхватить ее за руку, Кадогана - за другую, и свалить отсюда, но Милич отчего-то медлил. Он вспомнил о тех, в клетках и вольерах наверху... разума у них нет, а инстинкты есть, и все они в ужасе ждут, что их сейчас сожгут.

И тогда Милич произнес заклятие освобождения для всех. И добавил:
- Свобода, дурачье! Бегите! Бегите!

Там, наверху, щелкали засовы, падали замки, распахивались двери и окна, и все обитатели виктимария брызнули, порскнули, потекли в разные стороны - шурша лапками, хлопая крыльями, гавкая, мяуча, хрюкая, бляя, - понукаемые одним желанием: прочь, прочь отсюда скорее!

Теперь медлить было нельзя, и Милич повлек Зоряну с Кадоганом к лестнице.

Голодный дух рассердился. Голодный дух растерялся. Еда убегала, а он ее хотел!

Раскрытые пасти и щупальца потянулись вслед за добычей.

Если б голодный дух ограничился Миличем сотоварищи, тут бы им и конец пришел. Но он хотел все и сразу. А оно убегало, улетало, пряталось под землю, удаляясь от виктимария все дальше. И, не желая ничего упускать, он рванулся во все стороны одновременно.

Ошибка думать, что духи всеведущи. Например, им неизвестна человеческая поговорка про двух зайцев и погоню.

А тут зайцев было гораздо, гораздо больше.

Псевдоплоть, не успевшая завершить преобразование, натянулась до предела и сверх предела.

И порвалась.

Вспышка, подобная разрыву шаровой молнии, осветила подвал, клочья псевдоплоти, разлетаясь, превращались в туманную взвесь или оплывали ошметками эктоплазмы.

Цветана Сташкова пронзительно закричала.

У Милича от слабости подкашивались ноги. Теперь уже Кадоган волок

их с Зоряной по лестнице.

Когда они оказались у выхода, вдалеке завывала автомобильная сирена.

- Волхвы, - бросил Кадоган, прислоняясь к стене. К нему возвращалась обычная невозмутимость. - Хоть какая-то польза от их датчиков.

* * *

- Самое смешное, - сказал Кадоган, - что она действительно начиталась Шонесси. Так что изначальная посылка в поисках была правильной.

Они сидели на мраморной скамейке под тентом в старом амфитеатре Светограда. Арена, на которой тысячелетия назад проливалась человеческая кровь, а недавно толпились торговцы, пустовала. После известных событий секуристы провели профилактические облавы.

Рядом на скамейке стояла початая бутылка. Кадоган сказал «никакой ракии», ну так Милич и принес отличной виноградной водки. Сидеть здесь, возможно, не самая лучшая идея, но в эти дни ему что-то не хотелось коротать время в закрытых помещениях.

Магазин был закрыт; Зорина испросила недельный отпуск. Милич поворчал, но возразить было нечего - она пострадала при исполнении служебных обязанностей. Случись это где-нибудь за границей, она за такое могла бы и денежную компенсацию потребовать.

Сейчас он выслушивал, что Кадоган узнал в Коллегии.

- Шонесси и так-то выдумал эти ритуалы, а она вдобавок все перепугала. Ухватилась за принцип получения жизненной силы через поедание. Но у Шонесси поедать жертвы должен сам шоломонар. А она эти жертвы последовательно скармливала другим. Начинала с малого, с тараканов, которых у вас же и купила. Их скармливала птицам, тех - крысам... После крыс осуществила первый вызов - реакция была слабая - тот самый всплеск, на который не обратили внимания. Но она не останавливалась на достигнутом. К тому времени она уже устроилась в виктимарий. До этого она жила на небольшую ренту с наследства от мужа... Скучно стало, решила на досуге магией побаловаться... в общем, типичный синдром домохозяйки. И вот... - он помолчал. - Кстати, в Коллегии пришли к выводу, что при пожирании одной жертвы другой жизненная сила действительно накапливается. Так что те, кого она жертвовала при ритуалах, и впрямь в каком-то смысле были химерами.

- И что с ней теперь будет?

- Останется в лабораториях Коллегии. Будут изучать ее как феномен. Хотя первичный анализ наличия магического дара не выявил.

Представляю, как меня осмеют дома, когда вернусь с отчетом. Ведь этой тетке удалось осуществить то, что пытались сделать наши недоумки - призвать сущность, по силе равную богам! Даже больше - сотворить ее. И не с великой целью - не из желания покорить мир, возродить Великих Древних или добиться научных достижений. От скуки да из вечного бабского «кушай-кушай, деточка». Не хочу даже думать, как бы эта деточка «маму» отблагодарила, если б ты не вмешался... но ей это, конечно, в голову не приходит, она слезы льет по нему... - Он принял из рук Милича пластиковый стаканчик, выпил. - Ответь мне: как у нее получилось? Я не удивлен, что ты смог действовать вопреки сложившимся представлениям. Ты все-таки настоящий маг, самый талантливый из нас... только ленивый. Но она-то просто дура с кашей в голове!

- Никогда не следует недооценивать дураков, - сказал Милич. Подумал, и добавил: - И домохозяек.

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

РОДНИЦА

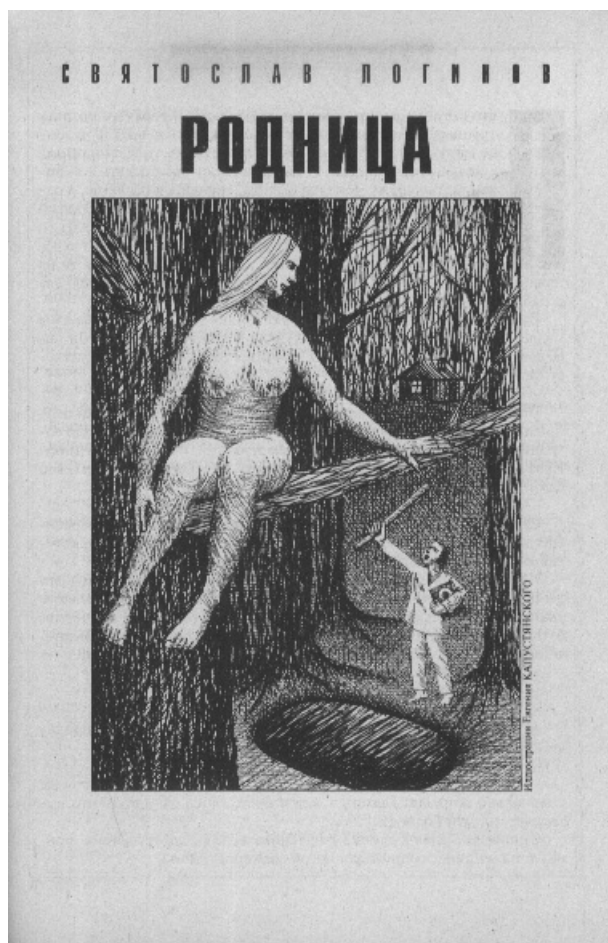

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Пётр воткнул лопату в землю и вытер пот. Вторая яма далась труднее, чем первая, да и не такая аккуратная вышла. В земле пару раз попались обломки известняка, а глубина была еще недостаточна, так что их пришлось обкапывать и выволакивать наружу. Имелся бы лом, справился бы легче, а одной лопатой - много ли наработаешь? Однако с Божьей помощью справился... Еще две ямы - и можно отдыхать... Мысли споткнулись, Пётр, недовольно крикнув, полез перемазанной рукой в затылок. Ну, какие две ямы, откуда он их придумал? Двери-то надо ставить, без дверей никак, а это - еще два столба. Ох-ти, грехи наши тяжкие...

Взялся за лопату, вонзил в мокрую землю. Две уже готовые ямы медленно наполнялись водой. И в купели вода мутная, словно он там со своей лопатой возился. Ничего, кончится работа, и вода просветлеет. Всю грязь вымоет.

- Бог в помощь!

Пётр оглянулся. Так и есть, знакомый старик. Этот каждый день приходит с четырьмя пластиковыми бутылками, на которых еще сохранились остатки крепко наклеенных этикеток: «Святой источник». Куда ему столько воды? Пол ею моет, что ли? Или продает тем, кто сам к источнику ходить ленится...

- Спасибо на добром слове.

Старик подошел к кринице, зачерпнул ведро воды, начал переливать в бутылки. Вода стекала по пластиковым стенкам; воронкой, которая висела рядом на гвоздике, старик пренебрегал.

Пётр вернулся к работе. Чем-то ему старик не нравился. Явится, воды нацедит и уйдет, лба не перекрестив. И разговаривает безо всякого уважения к иноческому чину. Старик налил под горлышко все четыре бутылки, сполоснул остатками ледяной воды лицо, но, против обыкновения, не ушел, а, оставив бутылки на земле, приблизился к Петру.

- Что ладите?

- Купальню, - ответил Пётр, распрямляясь.

- Так вот же купальня, есть...

- Это купель, - строго поправил Пётр, - надо еще загородку смастерить, а то многие в купель нагишом лезут.

- И что с того? Перед Богом мы все нагие.

- Перед Богом - да, а тут под людскими взглядами. Некоторые специально приходят глазеть. Святое место, а народ черт-те что вытворяет, прости Господи.

Старик подошел к стопке рифленого железа, которое вчера привезли на машине, попробовал ногой гремящие листы.

- Из этого, что ли, думаешь делать?

- Из этого.

- Тут надо бы деревянный домик сладить, а железо на крышу пустить.

- И дурак знает, что воскресенье праздник. А где материал взять? Преосвященный мне на это дело копеечки не выделил, все сам. Да и плотник из меня аховый, топора в руках отродясь не держал.

- Ну, давай, учись. Дело хорошее.

Лопата неожиданно скрежетнула по камню. Пётр потыркал вправо и влево, надеясь, что камешек мелкий, какие уже попадались прежде, но и там лезвие встречало гранитную преграду.

Старик подошел, сочувственно поцокал языком.

- Лом нужен. Без лома тут делать нечего.

- Лома нет, придется так справляться, - Пётр примерился и обвалил в яму пласт мокрой земли, намереваясь обкапывать камень. «Буди мне, грешному», - повторял он про себя. Не нравился ему старик, да и все остальные люди, приходившие к святому источнику, не шибко нравились. Чувствовалась в них мирская бесовщинка. Пётр потому и в монахи постригся, а затем напросился в пустынь к источнику, что с людьми ему было трудно. Слишком уж они заботились о внешнем, забывая о душе. Даже те, что приходят сюда, словно не святое место посещают, а по воду пришли.

Понимал Пётр, что это гордыня в нем по сию пору не умерла, покаянные молитвы твердил, но и молитвы не помогали, он по-прежнему смотрел на людей осуждающе. А прежний старичок, говорят, был светел. Всех прощал, за всех равно молился. Тридцать лет в келейке у источника прожил, потому по деревням многие думали, что родник зовется источником Святого Ильи, поскольку там отец Илья спасается. Даже советская власть старичка не трогала. Его из кельи вытащишь, так потом пенсию платить придется. Вот и делали вид, будто нет там никого.

Камень попался здоровенный, черным горбом выпирал из земли, словно спина неведомого чудища.

Время и вода разъели каменную плоть, мелкая крошка осыпалась под лопатой, мешая копать. Надо же, какая гнилуха, и в самом неподходящем месте! Ничего, справимся, Господь не посылает непосильных испытаний.

- Как работа продвигается?

Опять давешний старик... воды ему, что ли, не хватило?

- Да, ты тут наворотил делов... На вот ломик возьми, с ломом сподручнее.

Надо же... А он о человеке плохо думал. Пётр с благодарностью принял стальной лом, тукнул по камню. Посыпалась крошка, но заметного ущерба камень не претерпел.

- Погоди, мил человек, - остановил Петра старик. - С ломом обращаться тоже привычка нужна. Без ума и лом не поможет. Дай-ка

вон то бревнышко, мы камень подვაжим, так он легче поддастся.

Одно из запасенных для строительства бревен подвели под камень, Пётр и старик навалились на свободный конец, и камень шевельнулся на своем ложе, приподнявшись сантиметров на десять.

- Я его подержу, - сдавленно просипел старик, грудью улегшись на вагу, - а ты лом снизу подводи или вон башку ему отшиби, там никак трещина глубокая. На весу должно отколоться...

Пётр примерился и с одного удара отколол выступ, который неожиданный помощник назвал башкой.

- Молодец, - командовал старик. - Теперь он покруглее будет и полегче, мы его из ямы ходом выкатим!

Обезглавленный камень и впрямь быстро поддался объединенным усилиям, так что через пару минут перемазанные работники присели отдохнуть на заготовленные для строительства бревна.

- Вот оно как, о душе стараться, - проговорил старик, доставая смятую пачку сигарет.

Приглашающе протянул пачку Петру, тот скорбно покачал головой: мол, нет.

- Ну и я тогда не буду, - легко согласился старик, - грешным дымом на святого инокка кадить.

Посидели, помолчали. Потом старик проговорил как бы сам про себя:

- Смотрю я на тебя и удивляюсь. Ты же молодой мужик еще, сорока нет. Что тебя в монахи потянуло, да еще в здешние места? Грехов, что ли, много накопил?

- Один Бог без греха, - отрезал Пётр.

- Так-то оно так, только людские грехи легкие. Ежели человек в душегубстве не повинен, то остальные грехи простятся. Мне вот уже пора о душе думать, а тебе жить надо. Жениться, детишек вырастить, а потом уже, коли душа лежит, в монахи подаваться. Не дело молодому отшельничать.

- Могий вместити, да вместит, - произнес Пётр, надеясь, что не переврал слова апостола.

- Вместай... - согласно протянул старик. - Только место ты для этого дела неудачно выбрал.

- Для спасения души всякое место подходяще.

- Это смотря по обстоятельствам. Тут недаром прежде языческое капище было, да и сейчас молитвы прежним богам возносятся. Глянь, дерево все как есть заплетено.

Пётр перевел взгляд на старую иву, склонившуюся над родником. Ветви ее были густо заплетены цветными ленточками, которые повязывали пришедшие к источнику богомольцы.

- Это как, христианский обычай? - спросил старик.

- Суеверие, - неохотно признал Пётр. - Однако владыка сказал не снимать. Люди, мол, от полноты души ленты вешают. Но место святое,

источник освящен во имя Ильи-пророка.

- Это еще тоже бабушка надвое сказала. Илья-пророк по небу на золотой колеснице катается, запряженной златорогими баранами. Позади олень бежит, золотые рога, ледяные копыта. Как олень ледяным копытом в воду ступит, вода холодной станет, и с этого дня купаться нельзя. В руке у Ильи молнии, оттого в Ильин день грозы сильны. Так русские люди верят? Можешь не отвечать, сам знаешь, что так. Вот только не могу я в этой роли пожилого еврея представить. По всему выходит, что люди Перуну поклоняются. Перунов день - первый четверг августа, с Ильиным днем частенько совпадает. И чудесным источникам народ задолго до крещения Руси поклонялся. Тут археологи приезжали, лет тому тридцать назад, я у них в экспедиции работал. Нашли всякого: и фигурок, и ожерелий, и горелых костей от жертвенных животных. Старых, до крещения Руси еще полтыщи лет было. Профессор, который главный был в экспедиции, рассказывал, что верили люди, будто в источнике родница живет, и ей подарки носили. Он говорит, а я смеюсь про себя. И без профессорских рассказов все про родницу знают. Ленты эти для нее и повязывают.

- Эти разговоры и я слышал, - веско произнес. Пётр. - Ерунда это и пустословие. Стыдно за суеверами повторять. Никаких русалок нет, они только в сказках бывают. Придумали девок с рыбьими хвостами и тешатся собственной глупостью.

- Рыбьи хвосты немцы придумали. У них в воде ундины обитают, так те с хвостами. А наши русалки да мавки ничем от настоящих девушек не отличаются. Это же утопленницы молодые, с чего бы у них хвосты повыврастали? А в роднике - совсем иное дело, тут родница. Криница-то мелкая, в ней и захочешь, не утопишься. Откуда в таком месте русалке взяться? Родницы и деревяницы вроде как боги стародавние, из тех, что помельче.

- Бесы.

- Ну, бесы, называй, как хочешь. Только от беса скверна, а от родницы вода всегда чистая. Ее и пить хорошо, и мыться ею.

- Слушаю я тебя, - произнес Пётр, - и не понимаю. Ты в Бога-то веруешь?

- А этого я и сам не знаю. Не знаю даже, крещеный я или нет. Я в сорок первом родился, уже во время войны. Тогда в деревне народу мало уцелело. Одни говорили, что меня бабка носила крестить, другие - что не успела. Церковь-то от бомбежки сгорела, книги все сгорели, и батюшка погиб. Бабка померла, мне ничего не сказавши, да я и не интересовался. Время было такое, что верующим сказаться стыдно было. А я уж привык. Мне на старости лет лоб крестить не с руки.

- Чего ж тогда сюда пришел?

- Помочь, зачем же еще? Ты же не ломать взялся, а строить. Строить - дело хорошее, значит, надо помочь.

- Нет уж. Тут такое дело, с молитвой надо строить. Так что, спасибо, добрый человек, но я уж как-нибудь сам.

- Как знаешь, - старик поднялся. - Ломик я тебе оставлю. Он у меня, правда, тоже не крещеный, но без него несподручно. А лом, как ни крести, в распятие не обратится.

- Вера горами двигает.

- Только если твоя вера лом в распятие превратит, чем землю ковырять будешь? Вот ведь оно как...

Старик ушел, а Пётр в этот день больше не работал. Замутил старик ему душу, что воду в купели, теперь не знаешь, когда и отстоится. Ох, лукавый старичок!.. И разговоры у него не деревенские. Чует сердце, дед сюда послан искусителем. Да еще родница эта... Какая там может быть девка, если оттуда люди пьют?

Пётр прибрал инструмент, затворился в своей келейке и, преодолевая боль в натруженной спине, отбил поклонов вдвое против обычного. С искусом только так бороться и надо.

Ночью проснулся, оттого что почудился ему плеск воды и звонкий девичий хохот. Открыл глаза, лежал, зорко вслушиваясь в ночные звуки. Коростель скрипит, так что отсюда слышно. Кузнечики надрываются, обещая жаркий день. А ни плеска, ни взвизгов не слышать. Приснилось...

Сны Петру виделись часто, и все смутительные, греховные, о каких и на исповеди рассказать стыдно. Чаще всего он оказывался где-то без штанов, и почему-то на нем был не подрясник, которым легко прикрыть срам, а короткая маечка, какую носил в годы пионерского детства. Пётр натягивал ее, пытаясь хоть как-то прикрыться, а вместо молитвы твердил почему-то торжественное обещание: «Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...».

Безобразный сон, но все же понятно, что посылается таковой в наказание за неверие в юные годы.

Другие сновидения были куда хуже. Снились женщины. Красивые и дурнушки, знакомые и такие, которых в жизни не видал и не мог видеть. Но все представлялись в таком виде, что иноку и подумать совестно. А он во сне не только глаз не отворачивал, но и мерзости всякие вытворял. Утром, вспомнив сон, молился, поклоны отбивал сугубо и трегубо, стараясь заглушить бесовский зов плоти, но ничто не помогало. Ушел от людей в пустынь, но оказалось только хуже. Богомолки, порой совсем молодые, лезли в купель нагишом, нимало не стыдясь монаха. Тут уж глаза отводи - не отводи, а иной раз увидишь не предназначенное для иноческого взора.

Но сейчас сон отпустил по-хорошему. Мало ли, что смех помстился и плеск. Оно, конечно, глупый смех вводит в грех, но ведь не сам Пётр смеялся, чужие смешки пригрезились. Потому Пётр сонно

перекрестился и, поворотившись к стене, заснул крепко.

Утром, после всех положенных молитв, приступил к трудам. Решил, куда готовые ямы не заплыли, поставить хотя бы пару столбов. Но прежде пошел к кринице, омыть лицо и набрать воды для питья. И едва не упал, поскользнувшись на мокрой, залитой водой земле. Что за нелегкая? Бывает в праздник водосвятия, когда народ к источнику валом валит, неаккуратные богомолки кругом криницы столько воды поразливают, что без резинового сапога не подойдешь. Но сейчас лето в середине, только купальские дни прошли. Летний день час мочит, минуту сохнет. Не могло такого со вчерашнего дня остаться, да и сухо было с вечера, уж это он помнит, подходил попить воды из горсти. Может, приходил кто с утра пораньше? Пётр оглянулся... - нет, не было никого. Лужайка перед источником недавно выкошена, и отава густо серебрилась росой, только след самого Петра темнел на этом фоне. Если кто приходил утром, он бы росу с отавы посбил. Откуда же вода у криницы?

Сразу вспомнился дурной сон, громкий смех и плеск воды. Может, и вправду ночью, пока роса не пала, приходила пьяная компания с бесстыжими девицами, плескалась водой, а может, и гаже вытворяла что, а он проспал и не слышал.

Пётр набрал воды, но пить из горсти, как привык за последние месяцы, не стал. Понес ведро в келью, кипятить.

Вода вскипела, но Пётр и чаю пить не стал, как был голодный, собрал инструмент и отправился на работу.

Давешний старик говорил, что концы у бревен надо бы просмолить, а то загниют во влажной земле. Вар развести горячей соляжкой и мочальным квачем как следует промазать основания бревен. Ничего такого у Петра не было, да и не хотелось у источника вонь разводить. А теперь и вовсе самая мысль о смолении стала противной. Пусть черти в аду смолой мажут, а тут с Божьей помощью и так постоит.

Оказалось, что бревно стоймя стоять не желает. Оно заваливалось на сторону и норовило вывернуться из ямы. Пока его держишь двумя руками, так оно ровно стоит, а чуть отпустишь, чтобы взяться за лопату, так его и перекосило. Поневоле пожалеешь о предложенной дедом помощи. Пётр вздохнул и вновь принялся сражаться с непокорным бревном. Вспомнилось поучение, что слышал в молодые годы: «С бревном не дерись, ты его сломаешь - ничего хорошего не будет, оно тебя сломает - тоже хорошего не будет».

Наконец придумал, как быть. Натаскал к яме выкопанные камни, установил бревно ровно и ногой посбрасывал камни в яму, заклинив бревно. Потом засыпал вокруг землей и как следует притоптал. Бревно встало хлипко, качалось, если нажать посильнее, но не падало. Ничего, когда с другими бревнами сцепится, будет прочно.

«Строишь дом на песке, - шепнул лукавый, - будет ветер, и

повалится». Но Пётр отмахнулся от несвоевременной мысли. Дьявол - ловкий богослов и любит цитировать Писание. Искусительные мысли слушать, так и вовсе ничего делать не надо: пусть тянется, как от века заведено.

Оказалось, что камней, которых было так много, пока вытаскивал их из ям, остро не хватает для того, чтобы эту же яму ими бутить. Пётр попробовал расколоть валун, который они со стариком выволокли наружу, но ничего, кроме мелкой крошки, не получалось. Пошел искать камни по округе, но тоже толку не добился. Вроде бы и камней много, но все не того калибра. Или глыбы, какие не то чтобы поднять, катить не можно, или сущая мелочь. А когда, отыскав пару подходящих камушков, вернулся к недостроенной купальне, увидел первых посетителей. Богомольцами их назвать было трудновато, именно посетители или экскурсанты, других слов нет. Двое парней и девица в шортиках и топике на голое тело.

Девица смотрела в купель, презрительно выпятив губу.

- Говорили, вода чистая, а она вон какая мутная. И символ этот фаллический торчит.

Один из парней подошел к столбу, качнул, сильно накренив. Хорошо хоть, вовсе не выворотил. Ломать-то, оно не строить.

Пётр бросил принесенный камень, молча принялся поправлять попорченное. Парень отвернулся, словно он тут ни при чем. Девица погромела кроссовкой по рифленому железу, потом отошла, набросив на лицо скучающее выражение. Парни направились вслед за ней. Потусовались у криницы и, наконец, не попив воды и не вымыв физиономий, убрались с глаз долой.

И ради этих стараться...

Пётр вернулся в келейку и встал на молитву, смиряя прилив раздражения и гордыни. А столб так и остался стоять одиноко, в этот день Пётр уже за стройку не брался.

Келья досталась Петру от прошлого схимника. Избушка об одном оконце, что смотрело в сторону источника. Рядом часовня - не часовня, а, скорее, шатровый навес, без пола и стен. Навес прикрывал пару новодельных икон, которые тем не менее святотатцы умудрялись чуть не ежегодно воровать. Пётр пробовал прибивать образа гвоздями - так их вместе с гвоздями уносили, выдрав фомкой с законного места. Вот и гадай, зачем такой образ похитителю нужен? Молиться перед ним нельзя, после того как он такое надругательство претерпел. Не понимал этого Пётр, и любви к людям непонимание не добавляло.

В келье были мазаная печка, топчан для спанья, образа в углу (эти покамест никто не воровал) и стол, за которым Пётр трапезничал и там же читал Евангелие. Топчан был покрыт тюфяком, набитым сеном. Сено ежегодно обновлялось, и первое время Петру было неудобно лежать, сильный запах сухой травы тревожил по ночам и будоражил

фантазию.

Ночью спал плохо, неосознанно прислушиваясь к внешним шумам. И дождался-таки, проснувшись в то самое мгновение, когда звонкий хохот взбудоражил мирное течение ночи.

Поднялся, не зажигая света, приткнулся к окошку.

Июльская ночь уже темна, но не настолько, чтобы ничего не разбирать окрест. Небо светлое, на каком лишь самые крупные звезды обозначены, на фоне неба вырисовываются контуры деревьев, да и на земле всякая мелочь как бы видна, хотя и ускользает от внимательного взора. За эту обманность не любил Пётр летнюю ночь. Как мог, загораживался занавесками, палил перед образами лампаду, а на улицу старался не выходить и не смотреть. А то ведь иной раз такое помститься может, что хуже искусительного сна.

Но на этот раз, осознав себя, Пётр сразу поднялся и приткнулся к оконцу, стараясь углядеть, что происходит возле источника. Не иначе вчерашние девка и парни явились покуражиться над святым местом.

В смутной полутьме июльской ночи Пётр различил белую фигуру возле криницы.

Да что ж это такое! Ведь они, мерзавцы, вздумали прямо в роднике купаться, да еще нагишом!..

Пётр одернул подрясник и, как был босиком, поспешил к источнику, чтобы шугануть хулиганов, вздумавших устроить ночной дебош. В минуту гнева он не подумал даже, что двое парней, не взирая на его иноческий чин, могут отметелить так, что придется собирать вышибленные зубы по всей Ильинской поляне. Жалел только, что палки не взял, проучить нечестивцев, аки Аарон жезлом железным.

Парней нигде не было видно, а голая девка сидела на краешке сруба и болтала ногами в ледяной воде.

- Ты что ж тут паскудство творишь? - возгласил Пётр, воздев руку гневным жестом, не то собираясь ударить, не то начавши проклинать негодницу.

Девка засмеялась громко и обидно, наклонилась над темной гладью и, зачерпнув полную пригоршню воды, плеснула в лицо Петру. И, не распрямляясь, клубком скатилась в криницу.

Плеск - и тишина. Вода мгновенно успокоилась, уподобившись черному стеклу. Пётр шагнул вперед, ухватился за край сруба, приготовившись, когда девка вынырнет, ухватить ее за волосы, выволочь наружу и... А что - и?.. Была бы палка, перепаял бы по заднице, чтобы думала в следующий раз. А так, рукой ее по голому, что ли?

Время шло, из темной глубины никто не выныривал. Хотя какая там глубина? Метра нет, и захочешь не потонешь.

Пётр растерянно оглянулся. Что же делать? И ночь, как назло, ничего толком не видать. Днем источник до самого дна проглядывается.

Многие подолгу стоят и смотрят, как родник играет мелким песком. А сейчас - как заперло, без фонаря ничего не разглядишь.

Хотел поболтать в кринице ведром, но отчего-то забоялся, представилось вдруг, как высовываются из воды холодные руки, хватают, тянут на дно.

Перекрестился, бормоча молитву, порысил к дому, живо сыскал фонарь, вернулся к источнику, принялся светить в воду.

Никого там не было, родник безучастно продолжал свою работу, перебивая упругими струями и без того чистый песок.

Вылезти успела, пока он фонарь искал? А потом куда делась? Тут и спрятаться-то негде.

Пётр заглянул за иву, зачем-то посветил наверх, словно ожидал найти девку среди перевитых лентами ветвей. Обошел привезенные бревна и уложенное штабелем железо. Одиноким вкопанный столб торчал в небо, как гневно указующий палец.

Нет никого и не было. Видение было, дьявольский искус. Похоже, встал Пётр нечистому поперек глотки, и тот посылает своих приспешников, ища погибели упрямому отшельнику.

Остаток ночи Пётр провел перед иконами. Молился в голос, а сам прислушивался: не зазвучит ли за стеной смех, при одном воспоминании о котором озноб пробежал вдоль спины. Но все было тихо до той самой минуты, пока карканье проснувшихся ворон не возвестило приход утра.

Разбитый и невыспавшийся, Пётр вышел к источнику. Подержал в руках лопату и прислонил к стенке своей хибары. Не было сил обустроить место, где по ночам шабашит наваждение. Вместо этого подошел к иве, попытался ободрать цветные ленточки. Давешний старик, конечно, послан нечистым, но тут он прав: ленты вяжут идолопоклонники, в освященном месте никаких лент быть не должно. Распутать ничего не удалось, заплетенные косы проросли по весне свежими побегами, и все скрутилось в единый жгут. Пётр сбегал в келью, принес кухонный нож. Нож был тупой, гибкие ивовые веточки, переплетенные тряпкой, не поддавались. Пётр вздохнул, отнес нож на место. Покаянно задумался: ведь не дело иноку ножищем размахивать, - решил пойти в сельмаг и, потратив сколько-то денег из пожертвований богомольцев, купить садовый секатор. Ветви у дерева отрастут новые, а те, что в языческой скверне повинны, следует отсечь и выбросить. А еще лучше - сжечь.

Пока убирал мусор, что успел крошить своим ножиком, у источника появились первые посетители. Две старушки из соседнего села, в платочках, в длинных юбках, как и прилично ходить женщинам. Покрестились на иконы, начали набирать воду.

Пётр хотел подойти, предупредить, что опоганилась вода, девка бесстыжая в родник влезла и купалась там как есть голышом, но не

решился. Может, и не было девки, только морок искусительный. Да и старухи - с виду правильные, а на Ивана Купала, поди, тоже иву лентами повивали.

Покривился и ушел в келью, чтобы не благословлять старух, в благочестии которых больше не был уверен.

Так полдня и прыгал туда-сюда. Только начнешь каким ни есть делом заниматься, люди идут. Одни - просто за водой, другие - в купель окунаться. А Пётр от них - бежать. Особенно, если среди паломников оказывалась женщина помоложе. В каждой из них мерещилась ночная искусительница. Чудилось, сейчас паломница скинет платье и сиганет прямиком в родник.

Воды из родника Пётр не зачерпывал, не мог преодолеть брезгливость. Ту, что оставалась в ведре, правда, не вылил, но прокипятил в старом, от прежнего монаха оставшемся чайнике. А так пить не мог, тошнотно было.

За полдень отправился в деревню и купил-таки секатор в хозяйственном отделе. Хотел еще купить бутылку воды, но постеснялся. Все знают, что он при роднике живет, и вдруг воду покупает... разговоры пойдут, сплетни. Нехорошо это.

С трудом дождался, когда схлынет народ, идущий к чудотворному источнику, вооружился секатором, принялся обрезать ивовые косы. Дело подвигалось туго, но все лучше, чем ножиком. Вот только руки скоро устали, непривычно было подолгу держать их над головой. Все же кое-как обкорнал суеверные поганства, собрал срезанное в охапку и отнес за дом, где была выкопана яма для мусора. От самого Петра грязи, почитай что и не было, а богомольцы и просто случайные люди оставляли после себя довольно всякого сора. Пётр поляну каждый день убирал и стаскивал мусор в яму. Полагалось, как яма наполнится до половины, ее засыпать, а рядом выкопать новую. До половины было еще порядочно, но Пётр решил взяться за эту работу завтра же с утра.

Уходя в дом, оглянулся на одинокий столб. За день и не притронулся к стройке. И старичок не появлялся, разве что когда Пётр за секатором в магазин бегал. Хотя тогда бы Пётр его по дороге встретил. Не было старика. Явился, смутил душу разговорами и пропал. Истинно, дьявольский посланец.

Ночью проснулся как от толчка. Тихо было, но знал наверное, что возле источника кто-то есть. И не просто кто-то, а вчерашнее видение. Как ее... родница! Чертов старичок ужом вертелся, доказывая, что родница - это не русалка, а что-то наподобие греческих нимф. Может, он и прав, но для христианина тут разницы нет: что родница, что русалка - одно бесовское порождение, и гнать их надо крестом и молитвой.

Спешно поднялся, схватил фонарь, потом заметался... Что еще брать? Образ Спаса непременно надо взять, но и палку тоже надо. От

черта крестом, от буяна пестом. А руки всего две... Бросил фонарь - и без света обойдемся! - правой рукой ухватил дубинку, левой принял икону и во всеоружии пошел навстречу неизвестности.

На этот раз в роднике никто не бултыхался, но Пётр знал, что предчувствие не обмануло его, и зорко оглядывался по сторонам, выискивая, куда забились проклятая бесовка. Жаль, фонарь не удалось захватить, ну да ничего, не уйдет, тварюга! И он нашел ее, быстро и безошибочно, должно, потому что с самого начала знал, где следует искать. Родница сидела на иве, на самых нижних, толстых ветвях и, склонив голову к плечу, гладила остатки скушенных секатором стеблей. Лицо печально и серьезно, ни следа вчерашнего смеха не было заметно на скорбных губах.

- Вот ты где! - угрожающе пропел Пётр, вздев обе руки разом.

- Ты зачем иву попортил? - спросила родница. - Ей же больно. И ленточки мои выкинул...

Вот уж в беседу вступать с бесовской тварью Пётр не собирался!

- Изыди! - потребовал он громко.

- Ну куда я изыду? - спросила родница, ничуть не испуганная видом иконы. - Я тут живу, это мой дом, мне отсюда уходить некуда. Я уйду, и ручей уйдет, одна грязь останется. Я тут три тысячи лет людей пою, и никто меня прежде не гнал. И ленточек моих никто не трогал. Один ты такой... непреклонный.

- Сгинь, вражья сила! Пропади! Ступай в преисподнюю!

Пётр замахнулся вырезанной накануне палкой, но та впустую стукнула по ветке; за мгновение до удара родница спрыгнула на землю и стояла теперь совсем рядом, дразня взор безумно молодым обнаженным телом.

- Какой ты смешной! Ты уж что-нибудь одно выбери: или палку брось, или икону выкини!

Пётр зарычал гневно, уже без слов и, отшвырнув разом и дубинку, и святой образ, ринулся на родницу, целя скрюченными пальцами в тонкое горло. Он ожидал, что почувствует под рукой мокрое, холодное и склизкое, наподобие лягушачьего брюха, но тело родницы неожиданно оказалось теплым и живым до помрачения. Толчок сбил родницу с ног, Пётр рухнул следом и, ничего уже не соображая, вместо того чтобы сжать пальцы на девичьем горле, принялся стаскивать с себя мешающую одежду.

* * *

Июльские ночи не слишком темны, но кому глазеть вдалеке от человеческого жилья, куда только днем приходят люди за святой водой?

Белая фигурка поднялась с земли, склонилась над второй, черной, горбом выпирающей из земли. Погладила тонкой рукой, как до этого гладила искалеченные ивовые ветви.

- Вот оно как вышло. Ты не сердись, Петечка, но так тебе, наверное, лучше будет. Ты же сильный, настоящий мужчина, имя у тебя тоже подходящее, а в монахах ты бы пропал. Нрав у тебя тяжелый, да и сам ты не легок... - тихий смешок прервал речь, - так у меня тебе самое место. Полежишь тут годик-другой, я с души тебе черноту посмою, тогда ты сам поймешь, что все правильно вышло. А что ленточки срезал, это не беда, добрые люди новых навяжут. И дедушку моего, старый камень, расколол. Но это тоже не беда, ему давно пришла пора песком рассыпаться. Зато у меня теперь ты есть... Ты ведь на меня не в обиде? Камнем быть, конечно, скучно, а в избушке твоей много веселья было? Зато я тебе дочку рожу, красавицу. Время придет, пробьется дочурка на свет маленьким родничком, зажурчит земле и людям на радость. Слушай, давай назовем дочку Реченькой?

Видеодром

интервью

**Ольга НИКИФОРОВА:
«У НАС НЕТ ПЕРВОГО СРЕДИ РАВНЫХ»**

В начале года зрители смогли увидеть четвертую часть популярного российского «богатырского» мультсериала - «Три богатыря и Шамаханская царица». Зрителями горячо любимы три предыдущих фильма тетралогии: «Алёша Попович и Тугарин

Змей», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Илья Муромец и Соловей-Разбойник». О том, как создавался четвертый фильм, читателям «Если» расскажет его сценарист Ольга Никифорова.

Ольга Никифорова известна как автор сценариев различных сериалов и юмористических передач «Я лечу», «Игры разума», «Дворик» и т. д. Также популярны ее работы как поэта-песенника, автора текстов для Александра Пушкина. Но основная специализация Ольги - детские юмористические проекты: «Смешарики», «Домашние сказки», «СМЕШНЫЕ праздники», «Мой друг Вася Книжкин» и «Бодрое утро» (два последних для «Бибигона»). А также «расшутка» полнометражных мультипликационных фильмов для детей: «Смешарики 3Д: Долгая Дорога Домой», «Иван Царевич и серый волк». Поэтому нет ничего удивительного в том, что по поводу работы над остроумным сценарием для мультипликации обратились именно к ней.

- Четвертый фильм цикла в некотором смысле интегральный - он сводит воедино героев предыдущих «серий»: князя, трех богатырей, их жен, животных и т.д. Насколько было сложно работать с героями, созданными другими сценаристами?

- Работать с «готовыми» героями и образами, с одной стороны, проще, с другой - сложнее. Проще в техническом смысле. Я, заказчики, режиссер и зрители уже знаем, какие они, герои фильма. Не нужно договариваться и сводить наше видение к общему знаменателю. Меньше споров, эффективнее работа.

Но если бы я работала над образами с первого фильма, богатыри были бы совсем не такими. Мне, скажу откровенно, они не нравятся, потому что в моем понимании являются пародией на своих былинных прототипов. И мне как человеку, любящему русскую культуру и свои корни, это очень горько.

Взять того же Алёшу Поповича. Он же сын попа, священника! Он был грамотен, образован, что большая редкость по тем временам. У нас же в фильме он главный дурак. Есть претензии и к остальным мультяшным богатырям. А также к образу недалекого и сластолюбивого князя киевского, в котором всякий узнает Владимира, хотя создатели и не ставили перед собой такой цели.

Когда я была просто зрителем, мне (и не только мне) казалось, что это чуть ли не происки Мировой Закулисы... Но, пообщавшись с создателями этой истории, поняла: они искренне не ждали такого эффекта и задачи обсмеять русские святыни перед собой не ставили. Хотели просто развлечь зрителя, которого почему-то принято считать недалеким.

Мне оставалось только одно: работать с имеющимися персоналиями и сделать фильм уж если не патриотичным, то добрым, семейным,

объединяющим.

- Мне кажется, что все четыре мультфильма достаточно патриотичны. Но вот в интернете раздаются обвинения в адрес четвертого фильма: мол, русский князь - клоун, богатыри - тупицы, без жен и бабушки с дедушкой никуда не годные... Как бы вы прокомментировали такой взгляд на сюжет?

- Я думаю, что целью фильма было неназидательное воспитание семейных ценностей, по крайней мере, мы ставили перед собой такую задачу. А насколько она выполнена - судить вам.

Поясню. Не то чтобы богатыри без жен, друзей и родственников ни на что не способны. Способны, но и самые сильные из нас могут быть побеждены хитростью и коварством. А вот если рядом с нами близкие люди, с которыми мы связаны родственными и дружескими узами, или наши единомышленники - тогда нам ничего не страшно. Идея, безусловно, не нова, впрочем, как и каждая стоящая истина.

- Во всех фильмах огромное количество постмодернистских элементов - всевозможных аллюзий и реминисценций. Не обошла эта карма и «Трех богатырей». Это продюсерское задание или веление души?

- О, это веление души! В первых двух вариантах сценария - абсолютно других по событийности, но с теми же героями, - всего этого добра было гораздо больше. Я запрягла свою любимую тройку коней: постмодернизм, аллюзию и реминисценцию - и помчалась, не разбирая дороги. Заказчики всем миром кричали «тпру» и просили оставаться в рамках, заявленных предыдущими фильмами. И дозировать подобное... Думаю, они были правы.

Если серьезно, то принято считать, что коммерчески успешный фильм, который должен собрать кассу, не может сейчас обойтись без этих приемов. Зрителю необходимы маячки, привязки к современным реалиям, для более успешного усвоения сюжета.

Я как раз не считаю, что зритель идиот. Просто пошутить на «историческую тему» в контексте современных реалий проще простого. Яркий пример: в библиотеке князя лежит книга «Поколение X». Почему Xэ? Потому что в десятом веке живем. Автору сложно отказаться от удачной шутки, построенной на этом элементарном принципе. Уверена, что именно этим объясняется мода на такую подачу материала в кинематографе.

- В отличие от предыдущих фильмов, в «Трех богатырях» нет однозначно главного героя. Так и задумывалось?

- Конечно. Перед нами стояла огромная проблема: нельзя вывести одного из богатырей вперед, сделать главным героем и умалить при

этом значение двух других. Я считаю, мы прекрасно справились с этой задачей, заложив проблему и решив ее в самом сюжете. У нас нет первого среди равных.

- Как проходило взаимодействие с режиссером мультфильма. Он работал жестко по первоначальному сценарию или вносились изменения по ходу съемок?

- С режиссером мы не встречались ни разу, и я считаю, что это самый правильный подход к делу. Сценарист мыслит словом, а режиссер - картинкой. Конечный результат почти всегда плох, если режиссер вдруг начинает строить сюжет и писать диалоги, а сценарист навязывать свое понимание видеоряда.

Например, в сценарии наша злодейка-царица сбегала по ступенькам восточного дворца, садилась в самодвижущуюся лодочку и плыла к островку, на котором росло корявое черное дерево. У режиссера же это таинственное путешествие к загадочной пирамиде, внутри которой располагается искомый артефакт. Мне кажется, режиссер справился с подачей гораздо более эффектно, чем в сценарии, - так и должно быть.

С другой стороны, мне по-детски обидно, что идею с молодильными яблоками «продали» сразу, в сценарии я маскировала цель царицы до последнего. Хотелось, чтобы ее старость оказалась для зрителя сюрпризом и шоком.

Сейчас, конечно, градус интриги уже не тот. С драматургической точки зрения, это неправильно и больно.

- По идее, картина должна завершать проект, но концовка открытая, почти в духе фильмов Хичкока. Это художественный прием или задел на продолжение?

- Создатели клялись, что фильм последний. Но ни я, ни вы всерьез не стали бы верить этому заявлению, правда?

Беседовал Дмитрий БАЙКАЛОВ

рецензии

ЗЕЛЕНЫЙ ШЕРШЕНЬ 3D

(THE GREEN HORNET)

Производство компаний Original Film, Original Film Feature Films и Sony Pictures (США), 2011.

Режиссер Мишель Гондри.

В ролях: Сет Роген, Джей Чоу, Кристоф Вальц, Кэмерон Диаз, Том Уилкинсон, Дэвид Харбор, Эдвард Джеймс Олмос. 1 ч. 59 мин.

Избалованный сын медиамагната живет на широкую ногу не замечая ничего вокруг Дорогие вечеринки, бесконечные пьянки и случайные связи - все, что волнует Бритта Рида. Но после внезапной гибели отца Брилл оглядывается в прошлое и понимает: там лишь пустота. Перспектива занять место отца в медиабизнесе навеивает на Брилла скуку, и чтобы хоть как-то исправить положение, принести пользу обществу, он решает стать - эка невидаль! - супергероем. Для подобной затеи у него есть неограниченные финансовые возможности и чудо-механик, способный из подручных средств собрать термоядерный реактор..

Как и прочие кинокомиксы, «Зеленый шершень» появился не на пустом месте. Основой нового фильма Мишеля Гондри помимо комиксов стали теле- и радиопостановки далекого прошлого. В одной из них роль напарника главного героя исполнял сам Брюс Ли. Но несмотря на богатую основу, внушительный бюджет и талантливого режиссера, омоложенный, пытающийся вывернуть наизнанку каноны кинокомиксов «Зеленый шершень» никаких эмоций не вызывает.

Основная проблема картины в том, что до ее выхода зрители увидели такие фильмы, как «Хранители», «Пипец» и «Железный человек». Главный герой - всего лишь бледная тень Тони Старка: богатый, но глупый, к тому же начисто лишенный харизмы. Напарник Бритта крут невероятно, даже для героя кинокомикса, и непонятно, почему с такими способностями до сих пор всего лишь механик. Главный злодей, некто Чудновски, зациклен на том, что его никто не боится, и с каждым появлением в кадре непременно кого-нибудь убивает из .сдвоенного пистолета. Ближе к финалу нытье и однообразное появление антагониста откровенно раздражают.

Попытка сделать фильм под лозунгом «посмеемся над кинокомиксами» привела к пресным диалогам, плоским шуткам и пиротехнике на уровне картин Майкла Бей. Причем богатые спецэффекты лишь подчеркивают идиотизм происходящего на экране. Они как будто живут здесь своей, отдельной от персонажей, жизнью.

Степан Кайманов

ОСТРОВ ЗАБВЕНИЯ: ХАРУКА И ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО

(OBLIVION ISLAND. HARUKA AND THE MAGIC MIRROR/

НОТТАРАКЕ НО ШИМА - НАРУКА ТО МАНО НО КАГАМИ)

Производство компаний Dentsu, Fuji Television Network и др. (Япония), 2009.

Режиссер Синсуке Сато.

Роли озвучивали: Иэмаса Каюми, Мицуки Танимура и др. 1 ч. 33 мин.

Харука - шестнадцатилетняя девушка, несколько лет назад потерявшая маму, живет с вечно работающим отцом. Поссорившись с ним в очередной раз, девушка убегает в старый заброшенный домик бабушки в поисках потерянного когда-то подарка матери - ручного зеркальца. И там, неожиданно обнаружив волшебного лисенка Тэо, словно кэрролловская Алиса в кроличью нору, Харука падает в небольшое озеро. И переносится вслед за лисенком в волшебный мир - остров утерянных вещей и забытых воспоминаний.

В необъятной яркой стране, захлампенной исчезнувшими давным-давно и забытыми игрушками, девушка переживет ошеломительные приключения, разыскивая мамино зеркальце, оказавшееся на самом деле ценным магическим артефактом. Здесь будут и головокружительные погони, и битва с местным диктатором, злобным Бароном. Лишь раскрыв в себе способность менять характеры и судьбы новых друзей, а также выявив собственное чувство потерянной радости, детских ощущений, девушка обретет самое главное - умение помнить.

Японская анимация для большинства непосвященных - это большеголовые персонажи с глазами-блюдцами. Здесь - другое. Не столь уж заурядное явление - 3D-анимация, созданная не в Корее - Китае - Малазии, а в самой Японии,

Красочная, насыщенная картинка, весьма увлекательный и приятный сюжет с несколькими трогательными сценами вызывают щемящее чувство. Эта история взросления в своеобразном персональном Зазеркалье оставляет зрителям нежный привкус ванильных воспоминаний с миллионом солнечных зайчиков и осколков детского счастья... Кстати, фильм был номинирован на премию Японской академии за лучшую анимацию 2010 года.

Вячеслав Яшин

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА ЛУНЕ

(THE FIRST MEN IN THE MOON)

Производство кинокомпаний Can Do Productions

(Великобритания), 2010.

Режиссер Дэймон Томас.

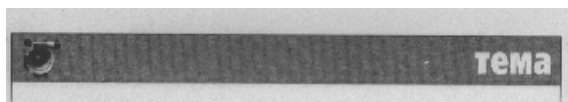
В ролях: Рори Киннеар, Марк Гатисс, Питер Форбс, Кэтрин Джейкуэйс, Джулия Дикин, Ли Инглби и др. 1 ч. 30 мин.

Герберта Уэллса называют первооткрывателем многих фантастических идей. На самом деле это не совсем верно. Почти все его идеи (полет на Луну, вторжение с Марса, путешествие во времени, очеловечивание животных) так или иначе обыгрывались в мифологии, однако английский писатель сумел соединить их с естественнонаучными взглядами и вписать в интерьеры современной ему викторианской Англии. Таким образом получилось новое качество, а поскольку научно-техническая революция начала XX века до сих пор оказывает значимое влияние на развитие человечества, тексты Уэллса не стареют.

Существует множество экранизаций его книг. В 2010-м вышла очередная - картина «Первые на Луне», снятая по одноименному роману 1901 года. Эта экранизация является своеобразным ремейком британской киноленты 1964 года. Но если в старом фильме тайна первого космического полета, совершенного в начале века бизнесменом Бедфордом и профессором Кейвором, обретает гласность благодаря астронавтам международной экспедиции, высадившимся на Луну и обнаружившим там британский флаг, то в новой версии она становится достоянием подростка Джима, который на ярмарке случайно знакомится с Бедфордом - и на этот раз действие происходит в июле 1969 года, незадолго до прилунения «Аполлона-11». Что касается сюжета, изложенного Уэллсом, то он претерпел изменения в отдельных деталях, но основная канва бережно сохранена: англичане строят корабль с антигравитационным двигателем, летят на Луну, сталкиваются там с кастовым обществом селенитов, пытаются сбежать, разделяются...

Спецэффекты для киноленты, снятой в XXI веке, выглядят очень примитивно. Игра актеров и режиссерская работа тоже оставляют желать лучшего; встречаются и откровенные ляпы. Но «Первые люди на Луне» нельзя назвать совсем уж провальным фильмом хотя бы потому, что в нем сохранен прорывной дух эпохи первых космических полетов. Ну а темы ответственности ученых перед будущим и столкновения цивилизаций, похоже, никогда не утратят актуальности.

Антон Первушин

тема

МАГИЯ ЛЮБИ

«История, старая как мир... » О чем это? Конечно, о любви. И о фэнтези.

Жанр фэнтези в начале этого века расцвел на экранах как никогда. Героическое направление, детско-подростковое направление и, наконец, успех романов Стефани Мейер и последовавшей «сумеречной» киносаги всколыхнули интерес к фантазии романтической. В последнем случае можно говорить о народной любви «с первого взгляда», потому что популярности не способствовала ни формируемая десятилетиями аудитория, ни дорогостоящий маркетинг и стомиллионные бюджеты. Более того, очередные выпуски «Гарри Поттера» с усилением темы подростковых взаимоотношений все больше мигрируют в «сумеречную» зону. Пожалуй, история первой любви вампира Эдварда и старшеклассницы Беллы породила новый жанр - широкоэкранную «мыльную оперу» с мистическим оттенком.

Небывалая истерия вокруг влюбленных кровососущих может сформировать мнение, что «Сумерки» и есть канон «романтической фэнтези». Между тем этот киножанр имеет богатейшую историю, какой не могут похвастаться его старшие собратья.

Европы баловень Орфей

Довольно трудно судить, что именно считать началом романтической фэнтези в кинематографе. Ведь практически любой фильм для широкого зрителя не обходится без любовной линии, и фантастика здесь не исключение. И все же под романтической фэнтези мы будем понимать только те фильмы, где любовная линия - центральная, и собственно, ради нее картина и затеяна. Поэтому даже такие вроде бы яркие образчики, как «День сурка» Гарольда Рэмиса или

«Плезанвилль» Гэри Росса, к романтической фэнтези если и относятся, то очень условно.

Нельзя точно сказать, когда же появился этот специфический жанр. Но можно утверждать другое - мощный толчок его развитию дала... Вторая мировая война. Хотя, если вдуматься, ничего удивительного нет. Конечно, подобные фильмы снимались и раньше. Однако именно после самой большой войны в истории и Европа, и Америка потянулись к возвышенным чувствам как символу победы жизни. На поставленный ребром вопрос: «Возможна ли поэзия после Освенцима?» - искусство однозначно ответило «да». Кинофабрики сразу нескольких стран выдали красивые сказки о любви. Символично и то, что любовь здесь почти во всех случаях выступала как противопоставление злу и смерти.

Попытки предпринимались даже в разгар военных действий. В 1942 году, во время немецкой оккупации, французский режиссер Марсель Карне снял картину «Вечерние посетители», известную также под названием «Посланники дьявола». За основу взята средневековая легенда. Мужчина и женщина, бывшие любовники, продавшие душу дьяволу, направлены хозяином сеять смуту на земле. Слуги врага рода человеческого под видом менестрелей проникают в некий замок, однако мужчина неожиданно искренне влюбляется в дочь его владельца. В дело вмешивается сам дьявол, но, кажется, и он не может устоять перед девушкой. Сделать же что-либо с влюбленными дьявол не в силах, даже обратив их в камень. Метафора противостояния фашизму здесь вполне прозрачна, а «поэтический реализм» Карне переводит сюжет во вневременное измерение.

В 1946 году в уже освобожденной от гитлеровцев Франции шла картина «Красавица и чудовище» Жана Кокто. Для съемок в фильме актер Жан Маре был даже временно отпущен с фронта, где служил водителем бензовоза. Классическая история до сих пор впечатляет незабываемым гримом протагониста, гротескно-жутким и в то же время трогательным из-за «кошачьих» черт. Маре исполнил в картине сразу три роли: чудовища в двух ипостасях - зверя и принца, а также его соперника в борьбе за руку и сердце Белль по имени Авенан. Таким ходом Кокто выразил главную мысль картины: любовь может превратить чудовище в человека и наоборот.

Еще до войны Кокто начал снимать трилогию об Орфее. Самой известной стала вторая часть триптиха - «Орфей» (1950). Античный миф режиссер перенес в современные ему парижские реалии. Здесь в поэта-авангардиста Орфея, которого играет все тот же Маре, влюбляется сама Смерть. Она носит облик вовсе не старухи (как, например, в позднем фильме Алена Делона «Переход»), а эффектной Принцессы, своеобразной роковой брюнетки. Ради своей любви Смерть готова забрать беременную жену поэта Эвридику. Но к

Эвридике начинает испытывать глубокое чувство служащий Смерти Эртебиз, выполняющий роль Харона, только вместо ладьи у него - фешенебельный «роллс-ройс». Так рождается необыкновенный любовный четырехугольник. Загробное царство, куда должен войти Орфей, напоминает диктаторский режим, а дерзкая выходка Смерти, которая сначала похищает Эвридику, но затем жертвует собой, чтобы вернуть поэта и его жену к жизни, выступает актом сопротивления.

Любопытно, что в 1985 году во Франции режиссером Жаком Деми был сделан ремейк «Орфея» в жанре мюзикла. В картине под названием «Парковка» опять сыграл уже постаревший Жан Марэ, на этот раз выступив в роли Аида.

Разумеется, не осталась в стороне «фабрика грез», в 1946 году тоже выпустив в прокат чарующую историю любви и смерти. Речь идет об англо-американском фильме Майкла Пауэлла и Эмерика Брессбергера «Лестница в небо». Интересно, что эта пронзительная и оптимистичная сказка появилась на свет по государственному заказу. После Второй мировой отношения Англии и США были сложными. Одним из шагов к сближению стали съемки совместной кинокартины - а что на экране может сблизить больше, чем любовь?

Действие начинается 2 мая 1945 года. Командир экипажа бомбардировщика, двадцатисемилетний красавец-офицер, падает на горящем самолете в море без шансов на спасение. В последние минуты жизни он выходит на связь с радисткой американской наземной службы и объясняется ей в своих чувствах. Но вмешивается английский туман. Посланник небес, который должен был встретить погибшего, просто теряет его в этом смоге. В результате летчик невероятным образом выжил, познакомился с радисткой на земле, и к моменту встречи с загробным проводником между двумя людьми уже вспыхнула любовь.

Проводник, оказавшийся французом, попал в затруднительное положение. Он должен привести «заблудшую душу» на небеса, но, как истинный галл, симпатизирует влюбленным. Тогда на небе собирается суд присяжных, чтобы разобрать это запутанное «дело жизни и смерти».

Режиссерский дуэт Пауэлл-Брессбергер создал удивительный сплав фантастики, мелодрамы, комедии и судебного фильма. Зритель до самого конца не знает, было все на самом деле или это плод фантазии раненого летчика, фильм отличали мастерски поставленные для 1946 года спецэффекты и впечатляющие декорации. Примечательно, что актриса Ким Хантер, сыгравшая обаятельную американскую радистку, впоследствии отметила в кинофантастике ролью не человеческой, но «человекообразной» - шимпанзе доктора Зиры в знаменитой «Планете обезьян» и двух ее продолжениях.

В том же 1946 году увидел свет любимый рождественский фильм

американцев «Эта прекрасная жизнь», который поставил Фрэнк Капра - и получил шестую и последнюю в своей жизни номинацию на «Оскар» за режиссуру (всего режиссер выиграл три из них). Лента Капры - американская «Ирония судьбы...», ее показывают по национальному телевидению каждый год под Рождество. В истории о том, как однажды ангел уберег от суицида отчаявшегося отца семейства, показав мир, где его никогда не было, романтическая линия отнюдь не самая главная. Тем не менее американский Институт киноискусства поставил картину на восьмое место среди величайших национальных лент о любви и на третье - среди величайших фэнтези-лент,

Наконец, в 1947 году вышел на экраны еще один образец романтической фэнтези, на этот раз музыкальной. Речь идет о фильме Александра Холла «С небес на Землю», вольном продолжении его же комедии «А вот и мистер Джордан», удостоенной двух ремейков. Драматург сочиняет мюзикл о том, как два военных летчика терпят аварию на Олимпе и влюбляют в себя тамошних обитательниц. В это время настоящая Терпсихора, разозленная легкомысленной пьеской о музах, упрашивает заведующего небесной канцелярией отпустить ее на Землю, чтобы проучить «борзописца». Разумеется, дело начинается с пьесы, а заканчивается романом. Терпсихору сыграла кинобогиня Рита Хэйворт.

Чуть позже в эту новую волну влилась и пострадавшая от фашизма Восточная Европа. В 1952 году чешский режиссер Борживой Земан поставил музыкальную киносказку «Горделивая принцесса». В России этот фильм режиссера не так известен, как снятая намного позже пародийная комедия «Призрак замка Моррисвилль». Однако, пожалуй, с «Горделивой принцессы» Чехословакия стала на десятилетия едва ли не главной «фабрикой» по выпуску целой линии восточноевропейских романтических сказок, снимаемых с прицелом на внимание юного зрителя, но интересных и взрослым. Они продолжают сниматься там и до сих пор.

Особенно в свое время преуспел на этом поприще режиссер Вацлав Ворличек. Кто из советских школьников не смотрел его «Три орешка для Золушки» или многосерийную «Арабелу», удостоенную, если выразаться сегодняшними терминами, сиквела и спинноффа? Примечательно, что в том самом спинноффе, под названием «Румбурак» Ворличек сделал даже главного злодея своей телесаги героем романтической истории. А если бы в ту пору существовал интернет и работала современная машина масс-медиа, то чешские актеры ряда его киносказок Либуше Шафранкова и Павел Травничек стали бы, по крайней мере в соцстранах, не менее популярны, чем теперь Кристин Стюарт и Роберт Паттинсон.

В длинной череде этих картин производства ЧССР выделяется своеобразное прочтение «Красавицы и чудовища» от режиссера Юрая

Герца. Здесь допущен значительный элемент готики, даже более сильный, чем у Кокто. Мрачная атмосфера и декорации безлюдного замка заставляют вспомнить более поздние картины Тима Бартона, а грим Чудовища (Герц начисто отказался от «кошачьих» ассоциаций) и операторские приемы способны напугать не хуже, чем итальянские и американские фильмы ужасов семидесятых.

Всегда быть рядом не могут люди...

Советская киносказка, в отличие от восточноевропейской, в большей степени ориентировалась на героические сюжеты и фильмы для младшего возраста. А немногочисленные «сказки для взрослых» опирались на сюжеты философские и практически всегда были экранизациями, вроде кино- или телепостановок пьес Евгения Шварца, от Надежды Кошеверовой до Марка Захарова. Тем не менее нельзя не вспомнить такие образцы романтической фантазии, как «Алые паруса» (1962) Александра Птушко, «Король-олень» (1968) Павла Арсенова и «31 июня» (1978) Леонида Квинихидзе. Все они тоже имели в основе литературный первоисточник. Фильм Квинихидзе по пьесе Джона Б. Пристли, наверное, может претендовать на лавры самой романтической сказки отечественного кино. Зритель, однако, смог оценить его по-настоящему только уже в перестроечные времена, так как эта телевизионная картина в 70-е и начале 80-х годов XX века демонстрировалась в эфире всего один раз из-за бегства за границу прославленного артиста балета Александра Годунова, сыгравшего второплановую роль менестреля.

«31 июня» наглядно демонстрирует один из любимых приемов жанра. На пути чувства обязательно должны стоять преграды. Кинематографисты преуспели в живописании самых немислимых трудностей, а создатели фэнтези - препятствий воистину запредельных. И особенно часто используются преграды времени, ибо велик соблазн разделить целыми эпохами любовь, которую «вместить не могут жизни берега».

Через два года после фильма Квинихидзе на Западе вышла мелодрама Жанно Шварца «Где-то во времени» - экранизация романа Ричарда Мэйтсона «Возвращение сквозь время». Драматург в исполнении Кристофера Рива, ставшего знаменитым благодаря своему предыдущему фильму «Супермен», получает от незнакомой старой дамы часы и слышит призыв «Вернись ко мне». Восемь лет спустя он находит фотографию молодой женщины, сделанную в 1912 году, и узнает в ней ту самую даму. А затем с помощью самогипноза отправляется в прошлое и лично встречает оригинал... Однако длительное время находиться в прошлом путешественник не может и вынужден перенестись назад, чтобы потом снова и снова делать тщетные попытки возвращения.

В 1980-е годы нередко использовался и мотив «переселения душ». В комедии Эмиля Ардолино «Шансы есть» (1989) герой случайно и нелепо погибает, оставив беременную супругу. На небесах внимают его просьбам и отсылают обратно на Землю, но ему приходится заново родиться и вырасти, пока однажды «юноша» (в этом образе его играет молодой Роберт Дауни-младший) не встречает свою уже сорокалетнюю вдову и повзрослевшую дочь. В чуть более ранней мелодраме Алана Рудольфа «Сделано в раю» (1987) ситуация еще острее: погибший мужчина на том свете влюбляется в женщину, которая оказывается предрожденной душой и вскоре должна уйти в мир живых.

Путешествие сквозь время и реинкарнация были органично совмещены в гонконгской ленте «Терракотовый воин» (1990). Китайский архитектор и гофмейстер добровольно соглашается умереть, чтобы разделить участь возлюбленной, послушавшейся императора. Но девушка успевает дать ему созданный алхимиком эликсир бессмертия. После тысячелетнего сна внутри терракотовой скульптуры архитектор оживает в двадцатом веке, чтобы вновь увидеть свою любовь, которая воплотилась в легкомысленной актриске... Зодчего сыграл небезызвестный Чжан Имоу, спустя десять лет сам поставивший ряд костюмных фэнтези-лент, таких как «Герой» и «Дом летающих кинжалов».

Разрыв во времени может быть и совсем небольшим. Корейская мелодрама «У моря» (2000) живописует отношения мужчины и женщины, которые поселились в одном и том же доме с разницей в два года. Из прошлого в будущее и обратно доходят только письма. Встретиться же им мешает то обстоятельство, что в течение этого временного промежутка мужчина успел погибнуть... Впоследствии сюжет повторили голливудский ремейк «Дом у озера» (2006) с Кеану Ривзом и отечественный «Тариф Новогодний» (2008), где письма заменила сотовая связь.

В середине - конце восьмидесятых в американской романтической фэнтези был популярен мотив, когда в отношения влюбленных прямо вмешивается некая злая волшебная сила и хочет их разлучить. В «Легенде» (1985) Ридли Скотта с молодым Томом Крузом, почти как в «Руслане и Людмиле», принцессу похищает inferнальный Темный властелин. В «Леди-ястреб» Ричарда Доннера, выставленной на суд зрителя в том же году, колдун-епископ накладывает заклятие на героев Рутгера Хауэра и Мишель Пфайффер, и теперь он по ночам становится волком, а она днем - хищной птицей. Наконец, в «Принцессе-невесте» (1987) Роба Райнера персонажей разлучает интриган-вельможа, и главному герою приходится буквально воскреснуть из мертвых, чтобы спасти героиню.

Вообще, проверка на прочность клятвы «Пока смерть не разлучит

нас!» является едва ли не самым популярным ходом в жанре. Суперхит американских кинотеатров и поздних советских видеосалонов «Призрак» (1990) Джерри Цукера стал каноническим примером сюжета, как убитый молодой человек в образе бестелесного духа решает остаться на Земле, чтобы незримо присутствовать рядом со своей невестой. А ведь годом ранее вышла и, увы, провалилась аналогичная, хотя и более глубокая картина самого Стивена Спилберга «Всегда». В фильме Цукера конфликт строился на отчаянном порыве друг к другу и в то же время «физической» невозможности воссоединиться и даже прикоснуться. У Спилберга все наоборот. Погибший летчик-пожарный призван оказать помощь в становлении новичка, который неожиданно влюбился в его теперь уже бывшую подругу и активно добивается взаимности. Призрак в исполнении Ричарда Дрейфуса должен найти в себе силы, чтобы отказаться от своей любви, В таком духовном поступке и заключается его победа, но это как раз и могло не понравиться публике, привыкшей к безоговорочным хэппи-эндам.

Киногерой за порогом смерти может быть «скорее жив, чем мертв», и этот ход привлекателен тем, что позволяет показать действительно благополучную развязку. Экранизация романа Марка Леви, названная отечественными локализаторами «Между небом и землей» (2005), рассказывает историю любви разочарованного в жизни вдовца и призрака девушки, которая не умерла, но лежит в коме. Правда, с возвращением героини в сознание преграды не заканчиваются: девушка не помнит ничего из своих «потусторонних» приключений. Не менее драматично развиваются отношения духа старшеклассника, чье тело тоже находится в коме, и юной хулиганки, повинной в его плачевном состоянии, из фильма Дэвида Гойера «Невидимый» (2007).

Иное дело, когда «по ту сторону» оказываются оба влюбленных. Внешних препятствий уже вроде бы нет, однако... Современную интерпретацию мифа об Орфее визуализировала драма «Куда приводят мечты» (1998) по еще одному роману уже упомянутого нами Ричарда Мэйтсона. Разбившийся на машине детский врач (Робин Уильямс), незадолго до того потерявший двух собственных детей, оказывается в «субъективном раю», царстве чистого идеализма, где все постоянно меняется под воздействием желаний. Вдохновившись этим, герой спускается в такую же изменчивую преисподнюю, чтобы освободить жену, от горя наложившую на себя руки. Грешник не может измениться после смерти, а потому сам себя не выпускает из «внутреннего ада» и даже не понимает, где находится. Но герою Уильямса удается невозможное. Ведь хотя никто из обитателей этого загробного мира лично не видел Бога, им оказывается та любовь, на которую они способны.

Казалось бы, что-то оригинальнее и придумать сложно. Однако это не значит, что невозможно. В комедии «Самоубийцы: История любви»

(2006), ставшей американским дебютом хорватского режиссера Горана Дукича, поставленной по рассказу израильского писателя Этгара Керета (вот она, глобализация!), перерезавший себе вены от несчастной любви герой попадает в загробный мир для самоубийц. Тот мало чем отличается от Земли, только разрухи больше. Узнав, что бывшая пассия тоже покончила с собой, юноша бросается ее искать и... встречает настоящую любовь в лице совсем другой девушки. Проблема в том, что его новая возлюбленная, скончавшаяся от передозировки наркотиков, не самоубийца и подлежит депортации обратно в мир живых. И какой может быть хэппи-энд у такой истории? Тем не менее он присутствует.

Образ твой, мучительный и зыбкий...

Отдельная тема - любовь, скажем так, к не совсем человеческому существу. Самый известный пример - та самая классическая история «Красавицы и чудовища» и ее отечественный вариант «Аленький цветочек», не дающие покоя кинематографистам много десятилетий. Последняя на данный момент интерпретация, действие которой происходит в наши дни с тинейджерами, увидит свет в 2011 году.

Кроме упомянутой темы платонических отношений с призраками, не менее популярен мотив любви к посланникам небес. Девушка-ангел (ее играет француженка с неземными глазами Эммануэль Беар), сломав крыло, падает в бассейн к главному герою комедии «Свидание с ангелом». И не когда-нибудь, а перед самой свадьбой. Устоять перед таким небесным искушением жених не может.

В ключе архаусной философской драмы решил похожий сюжет немецкий режиссер Вим Вендерс в знаменитой картине «Небо над Берлином», Здесь ангел-мужчина влюбляется в артистку цирка и ради нее становится смертным. Американский ремейк Брэда Силберлинга «Город ангелов» с Николасом Кейджем, снятый уже для широкой публики, еще более обострил коллизию, заставив «очеловеченного» ангела испытать не только любовь, но и горечь потери.

Не забывают и представителей низшей мифологии. Известная диснеевская комедия «Всплеск» рассказывает о любви американца (его сыграл молодой Том Хэнкс) и настоящей русалки, Любовь к оборотню еще до «Сумерек» обыгрывают во «взрослом» варианте - «Волк» (1994), а в «подростковом» - «Кровь и шоколад» (2007). Сейчас имеются в виду лав-стори, а не хорроры вроде «Американского оборотня в Лондоне» или «Человека-волка», где обычно также присутствует романтическая линия.

Еще одной коллизией выступает любовь к бессмертному. На экраны дважды переносился роман Натали Бэббит «Вечные Таки». Наиболее известна версия 2002 года. Любопытно, что «Сумерки», вышедшие шестью годами позже, практически воспроизводят фабулу: юная

героиня сталкивается с необыкновенной семьей бессмертных и влюбляется в самого младшего, который, хотя и выглядит сверстником, старше ее на несколько десятков лет. Отличие от «вампирской оперы» лишь в том, что действие происходит в начале Первой мировой войны, а семья Таков - обыкновенные фермеры, ставшие физически бессмертными по чистой случайности и принявшие это не как дар или проклятие, а просто как данность.

Символично в этом плане смена ценностей: девушка начала двадцатого века преодолевает соблазн бессмертия даже ценой отказа от любви, а в «сумеречной» эпохее девушка начала века двадцать первого активно рвется к вампиризму, хотя это рвение не особенно приветствует даже благоразумная семья возлюбленного.

Саму же мифологему романтического кино средствами фэнтези деконструировал Вуди Аллен в комедии «Пурпурная роза Каира» (1985). Действие происходит в период Великой депрессии, и для главной героини Сесилии (Миа Фэрроу) единственной отдушиной в убогом существовании становятся наивные голливудские мелодрамы и мюзиклы. Каково же ее удивление, когда прямо с экрана в зал сходит красавец-романтик Том Бакстер и объясняется ей в любви. Однако против влюбленных уже не один, а целых два мира. Тут и кинореальность, в которой герои фильма не хотят играть, пока не вернется участник «труппы», и меркантильная Америка, где продюсеры боятся своеволия киногероев, а исполнитель роли Бакстера пытается «отбить» Сесилию у собственного персонажа ради сохранения карьеры. Что же является большей иллюзией - обещания актера или чувства несуществующего человека?

Аллен вернулся к истокам и высмеял их. Пожалуй, ничто так часто не высмеивается в кино, как фальшь и натянутость в изображении чувств. Но можно точно сказать, что фильмы о любви, расцвеченные фантазией, всегда будут появляться на экране.

Аркадий ШУШПАНОВ

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

ПРАВИЛЬНОЕ ЖЕЛАНИЕ

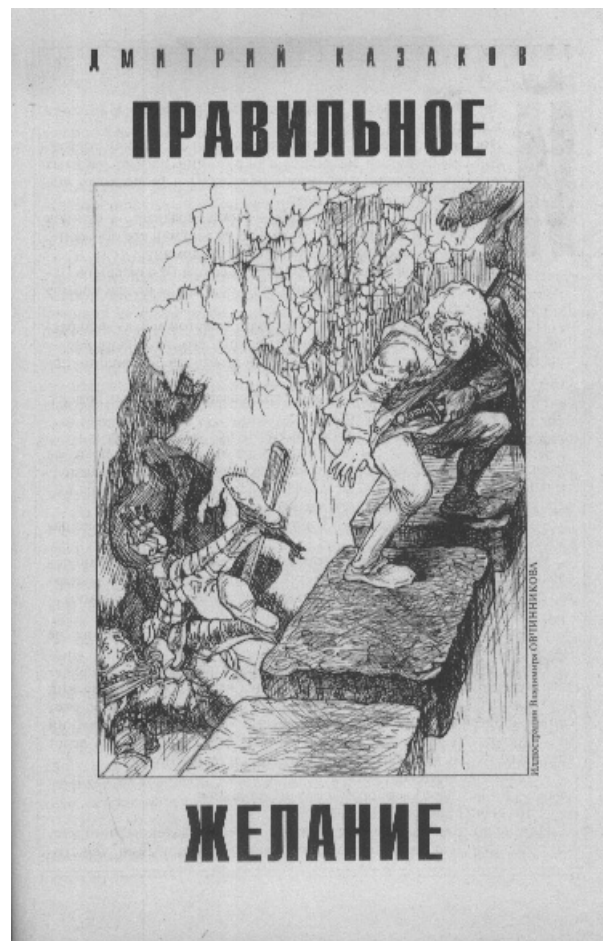

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Йохан Кнут оказался в пределах славного города Мюнхента теплым летним днем.

Постоял в очереди у ворот, позубоскалил с дородной торговкой, восседавшей на телеге в окружении плотно набитых мешков, заплатил пошлину стражникам и безропотно выдержал тщательный досмотр.

- Иди, паря, - сказал наконец рябой десятник. - Клинок у тебя такой, как положено, только не вздумай его обнажать. Штраф - разве что самому герцогу по карману.

- Да вы что, я ж человек мирный, клянусь посохом Прозревшего Петера! - Йохан заулыбался, поспешно взял под уздцы чалую кобылу и повел за собой.

Но за воротами, на небольшой площади, зажатой между надвратной башней и старым храмом Первой Искры, его ждал сюрприз - еще пятеро стражников во главе с могучим воином в бригадине поверх кольчуги.

На грудь обладателя бригадины спускалась рыжеватая борода, а взгляд синих глаз излучал холод.

- Стой! - приказал бородатый, и Йохан послушно замер.

При желании он мог бы легко удрать от этих увальней, но тогда пришлось бы бросить лошадь и уходить из города. Да и необходимости в бегстве пока не было - оставалась надежда, что тут удастся

вывернуться при помощи резвости языка, а не ног.

- Ты ли Йохан, именуемый Кнудом? - властно спросил бородатый.

Все ясно - новый капитан городской стражи. Когда Йохан последний раз бывал в Мюнхенте, то есть восемь лет назад, тут командовал другой парень, длинный и сутулый, со шрамом на физиономии.

- Точно так, господин, - сказал он.

- То есть ты не запираешься? - уточнил бородатый, и во взгляде его мелькнуло удивление.

Йохан знал, кого видит сейчас новый капитан стражи - моложавого мужчину, тощего и жилистого, словно настоящий пастушеский кнут; хитрые глаза близко посажены, волосы светлы, как пакля; одет самым простецким образом, хотя и не бедно, на поясе висит короткий меч, что дозволено носить мастерам и торговцам; а в поводу ведет кобылу из тех, на каких настоящий всадник и не посмотрит.

- А какой смысл мне запирается, господин? - Йохан пожал плечами. - Я чист перед герцогом и его подданными.

И это было правдой.

Йохана приговорили к повешению на родине, в далеком Ринбурге, что в Нижней Локсии, к колесованию в веселом Майнхейме, чьи стены отражаются в Рейне, и к четвертованию во владениях Арманийского ордена, но в пределах герцогства Геверн, где правит свирепый Генрих Медведь, он закона не нарушал.

А если и нарушал, то так, чтобы об этом никто не узнал.

- Верно, разрази меня Разрушитель, - неохотно признал капитан стражи и от избытка чувств дернул себя за бороду. - Но всякому известно, что ты, Йохан по прозвищу Кнут, - вор!

Йохан улыбался так же безмятежно, как и ранее.

- Но я, капитан Фридрих фон Флоссенбург, не позволю тебе смущать покой добрых обитателей Мюнхента! - грозно заявил обладатель бригадины. - Ты волен пребывать здесь сколько захочешь, но даже не думай о том, чтобы запустить руку в чужой карман! Закон над тобой, клянусь Триединым Писанием!

Улыбка Йохана стала чуточку презрительной, но заметить это смог бы только очень наблюдательный человек.

Йохан лишился родителей, сестер и братьев после мора, опустошившего Северную Арманию восемнадцать лет назад. Остался один как перст, но жить там, где появился на свет, не захотел, избрал долю странствующего подмастерья, благо ремеслу башмачника покойный родитель сына обучил.

Прозвище Кнут он получил довольно быстро, а вскоре заработал и репутацию.

За годы путешествий Йохан побывал в Бретланде и Галлеоне, в землях восточных еретиков, чтящих Двоицу вместо Троицы, посетил даже жаркое Заморье, отвоеванное Прозревшим Воинством у диких

язычников, и везде зарабатывал воровством. Нет, он не таскал кошельки у ротозеев на рынке, не поджидал путников в темных лесах, он занимался куда более интересными и сложными делами.

Казначейство маркграфа Пфальца, сокровищница замка Тевтонбург, одного из оплотов Ордена, коллекция самоцветов купца Салиха ал-Хали, башня старого, выжившего из ума мага Гильома из Эксетера...

Йохан ловко обращался с замками, умел обмануть стражу и найти хитрую лазейку.

За все эти годы его ни разу не поймали, хотя многократно осудили, но всегда заочно, в бессильной злобе выставляя на эшафот соломенную куклу. И если бы Кнут приехал в Мюнхент ради очередного «дела», то бравый капитан Фридрих фон Флоссенбург об этом даже не узнал бы.

- Я понял, господин, - смиренно проговорил Йохан, - буду тише воды и ниже травы.

- То-то же, - удовлетворенно пробормотал капитан, давая подчиненным знак освободить дорогу и отступая в сторону. - Да убирайся из нашего славного города побыстрее.

Задерживаться в столице Геверна Йохан и не собирался.

Пройдя чуть ли не через весь Мюнхент, он добрался до Герцогской площади, где обыкновенно казнили преступников. С площади свернул в безымянный кривой переулок и оказался у постоялого двора «Под трубой», такого ветхого, будто его возвели еще во времена Карла Великого.

Сунул поводья выбежавшему навстречу мальчишке, присовокупил медную монетку, а сам сдернул с крюка у седла мешок и поднялся на крыльцо. Скрипнула покосившаяся дверь на ржавых петлях, и Йохан очутился в просторном, хотя и несколько задымленном зале, ощутил запахи соломы и горелого мяса.

Из-за стойки на посетителя уставился хозяин заведения Хайко, прозванный из-за отрубленного носа Кабаном.

- Кнут? - проревел он во всю луженую глотку. - Ха, заходи, бродяга!

Помимо Хайко в зале было четверо мужчин: один спал, упав рожей в пивную лужу на столе, двое играли в кости, а последний, плечистый и круглолицый, торопливо насыщался, разрывая на части каплуна.

Услышав рев хозяина, он прекратил жрать и заинтересованно повернул голову.

- Это я, клянусь посохом Прозревшего Петера, - сказал Йохан. - А там, если не ошибаюсь, сидит мой друг Ринкель Швеппс?

- Иди сюда, Кнутище! - радостно завопил круглолицый тонким, почти бабьим голосом. - Выпьем за встречу, сожри ее демоны! Не ожидал увидеть тебя здесь! Болтали, что ты удрал в Бретланд или вовсе стал монахом!

Ринкель, парень из обнищавшего дворянского рода, был наемником,

одним из тех солдат, что продавали свой меч кому угодно и не очень дорого, а прозвище получил за привычку шуметь по делу и без. Они с Йоханом лет пять назад сталкивались в прирейнских городах, даже пару раз работали в одной команде и стали хорошими приятелями.

«На ловца и зверь бежит, Швеппс - это тот, кто мне нужен», - подумал Кнут.

Вскоре они хлестали довольно жидкое, честно говоря, пиво, обгладывали уже второго каплуна, вспоминали старые добрые времена и обсуждали нынешние. Ринкель хвастался, что в последние полгода зарабатывал «огромные деньжищи» в Верхней Локсии и Вохемии, но одежда и обувь его красноречиво говорили, что их хозяин прочно сидит на мели.

Выпили один кувшин, другой, Швеппс побагровел, лицо его расплылось в пьяной ухмылке.

- А что ты тут делаешь, дружище? - спросил Йохан, решивший, что нужный момент настал.

- Как что? Пью, сожри меня демоны! - заявил Ринкель, но тут же физиономия его сделалась уморительно серьезной. - А если честно... - он огляделся. - Пройти мне все Пять Шагов, если я тут просто так... Ты ведь никому не выдашь меня? Я могу верить тебе, Кнутище?

Йохан с готовностью замотал головой, а Швеппс нагнулся к нему и заговорил шепотом, обдавая запахом пива и жареного мяса:

- Я собираюсь на юг... в горы... там прячется одна штука, надо ее навестить, и мы заживем, как бароны... Только надо дойти... и тогда желание исполнится... а уж я пожелаю...

Йохан сидел, точно замороженный, и мысли его двигались короткими резкими толчками: «Неужели этот увалень тоже узнал об Оракуле? Но откуда? Это невозможно! Невозможно, но факт, провалиться мне сквозь землю. Что тогда? Зарезать его? Зачем мне соперник? Нож в бок - и все решено? Нет, нехорошо... Мы ели из одного котла, прикрывали спину друг другу. Я не крыса, чтобы жрать своих».

За годы странствий ему приходилось убивать, но всегда защищая собственную жизнь, и он даже гордился тем, что «дела» выполнял чисто, не оставляя за спиной тел и луж крови.

- Э, ты чего, Кнутище? Заснул? - Ринкель заметил, что с собеседником что-то не так.

- Нет. - Йохан посмотрел прямо в блекло-голубые глаза Швеппса. - Ты говоришь о Симферийском Оракуле?

Ринкель замер с открытым ртом.

Он блестяще обращался с мечом, недурно ездил на коне и управлялся с копьем, но вот скрывать собственные мысли никогда не умел, да и умение это для наемника не столь важно, как для вора или купца.

- Э... как? Откуда? Ты что? - тут Швеппс разом утратил дар речи.

- Я вижу, что не ошибся, - Йохан кивнул. - Предлагаю для начала поговорить и только затем решить, кто мы - враги или союзники. Начнем с того, откуда мы оба узнали об Оракуле. Идет?

Ринкель подумал немного, захлопнул рот и кивнул.

- Я начну, - Йохан пригладил непослушные волосы. - Это случилось два года назад в Бретланде...

Тогда он и еще трое отчаянных сорвиголов решили заглянуть в башню, где с незапамятных времен жил безумный колдун Гильом. Он много лет не показывался, и жители окрестных сел решили, что старый чародей то ли помер, то ли его утащили демоны прямо в лапы к Разрушителю.

- Мы так и не узнали, что с ним случилось, - продолжал Йохан. - Гильома мы не видели ни живым, ни мертвым, но столкнулись с множеством жутких чудес, которыми была напичкана его башня...

Обратно вернулись двое из четырех, и напарник Кнута, беглый монах из Кентербери Джек Плут, утащил с собой целую охапку пергаментных свитков. Там он и вычитал о Симферийском Оракуле, который находится в горах к югу от Мюнхента и доступен для смертных только раз в столетие.

- Джек Плут тогда посмеялся, решил, что все это выдумки, - тут Йохан ухмыльнулся, - да только я место сразу узнал, слишком уж похожим было описание... Бывал я там поблизости, когда удирал из Армании на юг, и рассказы местных слышал - про Красные Скалы и Каменный Мост... Я ничего Плуту говорить не стал, да только решил: наведаюсь, проверю, что там да как, в тот день, когда срок подойдет.

- То есть в летний день Прозревшего Яна этого года, - уточнил Ринкель.

Он выглядел уже не таким пьяным, и ухмылка исчезла с круглой физиономии.

- Именно. А ты откуда узнал об Оракуле?

Из невнятного рассказа Швеппса стало ясно: в Вохемии он находился рядом с умиравшим монахом из ордена Пламени Прозрения, и тот перед смертью раскрыл тайну, которую хранил многие годы.

- Долго говорил... потом умер, мы его и похоронили... с остальными, там, в монастыре, - бормотал Ринкель, смущенно моргая. - На следующее утро воины князя пожаловали... всех убили, я один спасся... Но поверил, ведь зачем ему было врать, сожри его демоны, да еще перед смертью и чужим людям?

- Понятно, - кивнул Йохан. - И монах твой поведал, что Оракул даст ответы на все вопросы, а еще исполнит одно правильное желание того, кто до него доберется? А если оно будет неправильным, то дерзкий погибнет?

- Ага, - и Швеппс потянулся к кувшину, забыв, что тот давно опустел. - Зараза!

Пока они разговаривали, за окнами постоянного двора успело стемнеть, и Хайко принялся разжигать огонь в громадном очаге. Пьяница проспался и теперь вновь хлебал пиво, игроков в кости стало четверо, а за столом у входа появилась компания подгулявших мастеровых.

- И что ты думаешь делать? - спросил Йохан, оценивающе глядя на приятеля. - Может, дальше вместе пойдём?

Он все равно собирался нанять в Мюнхенте парочку местных головорезов.

В унесенном из башни пергаменте упоминались «опасности и страхи для тела многие», ожидающие того, кто рискнет пойти к Оракулу. Кроме того, в южной, горной части Геверна всегда пригодится тот, кто знает местные тропы, диалект и обычаи, а также добавочный клинок в умелых руках. И не так худо все выйдет, если этот клинок окажется в руках Ринкеля.

- А как... желание делить будем? - надулся Швеппс.

- Сначала надо дойти, - окоротил его Йохан. - Вдруг кто из нас погибнет? Там же ловушки упоминаются? Стражи, по-моему? Еще всякие чудеса, замки, которые придется вскрывать?

- Да, «двери, видом странны», - вспомнил Ринкель. - А ты ведь мастак по всяким запорам...

Йохан молчал, давая мысли о том, что сотрудничать полезнее, чем враждовать, укорениться в голове собеседника. Владеть оружием - это здорово, но меч мало поможет там, где нужны ловкость и хитрость вора.

- Можно пойти вместе, - сказал Швеппс после недолгого чесания в затылке и плямканья губами. - Доберемся, а там решим, кто желание пойдет загадывать... да, это верно.

Расчет Ринкеля читался у него на лице: «Пойду я, поскольку я сильнее, и тебе, Кнутище, со мной лицом к лицу, меч против меча или кулаки против кулаков никогда не выстоять».

- Так и поступим, сожри нас демоны, - подвел он итог размышлениям.

- Вдвоем двинем?

- Нет, нам бы пригодился третий, - тут Йохан позволил себе улыбнуться: на всякую силу есть своя хитрость, а острота ума куда полезнее, чем острота самого лучшего клинка. - Проводник.

Третьим стал Арне Шишкарь, маленький, неразговорчивый и мрачный парнишка, родившийся в южном Геверне. Узнав, что им нужно добраться до Красных Скал, он пожал широкими плечами и сказал с южным акцентом:

- Скалы так скалы.

Арне, если верить друзьям Йохана, отлично владел топором и ножом, ничего на свете не боялся, даже слуг Разрушителя, и прекрасно знал

горные тропы от Геверна до Острейха.

Они закупили провизии в дорогу и выехали из Мюнхента: впереди Кнут на смирной кобылке, за ним Ринкель на могучем черном жеребце и позади всех равномерно шагающий Арне.

До праздника Прозревшего Яна оставалось три дня.

Первый день ехали по оживленному тракту, ведущему на юго-восток, а когда ближе к вечеру показался постоялый двор, Йохан предложил:

- Что, заночуем тут?

- Давай, - оживился Швеппс. - Пивка выпьем, горячего поедим! Эй, ты, мелкий, что это за место, знаешь?

- «Красный петух», - отозвался Арне. - Безопасное.

- Тогда остаемся, - решил Йохан и повернул кобылу в сторону постоялого двора.

«Красный петух» оказался переполнен, в очаге пылал огонь, за столами пили, ели, орали и смеялись возчики, странствующие мастеровые, мелкие торговцы, монахи и прочий люд, что топчет дороги Геверна. На помосте у дальней стены терзал струны миннезингер, брылястый, толстый и белобрысый, в полинявшем берете, и через гомон время от времени прорывались обрывки баллады о Лоэнгрине.

Служанки носились туда-сюда, таскали кружки и миски, из открытой двери кухни тянуло горелым.

- Эх, ну и толпа, сожри ее демоны! - воскликнул Швеппс радостно. - Эй, рыбка, куда бы нам присесть?

Проносившаяся мимо рыжая служанка лишь замученно улыбнулась и махнула в ту сторону, где за одним из столов виднелись свободные места. Чтобы добраться до них, пришлось немного потолкаться и даже двинуть в челюсть одному не слишком понятливому типу.

Тот открыл рот, собираясь возмутиться, но увидел меч на поясе Ринкеля и решил, что молчание - золото.

Едва уселись, как та же рыжая служанка притащила три кружки, кувшин пива, здоровенный каравай и добрую порцию свиных ребрышек на блюде. Швеппс осклабился, начал бормотать те глупости, какие обычно вешают на уши девчонкам, а Йохан молча отдал девице монету и принялся за еду.

Когда он был на работе, то не позволял себе отвлекаться.

Пока ели, Швеппс успел познакомиться с соседями, вскоре пересел к ним и заказал еще кувшин. Насытившийся Арне буркнул «я похожу, послушаю» и исчез в толпе, и только Йохан остался на месте. Миннезингер обошел слушателей со своим беретом, пересыпал монеты в карман и затянул нечто длинное, нудное и воинственное, похоже, «Песнь о походе императора Барбароссы в Заморье».

Те из гостей, что оплатили отдельные комнаты, потянулись к лестнице на второй этаж, зал понемногу начал пустеть.

Арне вернулся не скоро, но возник рядом так стремительно, что Йохан

с трудом удержал позыв схватиться за нож.

- Монахи, - выпалил гевернец, указывая туда, где за угловым столом сидели двое в серых рясах ордена Прозревшего Франца и с ними - могучий углежог в запачканной сажей одежде.

- Я вижу. И что?

- Спрашивают дорогу к Красным Скалам.

Йохан нахмурился - в той части Геверна, куда намылились смиренные слуги Хранителя, нет ни то что монастырей и храмов, там не водится деревень и пастушьих поселков.

Выходит, братья Прозревшего Франца тоже отправляются к Симферийскому Оракулу, хотят добраться до него как раз к дню Прозревшего Яна? Но откуда монахи узнали о нем? Хотя этот вопрос как раз может подождать, сейчас куда важнее ответить на другой: «Что делать с соперниками?».

Ничего нет проще, чем подкараулить обладателей серых ряс в лесу и прирезать обоих, свалив все на гевернских разбойников. Но мысль об таком поступке Йохана покорила - не хотелось брать на душу столь тяжкий грех, особенно на пути к великой цели. Кто его знает, может, Оракул не исполняет желания отъявленных грешников или вообще прижаривает им задницы?

В свитке из башни не говорилось, чьей силой творятся его чудеса: Творца, Хранителя или Разрушителя...

- Сделаем так, - предложил Йохан. - Как монахи закончат расспрашивать этого здоровяка, подсядь к ним за стол и попробуй убедить братьев, что им указали неправильную дорогу. А ты, мол, знаешь правильную. Справишься? Я бы и сам провернул этот трюк, но я не похож на местного, а говорю вовсе как северянин.

Арне Шишкарь улыбнулся, показав щербину на месте одного из верхних зубов:

- Мне за это не платят.

- А ты парень не промах, - Йохан хмыкнул и вытащил из кошелька серебряный талер.

Гевернец сделал все как надо: уселся на место углежога через мгновение после того, как тот поднялся, и принялся что-то объяснять братьям Прозревшего Франца. То, что Арне говорил короткими фразами, косноязычно и путано, пошло только на пользу, ведь лжецы обычно изъясняются совсем иначе. Монахи проглотили наживку, это Йохан понял по их физиономиям и облегченно вздохнул.

- Хорошая работа, - похвалил он, когда Шишкарь вернулся на место.

Миннезингер тем временем перестал мучить лютню, появившийся в зале хозяин громогласно объявил, что «на сегодня хватит, во имя Первой Искры», и собравшийся в «Красном петухе» люд принялся устраиваться на ночлег.

Укладывались прямо на лавках, скидывая сапоги и уместая их под

голову, спихивая на пол вусмерть упившихся собутыльников. Шум потихоньку стихал, пламя в очаге более не ревело, лишь потрескивали угольки, и из углов неторопливо наползала тьма.

Швеппс и его новые приятели, затеявшие игру в карты, угомонились последними, Арне дрых без задних ног, да и завернувшийся в одеяло Йохан начал подремывать.

Спал он плохо, то и дело просыпался - казалось, из мрака к нему кто-то подкрадывается. Бормотал молитву и закрывал глаза, чтобы вскоре опять вскинуться - не на звук, не на движение, а не пойми на что...

Выехали рано, еще до рассвета, в густом, как сметана, тумане, но монахов в «Красном петухе» к этому моменту уже не было.

- Куда они делись, как думаешь? - спросил Йохан, когда постоянный двор исчез за белой пеленой.

- Топают в сторону Траунштейна, - буркнул в ответ Арне.

- Это вы о чем, Кнутище? - влез в разговор Швеппс, мучавшийся болью в башке и бурчанием в животе.

- О своем, - бросил Йохан. - Провернули одно дельце, пока ты развлекался.

Ринкель мрачно засопел, круглая физиономия его стала на диво подозрительной, но тут накатил очередной приступ головной боли, и уроженец дворянского рода углубился в свои ощущения.

Ехали неспешно, шагом, под копытами плескали лужи, оставшиеся от ночного дождя.

К восходу солнца туман рассеялся, и вскоре трое путников свернули с наезженного тракта на узкую тропу. Начались горы, пока больше похожие на обыкновенные холмы, но впереди, на юге, вздыбились к небесам серую щетину хребтов настоящие исполины.

Стали попадаться валуны, затем целые скалы, дубы и грабы уступили место березам и соснам.

- Стоп! - велел Арне, когда они добрались до развилки. Тропка делилась аж на три: правая убегала в густые заросли, центральная продолжала карабкаться вверх по каменистому склону, а левая пряталась в узкое ущелье, из которого доносилось лopotание ручейка.

Всадники натянули поводья, а гевернец опустился на колени и принялся изучать ничем не примечательный кусок земли.

- Тут проезжали. Тяжелый конь, - сказал он после паузы.

- Этого еще не хватало, - пробормотал Йохан, а Швеппс помянул матушку Разрушителя и вытянул из ножен клинок.

Арне оглянулся, и Кнут кивнул ему - двинули, мол, дальше, только осторожнее, без суеты. Гевернец поднялся и зашагал по левой тропке, легко и совершенно бесшумно, точно подкрадывающийся к птице кот.

За ним последовали всадники.

Они миновали ущелье, и тут слуха Йохана достигли выкрики и

негромкий лязг - впереди, за поворотом тропы, кто-то сражался. Услышавший звуки боя Арне насторожился, а на бледном доселе лице Швеппса обнаружился румянец, глаза зажглись боевым азартом.

- Давай вмешаемся! - предложил он, возбужденно сопя.

- Для начала глянем, что там, - осадил приятеля Йохан и торопливо спрыгнул с седла.

Ринкель остался на месте, а Кнут вслед за Арне сделал пару дюжин шагов и выглянул из-за округлого валуна размером с дом. Разглядев, что именно творится на окруженной соснами поляне, он изумленно присвистнул и вытаращил глаза.

Конный рыцарь в тяжелом доспехе, в каком только на турнирах красоваться, сражался с тремя оборванцами, вооруженными лишь дубинами. Двуручный меч летал с такой легкостью, словно был из соломы, из-под опущенного забрала доносилось нечто, похожее на молитвы, но нападавшие не лезли на рожон, они ждали, когда всадник устанет, чтобы взять его тепленьким.

- Местные, - сказал Арне. - Зачем он сюда полез?

Все было понятно - гевернские разбойнички взяли в оборот растерявшего где-то всех оруженосцев со слугами рыцаря-одиночку, неведомо зачем забравшегося в горы. Хотя почему неведомо? Если эта тропа ведет к Красным Скалам и лежащему за ними Каменному Мосту...

Неужели и этот тип с султаном на шлеме едет к Симферийскому Оракулу?

Йохан заскрипел зубами - похоже, когда они доберутся до цели, там будет ждать целая толпа: герцог Генрих Медведь со свитой, табор цыган, кагал еврейских ростовщиков и орава бродячих жонглеров.

Мелькнула мысль, что разумнее всего будет не лезть, выждать, когда разбойнички покончат с рыцарем и уберутся прочь. Вот они точно явились сюда не из-за Оракула, а ради хорошей лошади, доспехов, а также вещей, что могут быть в седельных сумках...

Но тут один из оборванцев саданул дубиной по рыцарскому шлему. Так, что Йохан вспомнил о храмовых колоколах.

- Во имя Хранителя! Я погибаю! - фальцетом возопил рыцарь, и тут со стороны ущелья донесся топот копыт.

Швеппс не выдержал и ринулся в схватку.

Йохан и Арне едва успели отскочить в сторону, причем Кнут рывкнул в спину приятелю: «Придурок!». А Ринкель, размахивая мечом, выметнулся на поляну и полоснул наименее расторопного из разбойников. Стоптал конем второго, а третий, замешкавшись, угодил под двуручное страшилище в руках рыцаря.

Землю «украсили» три свежих трупа.

- Благодарю вас, мой спаситель, во имя Прозревшего Микела, покровителя воинов! Без вас я сгинул бы в этих местах! - заявил

рыцарь, салютуя Швеппсу, после чего с лязгом и грохотом упал с коня.

- Не было печали - демоны примчали, - заметил Йохан. - Сходи, Арне, за моей кобылой...

Гевернец отправился назад по тропе, а Кнут зашагал туда, где спешившийся Ринкель суетился вокруг спасенного вояки. Ловко стащил с него шлем, и обнажилось бледное, изможденное лицо с козлиной бородой, обрамленное кольчужным капюшоном.

- И что будем с ним делать? - спросил Йохан, когда Арне присоединился к спутникам.

- Хм, сожри меня демоны, поможем: я знаю, что делать при ударах по голове... - круглая физиономия Швеппса отражала растерянность. - Так, где у меня вода?

Сняв с пояса фляжку, он плеснул в физиономию рыцаря, а затем похлопал того по щекам.

- О... я... - веки затрепетали и поднялись, обнажая глаза, ярко-зеленые и совершенно безумные. - О, мой славный спаситель, клянусь Прозревшим Георгом! И его добрые, осиянные благодатью небесной друзья! Как я счастлив, что повстречал вас на этой опасной тропе!

По мнению Йохана, приятели никак не выглядели «добрыми, осиянными благодатью».

Похоже, столкнулись с сумасшедшим.

- Как вышло, что вы оказались здесь в одиночестве? - спросил Йохан.

- Увы! Увы мне! - фальцетом запричитал рыцарь. - На оруженосца моего, кой оказался слаб верой, Разрушитель наслал недуг, и тот остался в Берхтесгадене! Помог лишь облачиться в доспехи, а далее я, Мартин фон Хекленбург цу Вальдзее фон Шверзенкопф, двинулся один!

Имя у благородного обладателя козлиной бороды было не короче его меча.

- Но герб Черного Орла заставляет трепетать врагов, а слава моя бежит впереди моего коня! - продолжал хвастаться рыцарь, и глаза его истово сверкали. - Сейчас я встану, помолюсь и двинусь далее к той цели, которую в великой благодати своей указали мне Небеса!

Изображенная на щите Мартина фон Хекленбурга птица, на взгляд Йохана, более напоминала ощипанную ворону с вызолоченными когтями и клювом, но Швеппс глядел на нее с уважением.

Благородный рыцарь попытался встать, но руки его подломились, а на лице выступила испарина.

- Не выходит... - растерянно пробормотал он. - Силы оставили меня? Невозможно, клянусь всеми Пророками!

- А теперь ты знаешь, что делать? - зло спросил Йохан, глядя на Швеппса. - Какого демона ты полез в эту историю? Мы не можем бросить этого юродивого просто так и тащить с собой тоже не можем!

Ответить побагровевший Ринкель не успел.

- Мир вам! - прозвучало с той стороны, откуда они приехали, и двое приятелей обернулись.

Йохан опустил ладонь на рукоять меча, а в лапке Арне возник метательный нож.

В том месте, где тропа выводила на поляну, стояли двое монахов в серых рясах ордена Прозревшего Франца, и Кнут готов был поклясться, что именно этих типов видел вчера в «Красном петухе».

Так что, гевернец лгал? Он не отправил братьев по ложной дороге?

Быстрый взгляд в сторону Арне уверил Йохана, что это не так - Шишкарь выглядел как громом пораженный. Так какой же демон притащил сюда монахов, как они оказались на верном пути вместо того, чтобы благополучно утопать в сторону Траунштейна?

- Рады видеть тебя здесь, сын мой, - сказал старший из монахов, смуглый и гладко выбритый, с седыми волосами, и приветливо кивнул Арне. - Мы немного сбились с указанного тобой пути... но, я вижу, не зря, ибо Хранитель направил нас туда, где есть нужда в умелых врачевателях. Мы же с братом Отто немного смыслим в лекарском деле, так что пустите нас к сему раненому рыцарю...

- Конечно, прозревшие отцы, - Йохан изобразил улыбку. - Вы прибыли крайне вовремя.

«Сбились с пути! Ничего себе!» - подумал он.

Монахи занялись Мартином фон Хекленбургом, и вскоре тот не только поднялся на ноги, а даже сумел взгромоздиться в седло. Шлем, правда, напяливать не стал, повесил на крюк у седла, а на таком же с другой стороны разместил щит с Черным Орлом.

- Благодарю вас всех! - громогласно объявил рыцарь, улыбаясь редкозубо и немного безумно. - Теперь я полон сил и готов продолжить путь, указанный мне Небесами! Пусть Прозревший Георг и Прозревший Микел укрепят десницу мою, а Пророки - воспламят веру!

Тут Йохан решил, что пора слегка прояснить ситуацию.

- Если ваша дорога лежит к Красным Скалам, то нам по пути, - сказал он. - И цель у нас, я думаю, одна.

Швеппс выпучил глаза; Арне, успевший обшарить карманы убитых разбойников, недоуменно нахмурился.

- Как? Невозможно! - вскричал Мартин фон Хекленбург. - Я избран... двадцать поколений благородных предков... чистота веры, украшенная рвением... а вы, вы... как сие возможно?

- Очень просто, - вмешался старший монах. - Хранитель избирает людей, не глядя на герб и знатность. Как сказано в Книге Рока: «Всякий да сядет одесную Меня, когда придет День».

Потянувшийся было к мечу рыцарь стыдливо отдернул руку.

- Воистину так! - пылко сказал он. - Разрушитель возжег гнев и ревность в душе моей, о чем я скорблю. Ежели все мы движемся к одной цели, то пойдем далее вместе, ибо цель сего благочестивого

паломничества все равно откроется лишь одному. Отринем рознь, друзья!

Монахи заулыбались и дружно закивали.

Йохан посмотрел на Швеппса, перевел взгляд на Арне, скрипнул зубами и произнес:

- Хорошо, я согласен.

Пока он не видел возможности без крови избавиться от незваных попутчиков.

Дальше двигались большой, хотя и не совсем дружной компанией.

Рыцарь Мартин фон Хекленбург непрерывно болтал, рассказывал невероятные байки о своих подвигах, как бранных, так и духовных, и призывал в свидетели чуть ли не всех Прозревших разом. Ринкель, потрясенный тем, что встретил трепача посильнее себя, завистливо молчал.

Монахи шагали молча, лишь иногда затягивали молитву, по обычаю своего ордена в полный голос.

Арне зорко следил за ними.

Йохан поглядывал по сторонам и наблюдал за спутниками - на всякий случай, чтобы никто не выкинул какого фортеля.

До Красных Скал добрались к закату.

Три каменных исполина, похожих на окровавленные зубы, торчали посреди поросшего травой плато, и хорошо различалась тропа, уводящая дальше и выше, туда, где нет деревьев, а только валуны, снег и холодный ветер.

- Возблагодарим же Хранителя, указавшего нам верный путь в пустыне! - объявил Мартин фон Хекленбург, и Арне посмотрел на рыцаря с удивлением: как любой гевернец, он понимал все буквально.

- Возблагодарим, - согласился старший из монахов, откликнувшийся на имя брата Дитмара, - и остановимся тут на ночлег, ибо двигаться далее в ночной тьме просто опасно. Как сказано в Книге Злого Пророка: «Всякий, кто окунается во мрак, рискует не телом своим, а душой».

- Разумные слова, клянусь посохом Прозревшего Петера, - сказал Йохан, слезая с коня. - Ринкель, мы с тобой за дровами...

Арне он отправил за водой к ближайшему источнику, монахам велел заниматься провизией, а рыцаря, не раз, похоже, крепко получавшего по голове, приставил к лошадям. Вскоре стреноженные кони щипали траву, весело пылал костер, булькавший над ним котелок источал запах каши с салом, и брат Отто деловито помешивал варево длинной ложкой.

Они помолились, поужинали, и к этому времени стемнело окончательно. На небе высыпала невероятная прорва ярких звезд, из-

за горизонта выползла ущербная луна, и начало холодать.

Здесь, в горах, лето не имело той силы, что внизу.

- Швеппс, первую половину ты на страже, вторую - я, - распорядился Йохан, не обратив внимания на то, что Мартин фон Хекленбург громогласно обещал «беречь покой и сон доблестных спутников».

- Хорошо, Кнутище, - уныло отозвался Ринкель и перешел на шепот: - А что с ними со всеми будем делать? Желание-то исполняют одно, а нас вон какая орава, сожри ее демоны. На всех не хватит!

- Завтра, все завтра, - ответил Йохан.

На самом деле он еще не решил окончательно, как поступить с навязавшимися спутниками. Самый простой вариант - попросить Арне увести их в сторону, поводить по горам пару деньков, а самим за это время добраться до Оракула и сделать там все дела.

Или можно...

От размышлений отвлек гевернец, подергавший Йохана за рукав.

- Что такое? - спросил уроженец Ринбурга.

- Разговор есть. Отойдем?

Йохан поднялся и вслед за Арне зашагал прочь от спутников, в холодную темноту. Остановились там, куда не падал свет от костра, а когда Шишкарь повернулся, стало видно, что глаза его возбужденно блестят.

- Чего ты хотел? - спросил Йохан.

- Знать, куда мы идем, - гевернец облизнул губы.

- Зачем? Я тебе плачу за работу и плачу честно. Мы ударили по рукам.

Арне нахмурился, и Йохан вспомнил, что гевернцы не только понимают все буквально, а еще и отличаются невероятным упрямством - блажь из головы местного уроженца можно выбить лишь моргенштерном. Может быть, и вправду наплести парню что-нибудь про пещеру с сокровищами, оставшимися со времен Зигфрида или императора Карла Великого?

- Хочу знать, - повторил Арне. - Я...

Фразу до конца он не довел, резко повернулся и глянул в ту сторону, откуда они пришли. Йохан решил было, что это обманный маневр, но в следующий момент и сам уловил шум шагов.

Кто-то двигался по тропе, приближался к месту стоянки.

- Не спешите хвататься за оружие, путники! - донесся из тьмы мощный голос. - Ибо оно вам, во-первых, не нужно, а во-вторых, в оный час не поможет, и порукой тому мое слово!

Возившийся с доспехами Мартин фон Хекленбург, вопреки призыву, схватился за двуручник, улегшиеся уже монахи вскинули головы, а Ринкель поднял взгляд от огня.

- Кого еще Разрушитель принес? - буркнул Йохан, и они поспешили к костру.

В круг света вступил невысокий, но широкоплечий мужчина с коротко

подстриженной черной бородой. Сверкнули, отражая пламя, большие светлые глаза, бледное лицо украсила чуточку надменная улыбка, а руки с длинными тонкими пальцами вцепились в широкий ремень.

- Кто ты, во имя Небес? - спросил рыцарь, воинственно топорща козлиную бороду.

- Легко догадаться, - ответил ночной гость.

Йохан привык с первого взгляда определять, чем занимается тот или иной человек, а тут, к собственному удивлению, не сумел: одет небедно, но оружия нет вообще, и идет пешком, за плечами - небольшой мешок, и еще почему-то кажется, что этот тип опасен, как ядовитая змея...

Неужели?..

- Мы видим перед собой мага? - спросил брат Дитмар, оказавшийся самым догадливым.

- Воистину так, - чернобородый поклонился. - В Верхней Локсии я известен как Рудольф Белый.

Йохан поежился, подумал, что только колдуна в их разношерстной компании и не хватало. Этого не проведешь, не отправишь по ложной тропе, и как бы он сам не оставил их с носом.

Тем временем Рудольф, не дожидаясь приглашения, подошел к костру.

- Цель моего странствия та же, что и у вас, - заявил он, сбрасывая мешок. - На всех вас я вижу отметины Судьбы, оставленные той силой, которая проявляет себя в нашем мире как Симферийский Оракул. Она привела вас сюда, дабы использовать в своих целях, и привела, употребляя хитрость, обман и то, что простые смертные именуют случайными обстоятельствами...

- А вы много знаете об Оракуле? - ревниво спросил Мартин фон Хекленбург.

- Достаточно. На его изучение я потратил более двадцати лет.

Йохан вспомнил, как пытался избавиться от монахов, как вмешательство Швеппса в схватку привело к тому, что в их компании оказался рыцарь, и невольно поежился: все они считали, что приехали в горы Геверна по собственной воле, но, похоже, каждого приволокли сюда, точно козу на веревке, и ничего удивительного, если приволокли на заклятие...

Может быть, оракулу нужно иногда питаться? Телами или душами тех, кто к нему приходит...

- Полагаю, мы обо всем поговорим завтра, - сказал маг. - Утро вечера мудренее.

- И то верно, - проворчал Йохан.

Он напомнил Ринкелю, что тому сторожить первым, после чего завернулся в одеяло и уснул.

Ночь прошла спокойно, разве что к утру Йохан немного замерз.

Но затем вошло солнце, и он согрелся, а вскоре начали просыпаться и спутники: поднял веки Мартин фон Хекленбург, встали привычные к ранним молитвам братья Прозревшего Франца.

- Скоро в путь, - заявил открывший глаза Рудольф Белый, который спал прямо на голой земле, ноздри его длинного носа затрепетали. - Так, мне кажется или нас с вечера стало меньше?

Меньше? Но вроде бы все на месте... Йохан быстро огляделся, а затем шагнул туда, где лежал Арне, отбросил в сторону одеяло. Так и есть, под ним несколько валунов, и никаких следов гевернца с его мешком... Когда только успел, змей подколотый?

Если только в первую часть ночи, когда дежурил разиня Швеппс.

Сам Йохан готов был поклясться, что не сомкнул глаз и никак не мог упустить Арне.

- Как, он удрал?! - возмутился рыцарь. - Струсил, клянусь копьем Прозревшего Георга и мечом Прозревшего Микела? Но это же позор! - Мартин фон Хекленбург уткнул в небо указующий перст, глаза его гневно сверкнули. - Где вы нашли такого спутника, друзья мои?

- Он был всего лишь проводником, - заметил Йохан, - и свою работу по большому счету выполнил.

Да, досадно, что Арне удрал, и теперь, скорее всего, вернется с дружками-головорезами из местных. Но от них всегда можно ускользнуть, если повести дело с толком, зато теперь не нужно лгать гевернцу насчет того, куда и зачем они идут, скрывать от него истинную цель похода.

Маг тем временем поднялся и начал принюхиваться не хуже охотничьей собаки.

- Кажется, наш малорослый друг близко, - заявил он. - Пойдемте, мы найдем его в два счета...

Для того чтобы отыскать Арне, не пришлось идти далеко: гевернец лежал в неглубокой, метра в три расселине, и неестественно вывернутая шея не оставляла сомнений в том, что он мертв.

Сорвался? Горец, родившийся в этих местах и знающий тут каждую тропку?

Йохан вновь почувствовал холодок, который впервые навел на него вчера, при мысли о том, что они явились сюда не по своей воле.

- Он оторнул путь Судьбы, попытался свернуть, отступить, и это погубило его, - изрек Рудольф Белый.

- То есть если еще кто из нас захочет вернуться, он тоже погибнет? - спросил брат Дитрих. - Как вы выразились... та сила, что проявляет себя как Симферийский Оракул, убьет его?

- Скорее всего, да.

- Я начинаю сомневаться, от Хранителя ли происходит эта сила. - Смуглый монах покачал головой, и лицо его стало скорбным.

Братья Прозревшего Франца настояли на том, чтобы похоронить Арне, хотя Ринкель и Мартин фон Хекленбург возражали. Мечами выкопали могилу, завалили ее камнями, и брат Дитрих прочитал отходную молитву.

Когда вернулись к месту стоянки и занялись завтраком, Йохан с досадой сообразил, что лошадей теперь оставить не с кем, а тащить их с собой дальше нет никакого смысла.

Как вскоре выяснилось, то же самое беспокоило и рыцаря.

- А куда я дену своего верного Вельянгифа? - осведомился он возмущенно. - Клянусь именем Хранителя, этот конь стоит больше, чем стадо коров! Может быть, кто-то из любви к прозрению мудрости и братского смирения останется здесь, чтобы приглядеть за сим благородным животным, а также за прочими?

Мартин фон Хекленбург глянул сначала в сторону монахов, а затем на Йохана с Ринкелем.

- Мы исполняем наказ капитула нашего ордена, велевшего нам обоим добраться до престола Оракула, - молвил брат Дитрих, - и не можем отступить.

- А я вообще не знаю, что такое «братское смирение», - нагло заявил Швеппс и выразительно сплюнул.

Рыцарь запыхтел, готовясь разразиться гневной речью, но тут вмешался Рудольф.

- Погодите, - сказал он, и одного слова оказалось достаточно, чтобы страсти утихли. - Коней можно оставить тут. Простенькое заклинание не даст животным уйти куда-либо, а заодно отгонит возможных хищников, как двуногих, так и четвероногих.

- Магия? - лицо Мартина фон Хекленбурга перекосило отвращение.

- Она признана «даром Хранителя» Седьмым Вселенским собором в Никее в семьсот восемьдесят седьмом году, а также объявлена «богоугодным делом, противным всякого зла», в булле романийского первосвященника Иннокентия Второго «Всякий Дар Совершенен», данной в тысяча двести втором году от Воплощения, - сообщил маг.

- Истинно так, - подтвердил брат Дитрих.

- А я согласен, - сказал Йохан. - Пусть будет заклинание, клянусь посохом Прозревшего Петера.

- И я, - поддакнул Швеппс.

Рыцарь нахмурился, раздраженно засопел, потрясая бородой, а затем кивнул.

- Снимите с них путы, - попросил Рудольф Белый, поднимаясь. - Наложение чар займет немного времени...

Йохан, честно говоря, ожидал услышать бормотание, а то и обращение к демону. Но все вышло совсем не так: маг постоял, глядя на коней, щелкнул пальцами, и очертания животных поплыли, размазались, словно они угодили в непонятно откуда взявшийся густой

туман. Ринкель вскинул руку, чтобы протереть глаза, но все уже исчезло, стало как обычно, разве что взгляд у всех трех скакунов сделался каким-то странным, недоумевающим.

- Вот и все, - заключил Рудольф. - Они не уйдут далеко от этих скал. Трава здесь есть, вода рядом...

- Надеюсь, так и будет, клянусь щитом Прозревшего Микела! - заявил Мартин фон Хекленбург. - Солнце уже высоко, я думаю, нам пора отправиться в путь, если мы хотим добраться до цели вовремя!

Доблестный рыцарь, облачившийся в доспехи с помощью Швеппса, похоже, собирался шествовать прямо в них, да еще и вскинул на плечо двуручник, а на другое повесил щит с гербом.

- Мы готовы, - смиренно склонил голову брат Дитрих, а молчаливый брат Отто кивнул.

- И мы тоже, - сказал Йохан. - Пошли?

Тропа, уводящая прочь от Красных Скал, немилосердно петляла, вела то вверх, то вниз и порой довольно круто. Монахи шли неумоимо, Рудольф шагал по камням легко, словно горец, Ринкель насвистывал что-то себе под нос, а вот Мартину фон Хекленбургу в его железе приходилось туго.

- Стойте, ради Небес! - наконец взмолился он. - Надо передохнуть... и не будет ли у кого воды?

Сам рыцарь не задумался о том, чтобы наполнить и прихватить свою флягу.

- Держите, во имя Хранителя, - пришел на помощь рыцарю брат Дитрих. - Хлебните, но немного. Кто знает, когда нам встретится следующий ручей и встретится ли вообще?

- Вряд ли, - сказал Рудольф. - Скоро будет Каменный Мост, а за ним - Оракул... Надеюсь, все помнят, что добраться до него может только один, тот, чье желание окажется правильным?

Йохан нахмурился - проклятый чародей, мог бы и не напоминать...

Кто знает, какое желание - правильное? То, которое так откровенно написано на физиономии Швеппса - куча денег, чтобы можно было пить, жрать, тискать продажных девок и в ус не дуть? Или то благочестивое, направленное к вящей славе Хранителя, что по поручению капитула загадает брат Дитрих или брат Отто?

Чего хочет Мартин фон Хекленбург, угадать трудно, слишком уж он безумен.

Ну а свое собственное желание Йохан обмозговывал долго и сформулировал давно - такое, чтобы и ему от сего была польза, и пока еще не появившимся на свет потомкам кое-что перепало. Ведь грех думать только о себе и глупо просить рыбу, если есть шанс научиться ловить ее.

Да, а еще есть маг, много лет потративший на изучение Оракула.

Вот уж кто лучше остальных готов к тому, что ждет их на другой

стороне Каменного Моста.

- Нет сомнений, что правильное желание может загадать лишь тот, чье сердце чисто и крепко, как алмаз! - заявил тем временем рыцарь, едва не раздувшись от важности. - Кто благороден и смел, чтит заповеди вседневные и экстраординарные, а также имеет двадцать поколений благородных предков!

- Может быть тот, кто смирен? - тихо спросил брат Дитрих.

«Или самый хитрый и ловкий», - подумал Йохан, жестом осаживая готового вступить в перепалку Ринкеля.

- Это мы скоро узнаем, - подвел итог Рудольф Белый, и они пошли дальше.

Увидев Каменный Мост, Йохан в первый момент решил, что видит сон.

Над глубоким ущельем, дно которого устилал густой туман, висела полоска из небрежно состыкованных блоков шириной в пару ступней. Она не имела никаких опор, даже намек на перила или растяжки, а вдобавок покачивалась на ветру, словно обычная веревка. На другой стороне провала виднелись уходящие в скалы каменные ступени, широкие, будто двери храма.

- Ну ни хрена себе, сожри меня демоны! - воскликнул Швепс, выглянув за край обрыва.

- И нам по этому идти? - в очередной раз возмутился Мартин фон Хекленбург.

- Именно так, - кивнул маг и первым вступил на Мост.

Тот колыхнулся, но и не подумал разваливаться, и Рудольф зашагал дальше, спокойный и сосредоточенный. За ним двинулись монахи, дружно читая молитву, следом пошел Йохан - высоты он не боялся с детства и знал, что сейчас главное - поменьше думать и попроворнее шевелить ногами.

Внизу колыхался серый, как дерюга, туман, сзади долетали богохульства Ринкеля.

Доблестный рыцарь, судя по гневным воплям, сунуться, на Мост сначала побоялся, но затем преодолел страх, и саботоны, ботинки из стали, залязгали по камням. Но обладатель двадцати поколений благородных предков то ли запнулся, то ли потерял равновесие в своем железе, по крайней мере послышался стук, скрежет, а затем короткий, сдавленный вскрик.

Йохан обернулся.

Внизу мелькнули белое, без кровинки лицо, развеваемая ветром борода, треплющийся султан из белых перьев. Двуручник взлетел в прощальном салюте, солнечный луч полыхнул на шлеме, заиграл на нагруднике. Рыцаря поглотил туман, и через мгновение со дна пропасти донесся смачный, тяжелый хряск.

Надо отдать должное Мартину фон Хекленбургу - он умер молча, так и

не выпустив меча.

- Упокой Хранитель его душу, - произнес брат Дитрих.

Перебравшись через Каменный Мост, они зашагали вверх по лестнице из широких, вырубленных из камня ступеней. И восхождение по ним неожиданно затянулось - только когда над горами начал сгущаться вечер, впереди показались тяжелые, украшенные резьбой ворота.

- Мы пришли, - облегченно проговорил Рудольф Белый. - Ночь проведем здесь, а завтра...

Завтра самый короткий день года, день Прозревшего Яна. День, когда смертный может добраться до Симферийского Оракула.

В эту ночь Йохан спал плохо, то и дело пробуждался - ему чудился лязг саботонов по камням, мерещилась легкая походка Арне и грезились уродливые тени, крадущиеся со всех сторон.

Поднялись рано, до того как солнце выбралось из-за горизонта. По помятым физиономиям и красным глазам стало понятно, что кошмары сегодня мучили не одного Йохана.

- Ворота, - сказал маг, когда они покончили со скудным завтраком. - Сможешь ли ты их открыть?

- Я попробую, - ответил Йохан и полез в мешок за инструментами.

До сих пор он не сталкивался со слишком сложными замками, но, с другой стороны, имел дело с запорами, изготовленными руками смертных. Кто сотворил грандиозные, вырубленные из камня ворота, украшенные искусной резьбой, оставалось только гадать.

- Давай уж, Кнутище, не подведи, - ободрил приятеля Швеппс, и Йохан принялся за работу.

Она оказалась на диво легкой - пара поворотов отмычкой, и громадные створки начали расходиться, медленно, величаво и совершенно бесшумно, открывая уводящий в скалу коридор.

Стены его были гладкими и белыми, пол покрывали синие и зеленые квадратики.

- Упаси нас Хранитель... - потрясение прошептал брат Отто, на памяти Йохана подавший голос чуть ли не впервые.

- Сожри меня демоны! - не отстал от него и Ринкель, вытаскивая меч из ножен.

- Путь открыт, - дрожащим от возбуждения голосом сказал Рудольф Белый, поворачиваясь к спутникам. - Но дальше я воистину отправлюсь один, ибо многим нет пути к престолу Оракула...

- Что? - опешил брат Дитрих.

А вот Йохан все понял и прыгнул в сторону за миг до того, как маг начал размахивать руками. Сорвавшиеся с ладоней колдуна зеленовато-желтые искры разлетелись в стороны, точно испуганные

бабочки, одна зацепила брата Отто, и тот зашатался, жадно хватая воздух ртом.

Но, судя по перекосившейся физиономии, что-то у Рудольфа пошло не так, а исправить положение он не успел.

Швеппс отреагировал на угрозу так, как умел - сначала пригнулся, избегая удара, а затем атаковал сам. Блестящее лезвие вонзилось магу в грудь, погрузилось на добрую ладонь, а когда вышло, то из раны хлынула кровь.

- Зачем?.. Как?.. Почему?.. - прохрипел Рудольф, с ужасом глядя на собственные ладони. - Двадцать лет, и все зря...

Он медленно упал назад, дернулся несколько раз и затих.

- Я убил мага? - в тонком голосе Ринкеля звучали одновременно страх, удивление и гордость.

- Похоже на то, клянусь посохом Прозревшего Петера.

- И я готов отпустить тебе этот грех, сын мой, - твердо сказал брат Дитрих. - Книга Гнева гласит: «Всякий, поднявший меч свой для защиты братьев, причислен будет к тем, кто рубит траву сорную».

- Интересно, чего он хотел? - спросил Йохан, опускаясь на корточки рядом с магом.

Рудольф Белый был мертв, и невидящие глаза его смотрели в ясное, голубое небо.

- Трудно постигнуть, чего желают чародеи, пути их сокрыты от тех, кто лишен колдовского дара, - старший из монахов пожал плечами. - Знания, власти, чего-то еще... Но незачем медлить, мы должны за сегодняшний день добраться до Оракула, иначе все будет напрасным.

Йохан кивнул и поднялся, отогнал мысль о том, что можно бы порыться в вещах мага. Вслед за спутниками вступил в коридор с белыми стенами и сине-зеленым полом, и восприятие его странным образом исказилось - все вокруг сделалось размытым, будто он смотрел через слой воды; звуки казались приглушенными, запахи вовсе исчезли, а мысли в голове ворочались еле-еле.

Сколько они шли и куда, Йохан не смог бы сказать.

Он понимал, что они спускаются, идут в глубь скалы, но темнее вокруг почему-то не становится. Одну за другой открывал двери, обычные и странные, из досок и из цветущих роз, невидимые, как воздух, и состоящие будто из дрожащего фиолетового света.

В длинном сводчатом коридоре их атаковали странные ящероподобные существа, явившиеся прямо из стен. В ход пошли мечи, нападение было отбито, но брат Отто остался лежать на полу с разорванным горлом, и брат Дитрих, опустившись на корточки, опустил собрату по ордену веки.

Прошли через лабиринт, в недрах которого сгинул Швеппс.

Куда он пропал, что с ним случилось, Йохан вспомнить не мог, как ни напрягал память - та сохранила лишь надвигающийся из тьмы

неприятный костяной скрежет и отчаянный, полный боли крик.

Затем они поднялись по длинной лестнице, ступени которой были черны как ночь, и брат Дитрих возвестил:

- Мы дошли.

- Да? - Йохан тряхнул головой и обнаружил, что перед ними ворота, почти такие же, как те, которые он открыл в самом начале, только выточенные из темно-синего камня. - Вдвоем?

Монах помолчал, а затем проговорил с улыбкой: - Мне очень не хочется этого делать, но задание капитула - святое, и Прозревший Франц велит не...

Йохан смотрел, как в появившейся из-под серой рясы руке блеснул стилет, как лезвие приближается к его горлу. Сил на то, чтобы сопротивляться, не было, желания - тоже, осталась лишь тупая покорность судьбе, неведомо зачем притащившей его сюда, в горы южного Геверна.

Он не особо удивился, когда брат Дитрих неожиданно скорчился и упал.

«Здесь только я решаю, кому жить, а кому умереть, - прозвучавший в голове голос был мягким и в то же время мощным, будто раскат грома. - Ты же, достигший моего порога, заходи».

Синие ворота распахнулись, и Йохан увидел Симферийский Оракул.

На что тот похож, он не смог бы сказать при всем желании - на прекрасную женщину, на статую из храма, на облако разноцветного огня, на могучее, статное дерево, на увенчанную пеной волну...

На все это вместе и ни на что в отдельности.

Не чувствуя под собой ног, Йохан сделал дюжину шагов.

«Спрашивай», - произнес тот же голос внутри его головы.

В ответ Йохан отчаянно замотал головой - даже если бы он явился сюда за ответами на вопросы, сейчас вряд ли бы смог сформулировать хотя бы один из них, слишком сильный хаос царил в голове.

«Тогда проси», - велел Оракул.

Йохан собрался с мыслями, прокашлялся и заговорил, медленно и четко произнося каждое слово:

- Я хочу иметь возможность проникать в любую сокровищницу так, чтобы стража меня не замечала, и еще я хочу, чтобы мои потомки были многочисленны, живучи и род мой не прервался до окончания времен.

Он понимал, что хитрит, загадывает два желания вместо одного, но с другой стороны - если это желание не является для Оракула правильным, то оно все равно не будет исполнено.

И тогда жить Йохану по прозвищу Кнут осталось несколько мгновений.

Наступила тишина, такая звонкая и мучительная, что у него возникло желание заорать, подпрыгнуть, сделать хоть что-нибудь, лишь бы

нарушить это ужасное, рвущее уши безмолвие...

«Будь по-твоему», - молвил Оракул.

Сверкнуло, что-то с шорохом упало на пол, и ворота из синего камня начали закрываться. Но прежде чем они захлопнулись, в крохотную щель проскочил шустрый рыжий таракан.

Оказавшись на верхней ступени лестницы, он поводит длинными усами и двинулся вниз...

МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО

ВКУС СЛОВА

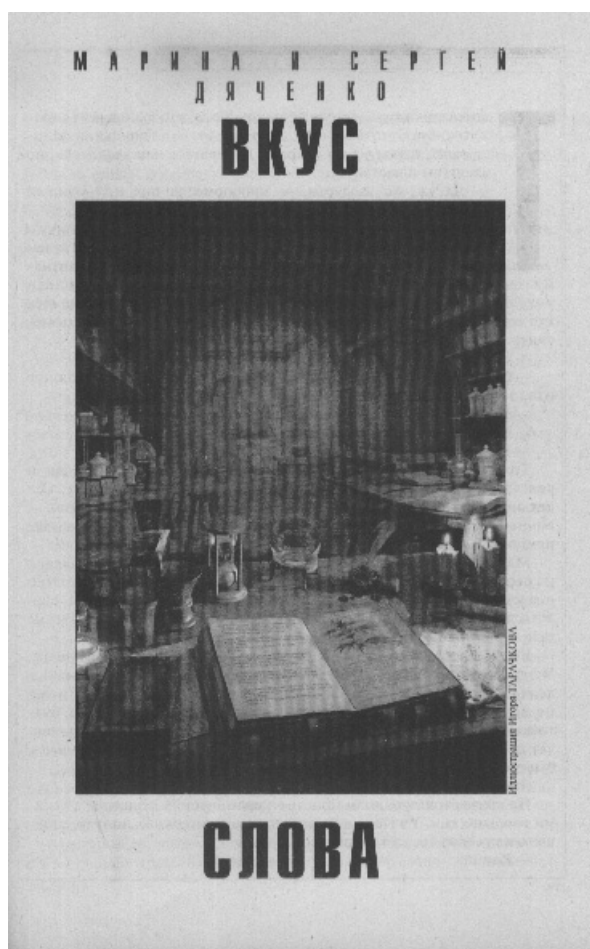

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Теперь покажите, чему научились. Того, кто лучше всех справится, буду учить дальше, а остальным - до свидания. Идите сюда, перед всеми открыто позорьтесь или хвалитесь, по заслугам и честь!

- Да уж, по заслугам, - пробормотал под нос унылый Хвощ. - Эх, чувствую, мать мне устроит учение...

Шмель молча поднялся на широкий помост, с которого обычно объявляли новости, а теперь здесь был выставлен стол - широкая доска на двух бочках, с вьевшимися пятнами от пивных и винных донышек.. Вереницей подтянулись и встали у стола шестеро ребят от двенадцати до шестнадцати, проучившиеся кто год, кто полтора. Шмель занимался меньше всех - восемь месяцев.

- Готовы? - учитель возвысил голос.

- Мастер, я язык обжег, - тихо сказал Плюшка. - И у меня нос сопливый. Нюх потерялся.

- Уходи. Зачем ты мне сдался с сопливим носом.

- Мастер, я просто язык обжег...

- Ну-ка, тихо все!

Толпа, окружавшая помост, притихла. Здесь были друзья и родственники учеников, братья и сестры, соседи и приятели. Отдельно, на вынесенном из трактира кресле, восседал Глаза-и-Уши - личный княжеский советник. Он был немолод и сухощав, прозвище приросло к нему намертво, и настоящего имени никто не помнил.

Матери и отца Шмеля не было, конечно, у помоста. Там, далеко на перевале, они не могут оставить трактир; Шмель поежился. Отец отпустил его учиться с единственным условием: стать мастером, сделаться уважаемым человеком в Макухе. Ремесло языковеда отец не ценил, но положение в обществе - очень.

Все эти восемь месяцев Шмель не думал ни о чем, кроме учебы. Не гулял ни на одном поселковом празднике. Ни разу не просился домой, проведать родных. Тина, дочь хозяина таверны, где Шмелю позволили жить, говорила: этот парень постигает языкознание, будто жених невесту в первую брачную ночь. Шмель не мог судить насчет невесты: он еще не целовался ни с кем. Он учился, как плыл в быстрой воде, боясь остановиться, и вот доплыл до испытания...

Лишь бы не подвел язык.

На столе стояли рядом простые керамические кувшины с узкими горлышками. Учитель поманил пальцем высокого Лопуха, старшего из учеников, уже взрослого:

- Какой?

Выбирать было особенно не из чего - кувшины казались одинаковыми, разве что чистили их в разное время и с разным усердием. Лопух указал на тот, что был с надтреснутой ручкой. Мастер плеснул в стакан густой жидкости тыквенного цвета:

- Пробуй.

Лопух глубоко вздохнул. Принял стакан дрогнувшей рукой, поднес к губам, понюхал, раздувая ноздри. Смочил рот; вся площадь притихла.

Лопух глотнул смелее. Раздувая щеки, покатал жидкость во рту. На лице его было написано такое усилие, будто парень тянул из болота увязшего по уши осла.

- Ну-ка? - мастер решил, что времени прошло достаточно.
- Двигается, - обреченно сказал Лопух.
- Кто движется?
- Можно еще попробовать?

Мастер подлил ему жидкости из того же сосуда, парень набрал полный рот и так застыл. Девчонка, считавшая себя Лопуховой невестой, пробилась к самому помосту и глядела снизу вверх умоляющими глазами.

Наконец Лопух шумно сглотнул.

- Ну-ка? - ровным голосом повторил мастер.
- Идет, - пролепетал парень, облизывая губы. - Он идет. Шагает.
- Почти два года тебя учу, - сказал мастер с сожалением. - Пустое дело.

- Нет, мастер, я понял - идет...

- Идиот! Смысл послания: «Дорогу осилит тот, кто сделает первый шаг!». Ступай, Лопух, домой, не позорь меня перед людьми!

Девчонка-невеста закрыла лицо ладонями. Лопух переступил с ноги на ногу, будто очень важно было, правой или левой делать первый шаг - вспять, вниз, из учеников языковеда в батраки или лесорубы.

- Понимать - дело трудное, - мастер возвысил голос. - И не всякому дано! Я говорил и говорю: если таланта нет - зря только мучиться будет и позориться!

Всем своим видом подтверждая жестокие слова, Лопух наконец-то спустился с помоста. Шмелью было его жалко, но все заранее знали, что Лопух не пройдет испытания. Был он ленив и к учению не способен.

Мастер обернулся к следующему ученику. Долговязый светловолосый Заплат долго выбирал сосуд, что-то бормотал, закрывал ладонью то правый глаз, то левый. Наконец ткнул пальцем в кувшин на самом краю стола. Мастер налил ему прозрачной, как чистая вода, жидкости.

Заплат отхлебнул. Еще раз. Помолчал. Тупо улыбнулся:

- Ничего не понял.

- Иди, - сухо сказал мастер, и Заплат удалился, втянув голову в плечи. Он был странным парнем: иногда на него находило просветление, и он мог прочитать по вкусу самое сложное послание. Но если что-то упускал с самого начала - сразу сдавался. Вот как сейчас.

Шмель проводил его взглядом. Потом посмотрел на оставшиеся кувшины. Что внутри? В напиток, доставшемся Лопуху, было изречение о дорогах. Цвет - тыквенный, скорее всего от цветка власяники, ингредиента, означающего «усилие», «преодоление». А вот полностью прозрачный напиток Заплата, скорее всего, содержал отрицание, потому что частица «не», как правило, отбивает цвет жидкости...

- Так-то вы их учите, - громко сказала женщина в толпе, и Шмель вздрогнул. - Балбесами выставляете, все-то вам не так. Нарочно, что ли?

Учитель, не обращая внимания на выкрики из толпы, кивнул Плюшке:
- Выбирай.

Тот выбрал быстро. Шмыгнул носом, горестно покачал головой, разглядывая бледно-зеленое содержимое стакана:

- Учитель, я, наверное, и не пойму ничего. Язык обжег, нюх потерял...

Не такой безнадежный, как Лопух, и не такой малодушный, как Заплат, Плюшка пришел сюда, чтобы учиться дальше. Его причитания были фальшивы. Он играл на публику, заранее готовясь сказать: я мог бы в сто раз лучше, вот только язык... Он сделал все по науке: и ладонью провел над стаканом, и принюхался справа налево, а не наоборот, и жидкость потрогал сперва кончиком языка, затем взял на губы и потом только набрал полный рот.

- Дерево не бегают, а стоит, - сказал уверенно.

- Какое дерево?

- Елка.... Или ясень. Ясень стоит и не убегает.

- Попробуй снова, - устало велел учитель.

Плюшка напрягся:

- Это из-за того, что я запаха не чую...

Он чихнул, чтобы все видели, как он простужен, и снова отхлебнул из стакана. Сморщил лицо, как от кислого:

- Ясень... находится неподалеку.

- Будто нет у тебя ни чутья, ни вкуса, - учитель мрачнел на глазах. - Сказано: «Ясень - не заяц, от топора не убежит!». Что ты мне плетешь, я-то на тебя надеялся!

- Это из-за того, что я...

- Тихо! Постой пока... Вы двое, выбирайте!

Двенадцатилетние близнецы Окра и Бык одно время ходили в любимцах учителя - языки у них были на диво чувствительные. Правда, в последние месяцы мастер охладил к ним, потому что мальчишки увивали от скучной и трудной учебы, как могли. Сейчас, нарушая правила, учитель налил им в два стакана из одной бутылки. Жидкость была прозрачной.

- Собака, - первым сказал Окра.

- Собака, - эхом откликнулся Бык.

- Что - собака? - у мастера раздувались ноздри.

- Не зови собаку, покусает, - без тени сомнения выпалил Окра.

- Не зови чужую собаку, - подоспел Бык. - Покусает до крови!

- Врать вы мастера, - учитель оглядел обоих с презрением. - В послании сказано: «Не называй собаку овцой, а свинью - коровой». Идите домой оба, видеть вас не могу... Ты! - он обернулся к Шмелю так резко, что тот подпрыгнул. - Будешь пробовать, еще позорить меня? Или домой вернешься?

Толпа вокруг шумела все определеннее:

- Дети в чем виноваты?

- Что же ты за учитель такой!
- Боишься, что ученик тебя за пояс заткнет? Потому и не учишь?
- Цену себе набиваешь? Некрасиво!

Многие, поднимая свой голос, нарочно оборачивались к креслу, где бесстрастно восседал Глаза-и-Уши: погляди, мол, донеси до князя, что за безобразия творит здесь мастер-языковед.

Шум, в котором все яснее проступала злость, здорово мешал Шмелю, когда он принял в дрожащие руки стакан с кроваво-красной жидкостью.

Первое - запах. Пусть заполнит тебя изнутри. Ты все равно ничего не поймешь, зато настроишься на нужный лад... Никогда не говори, на что похож запах. Не сравнивай ни с едой, ни с цветком, ни с глиной, ни с выгребной ямой. Отпусти свой разум. Просто почувствуй.

Зачесались ноздри. Запах был такой тонкий, что Шмель перестал его ощущать уже через несколько секунд.

Теперь вкус. Четыре направления смысла: соленый как воля, сладкий как степень, кислый как движение, горький как время.

И такты послевкусия, потому что настоящий вкус всегда разворачивается, всегда течет.

Здесь четыре связанных понятия, всего четыре. Дом. Помощь. Что еще? Дом...

Он вдруг вспомнил отцовский трактир. Порог в четыре высоких ступени. Две трубы двух печей - Ящерики и Царицы. В тех краях, откуда родом мать, печам всегда дают имена. На перевале печи топятся почти круглый год, и запастись топливом надо от весны до весны...

Нет, печи ни при чем. И дым тоже. Стены... Дом... Отец стоит посреди двора, уперши руки в бока...

- Стены дома... - начал он неожиданно тонким голосом.

Учитель поднял брови.

- Стены дома... укрепляют... хозяина.

- Стены дома поддерживают хозяина, - с некоторым удивлением сказал учитель. - Ну что же, близко. Постой пока. Рот прополощи чистой водой... Хвощ, теперь ты!

* * *

Стократ отдыхал на бревне, приспособленном под скамейку, и глядел издали на странный экзамен. Дочь хозяина местной таверны сидела с ним плечом к плечу - ближе, чем позволяли приличия.

- Учеников испытывает прилюдно. Так положено. В прошлый раз, два года назад, всех разогнал, никого не стал учить дальше.

- А почему? - Стократ потянулся. Большая бабочка села на голенище его сапога и повела крыльями цвета листы.

- Бездарные, мол, - дочь хозяина пожалала плечами. - По-моему, правильно люди говорят: хочет один остаться со своим искусством.

Цену набивает.

На помосте парнишка с нечесаными светлыми волосами отхлебнул из кувшина и теперь хмурился, катая во рту жидкость, мычал и выкатывал глаза, будто пытаюсь что-то вспомнить.

- Странное искусство, - сказал Стократ. - Зачем?

- Не знаешь? - дочь хозяина глубоко вдохнула и пододвинулась еще ближе. - Так лесовики же. У нас с лесовиками дела. А они слепые и не говорят.

- Совсем?

- Да ты сам посмотри! Пойди к заставе, и... - дочь хозяина вдруг запнулась. - Хотя лучше не надо, они чужих не любят. Но вот если лес рубить, надо сперва с ними договориться. А они не пишут ни на бумаге, ни на камне, только вкус и понимают. Вот наш мастер им складывает обращение от князя, вежливо, чин чинном: позвольте мол, добрые соседи, ваш лес порубить, а мы вам за это заплатим. Дозорные им несут обращение в серебряном кувшине, а они нам присылают ответ в глиняном, и там указано, где рубить, сколько и что они хотят взамен...

- И ваш мастер все это понимает по вкусу питья?

- А как же, - дочь хозяина вздохнула. - Он у нас первый человек, можно сказать. Дом у него лучший. Князь уже который год его учтиво просит: ну подготовь ты наследника, дядя, лесовики-то нашему письму не научатся, они слепые и не говорят... А надавить на него как следует не решается. Потому как незаменимый человек наш мастер, чего уж там.

Стократ снова посмотрел на помост. Мастер не производил впечатления особенного умельца, походил скорее на лавочника с лицом заурядным и одутловатым. Одет был добротнo, но без изящества, кричал на мальчишек без любви - видно было, что к учительству он не имеет ни малейшего призвания. Один за другим отвергнутые ученики спускались с помоста; наконец остались двое: тощий бледный мальчик с каштановыми волосами и плотный, круглый, похожий на речную рыбу подросток. Первый все время молчал, нервно поводя ноздрями. Второй ныл и жаловался на простуду, обожженный язык и снова на простуду.

- Толстый - это Плюшка, четвертый сын торговца Сходни. Мальчишка хитрый, я его знаю. А худой - трактирщиков сын с перевала, Шмель его зовут, он у нас в таверне живет, вроде как за отработку, только какой из него работник, если он с утра до ночи со своими склянками... Гляди-ка, мастер этих-то оставил! Видно, дальше испытывать будет!

Толпа плотнее обступила помост. Откуда-то подтягивались новые люди; мастер велел двум оставшимся ученикам еще раз выбрать по кувшину. Повторилось испытание; сын торговца канючил жалобно, но не назойливо - ровно так, чтобы не вызвать раздражения. Мальчик с каштановыми волосами глядел перед собой и говорил так тихо, что разобрать его слова могли только мастер, несколько человек в первых

рядом да Стократ, который умел читать по губам:

- Маленький человек... легче найдет сокровище.

Да уж, с ухмылкой подумал Стократ.

- Похоже, все-таки кого-то оставит учиться, - дочь хозяина заглянула ему в глаза, будто проверяя, насколько важна эта новость. - Видно, князь велел уже оставить кого-то, терпение у него лопнуло, вот он и...

- Шмель остается! - провозгласил мастер поверх голов. - Этого буду учить дальше, этот все-таки чему-то научился, хоть позже всех пришел!

* * *

Он стоял на краю помоста, не веря ушам, и умный язык его лежал во рту разбухшей колодой. Люди галдели - без особенной радости, но и без осуждения. Те, что стояли рядом, все видели и слышали сами: он честно прошел испытание. Последнее изречение было особенно сложным, хотя бы потому, что «сокровище» и «маленький» очень близки по вкусу.

Плюшка стоял рядом, закусив губу. Четвертый сын богатого торговца, он был страшно честолобив. Если Шмель не верил своему счастью, то Плюшка не умел и не мог свыкнуться с поражением.

Шмель попробовал ему улыбнуться. Ответом был холодный, как лягушка, взгляд; семейство торговца Сходни одно из главных в поселке, и многие теперь возненавидят выскочку Шмеля; он вдохнул ртом, чувствуя, как моментально остывают и покрываются корочкой губы.

Ничего, лишь бы выучиться, а там он сам станет мастером. Он сделается таким важным, что никто не посмеет косо взглянуть. Он будет учиться... и, наверное, его отпустят к родителям на несколько дней - рассказать о своем успехе, погостить, отдохнуть...

- Минутку, - послышался скрипучий голос из кресла, где сидел Глаза-и-Уши. - Минуточку, мастер.

Толпа притихла.

Глаза-и-Уши, человек малоподвижный, встал на этот раз со своего кресла и соизволил приблизиться к помосту.

Мастер спустился по ступенькам, и так они встретились на полпути, выказывая друг другу подчеркнутое уважение, при этом тщательно следя, чтобы не сделать лишнего шага. Их разговор слышали только стоящие очень близко, да и те упустили половину тихих, на ухо сказанных слов.

- Князь будет недоволен, что берете пришлого, - тихо проговорил советник. - Есть же наш, местный паренек. А что он хуже - так ведь язык обжег.

Мастер помрачнел.

- Вам решать, - совсем тихо сказал Глаза-и-Уши. - Но князю понравится, если возьмете местного. Сами решайте.

Мастер, ни слова не говоря, вернулся на помост. Обвел мрачным взглядом заинтригованную толпу. Потом поглядел на Шмеля и Плюшку, и под его взглядом оба насторожились.

- Князь желает строже выбирать, - громко выговорил мастер не вполне понятную фразу. - Последнее испытание.

И вытащил из мешочка, привешенного к поясу, два крохотных стеклянных пузырька.

* * *

- А это что за козлобородый? - Стократ прищурился.

- А это Глаза-и-Уши, - понизив голос, сообщила дочь хозяина. - От князя приходит.

Стократ не смог разобраться, что шептал на ухо мастеру человек с неподвижной от важности шеей. Мастер в ответ ничего не сказал, но помрачнел заметно. Интрига?

- И ничего-то ты не знаешь, - протянула дочь хозяина, причем в голосе ее послышалась нежность.

- Откуда мне знать?

- А кто ты вообще такой? - теперь она говорила почти шепотом.

- Прохожий, - он улыбнулся.

Дочь хозяина задавала этот вопрос уже в пятый или шестой раз; это сделалось для нее игрой, доставляющей немалое удовольствие. Страшно подумать, как мало удовольствий у маленькой, рябой, узкобедрой девушки в поселке, где занимаются только лесом и сплавом.

Стократ не думал останавливаться здесь надолго, но дочь хозяина таверны уговорила его «еще хоть на денек». Она сама явилась к нему в комнату и сама залезла под одеяло; нет, она вовсе не была гулящей. Отец мог бы выдать ее замуж, если бы не скупился на приданое.

Она рассказала о себе сразу все, первой же ночью. Кроме дочери, у ее отца было пятеро взрослых сыновей, которые никак не могли поделить будущее наследство. Поэтому за нее хозяин таверны не давал ни ломаного грошика, а сама она - невеликая ценность. И мужа у нее нет и не будет... Разве что Стократ перестанет бродить, выстроит себе лачугу на берегу реки, и дочь хозяина станет печь ему лепешки.

- Ну вот куда ты идешь? Зачем?

- Ни за чем. Просто иду.

- Ищешь чего-то? Приключений, может?

- Не ищу... Сами меня находят.

- А вот твой меч... ты умеешь биться? Или просто так носишь?

- Просто так ношу, - он улыбался.

Поутру она накормила его лепешками, в самом деле очень вкусными, и позвала поглядеть испытание «языкознаек». Стократ решил, что речь идет об экзамене в местной школе, и очень удивился, увидев стол с кувшинами и мастера странной науки.

- А что, у князя вашего много власти? Много подданных еще, кроме вас?

- Как это - кроме нас? - она удивилась. - Поселок наш, Макуха, это сколько же народу! Да еще два прибрежных, называются Правая Рука и Левая Рука, там сплавщики живут. И еще пильни, огороды, торговый дом... Мало, что ли?

- Не мало, - Стократ улыбнулся.

Эту бы девочку да на улицы настоящего большого города; он снова потянулся, разминая суставы, но бабочка, примостившаяся на голенище, так и не улетела. Бабочка чем-то напоминала ему дочь хозяина таверны.

Рассказать бы этой глупышке о городах, где улицы выстроены ярусами - для пешеходов, для повозок, для карет. О специальных шляпах, которые горожанам предписано носить по праздникам и людным дням: такая шляпа плотно прилегает к голове, тулья широкая и твердая, и в толпе, где люди стоят плечом к плечу, можно ходить по головам.

Так, ступая с головы на голову, переходят площадь высшая знать, срочные гонцы да еще, бывало, лекари, спешащие на вызов к градоначальнику...

- ...Князь желает строже выбирать!

Там, на помосте, мастер вытащил из мешочка, привешенного к поясу, два крохотных стеклянных пузырька.

* * *

Шмель держал во рту прозрачную жидкость и ничего не чувствовал. Вообще ничего. Вода из колодца - и та красноречивее.

Напротив, в двух шагах, стоял Плюшка и глядел перед собой выпученными безумными глазами. Его рот был полон, подбородок двигался.

Мастер, обернувшись спиной к толпе, глядел почему-то с ненавистью. Бросил взгляд на Шмеля... Перевел на Плюшку...

Круглые Плюшкины глаза мигнули и вдруг обрели смысл. Он проглотил все, что было у него во рту, дернулась шея.

Шмель тоже проглотил. Вкуса не было. Пустота.

- Ну? - мастер обошел вокруг стола, снова повернувшись к толпе

лицом. - Ты?

Он глядел на Шмеля. Тому оставалось только нервно облизывать губы.

- Что, язык проглотил?

- Там ничего не было, - прошептал Шмель.

- То есть ты ничего не понял? - мастер возвысил голос. - Ай-яй, я-то на тебя рассчитывал... А ты, Плюшка?

- Дырявая лодка далеко не уплывет, - быстро проговорил остроносый, с его губ полетели брызги. - У меня насморк, вообще-то...

Толпа обрадованно загудела. Мастер молчал - долго, целое мгновение, и Плюшка под его взглядом заметно побледнел.

- Дырявая лодка не уплывет, - сказал наконец мастер, и Шмель не понял, огорчен тот или обрадован. - Ну, что же... последнее испытание ты провалил, Шмель. Плюшка будет учиться. Его беру к себе в ученики.

В толпе засмеялись и захолопали.

- Ну, наконец-то!

- Наш-то, наш-то!

- Вот это дело!

Глаза-и-Уши поднялся с кресла и ушел сквозь толпу, не оглядываясь. Плюшка стоял на краю помоста, желая слушать и слушать эти хлопки, эти крики. Лицо у него горело, руки вцепились в подол расстегнутой суконной курточки: в мечтах он уже был мастером, князем, властителем мира; на кончике острого носа подрагивала маленькая капля.

Шмель спустился по лесенке - боком, как все неудачники. Он мог поклясться под присягой, что из последнего флакона учитель налил ему чистойшую, невиннейшую воду.

Почему?

Восемь месяцев он жил одной учебой. Не пил ничего, кроме воды, и ел только кашу без масла с вареными овощами. Он вылизывал каменные таблички с соляными картинками, чтобы придать языку чувствительность и гибкость. Он не расставался с ожерельем из смоляных шариков - каждый шарик со своим смыслом, Шмель менял их, когда твердо заучивал вкус. Он был готов к испытанию лучше всех, хотя все учились дольше - и что теперь?

Он представил, как вернется на перевал и скажет родителям, что провалил испытание. Тряхнул головой, пытаюсь вытрясти эту картину. Нет, его не убьют. И дело не в позоре. Просто вдруг пошла прахом вся Шмелева жизнь.

Люди расходились, болтая, кто-то громко ссорился. Шмель стоял, механически переступая с ноги на ногу, как прежде Лопух. С тем все ясно - женится и заживет припеваючи. Хвощ станет сплавщиком, Заплат - плотником, близнецов отец выпорет... а им-то что. Они давно хотели бросить «эту ерунду». Плюшка вернется к мастеру и станет

учиться, вот прямо завтра с утра начнется новый урок...

Он вдруг поднял голову, будто его окликнули. На оструганном бревне сидели Тина, дочь хозяина таверны, и незнакомец, которого Шмель мельком видел еще вчера, - длинный, в высоких сапогах, с мечом у пояса. Оба глядели прямо на него.

- Ерунда какая-то, - сочувственно сказала Тина. - То говорит: Шмель остается, то - наоборот... Ты нос-то не вешай, отец мой к тебе привык, на улицу не выгонит. Хочешь, так и вовсе у нас оставайся.

- Спасибо, - Шмель поглядел на свои пыльные башмаки. - Я пойду.

- Куда пойдешь? - Тина решительно поднялась с бревна. - Если на перевал, так это утром надо выходить, до рассвета, а то как застанет ночь в горах... Иди сейчас в таверну, расскажи все моему отцу, пусть тебя накормит! А то из штанов вываливаешься... - она обернулась к своему соседу. - Исхудал за это время - ужас! Ест, как тень, и работает, правда, так же... А куда ему работать, если учится целый день?

Шмель опустил голову ниже и, не глядя и не слушая, зашагал прочь по улице.

* * *

Легко сдался, подумал Стократ. Как-то слишком легко. Я в его годы полез бы, конечно, драться.

Он усмехнулся краешками губ. О да, в его годы... Сиротский приют, большие темные комнаты, столь же темные смутные мысли и кулаки, не знающие боли.

Сколько уже лет прошло, и с тех пор он никого не бил, а костяшки по-прежнему тверды как щитки...

Задумавшись, он положил ладонь на рукоять меча - и тут же убрал руку. Люди часто видят в этом жесте угрозу, и совершенно напрасно: Стократ никому не угрожал. Давно. С отрочества.

Просто сразу, без угроз, наносил удар.

- А вот лесовики, - он потянул за руку привставшую было Тину и усадил ее обратно на бревно. - Ты мне расскажи о них подробнее.

- Зачем? - она в самом деле удивилась.

- Ну как же. Я, сколько брожу, здесь в первый раз о таких услышал. А вы с ними торгуете. Мне же интересно.

- Интересно? - Кажется, она впервые задумалась, не издевается ли над ней чужеземец.

«Раньше я тоже не понимал, - подумал Стократ. - Даже когда был ребенком. Мир предлагал мне то, что можно съесть, то, что опасно, и то, с чем нужно драться. И съедобное, и опасное, и драчливое не были при этом интересны - я просто ел, просто бил или прятался, если не мог ударить. И множество людей так живет».

Он вспомнил, как впервые пришел на вершину холма с мечом на поясе, пришел после долгого ночного перехода, валясь с ног, голодный, замерзший; увидел реку внизу, и лес на горизонте, и светящее небо над озером - и вдруг поразился как никогда в жизни.

- Да, интересно, - сказал он Тине. - Откуда они взялись такие? Они люди?

- Да, вроде, - видно было, что Тина никогда не задумывалась о такой простой вещи. - Люди... Просто давно, тысячу лет назад... или сто лет, не знаю, в наших краях был мор. И все, кто тут жил, перемерли, а некоторые ушли в леса и спрятались. Они тоже болели, но не померли, а так... изменились. Глаза у них есть, но не видят, и рот есть, но не говорят.

- А как они ходят в лесу, на деревья не натываются?

- Они и бегают, и луки у них есть... Я говорю: не ходи к заставе.

- А как они друг с другом ладят, если они слепые и немые?

- Не знаю, - помолчав, призналась девушка. - Варят друг другу каши, наверное. - Она запнулась, а потом вдруг порозовела и оживилась: - Это сколько же возни, представляешь! Если на каждое слово надо кашу варить! Муж жене велит, чтобы сумку ему собрала, идет на кухню, возится, варит: положи мне, мол, хлеба, ложку, миску, соль, одеяло... А про бритву и забудет! И приходится новую кашу! А просто сказать: стой, я бритву забыл, и не додумается!

Она засмеялась.

Взмыла с голенища бабочка. Она сидела тут давно и пригрелась, а сейчас взлетела, но не от смеха Тины, а потому что на сапог упала тень. Стократ поднял глаза: рядом возвышался, держа голову чуть набок, Глаза-и-Уши, высокий мужчина с седящей козлиной бородкой.

- Это ты чужеземец с мечом? - спросил строго.

- Совершенно очевидно, - после коротенькой паузы отозвался Стократ.

- Что?

- Разумеется, я чужеземец. А вот мой меч.

- Князь хочет говорить с тобой.

Тина не то ахнула, не то громко вздохнула.

* * *

Шмель не пошел в таверну. Там сейчас соберутся друзья и родственники Плюшки во главе с торговцем Сходней. Нет, Шмель не завидовал. Он просто не мог забыть переглядку мастера с учеником: встретившись взглядом с учителем, Плюшка мигнул и вдруг просиял, будто о чем-то догадавшись...

«Дырявая лодка не уплывет». В том питье, что пробовал Шмель,

никакой лодки не было. Там вообще ничего не было. Пусто.

Он вышел на дорогу, ведущую в лес, к заставе. Солнце уже склонялось, но до сумерек было далеко. Шмель набрал воды из источника - на поясе у него всегда висела фляга, так учитель велел. Бывший учитель.

Кривозвездка и факел обычно росли у воды. Их трудно было искать, но Шмель знал секреты. Усевшись на камне, он разжевал сперва три цветка кривозвездки, потом метелочку факела. Получилась неплохая, легко распознаваемая частица «не»: если добавить этой кашицы в питье, смысл его поменяется на противоположный. Верю - не верю, хочу - не хочу...

Шмель выплюнул травяную кашицу вместе со вкусом на проезжую дорогу.

Будь он сильным и умным, как герой сказок, составил бы для мастера питье со смыслом: «Ты меня предал и обманул людей. Но я все знаю, расплата придет...». Однако для такого послания нужны редкие ингредиенты. И Шмель - не герой сказок, а так, мальчишка...

Он встал, вытер слезы рукавом и зашагал обратно к поселку.

* * *

- Это правда, что ты убиваешь людей за деньги?

- К счастью, нет.

Князь нахмурился.

Это был молодой человек из очень молодого рода. Еще прадед его сплавливал лес, как все в округе, а дед научился воинскому ремеслу, и нанялся в чужое войско, и собрал вокруг себя доверенных людей, и ухитрился мечом добыть себе славу и землю. Его отец смог удержаться у власти и упрочить ее, и вот - первый в династии, получивший титул по наследству, принимал Стократа в своем бревенчатом доме и не знал, как правильно поставить себя с незнакомцем.

- Ну как же... мне донесли, что твой меч... что тебе платят за убийства.

- Так вернее, - признал Стократ. - Случается, я убиваю убийц и насильников. И если мне вдруг почему-то платят родственники их жертв, я принимаю плату.

- А, - князь приободрился. - Тогда... А заказы ты принимаешь?

Стократ поднял брови. Длинная гневная речь не была бы столь красноречива.

Князь ощетинил короткую бороду. Некому и некогда было учить его скрывать чувства, как подобает высокородному, поэтому все, о чем он думал, сразу же отражалось на лице. Князь молча сокрушался, что идиоты-стражники впустили гостя с массивным мечом у пояса, такую

стражу по-хорошему надо бить палками на базарной площади, но другой ведь нет...

- Я не наемный убийца, - проговорил Стократ холодно, но без дерзости. - Я бродяга. Если встречу убийцу - его не станет. Заплатят - возьму деньги. Вот и все.

- Ты... странствующий вершитель справедливости? - князь криво ухмыльнулся.

- Я не знаю, что такое справедливость, - ровно отозвался Стократ. - Думаешь, она существует?

Князь снова засопел; Стократ встретился с ним глазами. Князь вздрогнул.

- Я всего лишь путник, - сказал Стократ примиряюще. - Иду, куда глаза глядят. Мир смотрю, вести разношу. В Лесном крае, слышали, в трех местах загорелось этим летом?

- Большая беда, - глухо отозвался князь.

- Немалая. Цена на лес выросла повсюду...

Стократ выдержал многозначительную паузу.

- Ты еще и купец? - теперь князь цепко глянул ему в глаза.

- Куда мне, - Стократ улыбнулся.

- Цена выросла, торгуем много, - проговорил князь с непонятым раздражением. - У нас ведь не просто лес, у нас розовая сосна, таких во всем Мире больше нет. Видал, какие дома?

- Видал.

- А вот это? - князь подхватил со стола резной деревянный кубок, стряхнул на пол несколько капель со дна, протянул Стократу. - Скажи... это правда, что о тебе болтают?

Стократ взял в руки кубок.

Розовая сосна, если правильно ее обработать, становится прозрачной. Тина, помнится, рассказывала об этом долго и подробно, и Стократ цокал языком, глядя пальцами ее деревянные сережки - и пылающие мочки ушей.

- Что обо мне болтают? - повторил он, вертя в руках княжеский кубок.

- Что ты один можешь... десяток положить? Вооруженных? Один?

- Красивая работа, - Стократ вернул кубок. - И ты веришь слухам?

Князь в раздражении хлопнул кубком о стол:

- А кто тебя знает... Мы тут на краю света почти, с лесовиками бок о бок, и не захочешь, а начнешь верить всякому...

- А что, ладится у вас с лесовиками? - Стократ боялся, что в его голосе слишком явно прозвучало любопытство. Он был почти уверен: беседа с князем так или иначе коснется лесовиков и смутные разговоры насчет «положить десяток» будут иметь продолжение.

- Ладится, - сквозь зубы процедил князь. - Твари они спокойные, ни с кем, кроме нас, не водятся, а мы у них лес берем по бросовой цене... Я о другом. Перевал здешний знаешь?

- По дороге сюда ночевал там.
- Ага... Место нехорошее.
- Ничего такого не заметил.
- Ага, - сквозь зубы повторил князь. -- Разбойничье место. Торговцы, вон, петицию принесли, - он щелкнул пальцем по желтому свитку на столе. - Грамотный?

Не отвечая, Стократ развернул свиток. Написано было северо-восточным манером, «как слышится - так и пишется», в три строки всего: «У князя торговая Макуха просит покровительства от разбойников душегубов три каравана уже порешили все бояться в месяц белой зари торговля встанет». И столбик подписей.

- В месяц белой зари, - Стократ потрогал жесткий краешек свитка. - Это когда же было?

Князь раздраженно взял свиток у него из рук и бросил на стол.

- Полгода назад, - сказал отрывисто. - Я тогда со стражей на перевал съездил... Никого не видел. Но грабить перестали.

Он обошел вокруг стола, встал напротив Стократа, уперся о столешницу костяшками пальцев:

- На прошлой неделе опять убили троих. Не наших, из Долины. Ехали к нам по торговому делу. Глотки им перерезали, кошельки забрали... Ладно, грабь, горло резать зачем?!

- Чтобы потом не узнали, - сказал Стократ.

- Значит, из местных...

Князь помолчал. На хмуром лице был написан полный отчет о его чувствах: он долго не хотел верить, что разбойники на перевале принадлежат к числу его подданных, и таким образом его, князя, ответственность за злодейство удваивается.

- Они были вооружены? Те, кого убили? - помог ему Стократ.

- Да. Торговец из Долины ехал с деньгами, с ним два охранника в броне, с мечами. Их порезали как цыплят.

- Как ты узнал?

- А неважно, - князь уселся в высокое кресло. - Я, может, не с трона золотого правлю и армии не вожу, но в Макухе я князь и свое дело разумею... Узнал вот. Еще, было, на тебя подумал...

- На меня?!

- ...Но тех было трое, а о тебе говорят, что ты всегда один. Да еще кое-какие приметы... Так что с тебя я подозрение снял.

Стократ удивился - и из милосердия показал свое удивление князю. Тот сразу успокоился, залоснился, раскинулся в кресле:

- А ты думал? Я не слепой и не глухой. На своей земле я все знаю!

- А в Макухе об этом молчат. Даже в таверне.

- Потому что дело тайное, - отрывисто сказал князь. - Нехорошее дело. Если разбойники вернулись - народ забеспокоится по ту и эту сторону гор, торговля встанет... А это вред большой.

Стократ молчал.

- И беда большая, - князь повысил голос. - Людей вот так резать, как мясо... Убийцы без наказания... А кого мне туда посылать? Стражу? Так ведь спрячутся они от стражи. Самому ехать? А?

Он снова замер и решился на этот раз посмотреть собеседнику в глаза.

- Ладно, могу сходить, - медленно вымолвил Стократ. - Только они ко мне целоваться не выскочат, я не купец... Где мне их искать?

- Искать, - князь потер широкие ладони, звякнули друг о друга кольца. - Ну... - Он поманил гостя пальцем, склонился к его уху: - Сами найдут. Но не тебя. Один торговец завтра на заре за перевал едет. Один, ну, со слугой... А торговец приметный.

- И ты его не предупредишь... - пробормотал Стократ.

- Предупрежу - так не поедет.

- А если его убьют?

- Многих убивают. Того, другого... Хватит уже.

- Но об этом ты плакать не будешь.

- Может, и поплачу, - князь болезненно ухмыльнулся. - Мне главное с разбойниками покончить.

- Ясно, - медленно проговорил Стократ.

Князь сказал правду, но не всю. Стократ еще не знал, надо ли в этом деле обнажать скрытое и узнавать потаенное. Некоторые тайны нельзя не раскрыть. Иные - лучше не трогать.

- Я... - князь кашлянул, - за душегубов... награду назначу.

- За наградой возвращаться не буду. Может, пришлю кого-нибудь.

- И деньги тебе не нужны? - князь прищурился. - Хотя правду говорят: зачем колдуну деньги...

- Низачем, - легко согласился Стократ.

- Завтра пойду туда, а если что случится - ты узнаешь.

* * *

Гуляки разошлись рано: сам торговец Сходня поднялся из-за стола первым. Завтра спозаранку ему предстояло отправляться по делам за Горную Стрелку, через перевал. Впрочем, Сходня всегда вставал рано, и его домашние поднимались раньше всех в поселке, и торговец любил прихвастнуть в разговоре: вот отчего я богатею, я усердием и трудом богатею, а кто ленится - тот сам себе древесная лягуха.

- Всем в постель! - объявил Сходня, с грохотом отодвигая тяжелый стул. - Мой младший сын теперь единственный ученик мастера и работать должен, как тягловый скот!

Неизвестно, что подумал Плюшка в ответ на эти слова, но очень скоро таверна опустела. Шмель, весь вечер пролежавший на своем

тюфяке в углу кухни, тихонько встал, чтобы сжевать кусок хлеба: от огорчения ему хотелось есть больше обычного, и во вкусе ржаной горбушки мерещился горький упрек.

Поначалу он хотел оставить в таверне все склянки и бутылочки, крошки снадобий и подушечки с ингредиентами, которые перешли к нему за восемь месяцев учебы, но оказалось невыносимо жалко расставаться с сокровищами. Вот сито для просеивания порошков, вот каменный флакон, старинный, с неразборчивым рисунком на гладком боку, вот ожерелье из смоляных шариков, нанизанных на нитку. Шмель разглядывал их, откладывал и снова брал в руки, совал в мешок и вытаскивал наружу.

Уже Тина закончила прибираться, вытерла посуду и погасила светильники. Уже стояла за окнами глухая ночь, догорел огонь в очаге, а Шмель все сидел на краю лавки, поставив свечку в стенную нишу, и пытался решить, какие из сокровищ можно взять, а какие придется навсегда оставить.

Потом залаяли собаки и сразу угомонились. Тихонько открылась входная дверь. Вошел кто-то высокий и большой, но странно бесшумный, как ночной зверь. Казалось, он и сапогами-то ступал нарочно громче, чтобы в таверне не подумали, что он крадется.

Сбежала по лестнице Тина. Привалившись спиной к стене, Шмель слышал их разговор.

- Что же ты так поздно? Я ждала...

- Завтра на рассвете уйду.

- Завтра?! Ты же хотел остаться... еще хотя бы на денек...

Ее шепот и всхлипывания удалились вверх по лестнице. Шмель понял, что у него слипаются глаза.

Тогда он собрал все подарки мастера в свой заплечный мешок, поставил его у тюфяка на полу - и заснул.

Ему снился котел с кипящим на огне варевом. Шмель зачерпывал из котла серебряной ложкой на деревянной ручке и подносил к губам; вкус растекался во рту, как заря под небесами: это был длинный рассказ о замечательной жизни и славной смерти, рассказ с картинками, которые возникали и складывались будто сами по себе.

Во сне Шмель мечтал никогда не забыть этот вкус, навсегда сохранить и пересказать людям, но его уже трясли за плечо, и сон ускользал, а вместе с ним ускользнул и вкус.

Над ним нависало лицо Тины, бледное, помятое, с красными глазами:

- Вставай, дурачок... Стократ на перевал выезжает, так иди с ним - что тебе на дороге одному делать? Вставай скорее!

Она сунула ему хлеб, завернутый в тряпицу.

На улице было сыро и зябко, Шмель сразу же затрясся, застучал зубами от холода. Человек с мечом у пояса вывел из-под навеса свою лошадь, уже оседланную, а Тина подтолкнула Шмеля вперед:

- Вот, с ним поедешь, я хоть спокойна буду...

Шмель растерялся. Он сторонился незнакомцев. До десяти лет отец запрещал ему разговаривать с чужими - вообще, как если бы мальчик был немой.

- Я сам!

- Да вместе же легче! Мало ли, в горах ногу подвернешь, и что? Звери там... Даже купцы караванами ходят!

- Да на что я сдался зверям? - Шмель попятился. - Я не купец, я сам сюда пришел, сам обратно дойду...

- Ноги сотрешь о камень, - тихо сказал приезжий, поймав его взгляд.

Шмель странно успокоился. Никогда прежде ему не доводилось быть таким равнодушным.

- Ноги сотру о камень, - повторил он шепотом.

Приезжий взял его под мышки и посадил на лошадь. Никто не подсаживал Шмеля с тех пор, как ему минуло шесть - повсюду забирался сам.

- Прощай, Тина, - тихо сказал приезжий.

И, больше не слушая ее, вывел лошадь за ворота.

* * *

Первым желанием Стократа было отговорить мальчишку от сегодняшнего похода на перевал: там, где должны были встретиться купец, Стократ и разбойники, мальчишка явно оказался бы лишним.

А потом заговорило любопытство. Мальчишка долгое время был учеником языковеда и сам умел читать по вкусу напиток; возможно, он своими глазами видел лесовиков. Поддавшись любопытству, Стократ решил, что парню ничего не угрожает: и купец, и Стократ всю дорогу проедут верхом и прибудут на перевал куда раньше, чем пешеход-подросток. К появлению мальчишки все будет кончено, а Стократ, пожалуй, успеет и прибраться на месте происшествия.

- Ты сам видел когда-нибудь лесовиков?

- Нет. Они чужих не любят.

Шмель отвечал, как во сне, и смотрел прямо перед собой, на дорогу. Стократ шел рядом, ведя лошадь в поводу. Мальчишка сидел в седле неуверенно и не доставал до стремян.

- А кто же к ним ходит? На переговоры, например?

- Дозорные от князя, стражники, двое или трое. Когда в чаше огонь зажгут - дозорный бежит за посланием. И обратно так же.

- А лесорубы их видели?

- Тем они не показываются.

- Лесовики, что же, опасны? Раз уж с ними так считаются?

- С такими не считаться - себе врагом быть. Они бойцы хоть куда. И

яды у них... мастер говорит, яды у них отменные.

- Их много?

- Не знаю. Уж не меньше, чем нас.

- Они похожи на людей? Или как деревья - ноги в земле?

- Да какое там! Люди как люди. Только глаз нет.

- Совсем слепые? И как же бьются тогда?

- Не знаю. Говорят, они слышат не ушами, а всем телом.

- Как это?

- Не знаю. Я не видел:

- Допустим... А что это такое - их язык?

- Великое искусство.

- Да ну! А как ты, к примеру, читаешь такое послание?

- А так: «солёный как воля, сладкий как степень, кислый как движение, горький как время». Это - основа, а на ней снасти: тепло и холод, гладкий и терпкий, вязкий и легкий. И еще послевкусие...

- Сложно, - сказал Стократ. - А скажи, зачем тебе языкознание? Зачем учиться пошел?

- Хотел знать, чего другие не знают.

* * *

- ...чего другие не знают.

Шмель покачнулся в седле и вдруг проснулся. С момента, когда приезжий посмотрел ему в глаза и сказал что-то... неважное, какие-то бессмысленные слова, - с этого момента он был сонный, спокойный, сам себе чужой; за восемь месяцев его много раз спрашивали, зачем пошел к мастеру в учение, и всем он врал: хочу послужить князю, хочу выбиться в люди, хочу заработать... А правду сказал только сейчас, в оцепенении. И от этого, должно быть, очнулся.

Он сидел верхом на чужой лошади, справа и слева тянулась дорога, пустынная, уже далеко от жилья. У седла были приторочены его заплечный мешок и еще какие-то вьюки. Незнакомец шел рядом, задавая вопросы, и кто знает, сколько уже Шмель успел ему выболтать!

- Я сойду, - он испуганно завозился в седле. Лошадь вопросительно повернула голову.

- Меня зовут Стократ, - негромко сказал незнакомец. - Можешь меня не бояться.

- Я не боюсь!

Он неловко сполз на дорогу. Лошадь поглядела осуждающе.

- И мешок мой отдайте...

- Почему мастер тебя прогнал, как ты думаешь?

Шмель замер с протянутой рукой.

- Он ведь прогнал тебя по приказу княжеского советника, - Стократ кивнул. - Но обставил дело так, будто ты сам виноват. С князем у тебя ссоры не было случайно?

- Насмехаетесь, - грустно сказал Шмель. - У меня-то ссоры с князем... ха-ха.

- Тогда за что?

- Я чужой, - Шмель снова потянулся за мешком. - Отдайте мои вещи.

- На, - Стократ отцепил мешок от седельной луки. - Тяжелый. Камни несешь?

- Золотые слитки.

- Не сердись на меня, - Стократ погладил лошадь по шее. - Я колдун, да. Но вреда от меня тебе не будет.

Попятившись, Шмель забросил мешок на плечо. Что-то твердое - наверное, каменный флакончик -- впилось в спину сквозь куртку.

- Я сам по себе, с меня нечего взять, - пробормотал он скороговоркой.

- И не боюсь - чего мне бояться?

- И на мастера не злись, - Стократ глядел на парня поверх седла. - Он с самого начала мог выбрать этого... сына торговца. Если бы рассчитывал на подарки. А с князем ссориться ему не с руки.

- Почему не с руки? - вырвалось у Шмеля. - Он же единственный мастер в языкознании, как без него обойтись?

- С учениками - уже и не единственный. А борода седеет... Ты где ночевать будешь?

- Ночевать?! Я до заката на перевал приду!

И, не говоря больше ни слова, Шмель развернулся и поспешил по дороге вверх.

Через минуту его обогнал всадник. Проскакал мимо, махнув на прощание рукой.

* * *

К перевалу от Макухи вела единственная дорога, хорошая, но местами довольно-таки крутая, узкая, над обрывом. Здесь ездили по торговым делам, реже - по личным, еще реже забредал чужак-путешественник, сборщик редких трав или птицелов. Дорогу называли Белой, потому что во многих местах из-под земли проступал искрящийся светлый камень, красивый, но хрупкий и не поддающийся обработке.

Белую дорогу Шмель знал неплохо: отец брал его с собой несколько лет назад, когда ездил к самому князю договариваться насчет налогов с Высокого трактира.

Тогда они ехали медленно, с ночевками, останавливались у озер, ловили кроликов и удили рыбу. Та поездка заняла три дня в один конец

и столько же в другой; Шмель удивился потом, когда обнаружил, что спуститься от трактира к Макухе можно от рассвета до заката.

Ну и подняться почти столько же - от темна до темна.

Отпечатки подков скоро пропали на белом камне. Шмель шагал, пытаясь удобнее пристроить на спине мешок, но тот был сложен до того неудачно, что, как ни поверни, в спину что-то впивалось. Надо было остановиться и перепаковать поклажу, но Шмель решил про себя, что первый привал устроит, когда сильно устанет, не раньше.

Еще вчера в это время он мечтал пройти испытание и остаться учеником. Еще вчера он рассчитывал, что долгие месяцы учебы - а ведь учился честно! - не пропали даром. Выходит, пропали.

Незнакомец по имени Стократ одним словом поставил все на свои места. Конечно, мастер подстроил его провал. По справедливости, оставаться в учении должен был Шмель, а не Плюшка... Но кого волнует справедливость?

Внизу разошелся туман. Сквозь тучи проглянуло солнце, и сделалось почти жарко. Шмель остановился на минутку, чтобы посмотреть вниз -- на огромные пространства, поросшие розовой сосной. На реку, лежавшую подковой, на почти незаметные с такого расстояния Правую и Левую Руки. И Макуху, которая за восемь месяцев сделалась почти родной.

«А я все равно буду учиться языкознанию, подумал он и сам испугался своей дерзости. Я знаю основы: «соленый как воля, горький как время...». Днем я буду работать в отцовском трактире, а по ночам - тренироваться, составлять питье, собирать травы и готовить сочетания...»

Солнце спряталось. Шмель со вздохом сгрузил на траву свой заплечный мешок.

Зачем это нужно? Отец, помнится, тряс его за воротник и все твердил: зачем? Чтобы составлять пару раз в год напитки-послания к лесовикам? Чтобы пробовать и разбирать их мутное варево? Это очень выгодно, конечно, это почетно, когда ты единственный мастер во всем княжестве. Но времена меняются, говорил отец, князь не допустит, чтобы мастер и дальше был один. Найдется ученик, другой, третий - и скоро выяснится, что языкознание вовсе не волшебная тайна, что этому можно выучить любого сопливого мальчишку. И останешься ты со своим искусством, но без всякого ремесла, босой и голый, и окажешься никому не нужным, потому что кому твои флакончики сдались? А если повезет, говорил отец, лесовики повымрут от какой-нибудь лесовичьей болезни, и переговариваться всеми этими кашами-варевами станет не с кем. Так зачем тебе это нужно?

Шмель вздохнул: незнакомцу он сказал правду. Возня с флакончиками и травами, с говорящими напитками и едой была для него данью

гордыне. Ему хотелось быть исключительным, достигнуть небывалого, знать то, что никто не знает.

Он сел на белый камень и вытащил кусок хлеба, который дала ему Тина.

Учитель рассказывал, что у лесовиков бывают пиршества, где все напитки и яства - одно за другим - рассказывают гостям единую долгую историю. Шмелью много раз снились эти безмолвные пиры: в полном молчании лесовики сидели за длинными столами, и пили, и ели все одновременно, напиток за напитком, кашу за кашей.

Вкусы и запахи разворачивали перед ними картины, будили потаенные чувства, и женщины скоро начинали всхлипывать растроганные, а мужчины расправляли плечи, готовые идти в бой. Под конец пиршества все они испытывали и сладкую ярость, и радость, и боль очищения. Жуя хлеб, Шмель пытался представить себе, как работали повара и языковеды, составляя для своих людей эти беззвучные песни.

Он хотел бы хоть раз испытать нечто подобное. Хоть раз попробовать самое начало застольной истории. Не говоря уже о том, чтобы приготовить ее самому.

Но времена меняются, говорил учитель, и его речи ложились, как в отпечатки, в уже произнесенные когда-то слова отца. Сами лесовики забывают древнее искусство. Знатоков осталось мало. Молодым нужно быстрое и простое: где, как, с кем. Старые мастера еще помнят языкознание, каким оно было, а молодые составляют послания безыскусно, порой с ошибками: «рубить от красного второго камня до болота с краю». Поди пойми их. Переспрашивать приходится...

Шмель вытащил из мешка отдельный узелок с самыми ценными своими сокровищами. Он давно мечтал составить хоть простенькую «азбуку», собрать флакончики с чистыми вкусами, а на ярлычках написать понятие, которое они означают. Он даже начал работу, правда, вкусов нашлось всего шесть: «большой», «два», «уметь», «ожидать», «касаться», «любить».

В последнем флаконе осталось совсем немного. Если смешать «большой» и «любить», получится первая свадебная чаша. Мастер рассказывал: на свадебных пирах связных историй не бывает, а бывает много маленьких пожеланий, и каждый гость составляет свое...

По дороге застучали копыта. Шмель, спохватившись, подобрал вещи, огляделся; топот приближался снизу, и лошадей там было больше, чем одна.

Шмель на всякий случай отошел в кусты. Кто бы ни ехал по дороге, вступать с ним в разговоры он не собирался. В густых зарослях кое-где висели на ветках белесые плоды. Это ягода лунь, несъедобная, но и не ядовитая, хорошая для дела: вытяжка из нее придает высказыванию оттенок «сомневаюсь»...

Мимо проехали, не заметив Шмеля, торговец Сходня и с ним погонщик, ведущий в поводу лошадь, груженную вьюками.

* * *

Стократ услышал позади торговца со спутником, но не стал пропускать их, а чуть прибавил ходу. Добрался до крутого поворота, остановился, выжидая. Сквозь ветки кустов можно было разглядеть часть дороги внизу, и вот на этой дороге показались Сходня со слугой и товарами. Купец ехал, высоко задрав подбородок: гордился, вероятно, вчерашним успехом сына. А может, голову ему задирали привычная, как вывих, спесь.

Пока все шло ровно так, как предсказывал князь: к обеду путники достигнут озера и устроят привал. Потом двинутся дальше; на опасных поворотах верхней дороги, вьющейся как шерстяной моток, пойдут пешком и поведут лошадей осторожно, шаг за шагом. К этому моменту разбойники почуют запах богатой добычи и вылезут из норы, или где там они прячутся.

Стократ отлично помнил дорогу перед Высоким трактиром: маленькое ущелье, окруженное с двух сторон каменными грядами, поросшее по обочинам густыми зелеными кустарниками. Видно, зодчий этих гор, сам в душе великий разбойник, устроил это место специально для лихих безжалостных братьев.

То, что разбойники убивают свидетелей - всех свидетелей, не вызывало у Стократа сомнения. Но мальчишка идет пешком. После полудня он устанет, замедлит шаг и доберется до перевала, когда все будет кончено...

Стократ махнул рукой, разгоняя облачко мошкар. А может, сегодня и вовсе ничего не случится. И торговец, и слуга вооружены. Легкой эту добычу не назовешь. Да и не всеведущи разбойники, могут уснуть и потерять чутье, могут убраться подальше, могут раскаться, в конце концов...

Он ухмыльнулся, вскочил в седло и потихоньку, все время прислушиваясь, двинулся вперед.

* * *

Полдень давно миновал, когда Шмель наконец вышел на берег озера. Дым еще стелился над водой, и Сходня со слугой только-только поднимались после затянувшегося привала, но Шмель слишком устал, чтобы играть в прятки.

Он скованно поклонился - все-таки подростку надлежит первому

приветствовать старших. Слуга равнодушно кивнул в ответ; Сходня поманил пальцем.

Шмелю это не понравилось, но он подошел, хотя и не очень близко.

- Домой идешь?

- Домой.

- Всыплет небось отец, что провалил ученичество?

- Всыплет, - отозвался Шмель как мог равнодушно. И подумал: ну чего тебе еще? Не надоест глумиться?

- Свои сыновья будут - тогда поймешь, - проговорил Сходня с неожиданной мягкостью. - Хотим, чтобы вы голода не знали, чтобы не мерзли и чужим в ножки не кланялись. Потому и учим. Мой-то - видел, какой?

- Видел.

- Будет мастер, - уверенно сказал Сходня. - Потому как растил я его, не жалея. Ну, поехали! - он кивнул слуге. - Хлеб и сыр, что остались, отдай мальчишке. А то совсем отоцал.

Слуга молча положил на камень у костра сверток, который собирался было унести с собой. И очень скоро Шмель снова остался один - на берегу неподвижного теплого озера, где темнели кострища, давние и свежие.

Чужого свертка он так и не тронул.

* * *

Солнце ушло за гору. Стократ лежал на спине и грыз травинку; сегодня весь день у него во рту и крошки не было, живот прилип к спине, зато чутье и слух по-звериному обострились.

Купец и его слуга все еще были в пути. Еще ругали себя за долгие привалы и погоняли лошадей, желая добраться до Высокого трактира, прежде чем окончательно стемнеет. Приложив ухо к земле, Стократ слышал стук копыт недалеко внизу: скоро они будут здесь, приманка явилась.

Приманка явилась, но зверь не показывался до сих пор. Лежа в полумраке, сливаясь с землей и хвоей, Стократ был невидим, но и сам видел мало. Когда разбойники выдвинутся вперед, собираясь начать дело, он услышит. Но пока душегубы залегли, как он, и ждут.

Или их нет здесь. Ушли, сбежали, разошлись, каждый несет свою долю прежней добычи, и каждый надеется начать жизнь заново...

Жить заново. Открыть, скажем, трактир у дороги. Или построить кузницу, или просто осесть в селении и возделывать клочок земли. Перерезанные глотки остались в прошлом, грабежа и вовсе не было, мы все начнем сначала... Стократ вытянулся, разминая затекшую спину, и в который раз поразился, откуда к нему приходят мысли. В его

детстве, холодном и темном, мыслей почти не было. Только борьба и ярость; все вокруг были молоды и обречены.

Он впервые в жизни увидел старого человека, когда оружейник, умирающий от дряхлости, пришел откуда-то - и едва не рухнул в дверях приюта. Глаза у старика были мутные и, пожалуй, почти слепые. Он оглядел настороженных сирот и отдал зачехленный сверток злому мальчику, не умеющему думать.

И вот тогда начались мысли.

Стократ ушел из приюта в пятнадцать лет. Без гроша: единственным его достоянием был меч, он же был единственным учителем и другом.

Голодный мальчишка бродил по дорогам, сперва бесцельно, потом тоже бесцельно, но уже сознавая это, пребывая в не-цельности, как в полете. Он много думал о людях: иногда один подпасок, встреченный на рассвете, давал ему пищу для размышлений до самого вечера. Он научился читать незаметно для себя и даже купил и прочел несколько книг, но истории, рассказанные в них, показались слишком сухими и вымышленными в сравнении с тем, что он видел и о чем думал. Вот, например, некие разбойники молча делят награбленное и расходятся в разные стороны. Откуда Стократу известно, о чем они мечтают? Какими словами убаюкивают совесть?

Стократ выплюнул изжеванную травинку, сорвал следующую и поразился ее терпкому вкусу. Вкус... что он означает? О чем, кроме зелени и лета, может рассказать эта терпкая кашица?

Вчера он потратил несколько часов на прогулку к маяку - так называли чашу со смолой, где лесовики, когда желали о чем-то сказать соседям, разводили огонь. Дозорный приносил князю флакончик с посланием. Мастер-языковед, заранее предупрежденный, полоскал рот особо чистой водой и клал сообщение на язык. И после долгого величественного молчания изрекал пожелание, или вопрос, или сообщение.

Стократ так четко воображал себе эту сцену, как если бы сам много раз был ее свидетелем. Вчера он постоял у потушенного маяка, но дальше в лес не пошел: там явно кто-то был и дежурил, возможно, с луком в руках, и дорогу устилала такая трескучая хвоя, что, пожалуй, в идущего по ней мог попасть и совершенно слепой стрелок...

Будто в ответ его мыслям треснула веточка под чьей-то ногой. Стократ насторожился. Не рановато ли?

Самое время. Три человека, один из них очень тяжелый, молча занимали места на той стороне ущелья. Охотники.

Он прижал ухо к земле; и жертвы были совсем рядом. Те самые лошади с парой всадников и поклажей...

И один пешеход. Легконогий. Легкий.

Подросток.

* * *

Шмель шагал и печально гордился собой. О каменной тропе, соединяющей два витка дороги, рассказал ему еще в Макухе молодой погонщик, часто сопровождавший купцов в пути через горы. Закончив хвастливый рассказ, как он, бывало, обгонял конных перед самым перевалом и до смерти удивлял их, появляясь впереди, парень потребовал от Шмеля клятвы, что сам он этой дорогой пользоваться не будет: слишком опасно. Но Шмель резонно заметил, что ничего обещать не обязан: погонщика за язык не тянули, а безопасность Шмеля - Шмелева личная забота.

Он и не собирался пробовать эту тропу. День уходил, солнце склонялось, усталость тянула к земле, но впереди еще было возвращение, и предстояло объяснить родителям, почему он так и не стал уважаемым человеком. Всякий раз, когда Шмель об этом думал, его ноги шагали медленнее, и он желал, чтобы пути не было конца. Но приметой скрытой тропе служил белый камень на обочине, и, увидев камень, Шмель вспомнил рассказ погонщика и захотел только глянуть: существует «скорая» тропа или это вранье?

А через миг оказалось, что по тайной тропе можно только подниматься. Спускаться нельзя, если тебе дорога шея; обмирая от ужаса и проклиная себя за глупость, Шмель лез и лез вверх. «Если я свалюсь, - думал он, - пузырьки и склянки в мешке разобьются и все мои вкусы пропадут зря... И «большой», и «уметь», и все прочее, включая «касаться» и «любить».

Несколько раз он в самом деле чуть не сорвался. Выдохся, покрылся потом и царапинами, отчаялся - и вдруг выбрался на ровное место. Это был другой виток дороги, погонщик не соврал, и Шмель оставил позади торговца Сходню вместе с его товаром...

Не успел он отдышаться, как и на дороге послышался топот копыт. Сходня и погонщик выехали из-за поворота и резко придержали лошадей:

- Эй! Кто такой?

Купец схватился было за оружие. Присмотревшись, опустил руку:

- Ты?! Как здесь оказался?!

Шмель растерялся.

- Я? По тропе...

- По какой тропе, ты, признавайся?

Они обступили парня с двух сторон. Сходня вытащил нагайку:

- С кем ты водишься? Кто тебя привез? Кто тут еще есть?!

- Никого, - пролепетал Шмель. - Я по тропе...

Погонщик соскочил с седла, закружил, высматривая что-то на обочине, и через мгновение отыскал тропу, сверху почти отвесную.

- И точно, тропа...

- И как он только шею себе не сломал?

- Да следы ведь...

- Ловкий пройдоха, - с отвращением сказал купец. - Ладно, до трактира немного осталось. Пойдешь с нами. Вот с твоим отцом и выясним, что за тропы да кто тебя им научил... Ну-ка, держись за стремя!

Он еще поиграл нагайкой, но бить мальчишку не стал. Дождался, пока погонщик взберется в седло, пока Шмель возьмется онемевшей рукой за холодное грязное стремя, - и тогда направил лошадь вперед таким скорым шагом, что Шмелю пришлось пуститься бегом.

Каменный флакончик врезался в спину.

Впереди открылась ровная прямая дорога. Шмель знал, что отсюда до трактира в самом деле рукой подать. Ему было уже все равно, что и как объяснять родителям. Пот заливал глаза. Шмель поднял голову, пытаясь сбросить упавшие на лицо волосы, и вдруг увидел человека впереди на дороге. В первый момент Шмелю показалось, что перед ним отец - невесть как узнал о возвращении сына и вышел встречать.

А в следующий миг тот, кого Шмель принял за отца, взмахнул рукой, и воздух завизжал. Будто в ответ, взвизгнул позади погонщик, а торговец Сходня вдруг захрипел и пролился сверху теплым дождем.

Шмель нырнул под брюхо лошади. Чужие ноги в тяжелых сапогах оказались и справа, и слева, ржала и рвалась вьючная кобыла, но ее повод крепко перехватили. Сходня, поразительно долго для мертвеца державшийся в седле, наконец-то рухнул на дорогу, и Шмель едва успел отскочить из-под валящегося сверху тела.

Его спасение было - вскочить сейчас верхом и кинуться вперед, к родному дому, где защита и помощь. И он рванулся, схватившись за гриву чужой лошади, но лошадь взвилась на дыбы, сбросила его и поскакала вперед, окровавленная, одним своим видом разнося дурные вести, а Шмель остался лежать на камнях и не мог даже пошевелиться, чтобы уйти с пути летящего, как на плаху, топора...

Топор упал в двух волосках от головы Шмеля, причем отрубленная рука, вцепившаяся в рукоятку, еще подрагивала.

Грохнулось тяжелое тело. Очень тяжелое. Прямо на ногу. Шмель вскрикнул: ему показалось, что под этой тяжестью кость переломилась.

Рядом заскрежетала сталь, кто-то охнул, а потом слышались удаляющиеся быстрые шаги. Снова заржала лошадь. Шмель остался на дороге один - если не считать покойников.

Поскуливая, плача, он выбрался из-под тяжелого тела. Тот, кто упал на него, был мертвый разбойник с топором - необъятные плечи, огромный рост, такие обычно идут в мясники...

Шмель поднялся и снова сел - ноги не держали. Сходня лежал неподвижно, отвернув лицо, будто смутившись. Тело погонщика в сером плаще почти сливалось с землей. На обочине, в стороне от

прочих, валялся еще один мертвец, молодой незнакомец в чистой щегольской одежде, испорченной совсем чуть-чуть - дырой на груди. Лошади куда-то пропали; еле слышно шумел лес, и с каждой секундой становилось темнее...

Снова послышались быстрые шаги. Тень вынырнула из-за поворота, Шмель содрогнулся.

- Шмель? - отрывисто спросил знакомый голос.

- А...

- Вставай.

Его снова взяли под мышки, как малыша, и поставили на ноги. Шмель живо вспомнил сегодняшнее утро - темноту и озноб, и этого вот незнакомца, навязанного ему в провожатые.

- Как ты здесь оказался? - незнакомец заглянул ему в глаза, хотя было уже почти совсем темно. - Вместе с купцом? Почему ты с ними?

- Тропа, - прошептал Шмель. - Я по тропе... короткой.

Этот человек соображал куда быстрее покойного торговца Сходни:

- Не самый удачный день, чтобы ходить по коротким тропам. Я уж думал, тебя убили.

Впереди, куда вела дорога, замелькали огни, послышались голоса и конский топот.

- Встречай отца, - все так же отрывисто велел незнакомец. - Лошадь под окровавленным седлом - не лучший вестник, правда?

* * *

Полностью стемнело. Два тела лежали посреди двора, укрытые рогожей. Еще два - в стороне, без покрова.

Хозяин трактира, высокий бледный человек, стоял над ними с фонарем, то поднимая свет, то опуская, будто до сих пор не решаясь поверить глазам.

- Твой сын выдержал экзамен, но его не взяли учиться дальше, потому что он не из Макухи.

Хозяин оторвал взгляд от убитых разбойников. Поглядел на Стократа, нахмурился, пытаясь сосредоточиться:

- Не взяли?

- Князь велел не брать пришлого.

- Князь... - хозяин снова посмотрел на трупы.

Его жена стояла, вцепившись в младшего сына. На лице Шмеля засохла чужая кровь. Два его брата вернулись с факелами, ведя в поводу лошадей:

- Вьюки вот... Все целое...

- Целое, - повторил, как заведенный, хозяин трактира. - А ты... Стократ... откуда здесь?

- Не век же мне жить в Макухе. Я бродяга, если ты помнишь.
- Бродяга, - хозяин закусил губу, желая прекратить навязчивую игру в эхо.
- Но Шмель выдержал экзамен, и кто угодно может это подтвердить.
- Отец, - старший сын хозяина остановился рядом. - Мы... еще другого нашли.
- Другого? - хозяин вздрогнул.
Средний сын, пыхтя, втащил во двор рогожу. Каблуки лежащего чертили борозды на черной земле.
Сделалось тихо.
Этот разбойник умер последним: Стократ чуть было не упустил его. Догнал в полумраке, непривычно быстрого и ловкого, и остановил, не окликая, не глядя в лицо...
- Это лесовик, - сказал старший сын.
Стократ взял у него факел.
Лежащий был тощ, невысок ростом и, пожалуй, молод. Веки его закрытых глаз были пришиты к щекам затейливым тончайшим швом.
- Никогда раньше не видел лесовиков, - признался Стократ. - И часто они идут в разбойники, а?

* * *

Был дом, где он вырос, печные дверцы, столы и половицы, запах дыма и влажного дерева - все, чем он жил в прежние спокойные годы, обволакивало Шмеля, притупляя боль и прогоняя страх. Он вернулся домой, и все, что случилось сегодня вечером, отодвинулось и померкло: смерть купца и его погонщика, валяющийся на голову топор, отрубленная рука, вцепившаяся в рукоятку...

Но все, что случилось за эти восемь месяцев, отодвинулось и померкло тоже: ученичество и жизнь у чужих людей, соленые таблички и упражнения для чувствительности языка, наконец, надежда сделаться мастером-языковедом. Шмель словно разом сделался моложе, словно жизнь его вернулась обратно, к развилке, и пошла совсем другой дорогой.

Мать согрела воды и вымыла его, как маленького. Матери не было дела ни до мертвых разбойников, ни до лесовика: младший сын вернулся домой, в этом были единственный смысл и ценность дня. Она была так ласкова и деловита, что Шмель понял: мать никогда и не верила, что он преуспеет в языкознании, его провал был для нее вопросом времени.

- Весь в царапинах, ох... Откуда такой синячище на спине?!

- Это я мешок плохо собрал... Каменный пузырек все время впивался...

- Каменный? Что за штуки, из камня пузырьки делать - ерунда!

Она вылила ему ковшик на голову. Чувствуя, как течет по лицу теплая вода, Шмель содрогнулся -- вспомнил гибель торговца Сходни.

В Макухе еще не знают. Плюшка еще не знает, что его отец никому больше не выкажет ни спеси, ни гордости. Кому-то ведь предстоит нести в Макуху эту весть...

«Только не мне, - подумал Шмель, и одновременно обрадовался и устыдился. - Я не буду учиться дальше, зато мой отец жив...»

Отец и бродяга по имени Стократ беседовали в обеденном зале, и в пустом трактире до странности глухо звучали их голоса.

* * *

- Значит, ты все-таки колдун.

- Я бродяга.

- Колдун-бродяга, - хозяин гостиницы никак не мог остановить тяжелое гулкое эхо, звучавшее у него внутри и заставлявшее повторять уже сказанные слова.

- Хоть бы и так.

- И ты не просто шел мимо.

Стократ вздохнул:

- Да ведь и ты не просто сидел у себя в трактире и ждал приезжих.

- Что? - хозяин резко поднял голову.

Стократ смотрел ему прямо в глаза.

- Поклеп, - прохрипел хозяин трактира. - Я человек... надежный, у меня лицензия от князя... столько лет на одном месте, меня все знают... А ты - бродяга, ты... о тебе такое говорят, что...

Он замолчал.

- Поделили добычу и разошлись в разные стороны, - задумчиво сказал Стократ. - Кто-то пропал и умер, кто-то выжил и дальше разбойничал, кто-то на свою долю выбился и построил мельницу... или трактир, к примеру. И пошла другая жизнь: семья, дети, хозяйство. Но когда являются однажды прежние подельщики, как им отказать?

- Поклеп, - прошептал хозяин, и голос его из хриплого сделался сиплым.

- Полгода назад были те же или другие?

- Не знаю. Ты меня не заговаривай... колдун.

Стократ кивнул:

- Да. Допросить бы их, но поздно. Хотя...

Он вытащил из ножен меч.

Хозяин трактира отшатнулся вместе с тяжелым креслом, на котором сидел:

- Ты...

И сразу замолк. Клинок в руке Стократа тускло светился, будто узкое окошко в едва освещенный, зыбкий мир. Там, внутри, шевелились тени, словно водоросли на дне.

- Присмотрись, - Стократ протянул клинок трактирщику, рукоятью вперед.

- Нет, - тот спрятал руки за спину.

- Присмотрись, кто там внутри. Может, кого-то узнаешь...

- Нет!

- Зря, - Стократ поднес клинок к глазам, и на его лицо упал синеватый отблеск. - Мой меч не то чтобы любит убийц... Он просто забирает их себе.

Трактирщик издал горлом свистящий звук.

- Вот три души, - продолжал Стократ. - Две понятные, как падаль, тупые и смердящие - конченные. Третья смутная какая-то, хотя тоже ясно - душегуб... Вот как лесовик мог связаться с разбойниками? Я так понял по рассказам, что лесовики никогда не водились с людьми.

Трактирщик тяжело дышал, не прикасаясь ко лбу, не вытирая пот, вообще не шевелясь, будто жук, притворившийся мертвым.

- Ты давал им приют? Кормил? Ты знал об их планах? - мягко спросил Стократ.

- Не знал, - глухо отозвался трактирщик. - Косой Бурдюк - он девять пудов весит... весил. Ты его видел, мы его тащили... Он убивал одним пальцем. Вот так, ткнет пальцем в висок...

- Торговец Сходня был в Макухе не из последних, - Стократ глядел в свой клинок, как смотрят в огонь. - Высоко поднялся, может быть, даже слишком высоко. Хорошая добыча, лакомая... Почему с ними оказался лесовик?

- Я не знаю. Я просто хотел жить, колдун, у меня дети...

- Они знали?

- Нет, - трактирщик вскинул голову. - Дети ни при чем. Жена тоже.

- А трактир на какие деньги выстроен?

Трактирщик начал трястись, и зрелище это было жуткое: он ведь человек нетрусливый, бывалый. Вслед за ним начал дрожать стол, и, кажется, содрогнулись стены, будто весь трактир затрясся, вдруг осознав свою обреченность.

- Тогда вы разделили добычу и разошлись, - Стократ прикрыл глаза, ясно представляя себе распутье и молчаливых, идущих в разные стороны разбойников. - Много лет назад... и ты был молод, вот как твой старший сын теперь... Много тебе досталось? Немало, видать...

Тихо скрипнула лестница. Кто-то легкий, осторожный остановился на верхних ступеньках и постучал, как в дверь, по перилам, спрашивая разрешения войти.

Трактирщик замер.

- Спускайся, Шмель, - Стократ одним движением вогнал меч в ножны.

- Почему не спишь?

* * *

Он подробно рассказал братьям, что случилось в лесу. Даже после рассказа - не говоря уже о том, чтобы пережить это самому, - спать не хотелось.

Братья были старше Шмеля на три и четыре года, и всю жизнь, сколько он помнил, водились больше между собой и считали младшего сопливым малышом. Теперь они выслушали его, разинув рты, и Шмелю померещилось в их взглядах уважение, но они почти сразу забыли о нем и начали спорить о разбойниках, мечах и топорах, и рассказывать друг другу, как любой из них легко мог победить головорезов.

Шмелю очень хотелось поговорить с ними о своей учебе, языкознании, тайных вкусах и пирах слепых лесовиков. Но, слушая братьев и вспоминая разговор с матерью, он все яснее понимал, что языкознание не интересует здесь даже запечную мышь и что заносчивые планы следует забыть как можно скорее.

Он вышел, а братья продолжали спорить. Он прошел мимо пустых гостевых комнат, сам не зная, зачем и куда идет по такому знакомому родительскому дому. Выход на лестницу загораживала тяжелая пыльная занавеска - когда в трактире были гости, она глушила доносящийся снизу шум. Теперь она заглушала голоса: внизу разговаривали Стократ и отец.

Шмель проскользнул сквозь занавеску легко, как запах, - ткань едва качнулась. «...Немало, видать», - донесся снизу голос Стократа. Шмель испугался, что ненароком подслушает чужой разговор, и стукнул по перилам - сейчас скажет отцу, что хочет пить, что спустился за водой... Он и правда почувствовал жажду.

- Спускайся, Шмель. Почему не спишь?

Он помнил звук каждой ступеньки. За восемь месяцев почти ничего не изменилось - только третью сверху отец, похоже, укрепил. Дом был выстроен добротнo, из хорошего дерева и много лет уже стоял, едва поскрипывая ступенями, не требуя особенного ремонта.

- Я просто хотел воды, - Шмель остановился внизу лестницы, робко поглядел на отца - тот казался очень бледным, на лбу у него каплями выступил пот. Видно, гибель торговца Сходни до сих пор не давала ему опомниться.

- И мне налей, пожалуйста, - Стократ кивнул. Шмелю показалось, что его глаза слабо светятся в полумраке, но это, конечно, оттого что в них отражался огонек тусклого фонаря на столе.

В молчании Шмель прошел к бочонку с питьевой водой, зачерпнул

ковшиком, взял с полки две кружки. Наполнил первую и поставил перед Стократом; он с детства прислуживал гостям, привычное действие снова подсказало ему, что никакой учебы не было, что жизнь вернулась к развилке.

Стократ поблагодарил кивком.

- Твой сын талантлив, - вполголоса сказал он отцу. - Я видел, как он прошел испытание. Занятное это искусство, скажу я тебе, и очень трудное.

Шмель, не удержавшись, посмотрел в лицо отца. Ему очень хотелось увидеть там... гордость. Хотя бы тень. Удовольствие, оттого что сына похвалили. Но отец сидел бледный, не утирая пот, и, казалось, вообще не слышал слов гостя.

Шмель налил себе воды и напился. Ополоснул кружку, поставил на полку. Отец по-прежнему ничего не говорил, и это было странно, даже страшно.

- Поспи, - сказал Стократ. - Рассвет уже скоро.

Он так и не притронулся к кружке, стоящей перед ним.

Шмель хотел сказать отцу, как счастлив видеть его живым и здоровым - ведь разбойники, хозяйничающие на дороге, могли подобраться к трактиру. Он хотел рассказать, как Стократ спас ему жизнь. Хотел попросить прощения за то, что так и не стал мастером, хотя обещал.

Но нарушить молчание, висящее над пустыми столами, у него не хватило духу. Он невнятно что-то пробормотал, наклонил голову и вернулся наверх, и тяжелая занавеска сомкнулась за ним.

Он не слышал, как внизу Стократ сказал молчаливому, белому, мокрому трактирщику:

- Ради него я тебя не трону. Хотя ты тоже убийца.

* * *

До рассвета оставались минуты. Небо делалось все светлее, и Стократ торопился. Он задумал выйти еще до того, как встанет солнце, но прежде чем уйти в Долину, надо было сделать очень важное дело.

Он скоро нашел стоянку разбойников. Нашел привязанных лошадей под навесом. Легко отыскал тайник, но пустой. Скорее всего, были еще тайники: где-то ведь осели деньги, добытые у купцов из Долины всего несколько дней назад. Задерживаться дальше не стал: найдется, кому здесь рыскать, а трактирщик вряд ли решится утаить хоть монету от князя...

Он уселся на камень, похоже, раньше служивший креслом для вожака по имени Косой Бурдюк, того самого, что «убивал пальцем». Вытащил меч. Свет клинка сделался ярче, мутные фигуры внутри зашевелились, будто пытаюсь разглядеть Стократа - хотя ни у одной не было глаз.

Душа лесовика держалась отдельно от других пойманных душ. Стократ присмотрелся: этот мертвый был изгнанником. Давно. За что его племя отреклось от него и каково ему жилось в мире, где все говорят и видят, но никто не умеет вкушать?

- Жаль, - произнес Стократ вслух. - Но что же теперь.

Он поднялся, ногой сбил кору с трухлявого пня, обнажив поселение белесых личинок. Коснулся острием меча гниющей стенки:

- Ступайте.

Две разбойничьи души легко упали с клинка, утонули в бесформенных маленьких тельцах. Сверху, в кронах, захлопали крылья: просыпался оголодавший за ночь дневной лес.

- Значит, такая судьба, - сказал Стократ, хотя никто его не слышал.

Помедлив, он отошел в сторону и воткнул меч в землю у корней молодой елки:

- Иди.

Душа лесовика-изгнанника ушла в дерево. Стократ сам не знал, почему он оказал чужаку эту милость.

Он отвязал лошадей, оголодавших, напуганных, и быстрым шагом вернулся к трактиру.

* * *

В обеденном зале хозяйка накрыла стол. Трактирщик, все еще бледный, с красными пятнами на щеках, неподвижно сидел над полной тарелкой. Впрочем, особенного аппетита не было ни у кого; старший сын ел за стойкой, не присаживаясь, средний сидел рядом с матерью, Шмель молча разносил хлеб.

Когда Стократ вошел, легонько стукнув в дверь, все разом обернулись.

- Я там лошадей привел, надо накормить, - он небрежно кивнул через плечо. - Хорошие лошади, видно, тех бедолаг из Долины...

Трактирщик нервно стиснул ложку.

- ...И соберите мне узелок в дорогу, - продолжал Стократ. - Хлеб, сыр, копченое мясо. Заплачу, разумеется.

Хозяин едва успел скрыть неприличную радость:

- И куда ты?

- В Долину, конечно, - Стократ уселся с краю.

- Нам бы мертвецов вывезти, - нерешительно начала женщина. - Страшно-то как...

- Господин, - неожиданно сказал средний сын трактирщика, не сводя со Стократа восхищенного взгляда. - Позволь на твой меч посмотреть!

Трактирщик поперхнулся и застыл, выпучив глаза, медленно краснея, как рак в кипятке. Старший глядел из-за стойки, под деланной

степенностью пряча любопытство.

Стократ, улыбаясь, вытащил меч из ножен. Клинок был чистым, как и положено честной стали.

Старшие сыновья трактирщика, зачарованные видом прославленного оружия, совсем не обратили внимания, что отец их чуть не умер, подавившись кашей.

Жена торопливо захлопала трактирщика по спине. Шмель стоял, держа перед собой тарелку с хлебом, глядя не на меч и не на отца, а на Стократа.

Вдруг залаяли собаки во дворе. Застучали копыта. Женщина подхватила:

- Гости приехали!

И бросилась к двери, но дверь распахнулась перед ней сама. Женщина попятилась: в проеме стоял стражник из Макухи, с воспаленными глазами, бледный, очень злой.

- Эй, трактирщик! Что тут у вас? Что за трупы?!

Вот так князь, подумал озадаченный Стократ. Тайные соглашения? Голубиная почта? Или, учитывая ночное время, совы? Чтобы к утру прибыть на перевал, надо выезжать из Макухи ранним вечером, а лучше после полудня, а еще лучше ехать с утра, потому что ночное путешествие по Белой дороге может закончиться на дне ущелья, на острых камнях...

Трактирщик начал объясняться насчет разбойников, причем выглядел таким растерянным и напуганным, что подозревать в нем сообщника было просто смешно. Тем временем стражников в обеденном зале было уже четверо, и все они, судя по виду, проделали свой путь ночью и в спешке.

- Купец, значит, - сказал, будто выплюнул, старшина дозора. - Доторговался Сходня... Ну да и разбойники, чего там, полегли, это хорошо, трупы вниз снести надо, может, узнают кого... А ты, - он вдруг обернулся к Шмелю, который так и не выпустил тарелки с хлебом, - о тебе есть приказ князя - срочно доставить в Макуху.

- Меня?

- Его?

- Шмеля-а?

- Что случилось? - наконец-то спросил Стократ.

- Что надо, - пробормотал стражник, но, обведя взглядом лица, все-таки не стал молчать: - Пришло сообщение от этих... лесовиков поганых, прислали какое-то свое варево князю. Мастер-языковед его хлебнул - и помер в тот же момент!

Шмель выронил тарелку. Глина раскололась, черные ломти разлеглись веером на полу.

- А потому собирайся, пацан, - стражник был темнее тучи.

- Нет больше в Макухе языковеда, а этот, Плюшка, чтоб ему, от страха

совсем в соплях потонул... Лесовики дровосеков обстреляли. Двоих привезли едва живых, истыканных, у третьего стрела ухо сбила. И не понять, что происходит, сучком им в задницу, чего ждать, с-сучком, сучком...

- Я сейчас, - тихо, но внятно сказал Шмель. - Я соберусь. Сейчас.

Он наклонился и очень быстро стал собирать хлеб. Больше в комнате никто не двигался: трактирщик тяжело дышал, жена его стояла, заломив руки, и замерли старшие сыновья.

- А обо мне князь ничего не говорил? - спросил Стократ.

- О тебе? - начальник караула удивился.

- Да зачем ты нам нужен? Идешь в Долину - и иди себе...

- Распоряжения свои засунь себе в ухо, - мягко сказал Стократ. Стражники одновременно шевельнулись, как тронутая ветром трава, но тут же, перехватив его взгляд, замерли.

Поднимаясь, он свирепо растянул губы:

- Хозяин, лошадей нам свежих!

Все глядели на него в этот момент, но только Шмель - без страха.

* * *

Второй раз за пару дней Шмелева жизнь круто повернулась. Если не считать того момента, когда она висела на волоске.

Стократ взял его к себе в седло. Первую часть пути, ровную, одолели легко и скоро очутились на месте вчерашнего побоища. За ночь кровь почти слилась с землей, но проклятые мухи, кружась над тропинкой, звенели назойливо и тошнотворно. Шмель судорожно сглотнул. Стократ тронул лошадь, и та перешла на рысь.

Миновали то место, где Шмель встретил торговца. Миновали потайную тропинку. Шмеля покачивало в седле, и покачивался мир вокруг: живописная пропасть справа, отвесная стена, поросшая кустарником, - слева. Потихоньку начали слипаться глаза.

- А теперь, - сказал Стократ вполголоса, - расскажи мне все, что знаешь о лесовиках. Это очень важно.

- Я не так много знаю...

- Просто отвечай. Как они себя называют?

- Они? Люди...

- У них нет специального слова... вкуса, чтобы выделить свое племя из прочих? Древесные, лесные... что-то в этом роде?

- Нет. Они говорят... они вкушают про себя - «люди».

- А мы тогда для них кто? Как они нас называют?

- Чу... чужие, - Шмель запнулся. - Безъязыкие.

- Кто у них правит? Князь, правитель - кто?

- Называется «вождь»... У них есть несколько родов, познатнее и

попроще, вождь - такой важный старик... кажется.

На узком и крутом участке дороги Стократ спешился, оставив Шмеля в седле, и зашагал рядом, ведя лошадь под уздцы. Стражники нагнали их и теперь двигались следом, соблюдая почтительное расстояние. За стражниками, отстав, тащились старшие братья Шмеля с печальным грузом - телом Сходни.

- Они, значит, люди, а вокруг безъязыкие чужаки, - задумчиво проговорил Стократ. - Послушай, а как они думают? Если у них нет слов?

- По-моему, точно как мы. Только... языком.

- Вот так?

Стократ высунул язык, уставился на его кончик, скосив глаза. Шмель, как ни был замучен, рассмеялся.

- Так, повеселел, уже лучше... А что у них за оружие, кроме луков?

- Еще метательные ножи... Всякое. Они хорошие охотники... Еще яды.

- Яды - это плохо, - пробормотал Стократ. - Раньше они никогда не пытались отравить послание?

- Что ты!

Стократ замолчал, о чем-то раздумывая. Дорога сделалась ровнее и шире. Стена слева отступила, давая место мелким корявым соснам. В свете проглянувшего солнца открылась Белая дорога почти донизу - витой шнурок желтовато-молочного цвета.

- Ты говоришь, они охотники. Значит, на охоте, чтобы срочно позвать товарища, они несут ему питье?

- Нет! Понимаешь, они ведь не глухие. Они могут перекликаться по-птичьи, например. Повторять звериные звуки. Чтобы сказать: «Привет, это я» или «Посмотри направо», - одного свиста хватит. Но они не называют это «язык» и не считают разговором, достойным человека.

- Хм.

- А «языком» они называют только то, что можно пробовать на язык... Вкушать. Это достойно человека. У них есть целый ритуал для беседы: двое сидят, и перед каждым специальный прибор, чтобы обмениваться вкусами. Потом наставление - когда один готовит вкусы, а многие вкушают. Мастер рассказывал, есть еще песни, поэмы...

Шмель запнулся. Он не скорбел о мастере. Должен был скорбеть, но не чувствовал скорби, а только горечь.

- Поэмы? - осторожно удивился Стократ. - Песни?

Шмель вздохнул:

- Любой смысл на воде, или на вине, или на жире - это просто послание. А вложить смысл в еду - это уже песня. Следующая ступень искусства.

- Тушеное мясо, - мечтательно проговорил Стократ. - С подливой... и травами. Я чувствую этот вкус... Но не слышу песни. Только удовольствие для брюха.

- Вот за это они, в общем-то, презирают людей. - Шмель на секунду перестало клонить в сон. - Мастер рассказывал: у них в старину бывали длинные пиры... где все одновременно вкушали что-то героическое. И к концу пира знали и чувствовали больше, чем в начале.

- Героическое? - заинтересовался Стократ. - О чем же?

Шмель отвернулся от пропасти, чтобы не закружилась голова.

- О подвигах. О войнах... О том, как кто-то гибнет, а другой в последний момент приходит на выручку и всех спасает.

И замолчал, пораженный несоответствием: он, ни разу в жизни не державший меча, - и высокопарные мечты о доблести.

- Военная доблесть - это хорошо, - Стократ шагал легко, его сапоги, казалось, едва касались крутой, неровной, каменистой дороги. - Теперь внимание: с кем они воевали? Когда? Кто победил?

- Я не знаю! Да кто знает, ведь столько лет прошло! Мастер говорил, у них вспыхивали войны между собой, потом еще с людьми, тогда, раньше, когда Макухи в помине не было. А потом им надоело воевать, они ушли к себе в леса и отгородились ото всех. Им ничего не надо - все у них есть: леса, вода, дичь... Вот только свеклу любят. Свекла - единственное, на что они меняют свой лес.

Дорога вышла на новый виток. Впервые показалась внизу Макуха - самые высокие здания, дом князя и башня, лесные склады и пильня, широкая дорога к пристани...

- Скажи, отравленное послание - что это может значить? - тихо спросил Стократ.

- Война, - Шмель говорил еле слышно, так что шелест мелких камней под копытами лошади заглушил его слова. - Отравить посланием - это... унижить. Обозвать грязным животным,. Не просто убить, а...

Он замолчал. Весь ужас положения открылся ему только теперь: мастер мертв. Нет хуже вести, чем яд внутри послания. Никто в Макухе этого не понимал, никто не знал обычаев лесовиков, как знал их Шмель.

Стократ заглянул ему в лицо, снизу вверх:

- Что притих?

Шмель молчал. Стократ коснулся его руки:

- Не бойся.

Шмель пожал плечами.

Стократ молча вскочил в седло за его спиной, и лошадь почти сразу перешла на рысь. Шмелю пришлось крепче сжать зубы.

* * *

Улицы Макухи пропахли страхом и злобой. Работа остановилась. Дети

сидели по домам; на площади у помоста собрались мужчины, почти все при оружии. Стократ вовремя заметил толпу впереди и объехал площадь кружным путем.

Он отлично представлял себе, что случится через несколько минут, когда на площадь придут стражники с телом Сходни. Следовало поговорить с князем как можно скорее, прежде чем перед домом остановится процессия озлобленных людей, несущих жертву на руках и жажду мести в горле. А то, что Сходню припишут к числу бывших и будущих жертв лесовиков, Стократ не сомневался.

Он щелкнул языком, и лошадь понеслась полупустыми улицами как бешеная. Шмель охнул и потихоньку начал сползать набок.

- Держись.

Он остановился перед домом князя, спрыгнул и подхватил мальчишку за миг до падения.

- Пошли.

Стражники, дежурившие у входа, заступили было дорогу:

- Господин, вы в покоях правителя, отдайте меч!

Стократ не глядя вытащил из ножен клинок, и все четверо расступились, как тесто под ножом.

* * *

Шмель никогда не переступал порога княжеских покоев. Панели из розовой сосны, резные картины, изображавшие сцены охоты и битвы, показались ему неожиданно грубыми. Розовое дерево со временем приобрело неприятный мясной оттенок; Шмель опустил глаза, чтобы не споткнуться о какой-нибудь порог, не угодить сапогом в складку плетеной циновки, и уныло подумал, что за следы на таком полу его, пожалуй, вздуют.

Стократ знал, куда идти. Шмель следовал за ним, как жеребенок на привязи. Огромный дом глухо шумел, будто ветер в печных трубах, в этот шум вплетались всхлипы и тонкие завывания. В переднем покое обнаружился Плюшка: он стоял на коленях и рыдал, не утирая слез и соплей, скорчившись, почти касаясь лбом блестящего деревянного пола, но это были пока еще слезы не горя, а страха.

- И тебя, - запричитал он, увидев Шмеля, - и тебя тоже... всех нас потравят...

И завыл; Шмелю показалось, что Плюшка играет, как всегда, изображая теперь младенца: авось пожалеют ребенка-то.

Он замедлил шаги, понимая, что нужно сказать, сказать хоть что-нибудь осиротевшему Плюшке, но Стократ положил ему руку на плечо, тяжелую и твердую, не допускающую возражений, и провел вперед, к закрытой резной двери. Легко стукнул костяшками пальцев - прямо в

лоб изображенного на двери воина, толкнул дверь и вошел. Князь стоял у окна и смотрел немного раздраженно, как будто ждал Шмеля и Стократа, давно ждал и тяготился их опозданием.

- Торопились, - сказал Стократ с порога, будто приветствие. - Наслышаны.

Князь посмотрел на Шмеля. Потом снова на Стократа и опять на Шмеля, будто что-то решая.

- Выйди, - тихо сказал Стократ. - На минуту.

Шмель вернулся за дверь с вырезанным на ней воином. Плотно закрыл за собой тяжелую створку. Плюшка стоял, не поднимаясь с колен, глядя на него снизу вверх совершенно сухими, трезвыми глазами.

- Он только губы помочил и сразу почернел весь, как в огне. И упал. Ни слова не вымолвил! Черный как головешка! Зубы оскалил! Я больше никогда, никогда в жизни не возьму... ничего от лесовиков, никакой их посылки! Пусть меня хоть режут, хоть потрошат - я в рот ни капли не возьму!

- Дырявая лодка далеко не уплывет, - шепотом сказал Шмель.

- Что? - Плюшка сморщил лицо. - А... так он нам тогда, на испытании, чистую воду дал, обоим. Только ты дурак. А я вспомнил, как он нас учил еще весной: если совсем не можешь прочитать - соври что-нибудь. Мастер вранье раскусит, а простец поверит, так отличишь мастера от простеца... А ты, дурак, забыл. А я вспомнил... Это проба на ум, ты не понял? Хотя толку-то в уме... Гори оно все, ты как хочешь, а я это видел, своими глазами, вот как он только губами коснулся... как лист сгорел, на лету, пока валился - одна головешка осталась...

Шмель слушал его причитания и думал о Сходне - как он рухнул с лошади. Надо было открыть рот и сказать сейчас: твоего отца убили.

Но Шмель промолчал.

* * *

- Их было трое, - сказал Стократ, отвечая на незаданный вопрос. - Наживку проглотили раньше, чем я вмешался.

- Наживку, - князь поводит рукой по щеке, потрогал ногтем щетину. Резко обернулся: - Зачем пришел? Доложить? Не верю. За наградой?

Он вытащил из ящика стола и звонко уронил перед Стократом кошелек на кожаном шнурке:

- Твое.

- Спасибо, - Стократ без церемоний спрятал деньги в карман. - Как это было? С языковедом.

Князь размышлял несколько мгновений. Он был человеком решительным и скорым на действие, но только если дело касалось

простых и понятных вещей вроде драки.

- Лесовики передали послание. Не в срок, но такое случается нередко. Иногда они меняют планы вырубки: если, например, засуха, или, наоборот, наводнение, или если им просто в голову взбрело.

- То есть зажгли огонь в маяке, дозорные увидели и пришли за кувшином?

- Именно так. Огонь горит - дозорный приходит и берет напиток. Бегом приносит мне, я вызываю мастера. Дело было после полудня, ближе к вечеру.

- До заката? - быстро спросил Стократ.

- Далек до заката... А что?

- Да так, - Стократ перевел дыхание. Ему показалось очень важным, что смертельное послание прибыло раньше, чем лесовик-изгнанник погиб от его меча. - Ты говоришь, пришел мастер...

- Пришел и привел ученика своего сопливого, Плюшку этого. Взял кувшин, понюхал питье, налил в серебряную ложку - красовался ради ученика, а так он, бывало, из горлышка пробовал... И как только губами коснулся - так упал.

- Ничего себе, - сказал Стократ.

Князь кивнул:

- Да... Тут бы затаиться, но дело испортил этот щенок, Плюшка. Как завизжит, как выскочит, только его и видели... Через минуту уже все знали, что случилось - и началось! На закате лесорубов обстреляли, а я догадываюсь, что лесорубы-то на тех первыми напали...

- Зачем?

- А затем, что гудит все - война! Вот они со страху или от удали дурной на лесовиков наскочили, а те - в ответ. Спасибо, стрелы не отравленные!

- И что теперь?

Князь мотнул головой. Взял со стола колокольчик и встряхнул, как склянку с лекарством. Не успел стихнуть звон - вошел Глаза-и-Уши, унылый и постаревший.

- На площади шумят, - прошелестел советник, мельком глянув на Стократа. - Только что Сходню привезли. Так вздумалось им, что купца нашего тоже лесовики...

- Дурачье, - пробормотал князь.

- Стража готова, - советник прикрыл глаза полупрозрачными белесыми веками. - Если послать за подмогой в Правую и Левую Руки, после полудня можно и ломануть на них... Что их стрелы? Против стрел щиты есть. А вот против огня у них мало защиты... - Он открыл глаза и поглядел на князя прямо, будто издеваясь: - Так они говорят, стражники, орлы наши. Дурачье, да с мечами, а где умных возьмешь?

- А что лесовики?

- Затаились. На заставе оцепление... Что делать, светлейший?

- Иди к нашим, - отрывисто велел князь. - Иди, они сейчас с площади сюда припрутся, еще мертвого Сходню с собой притянут. Иди, скажи им... Придумай что. Но чтобы сегодня они сидели по домам, и завтра тоже, а с утра посмотрим...

Глаза-и-Уши скептически покачал головой:

- До утра у нас срок, светлейший, чтобы думать. И то... если лесовики раньше не проснутся.

И вышел в потайную дверь.

- Но это еще не все, - сказал князь, проводив его глазами.

Стократ подобрался.

- Ночью второе послание выложили. Развели огонь... Дозорные не брали до самого рассвета - стрел боялись. Потом все-таки загородились щитами и взяли. Принесли мне... А что в этом послании, кто мне скажет? Может быть, ты?!

* * *

- Я все равно не буду, - Плюшка глядел на князя снизу вверх, губы его тряслись, но глаза смотрели твердо. - Я никогда не буду, я не учился, я ничего не умею. У меня нос сопливый. Я ничего не знаю. Я не буду, и рта не раскрою, и все равно ничего не пойму!

На столе у князя стоял простой глиняный кувшин - Шмель видел такие тысячу раз. Это была обыкновенная посуда лесовиков, в ней они передавали все свои послания.

- А вот поймешь, - ласково сказал князь. - Я сейчас нагайку достану, и все ты поймешь, сопляк.

- Хоть режьте! - Плюшка возвысил голос. - А-а-а!

Из-за окон ему ответил гул толпы: люди явились к князю, требуя защиты. Требуя решения. Требуя немедленных действий.

Князь перевел взгляд на Шмеля. Тот глубоко вдохнул - и так и остался стоять, не сводя глаз с кувшина.

- Пробуй ты, - уронил князь. - Учился?

«Меня ведь сочли недостойным», - угрюмо подумал Шмель и сам себе поразился: откуда такие мысли на пороге, скорее всего, ужасной гибели?

- Минуту, - сказал Стократ.

Он взял кувшин за горло, как дохлого гуся. Осторожно покачал в воздухе. Вынул тряпичную затычку.

Осторожно поднес горлышко к носу. Поводил туда-сюда ладонью, подгоняя запах. Поднял брови:

- Ничего не чувствую. Как вода.

Шмель шагнул к столу. Взял стакан и опять удивился, на этот раз своему спокойствию. Все внутри онемело - не то от страха, не то от

изумления: теперь я мастер, единственный языковед в Макухе. А значит, в мире. Никто ведь не знает, есть ли где еще на свете языковеды...

Вытянув руки, он очень осторожно перелил из кувшина несколько капель на самое дно стакана. Жидкость была изумрудной.

В комнате было тихо, как в облаке. Снаружи что-то говорил Глаза-и-Уши и ревела толпа, заглушая его надтреснутый голос.

Шмель поднес стакан к губам и подумал, что такой точно была последняя минута учителя. Как-то скомканно, неправильно... Даже не поговорили толком с матерью, отцом, братьями...

- Дай, - тихо сказал Стократ.

Он взял стакан из холодной ладони Шмеля. Прищурился, запрокинул голову, тронул губами изумрудную жидкость - Шмель даже выдохнуть не успел. Вспомнилось Плюшкино: «Ни слова не вымолвил! Черный как головешка! Зубы оскалил!».

Стократ облизнул губы. Склонил голову набок, прислушиваясь к своим ощущениям:

- Ну и дрянь... И как из этого можно что-то понять?

Он попробовал еще, поморщился и неожиданно подмигнул; Шмель понял, что все еще стоит, подняв руку, и форма скрюченных пальцев повторяет форму стакана.

- По крайней мере, - пробормотал внимательно наблюдавший князь, - это хоть не убивает мгновенно...

Тихонько заскулил Плюшка, о котором все забыли. А Шмель дрожащей рукой снова принял стакан, тронул губами изумрудную поверхность и, зажмурившись, набрал полный рот.

Яд!

Яд, говорилось в послании, Шмель помнил этот вкус, хоть мастер давал его пробовать только однажды. Яд и будущее время; яд и вода. Много воды. Угроза. Обещание смерти.

Шмель сплюнул жидкость в деревянную чашку, разлетелись брызги, князь брезгливо отстранился. Шмель прижал к мокрым губам край чистого рукава рубашки.

- Они говорят, что отравят источники. Они говорят, что отравят все источники и колодцы.

Даже Плюшка перестал скулить. Несколько мгновений в комнате слышались только раздраженный ропот толпы да невнятная речь советника на крыльце.

- И все? - отрывисто спросит Стократ. - Какие-нибудь условия? Объяснения?

Губы горели. Шмель без разрешения взял чашу с водой, прополоскал рот. Сделал несколько глотков. Снова налил себе жидкости из кувшина.

Яд, яд... Текущая вода. Обещание смерти - война... Условия?

Объяснения? Он ведь не мастер. Он не может понять все, что тут намешано - только самое явное, основное: угроза, война.

«Соленый как воля, сладкий как степень, кислый как движение, горький как время...» Соленый... здесь есть оттенок соли, который явно что-то значит, но Шмель не может его прочесть. Мастер - тот смог бы.

Он сплюнул жидкость. Язык одеревенел. Может, яд в питье все-таки есть и теперь только начал действовать?

- Я не понял, - ему все труднее становилось говорить, - не понял до конца. Это какая-то, ну, форма объявления войны... Мне надо в кабинет мастера. Посмотреть книги, записи, образцы...

Он покачнулся. Стократ подхватил его под локоть.

- Отравился? - быстро спросил князь.

- Голоден, - Стократ заглянул Шмелю в глаза. - Устал. Вели, пусть ему сварят сладкой каши побольше, и...

- Не сладкой, - пробормотал Шмель. - Пресной... для языка.

* * *

В этом кабинете, где стены до потолка были уставлены склянками, где даже после смерти хозяина пузырились цветные жидкости в перегонных устройствах, где гирляндами свисали с потолка заваренные в смолу образцы, - в этом кабинете и за этим столом мальчишка оказался куда больше похож на колдуна, чем любой из знакомых Стократа.

Бледный, даже синий, очень сосредоточенный, Шмель сразу же поставил воду на маленькую печь - греться. Потом, непрерывно полоща теплой водой рот, отыскал в соседней книжной кладовке несколько томов, добыл со стеллажей бутылки, зажег свечи и среди всего этого раскрыл свой потрепанный дорожный мешок; мальчишка не заботился, как он выглядит. Мальчишка работал, и ему было трудно.

Дом погибшего языковеда стоял пустой, на крыльце дежурила стража. Глаза-и-Уши каким-то образом уговорил жителей Макухи придержать свой гнев до завтра. В поселке снова сделалось тихо, и улицы подозрительно опустели.

Плюшку посадили под замок в доме князя, чтобы не разнес до поры новость о страшной угрозе лесовиков. Парню до сих пор не сообщили о гибели отца, и Стократ не знал, милосердие это или издевательство.

Патрули, тайно разосланные к источникам, принесли добрую весть: вода чистая. Пока во всяком случае. Князь распорядился расставить стражу у колодцев.

- Может, они просто запугивают? - Стократ расхаживал по дому, все разглядывая, но ни к чему не прикасаясь. - Целую реку отравить, это, знаешь, никаким лесовикам не под силу... Или под силу?

Он остановился в дверях кабинета, где мальчишка сидел, скрючившись, над полированной мраморной доской. На доске застывшим воском были нарисованы лепестки и стрелы; цветные капли жидкости причудливо сливались, как на палитре.

- Как ты, Шмель?

- Не понимаю, - сказал мальчишка, и Стократ увидел, что парень на грани истерики. - Уже язык во рту совсем... как дерево. Не понимаю!

- Отдохни.

Зашло солнце. С момента гибели торговца Сходни миновали ровно сутки.

Шмель еще раз прополоскал рот. Сплюнул. Прижал к губам салфетку: растрескавшиеся губы кровоточили.

- Очень крепкий... вкус. Злое послание. Много соли и кислоты. Разъедает рот... Тьфу.

Слегка покачиваясь, он прошелся по дому. Остановился посреди большой комнаты с лавками вдоль стен.

- Вот здесь он нас учил... Думал, никогда сюда не вернусь.

- Отдохни, - снова предложил Стократ. - Хочешь, пойдем в трактир, навестим Тину?

- Нет, - Шмель помотал головой. - Что мы им всем... скажем?

- Ничего. Я прикажу им не спрашивать.

- Тебе просто, - Шмель опустился на скамейку, на свое привычное ученическое место. - Тебе просто. Ты можешь приказать. Или убить, если не послушают.

- Я убиваю только душегубов. И тех, кто живет насилием.

- Один - троих, - Шмель прикрыл глаза. - А если бы их было четверо?

- Все равно.

- А семеро?

- Справился бы.

- А десять?

- Наверное, нет, - Стократ засомневался. - Против десяти я не выходил ни разу.

- Откуда ты умеешь? - помолчав, спросил Шмель.

- Тебе сколько лет?

- Четырнадцать.

- Когда мне было четырнадцать, я жил в сиротском приюте, без семьи, без меча и без всякой надежды. А через год появился человек, который подарил мне меч. Вот так - подарил, упал и умер, потому что был очень стар...

- Волшебник?

- Не знаю. Только с тех пор я стал... задавать себе вопросы. Думать. Смотреть. Искать и отгадывать загадки.

- И убивать убийц?

- Так получилось, - ответил Стократ.

Он собрался было рассказать мальчишке, как это произошло с ним в первый раз - ночью, на большой дороге, когда в него, шестнадцатилетнего, начали стрелять из темноты. Как мерзко взвизгнула стрела возле уха, как другая воткнулась в дорожный указатель, как провалилась в ужасе душа до самых колен. На него напали, вероятно, потому что при парне был хороший меч - скорее всего, на клинок и польстились...

До того тысячу раз тренировался, размахивая мечом и воображая себя в гуще боя, но в ту ночь впервые услышал, с каким звуком входит сталь в тело врага. И бежал, пока чужая кровь, перепачкавшая его с ног до головы, не остыла совсем и не высохла. Тогда он залез в речку - прямо в одежде, хотя была уже осень, и долго отмывал себя и клинок, а когда посмотрел на него при свете костра - изнутри, как из узкого окна, глянула на него чужая пленная душа.

- Что? - спросил Шмель.

- А? - Стократ встрепенулся.

- Ты хотел мне что-то рассказать.

- Да нет, просто задумался.

Он сел рядом со Шмелем и привалился спиной к стене. В тот раз у костра он до того перепугался, что едва не бросил меч. Пленная душа не ушла на другой день и на третий, а на четвертый клинок сделался втрое тяжелее обычного. Тогда юный Стократ разозлился и воткнул меч в землю с криком «убирайся!», и увидел, как душа ушла - перетекла в дождевого червя, случайно перерубленного клинком...

Шмель вдруг просветлел:

- Скажи, а колдовством ты не можешь прочитать это послание?

- Нет, - Стократ с сожалением покачал головой. - Но если бы я учился, у меня бы со временем вышло, наверное.

Шмель неуверенно улыбнулся:

- У тебя бы вышло... А хочешь попробовать?

- Как?

- Есть же азбука...

Он торопливо вышел и тут же вернулся со своим мешком.

- Смотри, в этом флаконе - «два», а в этом - «большой». Давай, попробуй, а потом различи!

- Ладно.

Вкус у обеих капель был едва уловимый, и разницы между ними почти не чувствовалось. Стократ несколько раз выдохнул через нос, поводит языком по нёбу: первая, кажется, была чуть слаще?

- А теперь скажи, что здесь? - Шмель, тайно позвенев флаконами, протянул ему еще ложку.

- «Два».

- Здорово, - мальчишка даже притих на секунду. - Или просто угадал? А теперь?

Он снова повернулся к Стократу спиной и звякнул стеклом.

- А теперь ты меня обманываешь, - проговорил Стократ, отведав. - Здесь что-то третье, ты мне такого не давал.

- Из тебя бы вышел языковед, - восхитился Шмель.

- Так возьми меня в обучение.

- Я буду мастер, а ты - ученик, - Шмель неуверенно улыбнулся и вдруг расхохотался так громко, что зазвенели на полках флаконы: - Я буду мастер! А ты - ученик!

Стократ рассмеялся в ответ, и так, хохочущими, их застал срочный гонец от князя.

* * *

- Новое послание, - князь расхаживал по кабинету, распространяя запах браги, но казался удивительно трезвым. - Третье послание за два дня! Что там у них происходит?!

Стократ взял со стола кувшин. Попробовал питье, потом сам наполнил кубок и передал Шмелю. Тот взял, обмирая от благодарности: Стократ попробовал. Яда нет.

Он прикоснулся к напитку, боясь снова опозориться, но смысл послания оказался на этот раз очень простым:

- Они хотят, к ним на переговоры... чтобы срочно пришел кто-то, кто у нас власть.

- Они не знают, кто у нас власть?! - рявкнул князь, и выяснилось, что он все-таки пьян. - Всё они знают! Знают, где в Макухе кузница, где у Сходни новые склады, и когда в Правой сеют свеклу, и...

Он вдруг замолчал, перехватив взгляд Стократа.

Потом оба посмотрели на Шмеля; он знал такие взгляды. Двое, случайно коснувшись в разговоре тайны, вдруг спохватываются, что рядом чужие уши - недостойные уши мальчишки, место которому за дверью. И его отправляют за дверь...

Стократ вдруг приподнял уголки губ. Покачал головой, будто говоря: нет. Ты здесь полноправный собеседник, поэтому, на счастье или на горе, должен остаться. Снова посмотрел на князя:

- Ты ведь не только о вырубках с ними говорил, верно?

Шмель похолодел. Его собственные уши показались ему в самом деле недостойными - и, пожалуй, слишком ценными, чтобы слушать такие речи. Шмель понимал, что безопаснее выйти за дверь, пусть даже без приказа. Но он был единственным мастером-языковедом в поселке и в мире, и потому остался и даже выше поднял подбородок.

- О чем ты еще с ними говорил? - снова спросил Стократ.

- Я хозяин на своей земле, - неохотно отозвался князь. - Я должен знать, что происходит. Да, у меня есть глаза и в Макухе, и в Правой, и в

Левой, и... лесовики тоже кое-что видели.

- Что им понимать в торговых делах? В делах торговца Сходни, например?

- Да ничего! - князь глядел Стократу в глаза яростно и бесшабашно, как в бою. - Купец тут ни при чем, не припутывай Сходню... Это про разбойников я от них узнал, от лесовиков. Они одного подонка изгнали, тот к разбойникам пристал, лесовики мне через мастера и донесли. Почестному. По-соседски.

- Уже яснее, - Стократ кивнул. - А Сходня все-таки... за что ты его подставил под нож?

Шмелю показались слишком ценными в этот момент не только уши, но и голова; Стократ небрежно положил ему руку на плечо: знаю, мол, что делаю. Не беспокойся.

- Ну ты и колдун, - помолчав, сказал князь. - Тихий да простой, и не боишься тебя, а потом - глянь, а ты уже в горле торчишь, как крючок. И не избавиться.

- И все-таки?

Князь выругался. Для завершения фразы ему не хватило воздуха, он вдохнул ртом и продолжил ругательство - длинное, липкое, утопающее в деталях, но оттого нисколько не теряющее силы. Потом отдышался и продолжал, как ни в чем не бывало, обращаясь к Стократу, но глядя на Шмеля:

- Сходня торговал Макухой, колдун. Ты чужак, тебе не понять. Люди из Долины давно приглядываются, как нас прибрать к рукам. Сходня начал: уже склад общий открыл на нашей земле, уже торговое содружество, уже собрал под это дело других купцов, уже приходят чужаки, нам пошлину не платят, а платят в Долину... Через пару лет была бы Макуха не сама по себе, как сейчас, а при Долине

- Поддольник, так они говорят...

- И тогда бы ты из князя стал наместником.

- Обижаешь. Наместники у них все свои.

- Трудно тебе. Между Долиной и Лесом.

- Справляюсь, как видишь.

- Не очень, - заметил Стократ.

Князь налился кровью:

- Что?!

Стократ не испугался:

- Не особенно справляешься, с лесовиками по крайней мере... Эх, мастера нам не хватает. Его бы расспросить... - Он вдруг насторожился, будто почуяв новый запах: - Что мог такого знать языковед, что они вдруг решили его убрать?

- Мастер?

Князь замер с открытым ртом. Шмель мог видеть все его зубы - чистые, белые, с единственным застрявшим в щели куском мяса.

- Он мог вести свою игру, - медленно проговорил Стократ. - Он ведь был единственный, кто умел объясняться и с тобой, и с ними. И вот они решили его убраться, чтобы что-то спрятать...

- Они не могли, - вмешался Шмель и сразу пожалел, что открыл рот, потому что оказался между двумя взглядами, как между лезвиями ножниц. - В их питье нет слова... нет понятия «тайна». Язык по-другому устроен...

Он замолчал, водя руками, не зная, как объяснить.

- Понял, - отрывисто сказал Стократ. - Ты уверен?

- Да, - Шмель перевел дыхание.

Князь опять принялся ругаться - на этот раз без ярости, монотонно.

- погоди, светлейший, - оборвал его Стократ. - Они могут тебя в чем-то винить? За что-то мстить?

- Завтра, - прорычал князь, - на рассвете... да прямо сейчас, чего там, рассвет близко... Пойдем к ним в гости. Эй, Глаза-и-Уши! Давай сбор, всем подъем, выжжем их норы, хватит...

- А они нам воду отравят, - тихо сказал Шмель.

И Стократ, и князь снова посмотрели на него. Он странно себя чувствовал под их взглядами: еще вчера - вообще никто, недостойный даже быть учеником языковеда. Сегодня - равноправный собеседник на совете, где речь идет о жизни и смерти.

- Мы перебьем их всех, - отрывисто сказал князь. - На их стрелы у нас есть щиты. А на наш огонь...

- А они - нас, - Шмель говорил, преодолевая боль в растрескавшихся губах. - Мы друг друга перебьем, и тогда придут люди из Долины, на все готовое.

Сделалось тихо. Стократ улыбался, будто чем-то довольный.

- Надо составить им питье, - сказал Шмель еще тише. - В смысле, послание. Надо идти к ним на переговоры...

- Я не пойду, - сказал князь и с отвращением поморщился.

- Я пойду, - Стократ потянулся, будто после хорошего отдыха. - Шмель, будешь толмачом?

Еще несколько секунд все молчали.

- Зачем тебе все это? - спросил князь, глядя в резной потолок из розовой сосны.

- Интересно, - Стократ безмятежно улыбнулся Шмелю. - Собирайся, что ли?

* * *

До околицы их провожала невесть откуда взявшаяся Тина. Стократ с самого начала велел ей молчать, и она молчала, только хлопала мокрыми ресницами. Вдоль обочин кое-где стояли вооруженные люди.

Из-за заборов выглядывали женщины и подростки.

Лошадь Стократа казалась шагающей горой и позвякивала с каждым шагом: Шмель второпях разлил по флаконам и рассовал в корзины чуть ли не всю мастерскую хозяина. Сам Шмель тащил на спине свой мешок, и только Стократ не был отягощен ничем, кроме меча.

Прошли мимо дома Лопуха, мимо дома Заплата. В приоткрытую калитку глазели на Шмеля близнецы Окра и Бык; все они долго учились языкознанию и могли сейчас оказаться на месте Шмеля.

А может, не могли.

Огромный дом торговца Сходни стоял темный и тихий, будто брошенный.

На околице все, кто увязался было за процессией, отстали. Зато новые, ожидавшие на перекрестке молчаливые люди выстроились колонной и двинулись следом - на некотором расстоянии. В их тяжелых шагах, в бряцании оружия было для Шмеля слабое утешение: на твой труп, обещали шаги, мы навалим десяток вражеских, ура.

Стократ шагал впереди, за ним - послушная лошадь. То ускоряя шаг, то уставая под тяжестью мешка, Шмель тащился за ними и думал, что вот оно, еще одно испытание. Там, на помосте, он доказал, что лучше всех - за это его унизили и прогнали. Теперь вроде бы ничего доказывать не надо и некому, но он все равно идет, и облизывает покрытые коркой губы, и думает, лишь бы не подвел язык...

Они миновали камень, на котором он плакал в день своего изгнания - от потери, но больше от несправедливости. Спустились по дну оврага и вступили в лес, через несколько минут впереди показалась застава.

* * *

Стократ замедлил шаг.

Он отлично помнил то место, дальше которого не пошел в прошлый раз. Невидимая граница, за которой ему померещилось напряжение тетивы. Теперь напряжения не было, но было что-то другое.

Запах?

Железная чаша, в которой разжигали сигнальный огонь, стояла сейчас пустая и черная, и от нее разило горелой смолой. Лес, полностью свободный от птичьих голосов, вонял землей и сталью. Дорога уходила вперед, на стоптанной хвое терялись следы.

Стократ свистнул на весь лес. Никто не отозвался. Лошадь переступила с ноги на ногу, звякнули пузырьки и флаконы в поклаже.

- Никто не встречает, - ухмыльнулся Стократ.

Те, что шли за ними следом, отстали и притихли. Но явись сейчас стрела из леса, хоть одна стрела - ответ не заставит себя ждать, мстители с мечами и топорами ждут только сигнала; Стократу хотелось

верить, что и лесовики это понимают.

- Без приглашения идти нельзя, - сказал мальчик.

- А если не зовут?

- Без приглашения нельзя, - твердо повторил Шмель. - Это старые правила. Никто их не нарушал, даже мастер.

- Тогда что делать?

Он свистнул еще раз. Потом подошел к чаше, установленной на высоте человеческого роста, и поджег выведенный наружу фитиль.

Полыхнуло так, что Стократ отпрянул. Столб огня поднялся над дорогой, и опасно затрещали ветки, нарушившие незримую границу.

- Это всегда так бывает, да? Огонь всегда так сильно горит?

- Нет, - Шмель сглотнул. - Не знаю.

Стократ оглянулся. Лес был везде одинаковый - и на стороне лесовиков, и на стороне «безъязыких». Розовые сосны стояли в коре, как в броне - темно-красной, одновременно церемониальной и боевой.

- Кто-то идет, - насторожился Шмель.

Рев огня сделался тише. Дым и искры потянуло в другую сторону. Прищурившись, Стократ различил человеческую фигуру на дороге. Одну.

Человек шел, не таясь, без оружия. Через несколько мгновений показалось, что это мальчик-подросток, но когда лесовик приблизился, стало ясно, что это девушка.

Светлые волосы, сплетенные в две косы, лежали у нее на плечах. Глаза были закрыты навсегда, ресницы вплетались в кожу шелковыми нитями, и красно-черная вышивка покрывала скулы и виски.

Стократ замер, всматриваясь в переплетения нитей на ее лице. Они складывались в кресты, в витые колоски, в многослойные узоры. Глазные яблоки под тонкой белой кожей не двигались, даже не вздрагивали. Губы, покрытые прозрачным маслом, чуть блестели.

- Привет, - сказал Стократ.

Девушка постояла, будто в нерешительности. Она была ростом со Шмеля, но гораздо уже в плечах. Без головного убора, в длинном сером балахоне с широкими рукавами, с безглазым лицом, расшитым узорами, она вовсе не казалась слепой.

Стократу очень хотелось провести ладонью перед ее зашитыми глазами, подтвердить свою догадку. Но это было бы очень невежливо, да и, пожалуй, опасно.

- Привет, - повторил он. - Мы пришли, что теперь?

Девушка шевельнулась, качнув полами своего длинного одеяния, и протянула вперед глиняный кувшин - до этого момента он был полностью скрыт в рукаве.

Стократ поглядел на Шмеля.

Мальчишка, стиснув зубы, смотрел на кувшин и на руку, его державшую. Стократ шагнул вперед, нарочито плавным движением

потянулся...

- Нельзя! Из рук не берут такое послание, только с земли!

В голосе Шмеля чувствовалась такая сила, что Стократ попятился.

Неизвестно, слышала ли девушка их голоса и понимала ли, о чем идет речь, но она, постояв еще мгновение, наклонилась, будто перегнувшись пополам, и поставила сосуд на землю. Отошла на шаг. Шмель, громко вздохнув, кинулся вперед и поднял послание.

Руки у него тряслись так, что Стократ испугался: не пролил бы все. Что тогда?

- Если они меня отравят, - торопливо сказал Шмель, вытаскивая пробку, - если они меня отравят, ты знай, что это позор для людей и оскорбление, что это специальный знак, мы считаем вас хуже животных, и тогда надо, чтобы князь шел со всеми, кто носит оружие, и убивал всех - больших, маленьких, старых...

Он остановился, глядя на кувшин в своих руках.

* * *

...И, когда последний лесовик умрет, все на свете станут «безъязыкие». Некому будет вкушать молчаливые пиры-поэмы. Шмель смотрел на кувшин и пытался понять, что же за слова он только что произнес: убивайте всех...

Но ведь они сами этого хотели. Отравить посланием, - значит, тяжело оскорбить весь род. И оскорбление уже нанесено. В сравнении с этим и смерть Шмеля ничего не добавит, не изменит, все равно что лист упадет с дерева...

- Ну и пусть, - сказал он кувшину и отхлебнул.

Питье было такое едкое и соленое, что у него защекотало в носу и навернулись слезы. «Наказание!» Он трижды успел поперхнуться соплями, прежде чем понял: к «безъязыким», то есть обыкновенным жителям Макухи, это слово не имеет отношения. Наказание - прошедшее время, окончательно. Свои, но чужие.

Невыносимо, сложное, насыщенное вкусами, запутанное изъяснение, из которого Шмель понял одно: теперь этому безобразию пришел конец...

Он сплюнул зелье прямо на дорогу.

Жестом попросил у Стократа воды, отхлебнул из его кружки, прополоскал рот.

- Они что-то решили, что-то закончили и кого-то наказали. Из своих.

- За что?

- Я не могу понять.

- Почему они убили лингвиста?

- Об этом здесь ничего нет.

- А нам-то что делать?

- Сейчас...

Шмель передохнул и снова набрал жидкость в рот. Где тут послевкусие; семь или восемь тактов, мамочки дорогие. Будущее, воля, изъявление...

- Мы вроде должны идти.

- Куда?

Девушка, неподвижно ожидавшая все это время, повернулась и пошла по дороге, не оглядываясь.

- Скажи людям, чтобы не ходили за нами, - Шмель нервно оглянулся. - Они нас пригласили одних, на переговоры.

- Не бойся.

Стократ обернулся. Предостерегающе поднял ладонь; вероятно, они с князем все-таки о чем-то договорились перед выходом, Шмель только не знал о чем. Был слишком занят сборами.

- Идем, - сказал Стократ. И они пошли.

Девушка с самого начала повела их кружным путем. Они свернули с дороги, некоторое время шли через лес, потом долго шли вдоль свежей вырубki.

Земля здесь была усыпана красными пластинками коры. Корой и хвоей покрылись розовые пни, похожие на обезглавленные шеи. В нескольких местах лежали распиленные, приготовленные к вывозу стволы, отдельно - ветки; дороги-просеки были укатаны телегами и похожи на желоба.

Слепая девушка шла впереди, неведь как ориентируясь, задевая хвою подолом своего балахона. Шмель тяжело дышал. Стократ присматривался и принюхивался.

Пахло нехорошо. Где-то впереди, скорее всего, было побоище. И не один человек полег. Дровосеки? Неизвестные горемыки, которых беда застигла за работой, которые валили лес по договору и получили стрелу в спину?

- Шмель, если я скажу «не смотри» - ты не смотри туда, ладно?

Мальчишка сглотнул:

- А что там?

- Пока не знаю.

Девушка шла, не сбавляя шага. Вырубка закончилась, теперь они шли по едва заметной тропинке. Лес стоял по обе стороны, от стволов в глазах было красно. Впереди показалась поляна.

- Шмель... - Стократ поймал себя на том, что держится за рукоятку меча. Большая зеленая бабочка перелетела через дорогу, сделала круг над головой девушки и пропала среди стволов.

Это были не лесорубы.

Пятеро мертвых мужчин, все лесовики, все с зашитыми глазами, сидели за длинным столом.

Спинки и высокие подлокотники кресел не давали им упасть. Перед каждым стоял пустой кубок, и в центре стола - каменная чаша с серебряной ложкой.

Девушка остановилась.

Медленно вытянула руку - она была слепа, но рука безошибочно указала на чашу.

Стократ перехватил Шмеля за плечо:

- Погоди, это яд!

- Это послание, - деревянным голосом отозвался мальчишка. - Это... послание для всех. Каменная миска, серебряная ложка - знак, послание для всех, способных вкушать. Горе тому, кто не узнает.

- Но их отравили!

- Они отравились, - тихо поправил Шмель. - Яд был в их кубках...
Пусти.

Он вывернулся из-под ладони Стократа и подошел к столу. Старательно не глядя в лица мертвецов, зачерпнул ложкой синеватую жидкость и поднес к губам. Сморщился. Покачнулся. Стократ оказался рядом с флягой воды: он уже заметил, что после каждой пробы мальчишке нужно много, много чистой воды.

- «Мы виновны», - отфыркиваясь, перевел Шмель, «в нарушении... высказывании... злом противостоянии закону...»

- Может, в бунте?

- Точно, - Шмель благодарно взглянул на своего спутника.

- Так это казненные бунтовщики?!

Шмель жадно напился. Промокнул губы:

- Очень сложное послание.

- Ты прекрасно справляешься.

- Это высокородные лесовики... люди, которые выступили против чего-то... закона, что ли... потом сознались и убили себя.

- Как благородно и трогательно.

- То есть на самом деле их победили, и они, чтобы избежать позорной казни... вот так.

- Зачем нам их показали?

Шмель пожал плечами.

Неизвестно, понимала ли слепая девушка хоть слово, но когда Шмель вернул флягу Стократу, она возобновила путь, не оглядываясь, точно зная, что чужаки не отстанут.

* * *

Если мы слепы в темноте, думал Шмель, то люди, которые слышат всем телом, должны быть беспомощны в тишине. Вот почему на этой поляне никогда не бывает тихо: сто ручейков разведены по желобам, и

каждый поток падает со своей высоты, и звук его, звон или шелест значат для них то же, что для нас - резная колонна или арка. Так они украшают свой дом. И даже мастер никогда сюда не приходил.

Красок здесь не было - кроме тех, что бескорыстно дарил лес. Коричневая земля, темно-красные стволы, бледно-зеленая хвоя, а под серым навесом - стол, и на столе прибор для диалога.

Шмель чувствовал, как прыгают его ребра в такт ударам сердца. На том конце стола неподвижно сидел старый лесовик, глаз его совсем не было видно - и скулы, и веки, и лоб покрывала старая, плотная вышивка. Рот был огромный, с большими губами, плотно сжатый, и ноздри длинного тонкого носа подрагивали. Рука, белая до синевы, с пятью плотно сжатыми пальцами, указывала место напротив.

- Тебя зовут поболтать, - негромко молвил Стократ.

Он стоял, опустив руки, не касаясь меча. Неизвестно, что думали лесовики о его добрых намерениях, но Шмель прекрасно понимал: никакой колдун-мечник не справится с такой оравой, вооруженной отравленными стрелами.

- Шмель, тебе помочь?

Перед стариком стояло все, что требовалось для разговора: ряд узких разновеликих трубок, похожих на свирель. Кубок. Каменная доска со смоляными узорами, две спицы, чтобы переносить мельчайшие частицы вкуса. Большая кружка на краю стола; рядом помещалась под струей водопада каменная чаша с проточной водой.

Парень стащил с плеча свой мешок. Все это добро, которым нагружена лошадь Стократа... Его же час разбирать, все эти вкусы, из которых он половину не знает... Шмеля ведь засмеют, пока он будет рыться в сумках...

- Тебе помочь? - снова спросил Стократ.

- Ага, - отозвался Шмель слабым голосом. - Сгружай, пожалуйста. Мне бы только подготовиться...

Он осмотрелся.

Десятки людей сидели и стояли под соснами. И мужчины, и женщины были вооружены и насторожены. Узоры на зашитых веках говорили, наверное, об их положении в обществе, роде, достатке, а может, и вовсе ни о чем не говорили - да и кто из жителей Макухи пытался это выяснить?

Стократ, не дожидаясь повторного приглашения, сгружал с лошади мешки и корзины. Шмель посмотрел на место, приготовленное ему, - напротив старика, с таким же набором трубок и каменной доской, и даже струя водопада была совсем близко, и чаша стояла под проточной водой.

- Надо все тащить сюда, - он услышал свой голос будто со стороны. - Чтобы все было под рукой...

Мастер говорил: «Всегда держи под рукой укус, мелко перемолотую

соль, сахар и желчь, которые потребуются в любом послании. А также имей запас кривозвездки и факела, их сок сочетай три к одному, чтобы получить отрицание. Никогда не помечай заготовки цветом: краситель, на первую пробу безвкусный, может испортить послание и даже придать ему противоположный смысл. Распознавай по запаху либо запоминай, в каком флаконе хранишь концентрат...».

Старик ждал. Журчала вода. Лошадь уныло ковыряла копытом бурую хвою.

Неожиданно девушка, приведшая их сюда, - девушка в сером балахоне, с зашитыми веками и двумя светлыми косами, - подошла к Шмелю и провела ладонью по его лицу.

Рот ее удивленно приоткрылся. Наверное, ее предупреждали, что у чужаков глаза на лице, и глаза открыты, но она не верила.

* * *

За все время своих странствий Стократ ни разу не бывал в таком странном месте. И понимал, что вряд ли побывает. Даже если выберется из этой переделки живым.

Эти люди совсем недавно - может, вчера - пережили потрясение. Многих потеряли. Те, что сидели мертвыми за покаянным зельем, кого Стократ и Шмель видели сегодня, были чьими-то мужьями, сыновьями и братьями. Те, кто приговорил их к такому роду покаяния, - тоже.

Эти люди угрожали отравить колодцы и родники чужакам, живущим по соседству. Эти люди были охотниками и не боялись вида крови, но и душегубами они не были - это Стократ мог сказать с уверенностью.

Он разглядывал узоры на их лицах. Веки были зашиты у всех, причем, очевидно, с младенчества. Стократ видел, как, стоя рядом, они иногда проводили рукой по лицам друг друга, будто считывая важное сообщение.

И еще он видел, как некоторые, особенно молодые, смотрят на солнце. По тому, как они держали головы, как поворачивались вслед за светом, Стократ понял вдруг и удивился: они не слепые.

Не слепые! Была ли вначале болезнь, эпидемия, отобрала ли зрение у выживших, пришлось ли им закрывать глаза по необходимости, но теперь зашитые веки - всего лишь традиция. Сквозь узор на лице они видят свет. Но не пытаются смотреть. Зачем? У них есть Язык...

Стократ сжал губы, чтобы ничего не сболтнуть вслух. Нельзя было отвлекать Шмеля; к тому же кому и чем помогло бы сейчас это новое знание?

Мальчишка уселся за стол напротив старика. Старик, будто зрячий, плеснул воды из кувшина в свой кубок, двумя пальцами - указательным и средним - подхватил тончайшую трубку со стола, уронил в воду три

красноватые капли. Руки его задвигались неуловимо и легко, подхватывая ингредиенты, смешивая, добавляя в воду. Спустя мгновение он подтолкнул кубок собеседнику через стол. И замер, с достоинством вперив в пространство зашитые глаза.

* * *

Шмель дрожащей рукой поднес бокал к губам. Он боялся, что растеряется, что запутается сразу, но послание оказалось оскорбительно коротким и простым: «Молодой умеешь говорить вопрос».

Будто нацарапанное большими буквами, нарочито безграмотное - ради простоты - письмо. Слово к дурачку, который и такого-то обращения не заслуживает. Шмель внимательно посмотрел на неподвижного старика: что они мнят о себе, лесовики, люди без глаз и человеческой речи?!

Девушка, прислуживавшая за столом, поставила перед ним чистый кубок и кувшин с водой. Шмель подобрался.

Не спешить. Главное - не спешить. Он все знает, лишь бы не ошибиться в спешке. «Молодой» - сладковатый вкус, «причина» - сочетание соли и кислоты, «безъязыкий» - понятие с отрицанием, жидкость теряет цвет, а это вытяжка из ягоды лунь - сомнение...

«Молодость - не повод для немоты». Или так: «Разве молодой - значит безъязыкий?». Жидковатое, но грамматически точное питье. Если он не перепутал, конечно, дозировку порошка.

Старик принял послание. Понюхал. Пригубил. Лицо его не изменилось, но он сразу же отставил кубок, будто отказываясь пробовать дальше.

Шмель сжался на своем кресле. Обернулся к Стократу - тот держал ладонь на рукояти меча. Скверный признак.

Старик хлопнул в ладоши, требуя новый кубок. Руки его засновали, как лапы паука. Шмель отхлебнул воды - губы пересохли, и язык прилип к небу. Мастер говорил: «Чтобы понимать тонкие смыслы, ты должен отказаться от острой и соленой пищи, не прикасаться к вину, всегда носить с собой флягу и смачивать рот, не допуская жажды...».

Старик придвинул к нему новое питье. Шмель попробовал...

«Добро пожаловать, маленький брат».

Он поперхнулся. Едва удержал кашель. Снова выпил чистой воды; послание было составлено по высочайшим законам, с длинным шлейфом послевкусия.

- Стократ, - Шмель обернулся к спутнику со слезами облегчения на глазах. - Он вежливо приветствует нас в доме людей и просит тебя не прикасаться к оружию. Он говорит, что они пережили... потеряли...

короче, смысл в том, что и так много народу убили, нас убивать не станут. Не трогай, пожалуйста, меч.

* * *

Он ждал, молчал и смотрел, как ползут тени по вытоптанной бурой хвое.

Старик и мальчик беседовали. Несколько сотен вооруженных людей ждали, чем закончится этот разговор.

Шмель то казался уверенным, то вдруг бледнел и принимался быстро хлебать чистую воду из кружки. По расчетам Стократа, мальчишке давно пора было отойти по нужде, - но тот сидел, глотал и пил, возился с порошками и флаконами и поднимался только затем, чтобы дотянуться до редкого, затерявшегося в мешке ингредиента.

«Странно, - думал Стократ. - Я считал, что повидал на свете все - города и порты, горы и смерчи, пустыни и толпы. Я считал себя опытным. А теперь я беспомощен, как муха, и не знаю, чем ему помочь. Что им сказать? Откройте глаза, посмотрите на небо? Откройте рты, скажите друг другу слово, ваши языки не затем только, чтобы вкушать? Я, Стократ, низведен здесь до уровня немой скотины...»

А солнце склоняется. Близится время, назначенное князем. «Если не вернетесь через сутки, - пообещал он, - мы атакуем».

* * *

«Мой учитель умер, отведав послание. Почему он умер?»

«Низость предваряет доблесть».

Вот так, просто, коротко, бессмысленно, сколько ни пробуй: «Сперва низость, потом доблесть». «Низость как условие доблести». И что это может значить, сучок вам в пасть?!

«Моего учителя нельзя оживить», - сообщил он осторожно.

И получил ответ:

«Те, кто его отравил, мертвы тоже».

Невесело. Но, по крайней мере, нельзя ошибиться с прочтением.

«Вы грозили отравить нашу воду. Зачем?»

«Они грозили. Воля бунтовщиков. Они хотели войны».

Шмель перевел дыхание: «Люди... чужаки беспокоятся. Они боятся...» Выплеснул на землю незаконченное послание. «Боятся» - так нельзя. Надо по-другому. Он хлопнул в ладоши, повторяя жест старика, требуя чистый кубок; заметался, перебирая свои флаконы и порошки, вдруг растерявшись, почувствовав себя беспомощным.

Старик тем временем составил новое послание:

«Те, кто хотел войны, были благородны в своих намерениях. Но высокий правитель погиб. Знак войны».

Шмель, горько подумал, что он уже догадывался об этом. Еще и высокий правитель... Кто его убил - бунтовщики?

«Как погиб высокий правитель?»

«Ты знаешь. Он получил отравленное послание. Мой племянник (непонятно) породить войну. Правитель умер от послания, это преступление. Война (непонятно) доблесть молодых. Мой племянник виновен в преступлении и его (непонятно) заговор».

Шмель всмотрелся в неподвижное лицо старика. Вышивка на его висках и скулах складывалась в узор со звездами, стрелами, зубчатыми колесами.

- Что он говорит? - напряженно спросил Стократ.

- Он говорит... Вроде бы у них часть народа сговорилась и убила какого-то высокого правителя, чтобы начать войну. Все этого хотели, но это было противозаконно. Поэтому другая половина назвала тех, первых, бунтовщиками и казнила.

- Что за высокий правитель?

- Не знаю... Сейчас...

Капельки пота бежали по спине Шмеля, догоняя одна другую, когда он торопливо составлял послание:

«Высокий правитель был... лесовик? человек?»

Кажется, лицо старика впервые дрогнуло, когда он коснулся губами питья. Руки его задвигались еще быстрее, наполняя чашу смыслом:

«Высокий правитель - чужак, составлявший нам послания. Разве ты не знаешь его?»

- Мастер, - прошептал Шмель. - Учитель...

Ну конечно. Для лесовиков правитель - тот, кто владеет Языком, ведь Язык - искусство высокородных. Тот, кто составляет питье от имени князя, и есть князь, это совершенно ясно всякому, кто способен отличить на вкус «войну» от «торговли»...

- Стократ! Они думают, что убили нашего правителя! Что убили князя!

- Переубеди их, - коротко велел Стократ. - Скажи им...

- погоди! Сейчас!

Серебряные спицы колотились в воде, вспенивая питье: «Люди в моем селении...». Не так. «Я не хочу, чтобы война...» Не так. Он закусил губу и крепко зажмурился, пытаясь представить себя лесовиком, слепым, вся жизнь - на кончике языка, вот так...

«Те, кто хотел войны, мертвы?»

«Да».

«Те, кто нанес нам оскорбление, казнены?»

«Да. Мы просим того, кто ведет войска, не начинать войну сегодня».

Шмель долго сидел, держа во рту быстро теплеющую жидкость.

«Я могу передать тому, кто ведет войска, ваши извинения».

Старик долго медлил, прежде чем сложить очередное послание.

«Мы не можем извиняться. Мы казнили тех, кто хотел войны. Хотя мы понимаем, что они были правы... Язык умирает. Но мы просим не начинать войну сегодня».

«Война, - от волнения Шмель стал составлять простые, лишённые баланса послания. - Зачем?»

Старик пододвинул к нему новый кубок:

«С войной расцветает Язык. Молодые не говорят, безъязыкие, как звери. Война (непонятно) путь Языку. Война делает их людьми».

«Почему?»

«О войне слагают песни. Песни дают жизнь Языку. Война оживляет Язык».

Шмель глубоко вдохнул и склонился над своим кубком:

«Я не знаю войны и не хочу. Разве я безъязыкий?»

Старик сидел, не двигаясь, и по его лицу Шмель понял: собеседник не знает, что ответить.

* * *

Пир начался сразу после заката. Стократ сидел за столом рядом со Шмелем, сидел вместе со всеми - и был единственным, кто мог только смотреть и слушать.

Не вкушать.

Сперва подали зелень под прозрачным соусом.

Лесовики ели бесшумно - ни хруста, ни чавканья, ни чмоканья не было слышно за столом. Звук бегущей воды придавал действию естественный ритм.

Шмель ел, зажмурив глаза, - наверное, чтобы лучше понимать. Чтобы стать наравне с лесовиками. Стократ временами вздрагивал, присматриваясь к его лицу: казалось, глаза мальчишки зашиты невидимой шелковой ниткой.

Зелень была солоноватой и странной, ни до, ни после Стократу не случалось ощущать такого вкуса. Потом подали жидкую теплую кашу; затем снова зелень, но под белым соусом. Порции были крохотные: их не ели, их вкушали.

Подали странно приготовленную свеклу. Стократ давно потерял аппетит, он почти не касался кушаний, разнообразно-странных и не особенно вкусных. Он вглядывался в лица.

Поначалу они выражали глубокое внимание. Потом - беспокойство. Потом - напряжение. А потом сидящие начали покачиваться, не видя друг друга, но чувствуя. Казалось, столы плывут в беспокойном море.

Их дыхание участилось. Затем сделалось очень тяжелым, даже шумным. Подавали мясо, овощи, снова кашу, снова зелень и еще что-

то, чему Стократ не знал названия.

Люди вокруг дышали в такт, а потому у девушки со светлыми косами, сидевшей напротив Стократа, выпала из-под зашитых век и прокатилась по щеке слеза.

Стемнело. Пир продолжался. Шмель, очень бледный, едва шевелил губами и дышал, как после долгого бега.

А потом подали сладкий напиток, и над столом будто пронеслась волна облегчения. Люди брали друг друга за руки, обнимались, раскачиваясь, и дыхание их сделалось умиротворенным, глубоким, как у спящих.

Стократ тихонько выбрался из-за стола и положил руку на плечо Шмелю; мальчишка открыл глаза, будто проснулся.

- Нам пора, - сказал ему на ухо Стократ. - Если мы не вернемся до рассвета, князь атакует, ты ведь помнишь?

И они отправились обратно. Возшла луна, осветив лес, и Стократ не мог отделаться от мысли, что Шмель идет во сне. Он шагал, о чем-то думая, почти не касаясь ногами хвои - казалось, сейчас взлетит...

Потом запахло дымом, и оба ускорили шаги. Лошадь заржала - и впереди, за деревьями, заржали другие кони.

- О чем они пировали? - тихо спросил Стократ.

- Не могу объяснить.

Стократ неприятно поразился - ему показалось в первый момент, что мальчишка высокомерен. Но Шмель повернул голову и посмотрел на него искренне и совершенно беспомощно:

- Я думаю, что они пировали о свете. Но у них в языке нет слова «свет» и нет понятия «видеть». Мне показалось, это их мучит...

Стократ открыл рот, чтобы сообщить ему важное, но в этот момент навстречу им выехали вооруженные всадники, и Шмель, забыв обо всем, кинулся им навстречу:

- Уберите луки! Войны не будет! Стойте!

Во всаднике, ехавшем впереди, Стократ узнал князя и прибавил шагу.

* * *

- Все их проклятый язык. Мастер составлял послания от имени правителя, и они верили, что ты, светлейший, - тот самый человек, с которым они беседуют. В их представлениях человек, владеющий языком, - благородный, занимающий высокое положение.

- Проклятый язык, - сквозь зубы повторил князь.

Он стоял на холме, держа под уздцы лошадь, и глаза его были красными от бессонной ночи. Шмель поразился, как приятно смотреть на человека с незашитыми, живыми глазами.

- Радуйся, что они не убили тебя, светлейший, - сказал Стократ. - И

держишь подальше от заставы. Стреляют они отменно.

Князь хмыкнул. Перевел взгляд на Шмеля.

- Мальчишка, считай, спас вас всех, - заговорил Стократ, на этот раз вполголоса. - От большой заварухи. А может, от смерти. Подумай об этом, светлейший.

Шмель потупился.

- Дом языковеда твой, - холодно, отстраненно молвил князь. - Работа тоже твоя. Но если будешь врать в посланиях, что ты великий маг и наследник Солнца на земле...

- Я забыл, - Шмель заторопился. - Вот.

Он вытащил из кармана смятую бумажку, на одной стороне которой еще рукой мастера был записан какой-то рецепт. А на другой стороне Шмель вывел обломком карандаша, случайно затерявшимся в сумке: «Свекла - 46 лев. Наг. Вырубки под реку, север, три, пятьдесят, и от горелого места».

- Это что они хотят за вырубки. Ну и где рубить, - Шмель протянул бумагу князю, но тот брезгливо отстранился:

- Нормально запиши, пером, на хорошем листе, и отдай не мне, а Глаза-и-Уши... Ты, чужак, идешь или нет?

- Иду, - отозвался Стократ. - Сегодня же выхожу.

- Ну... скатертью дорога.

Князь вскочил верхом, крикнул своим людям, и они умчались. Ополченцы, стянутые было к заставе, ушли раньше: остались кострища да брошенный кое-где мусор.

- Ты правда уходишь сегодня? - спросил Шмель.

- Конечно. Я и так у вас застрял.

Шмель не нашелся, что сказать.

Они шли рядом. Лошадь, которую никто не вел, держалась следом, как привязанная. В который раз все, что случилось в последние часы, казалось Шмелю наваждением. Сном.

- Значит, они тоскуют о свете? - тихо спросил Стократ.

- Как можно тосковать о том, для чего даже слова нет?

Молча прошли несколько десятков шагов.

- Вождь сказал, что среди их молодежи нет таких, как я, - признался Шмель. - Вождь сказал...

- Он просил тебя остаться?

- Нет, но, - Шмель запнулся. - Да, просил. Но я же не могу зашить себе глаза, правда?

Лошадь отстала, чтобы пощипать траву на зеленой обочине. Шмель тоже задержался, сорвал пышную метелочку:

- Вот стрельник, он кислый, из его сока готовят «быстро». Чем больше сока вольешь, тем быстрее движение, о котором вкушаешь... Слушай, Стократ, иногда мне кажется, что я начинаю думать, как они.

- Соленый как воля, сладкий как степень, кислый как движение,

горький как время?

- Ты запомнил, да?

- Шмель, - сказал Стократ. -- Пообещай мне, что сразу же возьмешь ученика.

- Я? - Шмель пригляделся, пытаюсь увидеть улыбку в глазах или краешках губ, но его спутник смотрел серьезно. - Но я же... сам пока глупый, ты понимаешь, как я могу кого-то учить?!

- Просто пообещай, - Стократ по-прежнему не улыбался. - Ну?

ЭПИЛОГ

На повороте он остановился, чтобы в последний раз посмотреть вниз. Все, кто бывал в этих местах, в один голос твердили: нет ничего красивее лесов из розовой сосны, особенно если глядеть сверху, с Белой дороги.

Он смотрел на лесопильню, на реку с портом. На раскиданные в рощах дома Правой илевой Руки. На блестящие крыши Макухи. Там еле слышно бил барабан - хоронили несчастливца Сходню. И Шмель, вероятно, был на похоронах, - а где же еще?

- Хоть бы он успел повзрослеть, прежде чем все начнется, - сказал Стократ вслух.

Дети лесовиков в конце концов прозреют. Перестанут зашивать себе глаза, посмотрят на свет; однажды попробуют сказать друг другу слово или нарисовать картинку на гладкой стене. И тогда Язык умрет, умрет высокое искусство, способное заставить человека рыдать, смеяться и чувствовать себя ближе к небу...

Язык, возникший по недоразумению. Язык, который скоро сделается не нужным никому.

- Храни его, Шмель, - сказал Стократ негромко.

И пошел в гору, не оглядываясь.

АЛЕКСАНДР ГРИГОРОВ

ЗАБИРАТЕЛЬ

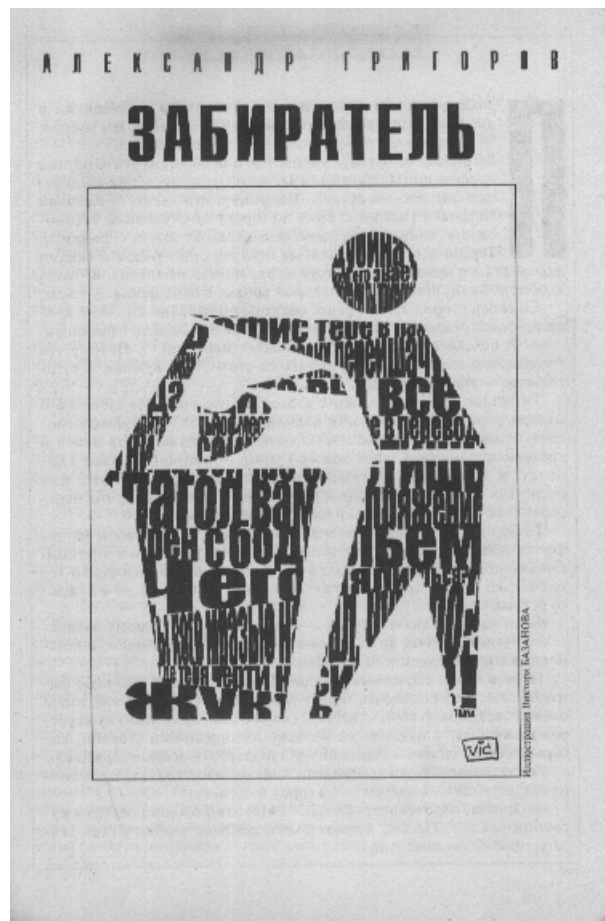

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Прохладный сентябрьский ветер сговорился с сумерками и пинал по земле кульки, оставшиеся после погрузки мусора. От забирателей ничего подобного не остается.

Вы только не путайте забираателя и мусорщика - это разные профессии. По сути схожие, но об этом лучше не напоминать ни тем, ни другим. Например, что делаю я, Аркадий Петрович Нышкин? Езжу по городу на служебном автомобиле и чищу словесные свалки, глагол вам в сопряжение. Терминалы для вербальных отходов стоят рядом с баками для обычного мусора, но, повторяю, это ничего не значит. К бытовым помойкам, пропитанным кислой вонью, я отношения не имею.

Со своей стороны, мусорщик скажет, что слововозам он не коллега. Мол, с реальным дерьмом легче управиться, чем со словесным.

- И полезнее! - обязательно добавит мерзавец. - Потому что твердые отходы можно переработать на что-нибудь нужное. А ругательства - хрен с бодыльем.

Типичное для пролетарского класса заблуждение. Из словесного мусора, гори он фонетическим пламенем, делают много интересного - от холодных лингвистических колкостей до посылов малой и средней дальности. Самый ходовой товар - автоматы: нажал кнопку, и полетела в противника нецензурщина одиночными или очередью. Словесную гадость и на фразеологические обороты перерабатывают,

и на идиомы, и на всякие канцеляризмы.

Где-то под столицей есть специальный НИИ, в котором из нечистот делают речи государственным деятелям, тире им в ягодичи. Слова очищают, обезвреживают и пускают в ход: у чиновников о-го-го сколько людей, которым нужно отказать. Не бросать же в каждого острым словом.

Свой маршрут знаю назубок - три года работаю. А всего забираетелем - пять. Сейчас во двор дома-зигзага, налево, направо и остановиться возле приемного терминала.

Первое время словесные отходы сбрасывали через обычную бытовую сеть, но эта лавочка быстро закрылась. С тех пор как народ осознал всю прелесть лингвистического очищения, никаких серверов не хватает - падают под натиском оцифрованной брани, как барышня от волнения. Пришлось устанавливать особые терминалы - с выделенным каналом передачи информации: сначала на районную подстанцию, и дальше - на город и область.

- Привет, короче, выгребатель. - Местный бродяга роется в мусорном баке. - Ты это, припозднился сегодня, в общем. Так сказать, пробки, видимо, типа.

Стоит и чешется весь от слов-паразитов. Не до словесной чистоты ему, если жрать нечего. А паразиты обычно и заводятся у тех, кому о чистоте думать лень.

- Сам ты выгребатель, - отвечаю, - гласную тебе в окончание. Давай быстрее копайся, пока мусорщик не приехал.

Прокаженный забубнил под нос, отвернулся и полез в бак. Вонь от него, как из канализации. Иногда мне кажется, что от словесногохлама разит так же - принохиваюсь к себе, не провонял ли?

Работа непыльная, спецодежда не нужна, хожу в гражданском - кроссовки, джинсы, рубашка, куртка. Воткнул разъем накопителя в терминал, скачал информацию - и дальше поехал. Рутинная, зато платят хорошо, не то что журналистам.

Я как раз журналистом раньше работал. В принципе, занимался тем же: лазил по помойкам и рыл отходы. Только считал, что творю, мнил себя интеллигенцией. Сколько того творчества в продукте, у которого срок годности - день? Кефир это скоропортящийся, а не творчество.

Загрузилось. Отсоединяю накопитель, удаляю файлы в терминале, чтобы на завтра места хватило. Спальный район: одного контейнера на три дома маловато. Народец живет простой, малограмотный, в общении неприхотливый и потому несдержанный.

Смотрю - за мной наблюдает еще один зритель.

Эта девушка часто смотрит на меня последнее время. Стоит возле подъезда и смотрит. Брюнетка, одета неброско, аккуратно. Наверное, офисный работник: они одеваются в пределах одной суммы, да и лицом похожи. Кстати, лицо наблюдательницы я раньше как будто

видел.

- Чего пялишься? Цирк тебе здесь? Клоун я тебе коверный?

Она сунула руку в карман. Я успел заметить: в кулаке держала мусорную флешку - помои, значит, выносила. И решила в очередной раз посмотреть, какие такие опущенные жизнью люди забирают словоотходы. Диковинку нашла - позлорадствовать. У меня на соседнем участке случай был: один дед поджидал меня перед выемкой и матерился нарочно возле контейнера. А потом требовал, чтобы я его слова убрал - дескать, работа у меня такая. Старичье - что с них взять, кроме справки из диспансера? Как ему объяснишь, что слова обретают реальную силу, только когда становятся материальными, то есть записанными на носитель? Деду из этого предложения только пара слов-то и знакома. Но и их смысл он вряд ли передаст из-за склероза и похмелья, наложенных по злему умыслу судьбы друг на друга. В общем, погнал я тогда старикана - простыми словами, не записанными.

А потом дед перестал выходить. Точнее, ушел навсегда. Когда я узнал, мне стало горько, что, пусть и по делу, наорал на древнего дурака. Он был виноват, что стар, - я до сих пор винюсь молодостью.

Но ведь эта смотрительница - другое дело, ей и тридцати не дашь.

- Чухай, говорю, домой, а то врублю динамик на полную - весь двор ваш в своих же помоях утонет!

Она повернулась и пошла к двери, дрожа плечами - то ли смеясь, то ли плача.

Совсем настроение испортилось... ладно, еще два терминала - и домой.

Теплый сентябрь позволяет ездить с открытым окном. Вместе со свежим, щекочущим листвяной пряностью воздухом в салон пикапа влетает едкая словесная пыль, которой в любом городе полно. Музыка орет через окно, бабушки вслух газету читают, дети дразнятся. Заметьте, детские обижалки, они, как есть, гипнотические формулы порчи. Хорошо, мелкие сами не знают, что болтают - как дикари с пушками играют. Я в школе словбо занимался, чемпионом города в своем возрасте был, понимаю, о чем говорю.

- Са-аша-а! А ну домой, паразит!

- Ты кого мразью назвал, чучело? Гнида, сейчас ответишь...

- Алло, привет. Я этого подонка отшила. Так и сказала: иди, маздон, на...

Пока мимо ушей пролетает - ничего. Стоит записать на бумажку или в телефон - получается мусор. Если учесть, что человеческий мозг - тоже своего рода записывающее устройство, страшно подумать, сколько помоев мы носим в головах. Не хватает места для добрых слов, хотя запомнить их ничего не стоит. Начинает стоить, лишь когда припечет: нужно тебе, например, комплимент девушке сделать, а в

голове и диктофоне пусто. Тогда беги к друзьям - может, одолжат словечко-другое до получки.

Самое смрадное место - общественный транспорт. Садись - вроде нормальные люди с тобой едут. И вдруг - то телефон зазвонил, то бабушка по пенсионному зашла, то пьяная харя среди человеческих лиц затесалась. Выходишь с ощущением, словно тебе в карманы хлебных крошек насыпали, а за шиворот - шелухи от семечек.

Здорово, что люди придумали, как избавляться от словесного мусора, абзацем его по кеглю. Включаешь приемник Роунера, наговариваешь туда - и в контейнер. Сначала думали, обман в стиле «канадской оптовой компании»: как ты, дескать, слово поймашь и выбросишь? Оказалось, без проблем, что физик-психолог Джерри Роунер (между прочим, канадец) и доказал всему миру. Ну и сам миллиардером стал, не без этого.

Человеку главное - сказать гадость, а когда и как - неважно. Я точно знаю, я статью о Роунере писал. По таким свалкам материалы отыскивал...

Но технология - одно, а жизнь - совсем другое. Скажем, выбросил ты пакет с объедками, а на следующий день в ведре такой же образовался. Надо или есть меньше, или выносить чаще. Так и со словами. Бывает, выбросил худое слово и забыл о нем. А на его место завсегда другая скверна лезет, организм следующую заразу вынашивает.

Осенью темнеет предательски рано. Ты не отвык от того, что в восемь еще можно ходить, не спотыкаясь, и на тебе - споткнулся.

Приехал я на свалку позже всех - машина глохла раза три. Свалка - одно название, а так обычный офис, внутри которого стоят блоки мощных серверов. Они прорабатывают и сортируют слова, сброшенные с забирающих дисков: что пригодится для большой филологии, а что пора в утиль.

- О, вот и представитель продажной прессы! - встречает меня засаленным приветствием Ефрем Поползнев по прозвищу Хрен.

- Здравствуй, Каша, - тихо говорит молодой Дима Бурлака. - Как дела? Дима - новичок, сразу получил козырный маршрут. Кто-то из родственников работает в городском комитете по культуре.

Бурлака забирает в элитных районах - тихом центре и прилегающих частных поселках, укрывшихся от деревянного обывательского глаза в пышной листве.

Там случается, что люди выбрасывают добрые выражения - по невнимательности или из принципа. Зачем богатым людям доброта? С нами, бараньем нестриженным, только грубостью надо, жестким оборотом, лексему ему под корень.

Димка выбирает доброту из вонючего мотлоха и пользуется ею.

Вообще-то рыться в мусоре нам запрещено, но случаев, когда наказывали, не было. Тот же Хрен постоянно копается в навозе, на дом работу берет - слушает в плеере. Только маршрут у Поползнева идет по промзоне, там добрым словом и не пахнет. Разве что собачий лай, но его пока распознавать не научились, как ни записывай.

Подходит Шиша - низенький лысоватый мужичок в потертом спортивном костюме, такие шьют в подпольных цехах и лепят якобы фирменные лейблы. Проводит пятерней по щетине, отчего получается звук, как от граблей, скребущих по асфальту.

- Здорово, работнички! Или порадуете чем? Или деньги никому не нужны?

Шиша покупает добро, найденное в помоях. Легче договориться с забирателем, чем с начальником сортировки. Там пожива больше, но, во-первых, дороже, а во-вторых, у шефа есть план, его нужно выполнять. Шиша платит не очень щедро - в месяц Хрен получает сотни четыре. Бурлака продавать чистые слова отказывается, а я мусор не слушаю.

Хрен и Шиша отошли за скамейку, собиратель достал флешку и нащелкал нужные файлы. Сбросил на диск и, получив купюру, спрятал ее.

- Или я дурак, или вы слишком умные, - Шиша развел руками и пошел к следующей кучке забирателей, ждущих приема у двери.

Ясно, куда идут проданные налево слова. Из них лепят похабные песенки, варят лесть-дурман, гонят рекламную отраву. Я соврал раньше, что мусор не слушаю - куда без него? Любое радио включи - такими отбросами тянет...

Дождался я очереди, скинул добычу и получил аванс. Мужики разошлись: кто по бабам - ласковое слово за деньги слушать, кто за пойлом - повышать самомнение. А кто помоложе - в Сети играть, получать похвалы от выдуманного электронного бога.

Я пошел домой, к жене. По пути ей сладких эпитетов купил - целый минутный файл. Мне как сотруднику отрасли со скидкой сделали.

Скажете, от слова «халва» во рту слаще не становится? Это вы просто не в тех магазинах скупаетесь.

- Где тебя черти носили?! На часах - девять! - Это мне от жены вместо «здравствуй». - Фу, как от тебя несет, хуже чем от мусорки! - А это мы шутим...

И как в таком маленьком человечке уместается столько злобы? Ира работает в пресс-службе горсовета, там вежливость не особо нужна. Но дома-то могла бы и потратиться на любимого мужа. Впрочем, какого там «любимого», давно прошли светлые деньки.

- Бегом мыться - и за стол. Я из-за тебя весь вечер голодная сижу...

- ...жук ты навозный, - заканчиваю вместе с ней.

Нет, на самом деле она добрая. Вкусным ужином накормит, сделает

вид, что не заметила, как я футбол включил, а там и под одеялом контратаку устроит, если сегодня не «вне игры». Но говорить со мной по-хорошему боится, нежности для ребенка экономит. Есть такое в планах.

Ничего, сейчас обмоюсь и сразу ее сладеньким. Подготовился, вошел в кухню - Ира телевизор смотрит.

- Смотри, котяра помоечный, Серега Трепалов с тобой начинал. А сейчас - «из Лондона передает наш корреспондент».

- Я же из-за денег ушел.

- А он, думаешь, меньше твоего зарабатывает? - Жена ткнула вилок в сторону экрана. Серега немного дернулся: почувствовал или спутниковая картинка поплыла? - Да что мне твои деньги, если с тобой никуда не выйти: или времени нет, или зловоние источаешь, как телевизионный юморист - репризы.

Постоял я на той грани, которая отделяет семейную ссору от мировой войны, и переступил черту.

- Притяжательное местоимение тебе в перевод! - начал я и продолжил так жестко, насколько может себе позволить человек, который давно не имел дела с нормальными выражениями. Купленные эпитеты попали под горячую руку и стали частью увесистых ругательных конструкций. Всего не помню, но что-то вроде «ненаглядная, как скидка в секунд-хенде», точно звучало.

Спать легли в разных комнатах, я так и не поужинал. Наелся досыта общением в семейном кругу. Взаялся читать книгу - не пошло. Когда вокруг тебя не жизнь, а поле брани, книжные фразы кажутся приторными до отвращения. «Граф, потрудитесь извиниться за глупость, верно, второпях брошенную вами». Матом это сиятельство для начала, а потом и чем потяжелее приложить. Не запоминается ничего вычурного, не выходит на дармовщинку обогатить положительный словарный запас.

Скачал какого-то современника, у Иры в е-буке закладка была, - полегчало. Заодно и пару оборотов новых запомнил.

- Чтоб тебе постмодернист классиком казался!

На следующий день у меня двигатель глох постоянно. Из графика я выбился напрочь, к дому-зигзагу добрался, когда темень доедала остаток дня, а бродяга у бака - внезапный ужин.

Я в спешке забрал мусор и поехал обратно, вдоль дома. Остановился - у соседнего подъезда пацанва приставала к девушке. Помочь бы несчастной, но график горел уже не пламенем - радиационным свечением. Разве сможешь всем девушкам на свете отбиться от всех подонков на свете? Я не супергерой и не муж этой несчастной.

- Ребята, вы умные и красивые, вам незачем делать зло. Дайте пройти, пожалуйста.

Моя вчерашняя наблюдательница. Придется положить на расписание, хотя с грамматической точки зрения это неверно. Как-никак знакомая, пусть и познакомились мы весьма странно. К тому же двигатель опять заглох, беглой гласной его по суффиксу!

- Милые мои, я бы рада поговорить с вами и выслушать, но не сейчас...

Я достал домкрат, хлопнул дверью и без особой уверенности пошел к собранию.

Храбрость не понадобилась: только я открыл рот, чтобы отвлечь компанию, как живая цепь разомкнулась, чернявенькая вышла из круга - легко, с улыбкой. Посмотрела на меня, оценила домкрат в руке и показала флешку, будто дразнила.

- Мужик, ты чего - домкрат продаешь? - прогремел в ухо старший упырь-подросток. Остальные с хрипотцой загоготали - так умеют трусливые шакалы, бесстрашные в стае.

- Да идите вы все... в филологи, - я спрятал домкрат за спину и повернулся к машине. Домкрат снова попался на глаза упырям, отчего они испытали повторный восторг.

Машина завелась сразу.

И заглохла в конце маршрута.

Позвонил в офис, оттуда направили корпоративный автомобиль: забрать мусор и меня вместе с ним.

Сижу, дожидаясь, скучаю.

Дай, думаю, послушаю, что я сегодня набрал. Может, найду жемчужину, а Шиша мне премию отвалит. В реальном времени шарить по мусорке - недели не хватит, поэтому включаю быструю перемотку, и так понятно будет. Запищали лилипутские голоса, на всю кабину понесся скрежет высоких тонов, островками тишины молчали паузы между файлами.

Вдруг голосовое месиво прервалось - говорили спокойно и протяжно. Я остановил перемотку и услышал голос девушки из дома-зигзага. Нажал на начало.

«Здравствуйте, меня зовут Сия. Я наблюдаю за вами с тех пор, как вы стали забирать слова из нашего контейнера. Решила оставлять вам записи, каждый раз - новую. Мне очень нравится, как вы работаете, вы очень хороший. Я вас помню по газете: вы были журналистом. Вы умный и не злой, как хотите казаться.

Когда-то вы говорили, что собираетесь написать роман. Так вот, я жду его с нетерпением, даже если вам придется бросить нынешнюю службу и лишиться меня удовольствия видеть вас. Верю - все получится».

Больше всего в этом послании меня удивил не привет из редакционного прошлого, не откровения Сии, а то, что она две недели подряд выбрасывала на помойку замечательные слова. Целое

состояние! На дворовых хулиганов она истратила столько, что если перевести в деньги, выйдет половина моей месячной зарплаты.

Я скопировал послание в личный коммуникатор, дождался техпомощи и поехал в офис.

Забиратели передали смену и расходились по домам. В курилке Шиша обрабатывал задержавшихся новичков, вырисовывая радужные перспективы сотрудничества.

Я успел нагнать Диму Бурлаку у проходной: он не спешил с работы, холостому это ни к чему.

- Слушай, Дима, такое дело. Давай на два дня махнемся маршрутами, очень нужно.

- Я не против. Только как оформить? Учетчики прицепятся: коэффициенты разные, у тебя выработка больше.

- А никак оформлять не будем. За воротами поменяемся машинами, перед воротами - обратно. Разницу по выработке с зарплаты отдам.

- Да чего там... только если ты хочешь нарыть что-то для Шиши - лучше не затевайся. В моей добыче неделю как ничего хорошего.

- Будет, Димасик. Нужно, чтобы было!

Дома - тишина. С порога поздоровался в пространство. И в нем до каждого движения, мелкого шарканья тапочек слышно, как я открываю холодильник, выкладываю озябшую еду, стучу одинокой вилкой. Телевизор, предатель, не помогает, а наоборот - замолкает именно тогда, когда роняю банку или обжигаюсь чайником.

Ира - в соседней комнате. Прислушивается, радуется моим поражениям на кулинарном фронте и думает, что бы я без нее делал.

Ну не котлеты, конечно.

Пельмени.

Помыл посуду, чтоб ей герундий, вытер стол, прошел за компьютер мимо супруги, возлежащей с пультом в руке. Отыскал старые литературные наброски и начало романа. Ира якобы случайно включала спортивные каналы, но дешево меня было не взять. Я углубился в тексты, будто с мороза в баню зашел: внутри - уют и нега. Хотел продолжить, но не хватило слов. Сижу, как голый: прикрыться бы фразой, а под рукой - ничего.

Жена вышла из комнаты, погрелась в ванной тюбиками и легла спать. За тот вечер мы так и не сказали друг другу ничего хорошего.

Бурлаковский маршрут и вправду оскудел. Раньше здесь дома только строились, а когда начальство почуяло золотое дно, на семнадцатый вечерний начали ставить исключительно тех, кто со связями. Первое время в забиратели шли многие «блатные», у нас работал даже внук министра. Недолго: обеспеченные мальчишки быстро понимали, что словесный мусор забирать - тоже труд. Романтика слетала вместе с запахами парфюма, проигравшего обонятельную схватку вонище из помоек; становилось скучно и не престижно. Потому маршрут «17В»

часто кочевал от одного забирающего к другому.

- Вы наш новый мусорщик? Приезжайте позже, я в это время не успеваю выносить. Не можете?! Тогда я вставлю вам флешку в ж..., у меня муж - знаете кто?

Что же она такого выбросила, если самое вонючее оставила забирающему? Пока ехал между точками - слушал. Ничего интересного: «А кто эта крыса бесхвостая, которую ты подвозил? Лена вас видела, когда через дорогу шла. Ты мне давно обещал «ниссанчик», жлоб пузатый. Когда спишь, у тебя изо рта воняет, как от мясокомбината».

Да, такие слова мужу знать ни к чему. Тем более если он - «знаете кто».

- Эй, помойщик, ты машину поставил? Убирай ее к матери, а то обоих переищачу!

Здоровый тип в шикарном костюме, на черном джипе. Салон под портфель сделан - весь кожаный. Лоб из того же материала, лоснящийся, потертый. Зато в контейнер милую чушечку выбросил: «Малыш, ты у меня лучше всех. Ты нежная, ласковая и это... об-во-ро-жительная». Ну ясно, выбросил от жены подальше. На пассажирское сиденье-то к нему бухнулся необъятный кусок мяса.

Много нужного нашлось в выброшенном архиве файлов какого-то интеллигента. Он, видимо, избавлялся от вежливости, которая в суровом быту некстати. «Если нетрудно», «позвольте», «я зайду позже» и тому подобное - еще так себе. А мне эти слова пришлось впору. Но самым ценным оказалось «большое спасибо» - настоящая редкость, песчинка золота в куче навоза.

«Обворожительной» я в тот же день одарил Ирину, за что получил горячий ужин и спальное место на брачном ложе. Без всяких излишеств, разумеется, до них мне рыть и собирать. Но плотские утехи в тот момент мне были ни к чему - я вновь, за многие годы, почувствовал сладкое томление от слов.

Следующий рабочий день был ненамного удачливее. Накопил с десяток мелких приятных выражений, высмотрел (точнее - выслушал) банальное признание в любви. Юноша лет семнадцати, судя по ломающемуся голосу, наверное, разлюбил девушку и потому выбросил ненужное более откровение. В той папке лежали и любовные стихи, но копировать их я побрезговал - разило похабщиной.

Самое ценное я подобрал в конце смены, случайно.

Понесло меня в приемку через центр, опечатку ему на баннер. Под вечер там грязища - слушать страшно. Как раз пересменка: дневные забирающие уехали, вечерние пока не вышли. Недовольство, раздражение, пожелания прямо в воздухе летают. Смотрю - стоит контейнер, мигает красным диодом. Переполнен, значит, негде мусор хранить. Мне бы плюнуть и проехать, но захотелось помочь неизвестному коллеге - у меня места на диске оставалось полно.

Забрал выемку, по привычке включил воспроизведение и на втором треке услышал «прости меня». Женским голосом - большой раритет. Подарите такое выражение подруге - оно вам же и вернется.

Появился соблазн свезти хабар в скупку и разбогатеть разом тысячи на две валютой. Но я поборол мелкую жадность, стоящую на пути получения безвременного богатства. Надо только понять, как это делает Сия.

За квартал до офиса обменялись с Бурлакой машинами. Я вспомнил о доплате за вредность, а заодно и о том, что у самого в кармане денег под расчет - Ира просила зайти в магазин. Суммы для покрытия долга хватало, и я без сомнений отдал все. Дима отказывался вяло, он вообще, кажется, думал о чем-то постороннем - отрешенно улыбался и терял нить разговора.

- Ладно, возьму, дефис тебе в пах, - согласился он.

Я не пожалел, что уговорил Димку, - мой маршрут на самом деле вреднее.

Человеческая память - как сортировочная станция, где мусор делится на сырье и хлам. После чистки все равно остается пыль вредных воспоминаний - как налет на чашке, из которой постоянно пьют чай. А то, что хотелось бы оставить навсегда, само собой улетучивается. По дороге домой я слушал в наушниках найденные слова и шептал их про себя, стараясь не забыть. Поначалу не ощущал смысла, как в той книге с вычурным текстом, которую читать смешно. Но с каждым повтором значение звуков глубже въедалось в голову, словно раскаленное тавро в тело мученика. И мученику, как ни странно, становилось легче.

- Ты на следующей выходишь, чудило?

- Да, проходите, пожалуйста.

Так просто.

- Скажи быстро, где тут обменка?

- Направо, будьте добры.

Так легко.

- Извините, я нечаянно.

- Ну что вы, ничего страшного.

Так приятно.

И все равно, пока добрался до квартиры, несколько выражений забыл. Смылось из памяти под первым осенним дождем, до наглости приставучим - отмахнуться бы, но его много. А терпеливых осталось мало.

Пока раздевался, Ира высунулась из комнаты - ждет, чем я сегодня удивлю, какой стратегией воевать буду. Я подошел и обнял ее.

- Дорогая, я тогда вспылал не по делу. Ты меня... прости.

Она - опять меня обхаживать: да ужин, да футбол, да поцелуй. А мне вкусно от ее движений, интересны слова, мимика возбуждает. Не ради выгоды - для души.

Соседи за стеной ругаются. Смешно - взрослые люди, а ковыряются в навозных кучах, будто дети недоразвитые.

На работу я оделся, как еврей на праздник - в моем понимании этого процесса. Почистил туфли, навел стрелки на брюках, поверх рубашки надел вязаный жилет. Солнечная погода разрешила не прятать наряд под плащом, за что я поблагодарил великодушно ее высочество Осень.

На утреннем разводе оказалось, что Бурлака взял отгул, на его маршрут вышел Ефрем Поползнев. Почему именно он - Хрен его знает.

- Вот это ты у Шиши поднимешься сегодня, - говорю Ефрему, пока идем к гаражу.

Хрен молчит, дует щеки и косит на меня из-под кепки.

- Кто бы говорил, искру тебе в дизель. Сам вчера мои словечки потащил на проспекте. Небось погулял с них неплохо, копипаст клавиатурный!

Я только рассмеялся в ответ его нелепой и отдающей бессилием злобе. Значит, это Хренов контейнер стоял вчера забитый.

- Слушай, Поползнев, - сказал я, и он передернулся. По фамилии, как и по имени, Ефрема давно не называли. - Ты никогда не думал, что тех драгоценностей, которые ты сдаешь за гроши, в тебе самом - терабайт?

- Был бы терабайт - не выискивал бы, - прогнусавил Хрен.

- Я серьезно. Смотри. - Достал из кармана десятку и протянул ему. - Пожалуйста.

- Чего это? - буркнул Ефрем, но глаза на купюру все-таки уставил.

- Чего... десятку тебе даю. За просто так.

Поползнев сделал шаг, как в клетку со зверем. Взялся за бумажку и потянул.

- Ну давай!

Я отпустил - Ефрем не рассчитал силу и отшатнулся, взмахнув десяткой. Обладание деньгами озарило лицо Поползнева всеми красками жадности.

- Здорово! - чуть не прокричал он и вприпрыжку поскакал к машине.

Видимо, драгоценное «спасибо» спряталось слишком глубоко в Ефреме. Или запылилось так, что с ходу не отыщешь.

Техники клялись святым - плановым расходом запчастей, что отремонтировали мою колымагу. Но автомобиль опять завелся не сразу, пришлось подергать провода зажигания.

К зигзагообразному дому я подъехал раньше обычного: побил бы все рекорды профсоревнований, если бы они проводились среди забирателей. Остановился у дальнего подъезда, прошелся к углу, за которым виднелась вторая часть дома, и выглянул.

Сия стояла возле контейнера, сбрасывала слова с накопителя. Сейчас я приведу себя в порядок, на малой скорости подам машину и...

Меня похлопали по плечу.

- Или ты влюбился, Каша? Зачем за бабой следишь? Хочешь ее, да? Что ему объяснять, рвачу от филологии? Что мужчина может испытывать к женщине не только половое влечение, но и чувство благодарности? Засмеет. Что забиратель хочет показать даме свою причастность к культуре? Не поймет. Что мусор нужен только для того, чтобы простые человеческие качества выглядели дороже денег?

О чем мы говорим...

- Шиша, ей-богу, не знаю, куда ты шел, но тебя там заждались.

Он поймал спокойствие в голосе, как дворový пес ошметок мяса. Уходить с добычей не собирался, принялся рычать на благодетеля.

- Или отдай слово, которое у Хрена взял, или гони деньги. Сам ломается, как китайская мебель, делает вид, что слова не сдает, и вдруг у товарища хапнул. Нехорошо, Каша, не по-братски.

- Во-первых, Хрен мне никакой не товарищ. Во-вторых, ты при чем? Он пусть и предъявляет претензии.

- Я тебе сам такую претензию покажу, кушать перестанешь. Все, что идет мимо приемки, - мое. Или кому еще сдавать будешь?

- Не буду я сдавать - самому пригодится.

- Ай, порадовал старого знакомого. И что ты этим словом делать будешь? Машину заправлять? На хлеб мазать? Или бабу укатаешь? Ты скажи, я пойму.

- Ни хрена ты не поймешь. То есть только Хрена ты и понимаешь. Иди, пожалуйста, мне работать надо.

Я отодвинул Шишу в сторону. Он шел за мной - ветер дул с его стороны, обдавая вонью, какой обладают не привыкшие к чистоте люди. Иной раз человек на вид приятный, а разит от него, как от сволочи. Хорошо, что телевидение пока не передает запахи - таких типов в начале новостей каждый день показывают.

Шиша открыл задние двери моего пикапа, где стоял приемный контейнер. Я его не закрывал на замок - очень спешил, и мороки с ним много. Шиша вставил свой мусорный накопитель и завозился с дисплеем.

Я сел за руль и повернул ключ зажигания в надежде, что Шиша испугается. Но он по-прежнему тыкал пальцем в монитор, выбирая файлы. Машина не заводилась. После очередной попытки двигатель забарахтался. Я увидел в зеркало, как скупщик отлетел от контейнера, споткнулся о бордюр и грохнулся в песочницу.

- Что, электричеством драться будешь? Ну выходи, поговорим как мужчины!

Он снял спортивную кофту сине-затертого цвета и шмякнул ею оземь.

Моя система зажигания стала бедой не только механиков - Шиша знатно заземлил ток. Человек он такой, приземленный.

Я подошел к песочнице. Шиша взял увесистое слово и пошел вокруг меня. Я держался к нему лицом, чтобы не пропустить удар.

- Дубина будила дупло мудилы, - замахнулся Шиша. Хулиганские приемчики - никакой техники, один нахрап. Для знающего словооборону без оружия - пустяк.

- Мимо лила ловко ламинировала мили, - я без труда уклонился, тяжесть слов по инерции увела соперника в сторону. - Кремний рад курагу крушить, - добавил я в спину.

Голыми морфемами меня не возьмешь. Шиша не дурак, достал из загашника острое словцо. Такие делают в колониях, вместе с шахматами, мебелью и финками. Оружие безотказное, но пользоваться им нужно уметь, не то тебя же на него и посадят.

- Жуть! - Лезвие просвистело возле живота. - Жесть!

Нужно только уклоняться, ни в коем случае не лезть вперед. Уход с линии атаки, реагирование, воздействие на точку равновесия противника...

- За жуть накажу! Жесть разрежу!

Шиша устает бить пустоту и откашливается, держась за дерево. Вокруг собираются люди, кто-то кричит: «Милиция!». Какая милиция в спальном районе посреди бела дня? Взгляды зрителей бодрят Шишу и толкают в новую атаку.

- Жук навозный! Рези жри!

Задел он меня. Через память просочилось липкое пятно горечи, оттого что жена называет меня навозным жуком. Но Шише откуда знать об этом? Наверное, из базового набора - всем годится. Попал неплохо, самого себя пожалеть хочется.

- Лелею смелость, и рези мелеют, - говорю в ответ. Боль отпускает. Мягкие согласные зализывают раны, нанесенные острыми «р» и «з».

- Занозу в горло гниде!

Ну это простое оскорбление, пусть и с каленым «г» в доминанте. Нужно пропустить выпад и перенаправить фонетическое усилие на нападающего.

- Гниды в голове голую голову гложут, - для лысеющего Шиши самое то.

Он побежал к побитому временем и мошкаррой седану, вскочил в него и через минуту вылетел обратно. Наверняка схватил из плеера еще одно оружие - ничего человек от отчаяния не соображает: вокруг полно свидетелей.

- Шмальну, шваль, зажужжишь за ширму!

Ба, да это шипящий дальнострел. На глаза навернулись слезы, будто красного перцу сыпанули. Нечестно дерется - ему добить меня, что листочек в «козлик» исписать.

- Шушеру шибать... - сказал он и передернул затвор. Но подавился и взвыл.

Оплывшими глазами я увидел, как Шишу крутят два сержанта-лингвиста. Один грозил табельным «михельсоном» - маленьким толково-фразеологическим словарем. Подоспела дежурная машина с зеленой полосой на боку и надписью «Отдел культуры». В нее и впихнули задержанного.

У меня испросили паспортные данные, адрес и телефон - обещали в случае чего вызвать. То еще удовольствие предстоит.

Я заметил Сию, а рядом - Бурлаку, он держал ее за руку. Они смотрели друг на друга, как гипнотизеры, которые поспорили, кто кого первым введет в транс. Причем результат им не был нужен, важнее процесс. За пару дней Дима, оказывается, во многом преуспел. А чему удивляться - он молодой, в забирательстве новичок негаженный, путь к душе одинаково открыт - изнутри и снаружи.

Накрыла досада. Осень виновата или дорогие слова? Не знаю. Обидно, что девушку, из-за которой перерыл кучу гниющей нечисти, так запросто увел мальчишка. А может, не для нее я это рыл? Потому что стреляться через платок совсем не хочется. Да и где в наше время найти чистый платок?

Я шел к ним какие-то двадцать метров и думал: сейчас истрочу ископаемое слово на ту, которую никогда не подержу за руку.

- Здравствуйте, Аркадий.

- Привет, Петрович.

Нет, каков прохвост! Отпуск он взял за свой счет.

- Здорово, молодежь.

- Я за вас очень переживала, когда вы дрались.

- Пустое. Добро всегда побеждает зло, потому что находится выше по алфавиту.

- Не, Кашич, ты все равно красавец - я бы так не смог.

- Зато ты можешь другое, чего мне нельзя в силу женатого положения.

Он опустил взгляд, а Сия засмеялась. Я повертел на языке слово и произнес:

- Спасибо.

Побрел к машине - за всеми этими словомашествами выемку я так и не сделал.

По дороге к приемке не стерпел и нажал воспроизведение ящика, куда сбрасывала слова Сия. Когда услышал ее голос, нажал паузу. Выдохнул и снова пустил запись. Там оказалось всего несколько секунд:

- Аркадий, спасибо вам большое.

Неизменная грусть от поминок лета и быстрых сумерек слетела, унеслась в боковое окно. Облетающая листва показалась салютом, дождь - следами в небе от потухших вспышек. В груди маялось

приятное предчувствие, что слово вернулось ко мне и будет возвращаться всегда, когда я его потрачу.

Все добрые слова потому и называются волшебными, что неисчерпаемы, как энергия ветра и морских приливов. Главное - не побояться сказать их в первый раз, выдержать ломку, заткнуть фонтан сквернословия. И навсегда завладеешь богатством, которое было и будет вечным.

«Логос» - это ведь не только «слово», а еще и «порядок».

Забиратель может не только копаться с отходами, но и производить то, что никогда не будет выброшено. Как и любой настоящий человек, будь он даже мусорщик.

- Спасибо! - прокричал я в открытое окно.

Мне показалось, что из-под зонтов и капюшонов прохожие мне улыбаются.

Наступили светлые деньки.

Это одежда бывает осенне-весенней, а настроение - нет. Естество точно определяет, радоваться пробуждению или зевать. Те же низкое солнце и голые деревья, те же брюки и куртки, но под ними - нетерпение перед встречей с апрелем.

Мы идем по улице счастливым семейством. Ира толкает коляску, я несу пакет с продуктами. Смотрим: возле районного загса - свадьба. По пятницам это часто: красивые машины, нарядные люди, цветы и шампанское. Но этих молодоженов я прекрасно знаю, потому предоставил жене пойти за хлебом, а сам подошел к церемонии.

- Совет да любовь, молодежь.

- Ой, здравствуйте, Аркадий.

- А, Каша, вот это встреча!

- Решились-таки на ответственный шаг?

- Весны ждали, чтобы потеплее.

- Мне отпуск только на апрель дали. Ты же знаешь наш отдел кадров.

Сию отвлекла подруга, мы с Димкой отошли в сторону.

- Сам-то как, Петрович?

- Ничего, держусь. Отцом стал, работу поменял. Но это ты помнишь.

- Помню, конечно, как из-за тебя весь левый словооборот накрылся. Шишу отправили на исправление в какой-то сельский ДК, а новый скупщик пока не объявился.

- Поползнев страдает?

- А как же! Кстати, хорошо, что напомнил, он тебе десятку просил передать, если встречу. Вот, встретил.

Он протянул мятую купюру, смоченную скупыми ефремовскими слезами.

- Хрен сильно изменился. Слова собирает, но не проваливает, а бережет. Говорит, для хорошего человека. Представляешь, как ребята

его подначивают?

- Легко. А ты, значит, там же?

- Ага. Сия дома книжки корректирует, вычитывает то есть. Я забираю по «семнадцатому В» - на жизнь хватает. Она считает забирателей чуть ли не героями. - Бурлака понизил голос: - Ты знаешь, мне кажется, что ее работа очень похожа на мою. Сия предлагала как-то подменить, когда я с температурой слег. Запретил - нечего ей мараться о всякую дрянь. Я-то мужик, битый пиксель тебе на экран, я привычный.

- Ну а я в спорт ушел, слобистов тренирую. Школьный друг позвонил, пригласил.

- А, словооборона без оружия?

- Она. Вроде получается.

Я не стал рассказывать, что добился больших успехов. Зачем Диме знать, как я в составе сборной поехал в Лондон и встретил там Серегу Трепалова? Собкор жаловался на дорожную британскую жизнь и грязную работу - целый день по помойкам информагентств роется. То же, что и дома, только за фунты, а слова доброго у англичан не выпросишь. Потом Серега записал со мной интервью, которое показали по нашим новостям, и Ира страшно мною гордилась.

Опустил я и рассказ о том, что новая работа не щедра на добрые выражения. Поначалу переживал, но со временем понял: хорошими словами сорить нельзя, иначе они теряют ценность. Что толку от «прости», если его говорить по сто раз на дню и опять делать то, за что нужно извиняться? А сказанные в нужное время слова обретают подчас невероятную силу.

Смолчал и о законченном романе. Рецензия положительная, остались запятые.

О многом смолчал, чтобы не сотрясать воздух пустыми фразами. От них только сплетни, пересуды и прочая дрянь плодятся. Я намусорю, а Димке потом забирай.

- Ладно, Бурлаки, живите долго и счастливо.

Мы с женихом обнялись и похлопались по спинам.

Сии я молча махнул рукой. Тишина - самая стерильная и потому многозначительная субстанция в мире. Безотходная штука, «зеленые» технологии.

- Кто это? - спросила Ира, откусывая горбушку от батона.

- Хороший парень, бывший коллега.

- Мусорщик, что ли? - она по старой памяти взяла высокую ноту, но мигом смолкла.

- Дорогая, я же тебе столько раз повторял...

- ...не путай забирателя и мусорщика, это разные профессии! - закончили мы фразу вместе и рассмеялись.

Шли по аллее, вдоль которой тлели кучки палых листьев. Говорят, жечь их вредно, но что делать с бесполезной красотой? Только

приносить в жертву красоте будущей.

Николай КАЛИНИЧЕНКО

МИР ИЗРЕЧЕННЫЙ

Как известно, хорошего писателя отличает умение интересно рассказать историю. Наполняя известные слова новым смыслом, автор может достичь удивительных результатов. Романтики скажут, что это и есть настоящая магия. Критики-реалисты разложат текст на составляющие, сообщат, какими приемами пользовался литератор, чтобы привлечь внимание читателей. Но в чем эта магическая загадка Языка? Московский критик и писатель не ставил целью создать детальный обзор «лингвистической» фантастики. Перед нами попытка обозначить границы темы.

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города...*

Н. Гумилёв

Мир есть текст. Именно таким постулатом руководствуется большинство писателей, решивших увековечить свои любимые «рабочие инструменты».

Какую же литературную основу избрать ради слова? Практика показывает, что чаще и охотнее обращаются к фэнтези. На этой дороге кого только не встретишь! Например, веселую парочку Лайона Спрэга де Кампа и Флетчера Прэтта с блестящим юмористическим романом «Дипломированный чародей». Главный герой романа, эскапист и мечтатель Гарольд Ши, изобретает особую формулу, при помощи которой можно физически переноситься в литературные миры. В каждой из вселенных, будь то скандинавский эпос «Старшая Эдда» или «Царица фей» Эдмунда Спенсера, слова, произнесенные определенным образом, приобретают волшебную силу. Причем каждый новый мир требует от дипломированного чародея стилизовать текст заклинаний в соответствии с исходным произведением.

Похожий мотив прослеживается и в цикле Кристофера Сташеффа «Маг». Правда, литературному отцу Рода Галлоугласса не удалось столь же изящно поиграть словами. Интересная идея реализовалась в

виде серии довольно однообразных коммерческих продуктов, теряющих привлекательность с каждым новым романом.

Другим примером использования живого слова может служить сатирический гротеск Михаила Успенского «Дорогой товарищ король». В совершенно волшебном мире просторечные и нецензурные слова, произнесенные советскими «попаданцами», приобретают невероятную силу и называются не иначе как Митирогнозия Магика. «...В гневе Востромырдин произнес исконную простонародную формулировку из трех частей... Тотчас светильник под куполом померк, пламя факелов заметалось, а со стены с лязгом сорвалось несколько мечей и щитов...»

В соответствии с глубоко укорененной в западноевропейской прозе традицией слово всегда играло главенствующую роль, когда речь шла о тайной власти и о чудесах. У Джона Рональда Руэла Толкина во «Властелине Колец» базовыми для написания и произнесения заклинаний являются язык древних эльфов и наречия, созданные на его основе. Дверь в Морию открывается при помощи единственного эльфийского слова «друг», а когда хоббит Фродо пытается разобрать надпись на Кольце Всевластия, волшебник Гендальф избегает слов, произнесенных на языке Мордора и цитирует безопасный вариант на человеческом наречии. Этот закон, увиденный Толкином в народных суевериях, как нельзя лучше иллюстрирует, с каким пиететом люди древности относились к слову изреченному.

В цикле «Земноморье» Урсулы Ле Гуин магия основывается на Истинной речи, первоизданной лексике, при помощи которой творился мир. Согласно Ле Гуин у каждого предмета есть свое истинное имя - секретный код, при помощи которого можно воздействовать на реальность.

В цикле «Эления» Дэвида Эддингса древний народ стирики боится читать человеческие книги, утверждая, что чтение написанных слов может лишить их магического дара.

* * *

Интересное решение для словесной магии предложил российский фантаст Сергей Лукьяненко. В своем цикле о юном волшебнике Триксе Солье автор строит магическую систему на фразах, теряющих свою силу по мере многократного употребления. Они буквально убеждают бытие в своей правоте, заставляя мир изменяться. Для того чтобы получить простейшие вещи, магам приходится изрядно попотеть, изобретая все более сложные и витиеватые словесные конструкции: «...Щавель склонился над столом, карандаш забегал по листку, яростно вычеркивая и исправляя: - Подряд, в соседних строчках, «пот

проступать» и «тревога проступала». Отвратительно! Школярская, непростительная ошибка! Ну, какого демона привлечет такой текст?...».

Очевидная аллюзия на пишущую братию в магической реальности выглядит, однако, вполне гармонично. Ведь если принять на веру озвученный выше постулат «мир есть текст», то проблемы волшебников будут во многом сходны с проблемами литераторов. Разница только в цели: смастерить заклинание покруче или поразить сердца читателей очередной нетленной фразой.

Задолго до Лукьяненко к теме изреченного бытия обращался Евгений Лукин. В блестящем рассказе «Словесники» (1996) писатель продемонстрировал мир, где любое пожелание немедленно исполняется. Используя в качестве декораций подобие российской глубинки, приземлив героическое и таинственное до простого и бытового, Лукин шагнул в сторону от магистрального направления фэнтезийных текстов, открывая возможность для экспериментов с нашим родным миром.

Хорошую возможность для литературных ристаний предоставляет повесть Теда Чана «72 буквы». Фантастическое допущение у Чана связано с алхимическими и каббалическими традициями, интегрированными в современность. В альтернативной вселенной, созданной американским фантастом, религиозно-философские выкладки являются аксиомами, формирующими объективную реальность. Что тут скажешь: слова, придающие жизнь косной материи, со времен рэбе Лёва будоражат человеческое воображение.

Эффект достоверности в повести достигается еще и тем, что Чан весьма подробно описывает процессы создания големов, гомункулов и прочих алхимических див. Причем в промышленных масштабах. Грамотно организованная образная подача, сочетающая в себе классические фэнтезийные схемы и черты реального мира, автоматически переносит произведения на земли жанрового фронта. Опираясь на внушительную научную базу в области лингвистики, писатель создает целую теорию имен власти. В соответствии с этой альтернативной доктриной труды средневековых магов и алхимиков занимают место учебников по элементарной физике и роботехнике, а свершения современных чародеев-словоблудов удивительно похожи на достижения прогрессивной науки нашего мира.

* * *

Как ни странно, но менее благодатной почвой для внедрения лингвистического элемента оказалась НФ. Большого разнообразия здесь не встретишь. В основном авторы обращаются к проблеме контакта, демонстрируя сложность коммуникации между космическими

расами в силу различий, связанных с произнесением и пониманием слов. К таким произведениям относятся рассказы Шейлы Финч о ксенолингвистах (лингстерах) - группе переводчиков, обладающих специальными навыками для налаживания контактов между различными цивилизациями. Для постижения чужого языка лингстерам приходится употреблять наркотические препараты и совмещать свое сознание с компьютером.

В классическом рассказе Роберта Шекли «Потолкуем малость» главный герой вступает в контакт с цивилизацией, язык которой настолько стремительно меняется, что пришелец с Земли не успевает отслеживать семантику трансформирующегося языка и не в состоянии вести дела с местным населением: «Я хотел сказать, - поправился Джексон, - что я не понимаю этих слов. Не могли бы вы мне их объяснить?» - «Нет ничего проще, - ответил Эрум. - Эликировать мошек - это почти то же самое, что бифурить пробишкаи».

Подобная тенденция существует и в нашем мире. Правда, не в такой сюрреалистической форме, как в рассказе Шекли. Даже в течение жизни одного поколения язык успевает претерпеть значительные изменения, и человеку, явившемуся к нам из прошлого, будет очень непросто поболтать с потомками «на одной волне». К этой проблеме обращается американский фантаст Сэмюэл Дилэни в романе «Баллада о Бете-2». Главный герой исследует балладу, созданную земными колонистами во время длительного космического перелета. За столетия, минувшие с момента старта, язык обитателей корабля от поколения к поколению сильно меняется. Учтя этот лингвистический фактор, исследователь наконец расшифровывает казавшийся бессмыслицей текст.

Лингвистическое фиаско терпят космонавты из повести «Логос» Арсения Керзина. Исследователи сталкиваются с ситуацией, когда здешняя языковая система не только ограничивает общение, но и полностью формирует представления местного населения об окружающем мире. Сама цивилизация необщительных чужих показана условно, поскольку автора интересовало прежде всего раскрытие основной идеи текста - бытия, очерченного словами.

В романе Джека Вэнса «Языки Пао» завоеватели вторгаются на планету, в языке которой отсутствуют глаголы. Местное население, мыслящее категориями состояния, не может ничего противопоставить существам, мыслящим категориями действия: «В языке Пао нет ни глаголов, ни степеней сравнения (хороший, лучше, лучший). Типичный паонит воспринимает себя как поплавок в океане - бросаемый, гонимый неведомыми силами, - если вообще он мыслит себя отдельным индивидуумом». Наследному принцу Пао приходится изучить язык агрессоров. Так он наконец осознает досадный изъян в системе вербальных коммуникаций родной планеты. Возвратившись в

свой мир, он создает и внедряет несколько разных языков для ученых, воинов, торговцев. В итоге это революционное действие помогает цивилизации Пао обрести независимость и очнуться от многолетнего сна разума.

«Языки Пао» - это не просто увлекательный экшен, но и роман-предупреждение. Джек Вэнс пытается донести до читателей простую истину: богатый, разнообразный язык имеет для государства стратегически важное значение. Хочется порекомендовать эту книгу людям, занимающимся реформой образования в нашей стране.

* * *

Нередко эстетико-лингвистические элементы встраиваются в «тело» фантастического произведения, оказывая на сюжет не прямое, но осязаемое воздействие. Такой экзистенциальный слой в повествование закладывает, например, Дэн Симмонс в цикле «Песни Гипериона». Фигура английского поэта Джона Китса то и дело возникает в череде образов и персонажей, удаленных от нас как в пространстве, так и во времени. Стихи Китса проступают на страницах романов цикла, двадцать пятым кадром скрываются между строк, задавая ритм и настроение этому масштабному литературному произведению. Можно сказать, что вся потрясающая вселенная «Песен...», подобно толкиновской Арде, создана из ритма и слов. Это и есть точка соприкосновения, в которой волшебство и наука идут рука об руку. Власть слова и слово власти становятся единым целым.

А закончить этот обзор хочется вершиной лингвистической НФ, которую давние читатели «Если» увидели на рубеже тысячелетий. Для этого нам вновь нужно обратиться к творчеству одного из самых изобретательных и глубоких фантастов современности - Теду Чану. Его повесть «История твоей жизни» в блестящем переводе Людмилы Щекотовой разворачивается как настоящий научный детектив (и попутно снабжает читателей сведениями из области языкознания, которые сами порою выглядят фантастикой!). Изучая язык пришельцев, героиня приходит к пониманию невероятной природы их мышления и существования. Более того, сила языковой системы оказывается столь велика, что и лингвист, и ее наиболее упорные коллеги меняют образ мыслей, словно бы «подстраиваясь» под чужаков.

Так что же такое лингвистическая фантастика? Эстетский изыск? Литература ради литературы или способ продемонстрировать колоссальный потенциал явления, которое все мы привыкли считать бытовым и само собой разумеющимся? Однозначного ответа нет. В конечном счете, каждый автор самостоятельно определяет для себя

желанные цели. Нам же остается лишь с головой погрузиться в книги. Ведь возможность видеть мир изреченным - это великий дар.

ИСТОРИЯ С ДРАКОНАМИ

Майкл Суэнвик. ДРАКОНЫ ВАВИЛОНА. Эксмо

Полтора десятка лет назад по земному летосчислению читатели узнали историю человеческого детеныша Джейн и железного дракона Меланхотона, решивших бросить вызов Богине и уничтожить Вселенную. Именно тогда благодаря фантазии американского писателя мир фэнтези обзавелся охранными сигнализациями, киберпсами и военно-промышленным комплексом. Новый роман Майкла Суэнвика «Драконы Вавилона» возвращает нас в знакомые локации культовой «Дочери железного дракона».

На первый взгляд, лишь мир, в котором разворачивается действие, да боевые железные драконы связывают два произведения. Суэнвик - один из самых интеллектуальных авторов современной фантастики - оказался слишком утонченным для клонирования успешных идей в толстых многотомных эпопеях. На сей раз главным героем книги становится молодой фей Вилл, который, подчиняясь обстоятельствам военного времени, покидает родную деревню и в конце пути оказывается в граде Вавилоне. Компанию ему составляют наделенная удачей и обделенная воспоминаниями Эсме и мастер Праведной и Почтенной Гильдии Жуликов, Мошенников и Плутув Нат Уилк, известный как Икабод Дурила. С прибытием героев в город их приключения только начинаются, и Виллу предстоит пройти крутым маршрутом из подземелий во дворцы Вавилона.

Отметим, что схожим образом построена и «Дочь железного дракона»,

в которой беглянка Джейн Олдерберри оказывается в кругах высшего общества.

Параллели очевидны. Сравнение неизбежно.

Перед нами снова роман воспитания, описывающий становление героев, и поначалу кажется, что диалогия - это, в сущности, женская и мужская версии истории человека в обществе победившего магического индустриализма. Однако торопиться не стоит. При внешнем сходстве фабулы отличия между книгами значительны.

Вспомним, что «Дочь железного дракона» - произведение жесткое, весьма пессимистичное, философски глубокое. Мрачная магия мира в нем лишь обрамляет конфликт героини. Попытки Джейн выбраться из лабиринта повторяющихся раз за разом жизненных структур неуклонно терпят неудачу.

Она не живет, а преодолевает жизнь. Жизнь, которая равно безразлична к страданиям и усилиям, не вознаграждает добродетель и не карает виновных. В финале первой книги Джейн спрашивает воплощение Богини, сотворившей мир: «Почему? Почему жизнь так ужасна? Почему столько боли? Почему боль так мучительна? Будут другие жизни? Они будут еще хуже? К чему тогда любовь? Почему есть радость? Чего Ты хочешь?» - но Богиня отвечает ей молчанием.

Не случайно даровавший Джейн свободу железный дракон носит имя Меланхотон. Оно созвучно меланхолии - темному, угнетенному состоянию, в тона которого окрашен весь роман. Единственная возможность для героини изменить собственную судьбу связана с ее готовностью уничтожить Вселенную и умереть самой.

Выбор, мягко говоря, непростой. Холодный, тяжелый, безжалостный, он завершает художественную конструкцию романа. Добавим, что открытый финал при всем его внешнем стремлении к хэппи-энду однозначного ответа, насколько удачной оказалась попытка Джейн, не дает.

Возвращаться к былым темам Суэнвик не стал. И атмосфера «Драконов Вавилона» более оптимистична.

Это роман легкий по настроению (за исключением первых глав, отягощенных присутствием дракона Ваалфазара, сбитого «василиском противовоздушной обороны») и плутовской по духу и стилю. И в этом он наследует не книге-предшественнице, а циклу рассказов о похождениях Дарджера и пса Сэра Пласа.

В то время как «Дочь железного дракона», повествуя о мироздании, роке и Герое, творит мифологию мира, «Драконы Вавилона» оказываются в этой Вселенной уютной сказкой, подчеркнута отстраненной от прежней реалистичности повествования. Зато здесь предостаточно крутых поворотов сюжета, и «ружей», выстреливающих через минуту после появления, и вставных историй, создающих обманчивое впечатление лоскутности повествования.

Эти сказочные координаты писатель устанавливает с самого начала книги, выдвинув на роль главного героя не человека, а сказочное существо - фея-мужчину. Корни романа подпитывает фольклор народов мира. В этом поистине вавилонском смешении встречаются арабские, английские, кельтские, китайские, африканские, японские мотивы. А также отсылки к творчеству других авторов, от классиков до современников - от Уильяма Шекспира до Сюзанны Кларк. В одном из эпизодов встретится читателю и Джейн Олдерберри в специальном камео.

Суэнвику одинаково удаются и психологические портреты персонажей, и сюжетная динамика. Да и легкость текста не следует приравнивать к его простоте: автор дает читателю достаточно поводов поразмыслить на досуге о природе и сущности власти.

При внимательном прочтении в романе можно увидеть и политическое высказывание. Например, в одной из сцен Суэнвик описывает драконов, врезающихся в вавилонские башни - аллюзия прозрачнее не придумаешь!

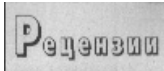
Анатомия власти проявляется уже в первых главах романа и является предметом анализа на протяжении всей книги, автор демонстрирует последовательное изменение ее механизмов: от власти, опирающейся на силу (в деревне Вилла), до власти, основанной на знании (на вершинах Вавилона). Одинаковые названия глав подчеркивают мысль автора.

Заметим, что структуре повествования Суэнвик уделяет особое внимание и даже прорабатывает ее в графическом представлении - в своем блоге писатель выкладывал рисованные наброски к «Драконам Вавилона». На этот раз автор более благосклонен к читателю и своего замысла не скрывает.

В последней главе Суэнвик уподобляет Вавилон библиотеке из тысячи тысяч рассказов. «Нельзя не увидеть, что все это один рассказ, славный и горестный, и он повторяется вновь и вновь, как времена года».

Так и обе книги диалогии - не связанные сюжетно и разные по стилю - образуют единое художественное пространство. Подобно известному театральному символу - двум маскам, смеющейся и плачущей, они дополняют друг друга. Каждая из них рисует читателю не оборотную, но другую сторону жизни.

Взаимосвязь обоих произведений подтверждает финал, который, будучи своеобразным зеркальным отражением концовки первой книги, дает и новое начало для истории, рассказанной в «Драконах Вавилона». И рядом с мрачной «Дочерью железного дракона» становятся жизнелюбивые «Драконы Вавилона». В конечном счете, как сказал один из персонажей «Драконов...»: «А если по большому счету, главное тут - просто позабавиться. Ты позабавился? Ну и ладушки».

Рецензии

Владимир БЕРЕЗИН

ПТИЦА КАРЛСОН

Москва - Владимир: АСТ - Астрель - ВКТ. 2010. - 320с.

4000 экз.

Этот роман нельзя назвать ни фантастикой в традиционном смысле слова, ни современной авторской сказкой (хотя сюжетная конструкция и наследует известному оригиналу Астрид Линдгрэн). В аннотации сделана попытка обозначить жанр словами «роман-пародия», но меньше всего это именно пародия.

Собственно, у московского писателя получилась интеллектуальная фантазмагория, повторенная чуть ли не полсотни раз. Автор взял незамысловатый сказочный сюжет отношений старшего и младшего - Карлсона и Малыша - и разыграл его, воспользовавшись творческим стилем, антуражем, философической «набивкой» множества авторов-классиков, приключенцев, фантастов. Малыш и Карлсон «вместе проделали долгий путь до Доусона», а потом добыли золото со дна Нежданного озера. Другой «малыш» привез отъявленного нигилиста Карлсона в усадьбу своего папаши - «хлебосольного и радушного барина» Николая Павловича; Карлсон, разумеется, устроил себе мастерскую во флигеле. Малыш (в оперативно-разыскном деле - Володя) столкнулся с оборотнем в погонах Глебом Егоровичем, который в действительности оказался господином Карлсоном, подло застрелившим профессора Абрикосова. И даже небезызвестный Луарвик Луарвик побывал Карлсоном Карлсоном...

Автору благодаря незаурядному дару стилизации удалось доказать, что бродячих сюжетов не существует: это сама литература бродит вокруг сюжетов, намертво вбитых в коллективное сознание человечества.

Поистине, ну что есть нового под луной? На свете немало честных Пьеро, веселящих публику и получающих оплеухи. Но иногда попадаются столь хитроумные Пьеро, которые не дают публике понять, кто кого веселит... и даже кому, собственно, достались оплеухи. Умный человек всегда сумеет заработать, прикинувшись клоуном...

Г.Ф.ЛАВКРАФТ

КОМНАТА С ЗАКОЛОЧЕННЫМИ СТАВНЯМИ

Москва - СПб.: Эксмо - Домино, 2010. - 560 с.

Пер. с англ.

5000 экз.

МАСКА КТУЛХУ

Москва - СПб.: Эксмо - Домино, 2011. - 576 с.

Пер. с англ.

5000 экз.

На самом деле к содержанию этих книг Лавкрафт имеет отношение опосредованное. Однако поклонники его мира не будут разочарованы. Ибо вслед за четырехтомным собранием сочинений самого мэтра нам представлена ктулхиана Августа Дерлета. В первый том включены тексты, выпущенные Дерлетом в рамках «посмертного соавторства» с литературным учителем, во второй - сольные вещи Дерлета. Оба тома сопровождаются комментариями. Почему на обложках и в выходных данных Лавкрафт присутствует в одиночестве - неведомо...

«Посмертное соавторство» Дерлета ныне вызывает критику у исследователей. Роман «Таящийся у порога», где, как справедливо указывает комментатор, «из примерно 50 000 слов окончательного текста Лавкрафту принадлежит около 1200 слов», - еще исключение. В основном Дерлет работал, что называется, «по идеям» Лавкрафта, черпая таковые из коротких заметок или стихов.

Из мозаики того, что Лавкрафт лишь в шутку называл «мифами», Дерлет ваял настоящую, связную мифологию. Но при этом продолжатель преобразовал сам дух лавкрафтовского мира. Стараясь сохранить ощущение «сверхъестественного ужаса», он в то же время без сожалений расстался с нигилистической философией наставника. В мире Дерлета безжалостная игра космических сил преображается в почти фэнтезийную борьбу добра со злом, в которой судьба человека не столь уж ничтожна. Однако как раз эти изменения сделали Лавкрафта, при жизни не слишком популярного, культовым автором. Репутацию его как «отца литературы ужасов» создал именно «посмертный соавтор». Удачно вписавшись в интерес к мистике и фэнтези, Дерлет положил начало многолетней славе «Мифов Ктулху» и их создателя.

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА-2011: Сборник
Москва: Эксмо, 2011. - 736 с.
10 000 экз.

Ставший традиционным ежегодный сборник фантастики от «Эксмо» представляет наряду с уже знакомыми читателю «Если» рассказами Евгения Лукина «Попрыгунья-стрекоза» и Натальи Резановой «Печальный остров» «контрпрогрессорскую» повесть Виталия Каплана «Трудно быть чертом», притчу Марины и Сергея Дяченко «Жук», рассказы Олега Овчинникова и Василия Головачева. Ну а еще в таких антологиях обычно обкатывают свои тексты более молодые или менее известные широкой читательской публике (но знакомые фэндому) авторы.

К сожалению, почти половину довольно толстой книги (это, пожалуй, один из главных недостатков подобных сборников) составляют тексты, которые открытием года явно не станут: идеи, положенные в основу рассказов, мягко говоря, не новы. Пожалуй, пора бы и задуматься, почему так часто фантасты из всего спектра идей и способов изложения выбирают самые тривиальные.

Тем не менее, помимо нескольких ожидаемых удач мастеров, нам предстоит и неожиданное открытие: сборник в буквальном и переносном смысле открывает повесть «Прощание с Баклавским» - «фрагмент романа-мозаики «Кетополис: Киты и броненосцы» некоего Грэя Ф.Грина «в пересказе Ивана Наумова». Если перед нами действительно фрагмент некоего совместного (или в одиночку задуманного и выполненного) проекта, то читатель в скором времени может получить текст, обещающий стать этапным для развития отечественной фантастики. Как можно понять на основании предложенного фрагмента, мы скоро получим собственный стильный стимпанк, возможно, опрокинутый в будущее и наложенный на сложную и лишь частично приоткрывающуюся в данном фрагменте геополитическую карту мира.

Хотелось бы также обратить внимание читателя на забавную, печальную и несколько мизантропическую интерпретацию «Собачьего сердца» Александра Сивинских. «Четырнадцатый», несмотря на ряд логических нестыковок, один из самых запоминающихся рассказов сборника.

Мария Галина

Джон Р.Р.ТОЛКИН
ЛЕГЕНДА О СИГУРДЕ И ГУДРУН

Москва: АСТ, 2011. - 416 с.
Пер. с англ. С Лихачевой, М.Артамоновой.
35 000 экз.

В постоянном обновлении списка неизвестных и неизданных текстов Профессора давно нет ничего необычного. Разбор архивов писателя его сыном К.Толкином продолжается не одно десятилетие. Подавляющая часть написанного, увы, так и осталась в черновиках (не исключение, между прочим, и знаменитый «Сильмариллион»). Так что для желающего понять Толкина глубже знакомство с этим материалом неизбежно.

«Легенда о Сигурде и Гудрун» - во многом уникальный текст. Во-первых, это единственная из больших поэм Толкина, которая была им завершена, в отличие от писавшихся примерно в те же 1920-е поэм на «средиземские» сюжеты. Во-вторых, это вообще одно из немногих крупных произведений, завершенных писателем и в то же время оставшихся у него «в портфеле». Когда же много лет спустя Толкин задумался о публикации, искомый «портфель» оказался утерян. Наконец, «Легенда...» представляет собой не фрагмент «Легендариума», а обработку древнего германского эпоса. Это самая масштабная из таких обработок, предпринятых Толкином за долгую научно-литературную жизнь.

Впрочем, видеть в «Легенде...» просто пересказ трагического сказания, известного нам по «Старшей Эдде» и «Песни о Нибелунгах», - непростительная ошибка. Толкин не был бы собой, если бы не наделил свои «Новые песни» современными смыслами. Убеждения автора, во многом противоречившие мрачному пафосу языческого эпоса, то и дело прорываются в текст. И многие тончайшие нити связывают мир «Легенды...» с еще не получившим этого названия Средиземьем. Неудивительно - ведь мотивы древнего эпоса уже тогда стали опорой для создания мира Толкина. И само написание «Легенды...», вне всякого сомнения, явилось важным этапом в сотворении собственной мифологии, позволявшей автору выразить свои взгляды на мир, в котором существовал писатель.

Сергей Алексеев

Анна КАВАН
ЛЁД
Москва: Ad marginem, 2011. - 288 с.
Пер. с англ. Д. Симоновского.
3000 экз.

Брайан Олдисс причислил Каван к великим мастерам НФ, а Брюс Стерлинг назвал «Лёд» шедевром жанра «слипстрим»... Теперь роман добрался и до нас.

Из-за взрыва некоего «ядерного устройства» происходит смещение полюсов и изменение климата. Но посткатастрофический ледяной мир - лишь декорация истории маниакальных поисков одним из главных персонажей девушки-психопатки с белыми волосами... В странном мире романа-завихрения реальность для героя - что-то вроде неизвестной величины: «У меня возникло удивительное ощущение, что я живу одновременно в нескольких измерениях, и измерения эти, находя одно на другое, создавали невообразимую путаницу».

Роман изобилует странностями: у персонажей нет имен (одного из вечного треугольника называют просто Правителем), хронотоп не локализован, главный герой подвержен «видениям», неожиданно врываются в текст и затем бесследно рассеивающимся - и никаких тебе «научных» объяснений... Это и есть «слипстрим», где обостренные чувства гораздо важнее логики причинно-следственных связей. Пусть человечеству с его безумной страстью к гибели «пришел конец», но мы-то еще живы! «Надо было снова пускаться на поиски. Снова и снова - это было похоже на проклятие».

Многое прояснится, если хоть немного познакомиться с жизнью автора незаурядной книги. Элен Эмили Вудс Эдмондс (1901-1968) употребляла наркотики более сорока лет, лечилась в психиатрических больницах, была склонна к суициду, умерла от передозировки, но тем не менее написала двенадцать книг реалистической и сюрреалистической прозы, а также с успехом занималась живописью, фотографией, дизайном и путешествовала по всему миру. Кстати, Анна Каван - это имя героини романа «Оставьте меня в покое». Незадолго до Второй мировой войны писательница утвердила это литературное имя в своем гражданском паспорте. «Сестра Кафки» - не зря ее так называли!

Валерий Окулов

Келли ЛИНК

МИЛЫЕ ЧУДОВИЩА. Сборник

Москва: Livebook - Гаятри, 2010. - 400 с.

Пер. с англ. И.Копыловой и др.

3000 экз.

Десять повестей и рассказов сборника успели собрать впечатляющий букет наград: две «Небьюлы», одну «Хьюго», Всемирную премию фэнтези и премию Британской ассоциации НФ. Согласитесь, не всякий

автор, еще не успевший обзавестись званием живого классика, может похвастать такой коллекцией!

В жанровом отношении - преимущественно фэнтези и хоррор, хотя есть в книге и традиционная НФ. Это повесть «Серфер», которая рассказывает о будущем, когда от США отделились несколько штатов...

Героями рассказов Линк чаще всего оказываются эдакие фрики. В жутковатом рассказе «Не та могила» герой кладет в гроб умершей подружки свои стихи, а потом раскапывает могилу, чтобы забрать собственные творения. Хоррор в чистом виде демонстрирует повесть «Магия для чайников». Блестяще закручен сюжет в рассказе «Шляпа Специалиста» об игре двойняшек в «мертвых», происходящей в очень старом доме. Литературными забавами и сюжетными головоломками наполнена повесть «Милые чудовища».

Но есть в сборнике и классическая литературная сказка «Волшебный ридикюль» - о деревне чудаковатых долгожителей, и почти традиционная фэнтези о подростках: юные герои «Колдунов из Перфила» убеждены, что ни один волшебник не принес человечеству никакой пользы, поэтому они сами становятся чародеями, чтобы нести людям добро... Изумителен рассказ «Констебль из Абала» - история взросления юной богини...

Все эти немного странные, а часто и жутковатые истории тем не менее отличают блестящий литературный стиль и подчеркнутое внимание к психологии героев. Но самое главное, что подкупает в текстах американского автора, - искренняя, почти саймаковская любовь даже к самым нелепым персонажам.

Валерий Окулов

ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ!

Не секрет: для наших уважаемых экспертов интернет-голосование - это возможность печатно поговорить о наблевшем. Но популярный фантаст Юрий Бурносков не только дал волю праведным эмоциям, но и представил читателям полновесный критический обзор темы. Словом, давайте поразмышляем над вопросом: «Почему сейчас так востребованы книги о «попаданцах» в прошлое России?».

Ответы распределились следующим образом:

В стране возрождается интерес к собственной истории - 8%;

О «попаданцах» всегда много писали, просто сейчас пошла очередная

волна - 8%;

Эта тема - раздолье для графомана! - 20%;

Любому с детства интересно прикинуть: а что сделал бы я на месте Сталина, Ивана Грозного, Екатерины Второй и др.? - 27%;

В «официальной» истории сейчас такая ересь, что фантастам до историков все равно далеко - 17%;

У таких книг обычно особенно яркие и дурацкие обложки - 3%;

А я не считаю, что подобные книги востребованы - 16%.

Всего в голосовании приняли участие 527 человек.

Я знаю русских.

Дебилов они не убивают.

Рой Якобсен.
«Ангел зимней войны»

Когда я готовился к написанию этой статьи, то попросил ЖЖ-френдов напомнить мне, что у нас вообще было в мировой фантастической литературе о так называемых «попаданцах». Френды отозвались быстро и буквально забросали меня примерами. Я запоздало сообразил, что надо было как-то сформулировать сам термин «попаданчества», ибо по здравом рассуждении к ним можно отнести массу персонажей. Но это вряд ли спасло бы меня. Допустим, что «попаданец» в интересующем меня случае - это некий герой, который попадает в прошлое, дабы там как-то пользоваться знаниями и умениями, по понятным причинам отсутствующими у прочих. Ограничимся именно временными перемещениями, оставив в стороне орды бывших спецназовцев, угодивших к эльфам и гномам. Круг сужается, но не слишком. Чем, например, Евангелие не подходит под предложенную дефиницию? Иисус - Сын Божий, следовательно, прозревает будущее и, таким образом, обладает знаниями и умениями, отсутствующими у других персонажей.

Впрочем, это лирическое отступление. Опытные ораторы рекомендуют начинать даже серьезные речи с какого-нибудь анекдота или поучительной жизненной истории. Так вот, считайте, что я вам такую историю рассказал. Да и писать некую общеобразовательную лекцию о «попаданческой» фантастике я в итоге передумал, обнаружив вполне дельную статью про сей предмет на сайте lurkmore.ru.

А опрос на тему «Почему сейчас так востребованы книги о «попаданцах» в прошлое России?» - возник у меня неслучайно. В самом деле, если не так давно писатели интересовались друг у друга: «А чего у тебя в новом романе вампиры делают?», то теперь впору спрашивать: «А кто и в какой год у тебя попал?». На полках книжных магазинов томных андрогинных вурдалаков заметно потеснили обложки, на которых Троцкий разрывает пасть Сталину, Лаврентий

Палыч Берия позирует на Т-72, а Николай Второй предстает с миниганом в руках... Недаром один из вариантов ответа звучал: «У таких книг обычно особенно яркие и дурацкие обложки». Правда, всего три процента набрал, но в каждой шутке, как говорится, есть доля шутки.

Победил же, как видите, вариант «Любому с детства интересно прикинуть: а что сделал бы я на месте Сталина, Ивана Грозного, Екатерины Второй и др.?» Больше четверти ответивших думают именно так; сам я, признаться, поначалу не определился до конца между этим вариантом и занявшим второе место ответом «Эта тема - раздолье для графомана!». А потом понял: подобную ситуацию интересно прикинуть всем, но вот пишут-то об этом чаще всего банальные графоманы. И они даже успели наплодить себе особый вид читателя.

А чего, в самом деле, голову ломать? Достаточно иметь под рукой пару-тройку книжек, скажем, об авиации. Это ж благодать! Открываем и смотрим: ага, был такой истребитель И-185 у конструктора Поликарпова, в серию по разным причинам не пошел. Вот и сюжетец. Попадает, стало быть, в 1939 год... э-э... ну-у... программист. На досуге модельки самолетиков клеил, пластмассовые. Приходит он к Поликарпову, рассказывает ему про И-185 с учетом известных недостатков и проблем. Поликарпов делает чертежи, несет их вместе с программистом к Сталину, Сталин быстренько велит построить десять тысяч таких истребителей, и вот уже все пьют трофейный шнапс в Берлине. Причем программист - дважды Герой Советского Союза и сбил триста немецких асов, потому что раньше неплохо рубился на компе в «Ил-2 штурмовик».

Вам небось смешно, если вы со стороны наблюдаете, а я в последнее время прочитал подобных книг десятка два - изданных и пока нет.

Что интересно, нормальный человек в боевое прошлое попадает редко. Черта с два это бухгалтер или таксист-бомбила. Нет, это или военный (можно - бывший, милиционер тоже сгодится), или ролевик, или военно-технический историк, или просто спортивный молодой человек, как в «Скаутском галстуке» Верещагина, где юный герой легко укладывает хитрыми приемчиками здоровенных эсэсовцев. «Попаданец» отлично знает устройство танка Т-34, авианосца, реактивного самолета, автомата Калашникова, технику боя на мечах, составы сплавов, ну и, естественно, последовательность и точные даты важных исторических событий. Ему раз плюнуть вспомнить что-нибудь типа: «Ага, сегодня 12 мая сорок второго года. Значит, ровно в 14:35 корпус генерала фон Ризеншнауцера начнет смену дислокации».

Тут мне сразу вспоминается рассказ (не помню автора и название), в котором некий гражданин попадает в прошлое и предлагает тамошнему феодалу наделать ружей, танков и самолетов. Феодал

радостно соглашается, но тут до гражданина доходит, что он-то весьма поверхностно представляет себе, как это все работает, не говоря уж о производстве. И кончается это для него плохо.

Да и мой первый опубликованный рассказ «Песня Сольвейг» был примерно о том же: молодой сотрудник НИИ Времени из XXI века, возомнив себя стратегом, надевает генеральскую форму, изготавливает документы и отправляется в начало Великой Отечественной. Где тут же попадает в плен и гибнет при попытке к бегству, успев, впрочем, понять нелепость своего поступка. Рассказ был очень даже слабенький, но правдивый. Видимо, любой среднестатистический человек кончил бы точно так же. В лучшем случае сидел бы, не отсвечивая, вместо того чтобы бежать к Сталину или Петру Первому с зарисованной по памяти на промокашке схемой баллистической ракеты.

«Но мы же хотим, чтобы интересно! - обиженным хором скажут мне авторы. - Кому надо, чтобы в сорок первый год угодил очкарик-шахматист, который даже не читал Конюшевского и не играл в «Блицкриг» и «Противостояние»?!» Да я не против - чтобы интересно; хочется - чтобы достоверно. А вот достоверностью подобные произведения никак не грешат. И дело даже не в каких-то тактико-технических характеристиках танков и самолетов, о которых потом любят грызться на военно-исторических форумах. Людишки картонные, и дела у них тоже картонные. И идут они с ними к картонному Сталину, чтобы победить картонного Гитлера. У большинства героев даже неожиданное перемещение во времени не вызывает особого стресса. Собирал грибы, упал в канаву, очнулся: «Ой, где это я?! А это что там? Ой, да это ж немцы! Наверное, я на войне!». И тут же хват ближайшего немца по кумполу корзинкой с груздями - вот тебе сразу и «шмайсер», можно начинать победоносную войну. Дома небось мама морги обзванивает, девушка вся в слезах, друзья третью бутылку за упокой допивают - а герою по барабану. У него мечта сбылась.

Отдельно надо сказать о так называемых «хомяках», которые перекочевали в «попаданческую» альтернативку из иной ветви фантастической литературы - постапокалипсиса. Термин удачный и емкий, как нельзя лучше подходящий к подобным героям. Как правило, это люди, которые сразу начинают стаскивать к себе все, что плохо лежит. Пушка - тащим пушку. Покойник - сапоги с покойника, форму, документы. Много покойников - много сапог, можно потом в соседней деревне на самогонку обменять. Как говорится, кому война, кому - мать родна. Это, наверное, неудачливые предприниматели-банкроты пишут, иначе и объяснить не могу...

Есть, правда, авторы, сильно выделяющиеся из общего потока. Скажем, Олег Курылев, у которого я читал три вещи: «Убить фюрера», «Шестая книга судьбы», «Руна смерти». Там в прошлое тоже попадали

специалисты, но притом вполне обычные люди, которые пытались как-то устроиться в новой жизни, пугающей и непривычной, а не бежали с автоматом в лес. Курылев - педант, специалист по немецкой геральдике, орденам, знаменам, форме и т.п. От этого несколько страдала его стартовая «Руна смерти», где описанию какой-нибудь кокарды могло уделяться больше страницы. Но и на чисто людские страсти авторского мастерства вполне хватало, причем оно постоянно возрастало. Третья книга, «Убить фюрера», по сути, стала идеальным (для меня) образцом современного российского «попаданческого» романа. Вот только массовому читателю она пришлась не по вкусу. Что интересного, в самом деле: два человека из XXI века, попавшие в начало века XX, пользуясь багажом знаний, играют на скачках, покупают и продают акции, проворачивают некие аферы, мимоходом пытаюсь посадить на «Титаник» молодого Гитлера (не утоп, выплыл). Стрельбы почти нет, и кому важно, что исторические реалии продуманы и проверены до мельчайших деталей, а сюжетные перипетии не позволяют выпустить книгу из рук?

Потому-то подобные вещи единичны. Студенты и школьники, побивающие немцев, куда интереснее. Кстати, вспомнился мне - и предстал немного в новом свете - известный фильм «Мы из будущего». Там-то главные герои, угодившие «в войну», ведут себя довольно реалистично: думают, как бы отсидеться в окопе во время атаки и смыться поскорее обратно в мирное время.

Если же вернуться к опросу, то нельзя не обратить внимание на занявший третье место вариант «В «официальной» истории сейчас такая ересь, что фантастам до историков все равно далеко». Так и есть, причем небезызвестный Суворов-Резун по сравнению со вскормленными на его пастбищах бешановыми и солонинными уже выглядит почти серьезным ученым. Но беда в том, что фантастам до таких «историков» как раз не далеко, а очень даже близко. Происходит сращение, и взаимопроникновение, а уж схожесть названий и обложек иных псевдоисторических трудов и «попаданческих» романов и подавно путает потребителя. Поэтому ничего удивительного, если лет через пять юный читатель будет недоумевать, с чего бы мы отступали в сорок первом, имея автоматы Калашникова и танки Т-90.

Под занавес не удержусь, чтобы не вспомнить еще один рассказ (автора снова не помню, но напечатан он был в одной из газет в 1990-х) - пародию на штампованные романы про советских разведчиков. Главный герой там приезжал из Москвы в Берлин и с ужасом обнаруживал, что у немецких кадровиков вся приемная забита такими же русскими шпионами, прибывшими трудоустроиваться. Вакансий для шпионов не хватало, и только по большому благу героя пристроили в какую-то фронтовую часть, где он с ужасом задумался, с кем же, собственно, СССР воюет?!

По-моему, уже пора писать подобный рассказ о «попаданцах». Указывают на это и результаты нынешнего голосования...

Юрий БУРНОСОВ

Курсор

Курсор

Очередные экранизации знаменитых фантастических произведений задуманы 7 разными киностудиями. Рассказ Лавкрафта «Хребты безумия» перенесет на экран суперкоманда в лице продюсера Джеймса Камерона, режиссера Гильермо дель Торо и актера Тома Круза. А роман Джона Скальци «Обреченные на победу» действительно обречен на победу - ведь снимать фильм студия Paramount предложила знаменитому Вольфгангу Петерсену. Также в Paramount решили взяться и за киберпанк. Классический роман этого жанра - «Лавина» Нила Стивенсона - предложено воплотить не экранные Марку Уэббу. А шедевр Филипа Дика «Убик» в недалеком будущем адресует зрителю Мишель Гондри, известный по «Зеленому шершню».

Готовятся сразу три киноистории из жизни Дракулы. Хорошо знакомый любителям хоррора итальянец Дарио Ардженто просто переснимет в своей художественной манере роман Стокера и назовет его, не мудрствуя лукаво, Dracula 3D. Роль Ван Хельсинга в этом фильме исполнит ветеран Рутгер Хауэр.

А вот американец Дэвид Слэйд в картине «Последний рейс «Деметры» экранизирует лишь одну главу из романа Брэма Стокера: граф плывет в Англию на корабле «Деметра», попутно закусьвая экипажем и пассажирами. На главную роль в фильме планируется Джуд Лоу.

Студия Warner собирается запустить картину «Харкер». Этот фильм представит историю о графе Дракуле под совершенно другим углом. Главным героем станет еще один персонаж романа Стокера - детектив из Скотланд-Ярда Джонатан Харкер. Продюсировать картину будет компания Arrian Way, принадлежащая Леонардо ДиКаприо, а режиссером станет Жауме Сера. Сам ДиКаприо сниматься в ленте не планирует. А ведь неплохо бы смотрелся в роли кровавого графа!

Олег Дивов выступил в неожиданной ипостаси. В издательстве «Эксмо» вышла его книга «Не прислоняться». Это документальный роман, повествующий о буднях машиниста метро, изобилующий байками, историческими экскурсами и советами пассажирам.

Соавтором Олега по этой книге стал популярный блогер Макс Рублев, известный как Метроэльф. Макс уже много лет работает машинистом метро и делится своими наблюдениями в блоге.

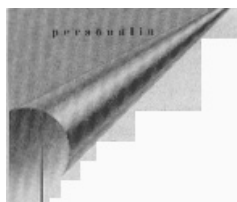
Призы Киноакадемии 83-й раз вручались на церемонии, состоявшейся 27 февраля. Результаты оказались для фантастического кино не такими провальными, как в прошлом году. И хотя «Оскары» в основных номинациях достались реалистическим фильмам, большинство «технических» категорий собрала кинофантастика. В основном благодаря ленте Кристофера Нолана «Начало». Она завоевала призы в номинациях «Лучшая операторская работа», «Лучший звук», «Лучший монтаж звука» и «Лучшие спецэффекты». Фильм Тима Бартона «Алиса в Стране чудес» первенствовал в категориях «Лучшее художественное оформление» и «Лучший костюм», а в номинации «Лучший грим» вполне ожидаемо победил «Человек-волк». Мультфильм «История игрушек 3: Большой побег», кроме победы в категории «Лучший полнометражный мультфильм», отметился также лучшей песней.

А вот в традиционно предшествующей «Оскару» церемонии награждения худших лент года фантастике тоже досталось... «Повелитель стихий» Найта Шьямалана отметился попокойней: «Худший фильм», «Худший режиссер», «Худший актер второго плана» и в только что созданной номинации «Самое глазодолбящее и ненужное использование 3D».

Фильмы о жизни знаменитых фантастов можно снимать по-разному. Так, продюсер Сью Стюарт и компания Motion Picture начали работу над документальной лентой «Перо Леди: Посвящение Андре Нортон». Картина поведаст о раннем периоде творчества «первой леди» фантастики. Премьера состоится в будущем году.

В совсем другом стиле расскажет о юных годах классика фэнтези художественный фильм «Странные приключения Г.Ф.Лавкрафта». Оказывается, в молодости в руки писателя попала некая книга, после чего он стал объектом внимания монстров из дальнего космоса. Сценарий по мотивам одноименного комикса написал Джон Огост, режиссером, вероятно, станет Рон Ховард.

Агентство F-пресс

personalia

ВОРОН Елена Вячеславовна

Петербургская писательница и переводчик родилась в 1963 году в Ленинграде. Окончила английское отделение филологического факультета ЛГУ и аспирантуру; кроме того, имеет специальность военного переводчика. За время студенческой и аспирантской учебы перепробовала множество профессий: работала гидом-переводчиком, машинисткой, официанткой, укладчицей булок на хлебокомбинате, лаборантом в медицинской лаборатории. В настоящее время преподает английский язык в Невском институте языка и культуры. Е.Ворон принимала участие в работе Студии молодых писателей-фантастов под руководством А.Ф.Бритикова и А.Д.Балабухи. Активно публикуется как автор фантастики и детективов с конца 1990-х. Перу Е.Ворон принадлежат такие книги, как «Без права на смерть, или Лоцман на продажу» (2003) и «Ангелы-хранители работают без выходных» (2009).

ГАЛИНА Мария Семёновна

Писатель-фантаст, поэт и литературный критик Мария Галина родилась в 1958 году в Твери. Окончила биологический факультет Одесского университета. Получив степень кандидата биологических наук, работала в НИИ гидробиологии, занималась проблемами окружающей среды в Бергенском университете (Норвегия). В 1990-е годы сменила науку на литературу, а также Берген на Москву. В настоящее время работает в отделе критики и публицистики журнала «Новый мир».

Дебютировала в 1982 году поэтическими публикациями. Как писатель-фантаст выступает с 1996 года - когда вышла серия романов в жанре «фантастического боевика» под псевдонимом Максим Голицын. Под собственным именем выпустила несколько книг в жанрах сатирической фэнтези, хоррора и НФ: «Покрывало для Аваддона» (2002), «Прощай, мой ангел» (2002), «Гиви и Шендерович» (2004), «Берег ночью» (2007), «Малая Глуша» (2009) и другие. С середины 1990-х активно выступает в роли литературного критика, нередко на страницах журнала «Если».

М.Галина дважды становилась дипломантом «Если» (за критические

выступления). Она лауреат литературных премий «Портал», «Звездный мост», «Золотой Роскон», «Бронзовая улитка» и двух поэтических наград - «Большой Московский счет» и «Antologia».

ГРИГОРОВ Александр Николаевич

Молодой украинский фантаст родился в 1978 году в Харькове, где живет по сей день. Окончил Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет, но в качестве основной профессии избрал журналистику. Долгое время был активным участником разнообразных сетевых конкурсов - так рассказы начинающего автора попали в сборники «Хищные вещи» (2005) и «Город мастеров» (2006). В 2006 году рассказ «Мысли вслух» А.Григорова победил в конкурсе «Альтернативная реальность» журнала «Если».

ДЯЧЕНКО Марина Юрьевна ДЯЧЕНКО Сергей Сергеевич

К моменту образования творческого (и семейного) союза Сергей Дяченко (р. 1945), профессиональный врач-психиатр и спортсмен-подводник, кандидат биологических наук, участник многих научных экспедиций и выпускник сценарного факультета ВГИКа, уже успел стать заметной фигурой в кинематографе. Ему принадлежат сценарии многих документальных и научно-художественных картин: «Звезда Вавилова», «Николай Вавилов», «Голод-33» и других. Как кинодраматург он неоднократно премировался на всесоюзных и международных кинофестивалях.

Биография Марины Ширшовой (р. 1968) также тесно связана с театральным-кинематографическим миром. Она профессиональная актриса театра и кино (окончила актерское отделение и аспирантуру Киевского театрального института, где в течение многих лет преподавала искусство сценической речи).

Жанровым дебютом супругов стал фэнтези-роман «Привратник» (1994), завоевавший сразу две престижные награды: приз «Хрустальный стол», за лучшее произведение украинской фантастики, и поощрительный приз «Еврокона». На счету соавторов несколько известных книг: «Ритуал» (1996), «Ведьмин век» (1997), «Казнь» (1999), «Корни камня» (1999), «Армагед-дом» (2000), «Долина совести» (2001), «Последний Дон Кихот» (2001), «Пандем» (2003), «Трон» (2003), «Авантюрист» (2005) и других. Вышедший в 2007 году роман «Vita Nostra» собрал полный букет жанровых наград. В наградном листе М. и С.Дяченко - «Сигма-Ф» (неоднократно), Мемориальная премия им.

Кира Булычёва, «Бронзовая улитка», «Аэлита», «АБС-премия», «Странник», «Интерпресскон» и многие другие призы.

В 2001 и 2005 годах изданы романы, написанные в соавторстве с Г.Л.Олди и А.Валентиновым - «Рубеж» и «Пентакль». Кроме того, супругами Дяченко создан целый ряд сказочных произведений для детей.

В 2009 году супруги переехали из Киева в Москву.

КАЗАКОВ Дмитрий Львович

Родился в 1974 году, живет в Нижнем Новгороде. Высшее образование получил в Нижегородском государственном техническом университете, защитил кандидатскую диссертацию по социологии. Работал грузчиком, интернет-журналистом, преподавателем в родном вузе. С 1999 года - профессиональный писатель.

Дебютом в фантастике стал рассказ «Легенда о ловце ветра» в альманахе «Фантастика XXI» (1999). С тех пор выпустил около 20 книг в различных жанрах - от фэнтези до боевой НФ, в том числе такие романы, как «Я, маг!» (2002), «Высшая раса» (2005), «Мера Хаоса» (2005), «Демоны Вальхаллы» (2006), «Врата Порядка» (2007), «Сердце пламени» (2008), «Русские боги» (2009), «Грязная магия» (2009), «Вопрос верности» (2010), «Удар молнии» (2011), и другие. Произведения Д.Казакова несколько раз завоевывали награды международного фестиваля фантастики «Звездный мост».

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

Петербургский писатель-фантаст Святослав Логинов родился в 1951 году в городе Уссурийск-Приморский, но всю жизнь прожил в Ленинграде - Санкт-Петербурге. Закончил химфак ЛГУ.

Первая публикация автора - рассказ «По грибы» - появилась в 1975 году. Книжный дебют писателя состоялся в 1990-м, когда увидели свет сразу два авторских сборника - «Быль о сказочном звере» и «Если ты один». Последовавший за этим роман «Многорукий бог далайна» (1995) принес автору три премии - Беляевскую, «Интерпресскон» и «Золотой Дюк». Перу С.Логинова принадлежат книги: «Черная кровь» (1996; в соавторстве с Н.Перумовым), «Земные пути» (1999), «Картежник» (2000), «Мед жизни» (2001), «Свет в окошке» (2002), «Имперские ведьмы» (2004), «Дорогой широкой» (2005) и другие. В 2006 году писатель получил сразу две премии за публикации в журнале «Если» - «Интерпресскон» (рассказ «Лес господина графа») и Мемориальную премию им. Кира Булычёва (рассказ «Барская

пустошь»), в 2009-м был удостоен приза читательских симпатий «Сигма-Ф» за рассказ «Без изъяна».

РЕЗАНОВА Наталья Владимировна

Нижегородская писательница, эссеист, критик и редактор Наталья Резанова родилась в 1959 году. Филолог по образованию, работала на местном ТВ и в различных нижегородских издательствах. В 1980-1990-е Н.Резанова - активистка КЛФ-движения, долгое время возглавляла городской КЛФ «Параллакс», редактировала одноименный литературный и критико-публицистический фэнзин.

Первой прозаической публикацией стал рассказ «Вид с горы» (1989). Спустя 10 лет состоялся и книжный дебют - в 1999 году увидели свет сразу два фантастических романа Н.Резановой «Последняя крепость» и «Открытый путь». Первый из них в 2000-м был удостоен премий «Старт» и «Большой Зилант» за лучший дебют в жанре. С тех пор писательница, одна из самых заметных представительниц интеллектуальной и исторической фэнтези, выпустила около десяти книг: «Удар милосердия» (2002), «Чудо и чудовище» (2003), «Ветер и меч» (2004), «Кругом одни принцессы» (2003), «Явление хозяев» (2005; премия «Портал»), «Дети Луны» (2006) и другие.

Подготовил Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Уважаемые читатели!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.

Цена действительна на номера 2011 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	<p>Форма № ПД-4</p> <p>ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа)</p> <p>ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа)</p> <p>БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 (номер кор./сч. банка получателя платежа)</p> <p>КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2</p> <p>Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа 540 руб. 00 коп.</p> <p>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого _____ руб. _____ коп.</p>
	Кассир
Квитанция	<p>ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа)</p> <p>ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа)</p> <p>БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 (номер кор./сч. банка получателя платежа)</p> <p>КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2</p> <p>Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа 540 руб. 00 коп.</p> <p>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого _____ руб. _____ коп.</p>
	Кассир

Извещение

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

№ _____

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

в _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 30101810900000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев

(наименование платежа)

540

00

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

(ИНН получателя платежа)

№ _____

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с30101810900000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев

(наименование платежа)

540

00

Квитанция
Кассир

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел
распространения.**

Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177)

e-mail: sales@lubkniga.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

Форм. 100/01-02
04.03.2002

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Джона ХЕМРИ
«ГДЕ ПРОХОДИТ ГРАНЬ»**

РАССКАЗЫ

**Евгения ГАРКУШЕВА,
Пола ди ФИЛИППО, Елены ДОЛГОВОЙ,
Генри СТРАТМАННА, Андреаса ГРУБЕРА**

ОБЗОР

Глеба Елисеева: проблемы климата

**ЧИТАЙТЕ МАЙСКИЙ
ВЫПУСК «ЕСЛИ»**

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.**

**Стоимость подписки на 1 месяц – 87 рублей,
включая почтовые услуги.**

Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Джона ХЕМРИ
«ГДЕ ПРОХОДИТ ГРАНЬ»**

РАССКАЗЫ

**Евгения ГАРКУШЕВА,
Пола ди ФИЛИППО, Елены ДОЛГОВОЙ,
Генри СТРАТМАННА, Андреаса ГРУБЕРА**

ОБЗОР

Глеба Елисеева: проблемы климата

ЧИТАЙТЕ МАЙСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и
«Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118. Стоимость подписки на 1 месяц - 87 рублей,**

включая почтовые услуги. Подписка ведется во всех отделениях СВЯЗИ.

Добро пожаловать в интернет-магазин «ПОЛЕЗНОЕ ВИДЕО»! Здесь вы можете купить самые лучшие обучающие видеосериалы и видеокурсы-самоучители на DVD, познавательные и документальные фильмы. Удачных Вам покупок!

Множество оригинальных видеосериалов и курсов по самым популярным направлениям

ПОЛЕЗНОЕ ВИДЕО

ISSN 1680-645X 11004
9 771680 645003

poleznoevideo.ru
(499) 248-7406, (495) 585-7316, (495) 585-7312

Сканирование, распознавание, вычитка - Глюк Файнридера